

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОЧИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҶРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 4 (36) 2023

Мачаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол ҷаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Мачалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 174/МҔ-97 15 явари соли 2021 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Мачалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати мачаллаҳои илмии тақризшавандай Комиссияи олии аттестаціонии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 февраляи соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи мачаллаҳои илмии тақризшавандай Комиссияи олии аттестаціонии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидаст.

САРМУҲАРРИР: *Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктори илмҳои таърих, профессор*

МУҲАРРИРИ МАСҔУЛ: *Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор*

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;

Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдулло ҒАФУРОВ - номзади илмҳои таърих, дотсент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;

Аскаралий РАҔАБОВ - доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА - номзади илмҳои таърих;

Нуриддин САЙФУЛЛОЕВ - номзади илмҳои таърих;

Сайдмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;

Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;

Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);

Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия, доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);

Франсис РИШАР - узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса);

Анри-Пол ФРАНКФОР – узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 4 (36) 2023

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 174/MX-97 от 15 января 2021 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктор исторических наук, профессор

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;
Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;
Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;
Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;
Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;
Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;
Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;
Сайдмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;
Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;
Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);
Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Франсис РИШАР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);
Анри-Поль ФРАНКФОР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция).

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 4 (36) 2023

The scientific-theoretical journal «Historian» founded in 2015, issues four times a year in Tajik, Russian and English languages. The journal is registered in the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under the № 174 / MJ-97 dated of January 15, 2021.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: Nasrullo UBAYDULLO *Dr. of History, Professor*

EXECITIVE EDITOR: Hamza KAMOL *Dr. of History, Professor*

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan;

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan

the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;

Abdullo GAFUROV - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

Larisa DODKHUDOVA - Dr. of History, Professor;

Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;

Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;

Nuriddin SAYFULLOEV - Candidate of History;

Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;

Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;

Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);

Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS, Dr. of History, Professor (Russia);

Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);

Henri-Paul FRANKFOR - is a foreign member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (France).

— МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN –
МУНДАРИЧА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

ҲАМЗА КАМОЛ. Муборизаи Яъкуби Лайси Саффорӣ бар зидди хилофати араб барои истиқолли Хурросони Бузург (баррасӣ бар асоси манобеи таърихӣ)	5
АМИРШОЕВ С.Н. Морских путешествий Чжэн Хэ (Мухаммада Хаджи) - таджикского мореплавателя и дипломата в средневековом Китае	13
МУКИМОВ Р.С. Искусство градостроения в IX-X вв.	24
МАМАТКУЛОВ Д.А. Водные ресурсы в среднем и нижнем течении бассейна река Сырдарьи и их ис- пользование в эпохе Кокандского ханства (по материалам трудов русских ученых и путешественников)	36
МИРЗОЕВ Ш.Ч. Муносабатҳои сиёсии Фуриён бо Ғазнавиён	44
АБДУРАШИТОВ Ф.М. Успехи и перегибы колхозного движения в Таджикистане в 30-е годы XX в.	50
ЗОКИРОВ Р.Ш. Аз таърихи меъмории манзили истиқоматӣ дар охири асри XIX ва ибтидои асри XX-и шимоли Тоҷикистон	58
САИДЗОДА И. А. Муҳиддинов-ходими барчастаи давлатӣ ва сиёсии солҳои 20-уми асри XX	70

**ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАҶҲАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
- HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY**

ҲАЙДАРШО ПИРУМШО. Таърихнигории вазъи кишоварзии аҳди Сомониён	78
ШАРИФЗОДА А. «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» - и Ахавайнӣ – қадимтарин асари тибӣ ба забони форсӣ-тоҷӣ	87
РАҶАБЗОДА Р. Ш. Таърихи таҳқиқи катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро	95
АБДУЛЛОЕВ А. Китоби «Таърихи Яминӣ» ва шарҳҳои он	102

МАРДУМШИНОСӢ - ЭТНОГРАФИЯ – ETHNOGRAPHY

ИБРОХИМОВ М.Ф., СОХИБНАЗАРОВ М.Д. Текстильная деятельность таджиков Афганистана в конце XIX – начале XX вв.	106
ХОШИМОВА Ш.Ф. Вклад женщин - ремесленниц в экономическое и социально-культурное развитие Таджикистана в 70-80-е гг. XX века.....	111
БАЯЗИТОВА Р. Р. Отражение традиционной культуры народов Центральной Азии в романе Садриддина Айни «Рабы».....	118

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

ХАРИТОНОВ Р.М. Основные направления применения сложного лука в традиционной культуре Бурят	126
НАВРУЗБЕКОВ М. Н. Антропология сокинони Варорӯд дар ибтидои асрҳои миёна	137
КАЛАНДАРОВА О. И. Символ руки на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и Согда.....	145

115 - УМИН СОЛГАРДИ ТАВАЛЛУДИ АКАДЕМИК Б. ГАФУРОВ

115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА

115 -TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN B. GAFUROV

КЕНҶАЕВ М.Ч., АФСАҲОВА Н.С. Бобоҷон Гафуров – муаррих ва ховаршиноси маъруф.....	152
---	-----

**ЁДАШ ҶОВИДОНА ДАР ДИЛИ МОСТ – ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ В НАШИХ СЕРДЦАХ –
ETERNAL MEMORY IN OUR HEARTS**

Памяти Никиты Викторовича Семенова	167
--	-----

УДК 94 (551.24) "879/999"+930

МУБОРИЗАИ ЯҶӮБИ ЛАЙСИ САФФОРӢ БАР ЗИДДИ
ХИЛОФАТИ АРАБ БАРОИ ИСТИҚЛОЛИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ
(баррасӣ бар асоси манобеи таъриҳӣ)¹

Ҳамза КАМОЛ,

Институти таъриҳ, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Аз замони халифаи Аббосӣ Мунтасир (861-862) хилофати Бағдод дастхуши бухрони шадиди сиёсӣ гардида, то омадани Саффориён ба ҳукумат, яъне то соли 873 чаҳор халифа: Мустаин (862-866), Муътаз (866-869), Муҳтадӣ (869-870) ва Муътамид (870-892) яке паси дигаре иваз мешаванд [5, 276].

Дар ин замони нобасомонии авзои хилофат дар Хурӯсон бо муборизаҳояш алайҳи хориҷиён ЯҶӮБИ Лайс дар руҳдодҳои сиёсӣ ҳузур пайдо кард. Ибни Возехи ЯҶӮБИ менависад, ки Мустаин (халифаи Аббосӣ 862-866) ҳангоме ки Систон ва Кирмонро ЯҶӮБИ Лайс аз вучуди хориҷиён пок кард, ба Муҳаммад ибни Тоҳир навишт, ки ўро волии Кирмон таъйин кунад [3, 526].

Дар моҳи шаъбони соли 257 ҳ.қ./июн-иули соли 871 халифаи Аббосӣ вилоятдории Балху Тахористон ва вилоятаҳои мӯҷовири он чун Кирмон, Систон ва Синдро ба ЯҶӮБИ Лайси Саффорӣ дод [2, 5562]. ЯҶӮБИ Саффорӣ ҳамоно дар андешаи тавсееи марзҳои қalamрави зери нуфузаш буд.

Аmmo замоне ки шаҳрҳои Хурӯсон яке паси дигар ба тобеияти ЯҶӮБИ меоманд дар билохира бино ба аҳбори Табарӣ 4 шавволи соли 259 ҳ.қ./3 августи соли 873 пойтаҳти Тоҳириён таслими ЯҶӮБИ Лайс мешавад ва оҳирин ҳокими Хурӯсон аз дудмони Тоҳириён – Муҳаммад ибни Тоҳир ва аҳли хонаводааш боздошт мегарданд [2, 5589], тибқи аҳбори «Таърихи Систон» ЯҶӮБИ Лайс машруияти ҳукуматаш дар Хурӯсонро на аз расидани маншури халифа ба номаш, балки мадюни шуҷоат, далерӣ, шамшеру муборизаҳояш медонад ва ин нуктаро ба мардуми Нишопур эълом мекунад [10, 224-225]. ЯҶӮБИ Лайс дар тайиди ҳукумати хеш дар Хурӯсон ба маншури халифаи Бағдод арзише қоил намешавад. Бо ин амал ЯҶӮБИ Лайси Саффорӣ хост заминаҳои ҳама гуна мудоро ва муфоҳима бо хилофати Аббосиро аз миён бардорад. Ин амал бидуни тардид баёнгари аз миён рафтани нуфузи сиёсию низомии хилофати Бағдод дар Хурӯсон буд. Ammo халифаи Аббосӣ барои ҳифзи робита бо Хурӯсон маншури рамзии ҳудро ба ЯҶӮБИ Лайс мефиристад. Бино ба аҳбори Табарӣ халифаи Аббосӣ Муътамид дастур дод, то Хурӯсону Табаристон ва Гургону Рай ва Форс ва нигаҳбонии Бағдод ба ЯҶӮБИ Лайс voguzor шавад [2, 5596]. ЯҶӮБИ Лайсро, ки дар конуни устураҳои паҳлавонӣ – Систон зода ва бузург шуда буд, халифаи араб меҳост бо voguzor кардани як ҳукумати маҳдуде розӣ созад ва баъдан бо мақр, ки тору пуди зиндагияшон бо он бофта шуда буд, аз миён бардорад.

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи ҳалқи тоҷик» (асри III аввали асри XX) зери раками қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.

Яъкуби Лайс аз сарнавишти мусибатбори Абусаламаи Ҳамадонӣ, вазири Абулаббоси Саффоҳ ва Абумуслими Ҳурӯсонӣ, муассиси давлати Аббосӣ боҳабар буд ва сияҳӯзиҳои хонаводаҳои Бармакиёни Балхӣ ва Саҳли Сарахсӣ ба дасти хулафои Аббосиро медонист. Ин айёри систонӣ хуб медонист, ки ҳукумати Ҳурӯсонро касе ба ў эҳдо накардааст ва низ намекард, аз ин рӯ ба доми тазвири халифа наафтод ва бо ин хисоли размҷӯй ва истиқлолҳоҳӣ, ки дар ниҳоди хеш дошт, voguzor кардани сарзаминҳои зикршуда аз ҷониби халифа, ки он ҳамаро ў бо шамшер фатҳ карда буд, ин сафшикани систониро дилхуш намедошт.

Яъкуби Лайс ҳамеша орзу мекард рӯзе ҳукумати бани Аббосро дар маҳдаш сарнагун созад. Ба ин мақсад баҳори соли 876 ба ҷониби Бағдод лашкар кашида, Ҳулистонро тасхир кард ва озими Бағдод гардид.

Суоле матраҳ мешавад, ки Яъкуби Лайс пеш аз лашкаркашӣ ба Бағдод чаро сарзаминҳои шимоли Амударё-Варорӯдро шерозаи давлати худ накард? Бояд гуфт, ки ин замон аз вилоятҳои Ҳурӯсон Ҳирот зери ҳукумати писари хурдии Асад ибни Аҳмади Сомонӣ - Илёс буд. Баъд аз Илёс писараш Иброҳим ибни Илёс (856-857) ҳокими Ҳирот шуд. Ин вилоят дар ин айём мисли соири вилоятҳои Ҳурӯсон шомили қаламрави Тоҳириён буд. Баъдан идораи ин вилоят ба яке аз намояндаи хонадони Тоҳириён, ба Ҳусайн ибни Абдуллоҳ ибни Тоҳир voguzor гашт.

Яъкуби Лайс пас аз сомон додани корҳо дар Систон, рӯзи шанбеи 11 шаърони соли 253 ҳ.қ./16 августи соли 867 барои фатҳи Ҳирот ба он сӯй лашкар кашид [10, 208]. Чун Яъкуби Лайс ба Ҳирот хучум кард, Ҳусайн ибни Абдуллоҳ дарвозаҳои шаҳрро ба рӯи лашкари Яъқуб баст ва Яъқуб он шаҳрро ба муҳосира гирифт ва билохира пас аз муддате Яъқуб Ҳиротро фатҳ кард.

Чун ҳабари фатҳи Ҳирот аз ҷониби Яъқуби Лайс ба амири Тоҳириён-Муҳаммад ибни Тоҳир расид, ў фавран сипаҳсолори лашкари Ҳурӯсон Иброҳим ибни Илёс ибни Асади Сомониро бо лашкаре ба Пушанг ба ҷанги Яъқуб фиристод. Яъқуб Ҳиротро ба бародараш Алӣ voguzoшт ва ба набарди Иброҳим ба Пушанг рафт, ки дар натиҷа Иброҳим шикаст ҳӯрд ва Пушанг низ ба дасти Яъқуб афтод. Сарлашкари Ҳурӯсон Иброҳими Сомонӣ ба Нишопур назди Муҳаммад ибни Тоҳир омад ва гуфт: «бо ин мард (яъне Яъқуби Лайс) ба ҳарб ҳеч наёяд, ки сипоҳе ҳавлонок дорад ва аз қуштан ҳеч бок намедоранд ва бетакаллуф ва бенигариш ҳаме ҳарб кунанд...гӯй, ки аз модар ҳарбро зодаанд» [10, 208-209] ва ба ў пешниҳод кард, ки салоҳи кор дар дилҷӯии Яъқуб ва тарки ҷидол бо ўст. Муҳаммади Тоҳир барои бастани роҳи Яъқуб ба шимоли Ҳурӯсон фавран фиристодагоне бо тухфа ва ҳадъҳо назди Яъқуб равона кард ва бо маншур ҳукумати Форс, Кирмон ва Систону Ко-булро расман ба ў voguzoшт. Яъқуб «нома фиристод сӯи (Абумуҳаммад) Усмон ибни Аффон (қозии шаҳри Заранг), фармон дод ба хутба ва намоз ўро, то Усмон се одина хутба кард» [10, 209].

Яъқуб бо хушӣ ба Систон баргашт ва шоирон дар васфаш ба арабӣ шеър гуфтанд ва муаллифи «Таърихи Систон» менависад, ки «чун ин шеър бархонданд...Яъқуб гуфт: «Чизе ки ман андарнаёбам, чаро бояд гуфт?» Муҳаммад Васиф (дабири расоили Яъқуб) пас шеърро порсӣ гуфтан гирифт... Чун Яъқуб занбил (ратбил) ва Аммори Ҳоричиро бикушт ва Ҳарӣ бигирифт ва Систону Кирмон ва Форс ўро доданд, Муҳаммад ибни Васиф ин шеър гуфт:

Эй амире, ки амирони ҷаҳон хосаву ом,
Бандаву чокару мавлову саги банду ғулом.
Азали ҳаззе вар лавҳ, ки мулке бидиҳад,
Бе¹ Абиюсуфи Яъқуб ибн ал-Лайси ҳумом...» [10, 210].

Пас ба посухи суоле бармегардем, ки қаблан матраҳ намудем. Яъне чаро Яъқуби Лайс ба Варорӯд лашкар накашид, то нахуст ин қаламравро тобеи худ гардонад?

Миёни ин ҳама сарчашмаҳои мутааддиҳи таъриҳӣ ба ин масъала Ибни Асир каме равшани меандозад. Ибни Асир ҳабари Табариро дар бораи соли 261 ҳ.к./875 аз ҷониби ҳалифаи Аббосӣ ҳокими Мовароуннаҳр таъйин шудани Наср ибни Аҳмадро ҷунин тавзех медиҳад, ки қаблан намояндагони ин дудмон аз ҷониби фармондорони Ҳурисон (аз соли 819 то 875) ба ҳукумати ин сарзамин таъйин мешуданд ва бо ин нукта Ибни Асир манзалат ёфтани Сомониёнро назди ҳалифаи Аббосӣ таъкид мекунад [4, 4339]. Дигар ин ки бо ин амал ҳалифаи Аббосӣ ба Яъқуби Лайс ошкоро изҳор дошт, ки ў пуштибони ҳукумати Сомониён дар Варорӯд аст.

Дар идома ин муаллиф менависад, ки замоне ки Яъқуби Лайс дар Ҳурисон ҳокимиятро гирифт, Наср ибни Аҳмад сипоҳе сўйи Амударё фиристод, то аз пешрафти Яъқуби Лайс ҷилавирӣ намояд, vale сарбозон фармондехи худро күштанд ва ба Бухоро бозгаштанд. Аҳмад ибни Амр, ки ба намояндагӣ аз Наср ибни Аҳмад ҳукумати Бухороро идора мекард, аз ин кор ҳаросид ва пинҳон шуд. Чандин нафар, ки ба фармондехии сипоҳи Бухоро баргузида мешуд, vale ҷанде баъд сипоҳиён ўро аз ин кор сабуқдӯш мекарданд. Фақеҳи маъруфи Бухоро Абуабдуллоҳ ибни Абихафз номае ба Наср ибни Аҳмад навишт ва аз ў хост қасеро барои сомон додани умури Бухоро фиристад ва Наср бародари худ Исмоилро ҳокими Бухоро таъйин кард. Исмоил бо Рофеъ ибни Ҳарсама, ки он замон сипоҳи Ҳурисонро фармондехӣ мекард, номае навишт ва ҳар ду паймон бастанд, ки яқдигарро ёрӣ кунанд. Исмоил аз Рофеъ вилояти Ҳоразмро хост ва бо ризояти Рофеъ вилояти Ҳоразм зери фармони Исмоили Сомонӣ омад [4, 4339-4340].

Бо вучуди ин ки ҳалифа аз ҳукумати Сомониён пуштибонӣ мекард, аммо ба назар мерасад, ки Яъқуби Лайс дар баробари Наср ибни Аҳмади Сомонӣ, ки ин замон ҳамроҳ бо бародаронаш Варорӯдро идора мекард, рақиби ҷиддиеро намедид. Дигар ин ки ин айёри Систонӣ ба яқин медонист, ки бо фатҳи Бағдод тамоми сарзаминҳои хилофати шарқӣ аз ў тобеият ҳоҳанд кард. Сониян бо ишғоли пойтаҳти Тоҳириён шаҳри Нишопур бар зидди Яъқуби Лайс ҳеч қадом ҳаракате, ки ҳатарзо бошад, аз ҷониби омилони Тоҳириён дар Варорӯд – Сомониён анҷом наёфт ва шикасти Иброҳими Сомонӣ дар Пушанг ва бардошти ў аз неруи шикастнозазири Яъқуби Лайс, ки онҳо аз модар барои набард зода шудаанд, низ далеле буд, то Сомониён аз ҳар гуна ҳаракатҳои ҳатарзо алайҳи Яъқуби Лайс иҷтииноб варзанд. Ин далелҳо шояд ангезае шуданд, ки Яъқуби Лайс аз ҳокимони моварои Амударё ҳатаре эҳсос накунад ва мутмайн ба ҷониби Бағдод лашкар қашад.

¹ Ин «бе» бοқимондаи имлон асли қитоб аст ва маънии он «ба» мебошад, ки дар қадим бо ў навишта мешуд, монанди қўй «ки» ва ғурун «чи». Таърихи Систон. С.210.

Халифаи Аббосӣ ба назди Яъқуби Лайс расули хешро фиристод ва бино ба хабари Низомулмулк ба ў навишт, ки: «Ту ба Бағдод ҳеч коре надорӣ, ҳамон савобтар, ки Кӯҳистон ва Хурросон ва Ирокро нигоҳ медорӣ ва мутолеат мекунӣ, то халал ва дилмашгулӣ таваллуд нақунад» [12, 46]. Аммо ин нома дар «Таърихи Систон» комилан ба муҳтавои дигар аст, ки овардани онро савоб медонем. Халифа «сӯи Яъқуб номае кард, ки фазл кунад ва бипояд, то дидоре кунанд ва ҷаҳон ба ту супорем, то ту ҷаҳонбон бошӣ, ки ҳама ҷаҳон мутобеи ту бошанд ва мо он чи фармон дихӣ, бар он ҷумла биравем ва бидонӣ, ки мо ба ҳутба басандар кардаам, ки мо аз аҳли байти Мустафоем ва ту ҳаме қуввати дини ў кунӣ. Ва ба дорулкуфр туро ғаззот бисёр будааст, ба Ҳинд андар бишудӣ бо Сарандеб ба ақсои дарёи Муҳит ва ба Чину Мочин андар омадӣ ва ба Туркистон берун омадӣ...Ҳаққи ту бар ҳама ислом воҷиб гашт ва мо фармон бад-он додем, то туро ба Ҳарамайн ҳаме ҳутба кунанд, ки чунин осори ҳайр аст туро андар олам ва касеро андар ислом пас аз Абубакр ва Умар он осори ҳайру адл набудааст, қ-андар рӯзгори ту буд. Акнун мо ва ҳама мусулмонон муини туем, то ҷаҳон ҳама бар дasti ту ба як дин, ки он дини ислом аст, бозгардад» [10, 232].

Яъқуби Лайс, чуноне ки Мастьудӣ менависад, ҳеч қасро дар машварати тадбири умури худ даҳолат намедод, то ҳадафи ў ошкор гардад [1, 603]. Бинобар ин, рисолати лашкаркашии хешро пинҳон дошта, агар мактуби ҳалифа, ки муаллифи «Таърихи Систон» овардааст, ҳатто агар воқеият дошт, тазвир пиндошта, ба ҳалифа навишт, ки маро орзу он аст, ки ба даргоҳ оям ва расми хидмат ба ҷой орам [12, 46]. Аммо ҳалифа Муътамид ба садоқати Яъқуби Лайс шак овард ва ба дарбориёнash гуфт, ки Яъқуби Лайс «сар аз ҷанбари итоати мо берун кардааст ва ба хиёнат ин ҷо меояд» [12, 47].

Ҳалифа дастури омодабоши ҷанг ба лашкар дод. Чун Яъқуби Лайс ба Бағдод наздик шуд, дар баробари лашкаргоҳи ҳалифа ҳайма зад ва исёни худро ошкор кард. Яъқуби Лайс ба назди ҳалифа сафири худро фиристода, ба ў пешниҳод кард, ки Бағдодро тарқ гӯяд. Ҳалифа Муътамид ду моҳ замон хост, аммо Яъқуби Лайс ризоят надод. Ҳалифаи Аббосӣ даст ба тадбир зад ва гумоштагонашро ба лашкаргоҳи Яъқуб фиристод, то миёни фармондехони ў алайҳи Яъқуб ба ин мазмун таблиғ кунанд: «Яъқуб осӣ шудааст ва бад-он омадааст, то ҳонадони Аббос барканад ва муҳолифи ўро аз Ҷаҳдия¹ биёварад ва ба ҷойи вай биншонад ва суннат бардорад ва бидъат ошкор кунад» [12, 48]. Ин таблиғ муассир афтод ва дар ҷанг бо ҳалифаи Аббосӣ офтоби пирӯзӣ ба рӯйи Яъқуби Лайс тулӯй накард, зоро төъдоди зиёди амирони лашкараш фирефтаи суханони мубаллиғони Муътамид шуда, ўро дар майдони ҷанг, ки дар моҳи раҷаби соли 262 ҳ.қ./ апрели соли 876 [1, 600] (Ҳавоғӣ рӯзи баргузории набардро мушахас 5 раҷаби соли 262 ҳ.қ. /4 апрели соли 876 зикр кардааст [11, 385]) дар маҳалле дар васати Бағдод ва Восит бо номи Азтарбад миёни сипоҳи Яъқуби Лайс ва ҳалифаи Бағдод рӯх дод, тарқ гуфта, ба лашкари ҳалифа пайвастанд.

Бояд гуфт, ки дар усули зиндагии маслакии айёрон, ки Яъқуби Лайс аз саромадони онҳо дар Систон буд, амонатдорӣ аз усули ҳатмии маромномаи онон буд. Айёрон амонатдориро танҳо дар амвол намебинанд, инчунин ҳифзи рози дигаронро

¹ Ҷаҳдия - шаҳрест дар шимоли Африқо, ки пойтаҳти Фотимиён буд, ки ракиби ҳулафои Бағдод ба шумор меомад ва дар сарзамини Тунис воқеъ аст. Бино ба аҳбори Носири Ҳусрав ин шаҳр аз ҷониби шаҳсе бо номи Ҷаҳдӣ, ки аз бастагони Ҳусейн ибни Алӣ – писари Алӣ ибни Абуторлиб буд, пас аз ишғоли Ҷаҳдия ва Андалусия аз ҷониби арабҳо соҳта шудааст [7, 102].

низ аз рукиҳои амонатдорӣ меҳисобиданд, бинобар ин розашонро ба касе ифшо намекарданд.

Чуноне ки гуфта омад, хадафи худро ошкор нагуфтани Яъқуби Лайс, ба танҳоӣ тасмим гирифтсан ва машварат нанамудан бо фармондехони сипоҳаш аз иштибоҳоти сангини ў буд, ки душманаш аз он сӯйистифода намуд ва он боиси шикасташ гардид.

Иловатан, дар ин набард халифаи Аббосӣ Мұтамид даст ба тадбиру ҳиллаи дигар зад. Бино ба ахбори Масъудӣ дар чойи фуруд омадаи Яъқуби Лайс нахре бо номи Сайб буд, ки лашкари халифа мачрои онро ба тарафи лашкари ў гардонид ва оби ин нахр сахроро гирифт. Ин хабарро «Таърихи Систон» низ тасбит мекунад [10, 232]. Дар натиҷаи ин амал пойи аспон ва шутурони лашкари Яъқуби Лайс дар гил дармонда, ҷанг кардан барои онҳо мушкил афтод, ки он сабаби шикости лашкари хурросониён гашта [1, 600-602], дар ин набард Яъқуби Лайс заҳмӣ шуд. «Се тир, -менависад Табарӣ -ба ғулӯ ва дasti Яъқуб расид... Яъқуб бо ҳаввоси ёрони хеш поймардӣ кард, то бирафтанд ва аз набардгоҳ ҷудо шуданд» [2, 5598].

Носири Ҳусрав моҳи шавволи соли 443 ҳ.к./феврал-марти соли 1052 аз Басра ба ҷониби шарқ ҳаракат карда, аз тариқи шаҳрҳои Убулла ва Уббодон ба шаҳри Мехрубон, ки дар шимолу шарқи Ҳаличи Форс ҷойгир аст, мерасад. Дар иртибот ба ин шаҳр дар «Сафарнома» - и хеш ҷунин зикре дорад: «Ва дар масциди одинаи он ҷо (шаҳри Мехрубон) бар минбар номи Яъқуби Лайс дидам навишта. Пурсидам аз яке, ки ин ҳол ҷӣ гуна будааст? Гуфт, ки Яъқуби Лайс то ин шаҳр гирифта буд, валекин дигар ҳеч амири Ҳурросонро он қувват набудааст» [8, 755]. Дар идома ин муаллиф менависад, ки «Ва дар ин таъриҳ (моҳи шавволи 443 ҳ.к.), ки ман ин ҷо расидам, ин шаҳр ба дasti писарони Абоколинҷор буд, ки малики Порс буд» [8, 755].

Яъқуби Лайс дар авоҳири умр дубора бо лашкари худ Ҳузистонро ба даст овард ва тасмим гирифт бо халифаи Аббосӣ дубора вориди набард гардад. Маътамиди Аббосӣ хабар ёфт, ки Яъқуби Лайс дар Ҳузистон омодагӣ ба ҷонги халифа мегирад ва ба назди ўқосиде бо номае фиристод, ки паёми халифа ба Яъқубро Низомулмулк аз қарори зайл зикр мекунад: «Моро маълум гашт, ки ту марде содадилӣ ва ба сухани мухолифон фирефта шудӣ ва оқибати корро нигоҳ накардӣ... Акнун донам, ки бедор гаштай ва аз ин карда пушаймонӣ. Ва аморати Ироқу Ҳурросонро ҳеч кас аз ту шоистатар нест... ва туро хидмат бисёр аст наздики мо.... Чун мо аз сари ин ваҳшат даргузаштем ва кардаи ўро нокарда ангоштем, бояд, ки ў низ аз сари ин ҳадис даргузарад ва барҳезаду ҳар чи зудтар ба Ироқу Ҳурсон равад...» [12, 49].

Низомулмулк дар идома менависад: «Чун Яъқуб номаи халифа бихонд, ҳеч гуна дилаш нарм нашуд ва бар он карда пушаймон набуд. Бифармуд то тара¹ ва моҳӣ ва пиёзе ҷанд бар табақе ҷӯбин ниҳоданд ва пеши вай оварданд. Он гаҳ бифармуд то расули халифаро дароваранд ва биншонанд. Рӯй сӯи расул карду гуфт: «Бирауву халифаро бигӯ, ки ман марди рӯйгарзодаам² ва аз падар рӯйгарӣ омӯхтаам ва ҳӯрданини ман нони ҷавин ва моҳӣ ва тараву пиёз будааст. Ва ин подшоҳӣ ва ганҷ ва хоста аз сари айёри ҷард ба даст овардаам, на аз падар мерос дорам ва на аз

¹ Навъи сабзачоти ҳӯрокӣ.

² Рӯйгар – мисгар

ту ёфтаам. Аз пой наншинам, то сари ту ба Маҳдия нафиристам ва хонадони туро вайрон накунам. Ё он чи гуфтаам бикунам ё ҳам ба сари нони ҷавин ва моҳиву тара боз шавам. Ва инак ғанҷхоро дар боз кардам ва лашкархоро бихондам» [12, 49-50].

Ривояти дигаре ба ин мазмун маъруф аст, ки замоне ки Яъқуб дар бистари беморӣ буд, ҳалифа Мұттамид расули ҳудро бо ҳадоёи зиёде назди ў фиристод, то бад-он васила Яъқубро аз ҳамлаи дигарбора ба Бағдод боз дорад. Чун фиристодай ҳалифа ба мақари Яъқуб расид, ў амр дод миқдоре пиёз, нони ҳушк ва шамшер дар табаке ҳиҳанд ва назди фиристодай ҳалифа оваранд. Чун ин ҳама ҳозир шуд, Яъқуб рӯй ба расул карду гуфт: «Ҳалифаро бигўй, ки ман ҳаставу фарсудаам ва шояд бимирам ва ту аз дasti ман ҳалос шавӣ ва ман низ аз ту. Аммо агар зинда монам, ин шамшер миёни ману ту ҳакам мешавад. Дар сурате ки ту ғолиб омадӣ, ман бо ин нону пиёз месозам ва тарки аморат мегўям». Дар ҳабар аст, ки фиристодай ҳалифа ҳанӯз ба Бағдод нарасида буд, ки Яъқуб ҷашм аз дунё пӯшид [9, 25-26].

Баъд аз ин Яъқуби Лайс дигар фиристодагони ҳалифаро, ки мукаррар назди ў меомаданд, қабул накард. Аммо ба тиравӯзии озодагони Ҳурисон Яъқуби Лайс дар Гунди Шопур гирифтори бемории қулинҷ шуда [11, 387; 12, 50], бино ба ахбори Масъудӣ 23 шавволи соли 265 ҳ.қ./18 июня соли 879 [1, 600], тибқи иттилои «Таърихи Систон» 20 шавволи 265 ҳ.қ./ 15 июня соли 879 [10, 233] ва мувофики ҳабари Ҳавофӣ 14 шавволи 265 ҳ.қ./ 9 июня соли 879 [11, 387] дунёро падруд гуфт. Табарӣ бидуни зикри моҳ соли вафоти Яъқуби Лайсро 265 ҳ.қ. [2, 5622] зикр мекунад, аммо дар «Мұчмалу-т-тавориҳ» соли вафоти ў 266 ҳ.қ. сабт шуда, ки иштибоҳ аст [6, 365].

Дар «Таърихи Систон» омада аст, ки Яъқуби Лайс 17 солу 9 моҳ амирий карда, Ҳурисону Систон, Кобулу Синд, Ҳинду Форс ва Кирмон зери фармони вай буданд ва 7 сол дар Ҳарамайн дар хутба номаш зикр мешуд [10, 233]. Аммо Ҳавофӣ муддати ҳукумати ўро «понздаҳ солу панҷ моҳ буд», -мегўяд [11, 387].

Баъд аз марги ў бародараш Амр ибни Лайс фармонравои Кирмон ва Систон шуда, дар ибтидои ҳукумат бо ҳалифаи Аббосӣ байъат кард ва ҳалифаи Аббосӣ маншури ҳукумати Форсу Исфаҳон, Систону Киромон, Синду қисме аз Ҳурисонро ба ў дод [2, 5622; 10, 388], машрут ба ин ки ҳар сол ҳалифаро «бист бор ҳазор – ҳазор дирам фиристад» [10, 234]. «Кори ў,-менависад Ҳавофӣ,- ба мартабае расид, ки дар Бағдод баъд аз ҳалифа хутба ба номи ў карданд» [11, 387].

Дар ихтитоми матлаб суоле матраҳ мешавад, ки ҷаро Яъқуби Лайс бо вучуди ин ки маншури ҳалифаро дар идораи ҳукумати Ҳурисон гирифта буд, боз ҳам азми тасҳири Бағдод ва дар барандоҳтани ҳалифаи Аббосӣ талош кард? Дар ҷавоб ба ин суол аз манобеи таъриҳӣ ва осори илмие, ки таърихи Саффориёнро инъикос мекунанд, посухи мушаххасе намеёбем. Шояд посух ба ин суолро аз андешаву афкори систониён чуст. Систон дар аҳди Умавиҳо ва Аббосиҳо ба паногоҳи фирқаҳои гүногуни зидди хилофат табдил ёфта буд, ки аз тарафи хилофати араб саркӯб мегардиданд. Афкори ин ҳама фирқаҳои исломӣ ва ғайри исломӣ дар мардуми Систон муассир афтод ва аз як тараф агар дини ислом ба суръат мунташир мегардид, аз ҷониби дигар зиддият бо ишғолгарони араб ва талош барои озодӣ улгуге дар ҳадафи умумӣ қарор гирифта буд. Ин аст, ки қиёмҳои домандоре дар Систон ба вучуд омад. Ҳуккоми мутааддиди араб дар тайи ин ҷангҳо баъзан мағлуб ва фирорӣ мешуданд ва бархе бо мардум месоҳтанд. Шояд таъсири ин вазъи мавҷуд дар

Систон сарҳанги айёрони Хурросон - Яъқуби Лайсро водор намуд, ки на танҳо маншури касеро дар ҳукумат кардан бигирад, инчунин барои ҳукумат намудан ҳақ додад ба касе маншур диҳад. Аз ҳама муҳим ин аст, ки дар он замон Яъқуби Лайс бо заковат ва дароят фаҳмид, ки дар сиёsat ва ҳукумат кардан муҳимтарин васила шамшер аст ва ҳақ додани нест, ҳақ гирифтанист. Дар дарки ин фалсафаи ҳукумат ва сиёsat баъд аз Бобаки Ҳуррамдин, ки 22 сол (аз соли 816 то 838) барои он ҷанги, дигар дар саҳифоти таъриҳамон Яъқуби Лайсро мебинем, ки бо душманони сарзаминаш оштинопазир буд. Баъд аз Яъқуб андешаи ҳақ гирифтанист, аз руҳу равони аҷдоди мо ба дур афтод ва ҳамеша ҳудро дар сарзамини аҷдодии хеш зери чатри сиёsatи бегонагон роҳат ҳис намудем ва ифтихор аз он кардем, ки соҳиби қаламем, аммо бо камоли таассуғ қалами мо баъд аз суқути давлатҳои миллӣ (Тоҳириён, Саффориён, Сомониён, Гуриён ва Оли Курт) барои мадҳи шамшери бенонагони ҳукуматгар хидмат кардааст.

АДАБИЁТ

1. Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусейни Масъудӣ. Муруҷу-з-захаб. Ҷ.2. Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1357 ҳ.ш. -772 с.
2. Абӯцағфар Муҳаммад ибни Ҷарири Табарӣ Таъриҳу-р-русули ва-л-мулук. Китоби 8. Мутарҷим Абулқосими Поянда Бо таҳрир ва тасҳехи Н.Амиршоҳӣ. Душанбе, 2014. -824 с.
3. Аҳмад ибни Исҳоки Яъқубӣ (Ибни Возехи Яъқубӣ Таърихи Яъқубӣ Ҷ.2. Мутарҷим М.Оятӣ. Техрон. 1382 ҳ.ш. - 644 с.
4. Иzziddin ibn Asir. Taъrihi komil. Ҷ.10. Tarҷumaи X.Ojir. Чопи аввал. Техрон: Асотир, 1382 ҳ.ш. С.4189-4595.
5. Камол. X. Авомили ба сари ҳоқимият омадани Сомониён. Ду-шанбе: Дониш, 2022. -324 с.
6. Муҷмалу-т-таворих ва-л-қисас. Ба тасҳехи Маликушшуаро Баҳор. Техрон. 1318 ҳ.ш. -537 с.
7. Насир-и Ҳусрау. Сафар-намэ. Перевод и вступительная статья. Е. Э. Бертельса. М.-Л., 1933. -212 с.
8. Носири Ҳусрав. Сафарнома // Кулиёт. Ҷ.II. Таҳия ва тадвиини А.Девонакулов, А.Алимардонов, С.Сулаймонов ва диг. Душанбе: Ирфон, 2003. С.671-778.
9. Парвиз А. Накши Яъқуби Лайс дар роҳи эҷҳи истиқлоли Эрон //Баррасиҳои таъриҳӣ. №1 (13). Техрон, 1347. С.3-30.
10. Таъриҳи Систон. Ба тасҳехи Муҳаммадтакӣ Баҳор. Техрон: Муъин, 1381 ҳ.ш. -436 с.
11. Фасехи Ҳавоғӣ. Муҷмали Фасехӣ. Муқаддима, тасҳех ва таҳқиқи Муҳсин Ноҷии Насрободӣ. Ҷилди аввал. Техрон: Асотир, 1386. -436 с.
12. Ҳоҷа Низомулмӯлк. Сиёsatнома. Сиёsatнома. Бозшиносӣ, накҷу таҳлил ва вероиши матн, тавзеҳот ва феҳрастҳо М.Истеъломӣ. Техрон, 1390 ҳ.ш. -335 с.

МУБОРИЗАИ ЯЪҚУБИ ЛАЙСИ САФФОРӢ БАР ЗИДДИ ХИЛОФАТИ АРАБ БАРОИ ИСТИҚЛОЛИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ (баррасӣ бар асоси манобеи таъриҳӣ)

Муаллифони осори таърихии садаҳои миёна дар асарҳои ҳуд ба руҳдодҳои шарқи Эрон ва Хурросони нимаи дувуми садаи нуҳум ва таъсиси давлати Саффориён баҳои холисона на-медиҳанд. Ин муарриҳон ба табақаи иҷтимоие, ки Саффориён аз он намояндагӣ мекарданд, яъне ҳунармандон бо нафрат нигоҳ мекунанд ва онҳоро исёнгароне медонанд, ки ба ноҳақ алайҳи хилофати Аббосӣ қиём карданд.

Дар ин мақола муаллиф бо такя ба сарҷашмаҳои таъриҳӣ ба таҳлил ва баррасии қаҳрамониҳо ва муборизоти Яъқуби Лайс алайҳи хилофати Аббосӣ барои ба даст овардани истиқлоли Хурросони Бузург пардохтааст.

Яъқуби Лайс бо заковат ва дароят фаҳмид, ки дар сиёsat ва ҳукумат кардан муҳимтарин ва-сила талошҳо ва муборизаҳост ва ин буд, ки дар ҷабҳаи муборизаи озодиҳоҳони Хурросони Бузург алайҳи душманон мардона таъсис дод.

Муборизаҳои Яъқуби Лайс алайҳи хилофати Аббосӣ аз саҳифаҳои дураҳшони таърихи миллати тоҷик буда, улгӯе аз муборизоти тоҷикон барои озодӣ ва истиқлол ба шумор мераవад.

Калидвоҷсаҳо: Ҳурросон, Яъқуби Лайс, Систон, Қирмон, Балҳ, Taxoriston, Тоҳириён, Муҳаммад ибни Тоҳир, «Таърихи Систон», Нишонур, Асад ибни Аҳмади Сомонӣ, Иброҳим ибни Илёс, Низомулмӯлк, ҳалифа Муътамид.

**БОРЬБА Я'КУБА ЛАЙСА САФФОРИ ПРОТИВ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА
(исследование на основе исторических источников)**

Авторы исторических источников средневековья в своих трудах не предоставляют объективной оценки событий второй половины IX века в Восточном Иране и Хорасане, а также со-здания государства Саффаридов. Они смотрят на социальный класс, представленный Саффаридами, с ненавистью, рассматривая его как ремесленников и неправомерных восставших против халифата Аббасидов.

В данной статье автор, опираясь на исторические источники, анализирует героические поступки и борьбу Я'куба Лайса против Аббасидского халифата с целью достижения независимости Великого Хорасана. Я'куб Лайс разумно и тактично осознавал, что важнейшими средствами в политике и управлении являются усилия и борьба, что стало причиной его мужественной борьбы на фронте за свободу Великого Хорасана и учреждение государства Саффаридов.

Борьба Я'куба Лайса против халифата Аббасидов представляет собой одну из наиболее ярких страниц истории таджикского народа и считается образцом борьбы таджиков за свободу и независимость.

Ключевые слова: Хорасан, Я'куб-и Лайс, Систан, Керман, Балх, Тахаристан, Тахириды, Мухаммад ибн Тахир, «История Систана», Нишапур, Асад ибн Ахмад Самани, Ибрахим ибн Ильяс, Низамулмульк, халиф Мутамид.

**YAKUB LAYTH AL-SAFFAR'S STRUGGLE AGAINST THE ARAB CALIPHATE FOR
THE INDEPENDENCE OF GREATER KHORASAN
(A Study Based on Historical Sources)**

Medieval historians, in their works, fail to provide an objective assessment of the events in the second half of the 9th century in Eastern Iran and Khorasan, particularly regarding the establishment of the Saffarid state. These authors, with disdain, view the social class represented by the Saffarids - namely, the artisans - and label them as rebels unjustly rising against the Abbasid Caliphate.

In this article, the author, drawing on historical sources, analyzes the heroic deeds and struggle of Yakub Layth against the Abbasid Caliphate to achieve independence for Greater Khorasan. Yakub Layth wisely understood that the most crucial means in politics and governance are effort and struggle, leading him to courageously battle the enemies on the frontlines of the fight for the freedom of Greater Khorasan, ultimately founding the Saffarid state.

Yakub Layth's struggle against the Abbasid Caliphate stands out as one of the most vivid chapters in the history of the Tajik people and is considered an exemplary fight of the Tajiks for freedom and independence.

Key words: Khorasan, Yakub Layth, Sistan, Kerman, Balkh, Tahirids, Muhammad ibn Tahir, «History of Sistan», Nishapur, Asad ibn Ahmad Samani, Ibrahim ibn Ilyas, Nizam al-Mulk, Caliph al-Mutamid.

Сведения об авторе: Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович) – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

About the author: Hamza Kamol (Khamzakhon Sharifovich Kamolov) – A. Donish Institute of History, Arche-ology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

УДК 93/94(510)"14/15"

СЕМЬ МОРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ ЧЖЭН ХЭ (МУХАММАДА ХАДЖИ) - ТАДЖИКСКОГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯ И ДИПЛОМАТА В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ¹

АМИРШОЕВ С.Н.,

Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ

Многогранное сотрудничество между таджиками и китайцами особенно развивалось с XIII по XV вв., т.е. в период правления династий Юань (1271-1368 гг.) и Мин (1368-1644 гг.). Отношения между двумя народами стали особенно углубляться после монгольского нашествия: в начале XIII в., после военного похода монголов на запад мусульмане (таджики), из Центральной Азии силой или добровольно мигрировали в Китай и распространились по многим частям страны. Таджики стали постоянными жителями таких городов, как Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Ханчжоу, Янчжоу и Чанъян (ныне Сиань). Они строили для себя мечети и общественные кладбища. Некоторые из них женились, заводили детей, которых стали называть «фан-кэ», что означает «гости издалека». Они селились по всему Китаю в качестве купцов, ученых, чиновников и религиозных лидеров, а когда в 1368 г. династия Юань была свергнута императором Чжу Юаньчжаном (династия Мин), многие мусульмане остались в Китае, а их потомки переняли китайскую культуру и имена. Кроме того, в этот период таджики и персы, представители иранских этнических групп, исповедующих ислам, а также азиатские православные, пришедшие в Китай вместе с монголами, стали важными элементами административной системы страны в экономической, политической, военной и культурной областях на протяжении почти двух столетий.

В период правления династий Юань некоторые видные таджикские семьи внесли значительный вклад в историю развития Китая. Важным подтверждением этого является фрагмент книги известного таджикского историка Рашидаддина Фазлуллаха в своей книге «Джаме ут-Таварих», он описывает ряд мусульман из Центральной Азии, которые пользовались большой славой и влиянием в Китае. Он называл их «таджикскими эмирами» или «именитые таджики» и отмечает, что «каждый из них был правителем отдельной провинции» [5, 923]. Также приводит подробный список китайских городов и провинций с именами их губернаторов и градоначальников, правителями которых были в основном таджики.

Следует отметить, что одним из семейств, которые пользовались большой славой и влиянием в Китае являлось семейство Сеид Аджаля Шамс-уд-Дина Омара (1211-1279). Выходец из Бухары Сеид Аджал являлся первым наместником династии Юань в провинции Юньнань и основатель династии мусульманских наместников в Юньнани. Вклад бухарской семьи Сеид Аджала упоминается во многих

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XX вв.) государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

исторических источниках, одним из которых является книга по истории династии Юань «Юань ши». Во главе СХХV данной книги говорится о биографии Сеид Аджаля и о его сыновьях, которые также занимали руководящие должности в провинциях Юньнаня: «У Сай-диан-чжи Шансидинга (Сеид Аджал Шамсуддин) было пятеро сыновей. Старший сын, Насруддин (納速刺丁 На-су-ла-дин) - служил губернатором в провинции Юньнаня, второй сын, Хасан (哈散 Хасан) - служил маршалом посланника Сюаньвэй провинции Гуандун; третий сын, Хусейн (忽辛 Хусин) - служил чиновником в Ючэн, провинция Юньнань, четвертый сын, Шансуддин Омар (刺丁 兀默里 Шансу-дин Ву-мо-ли) и последний Масъуд (馬速忽 Ма-су-ху или Масун), все они занимали высокие посты» [14, 284]. Позднее «сын Насируддина Абубакр, которого также называли Баян Финджаном, еще при жизни отца был послан правителем города Зайтун» [3, 915]. Так, Сеид Аджал Шансиддин Омар и представители его семьи, занимающие важнейшие государственные должности, оставили заметный след в истории Китая.

К роду Сеида Аджаля возводят свое происхождение многие китайские мусульмане, среди которых мореплаватель Чжэн Хэ. Сеид Чжэн Ма Хэ (Мухаммада Хаджи), мореплаватель, путешественник, дипломат и легендарный адмирал империи Мин. Он организовал и возглавил семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций, посланных императорами Мин в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Есть версии, что экспедиции, организованные им, даже достигали берегов Америки и Австралии.

После того как войска Чжу Ди свергли монголо-юаньскую императорскую власть, была провозглашена новая империя - империя Мин, а Чжу Ди был провозглашен императором Мин. Новый император Чжу Ди был амбициозен. После войны он стал развивать экономику и науку, получил лучших советников и занялся наукой и образованием. Главной целью Императора были моря и океаны, и, как сторонник развития науки, он начал строительство огромного флота, назначив руководить им таджикского адмирала Ма Хэ - его в это время звали Чжэн Хэ за верную службу.

Мухаммад Хаджи – в китайском обществе известен как Ма Хэ 馬和, Чжэн Хэ 鄭和 и Ma Санбао (китайское 鄭和, упр. 郑和, пиньинь Zhèng Hé). Он организовал и возглавил семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций, посланных императорами Мин в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Ма Хэ, то есть Мухаммад Хаджи, родился в 1371 г. в деревне Хэдай, Куньянской области [13, 62-63]. Семья Ма происходила из так называемых сэму - выходцев из Средней Азии, прибывших в Китай во времена монгольского владычества и занимавших разнообразные должности в государственном аппарате империи Юань. Большинство сэму, включая предков Чжэн Хэ, были мусульманского вероисповедания [13, 62-63]. После падения власти монголов и провозглашения образования империи Мин их потомки ассимилировались в китайскую среду, главным образом, в ряды китаеязычных мусульман – хуэйцзу [11, 32-41].

При рождении будущий мореплаватель получил имя Мухаммад (кит. 馬和-Ma). О семье Ма Хэ известно немного. Почти все, что известно о них, основано на каменных надписях (Stone Inscriptions), установленных в их родном городе в 1405 г. в их честь по приказу самого адмирала. Отец будущего мореплавателя был известен как Ма Хаджи (1345-1381 или 1382), в честь совершённого им паломничества в Мекку; его супруга носила фамилию Вэнь (溫). В семье было шестеро детей: четыре дочери и два сына - старший, Ма Вэньмин, и младший, Ма Хэ [13, 62-63]. Согласно семейному преданию, отец Ма Хаджи (т.е. дед Чжэн Хэ), которого также называли Ма Хаджи, был внуком Сеида Аджала, полководца Хубилай-хана. Луиза Левазес, автор книги «Когда Китай правил морями: флот сокровищ Трона Дракона», объясняет, что «отец Ма Хаджи приходится внуком Сеиду Аджалу...», «...человеку которому отвечал за финансы Империи Юаня, также был одним из участников победы монголов в Бирме, первый наместник и основатель мусульманских общин в провинции Юньнань» [13, 62-63].

Кроме того, South China Morning Post также сообщает, что удалось установить местонахождение его предков (Чжэн Хэ). Хотя мраморные бюсты изображают Ма Хэ типичным китайцем, с квадратным подбородком, густыми бровями и плоским носом. Однако в 2014 году китайские ученые из Фуданьского университета в Шанхае, одного из старейших и престижнейших университетов Китая, проверили анализ ДНК предполагаемых предков Ма Хэ и выявили у них персидскую кровь [16, 38].

Когда Чжен Хе был совсем юн в десятилетнем возрасте, в 1381 году, его город подвергся нападению армии династии Мин во время которого его отец был убит в возрасте 39 лет, а он сам был похищен и отправлен в столицу Нанкин, где и стал служить в императорской семье. Мальчика кастрировали, и он стал одним из многочисленных евнухов при дворе Чжу Ди, который носил титул Великого Князя Яньского (Yan Wang) и базировался в Бэйпине (будущем Пекине). Невзирая на постоянное угнетение и тяжелые условия, в которых он находился, Чжен Хе, все же, смог получить лучшее образование и вырос искусным правителем, а также сдружился с одним из наследников престола, Чжу Ди, и когда тот стал императором, Чжен Хе занял самую высокую государственную должность. Юный евнух получил имя Ма Саньбао (馬三寶/马三宝) что означает «Три Сокровища» или «Три Драгоценности». По словам английского ученого Джозефа Нидхэма, несмотря на, несомненно, мусульманское происхождение евнуха, его титул служил напоминанием о «трёх драгоценностях» Буддизма (Будда, дхарма и сангха), чьи имена столь часто повторяют буддисты [14, 487].

Некоторые историки считают, что одна из самых известных сказок Востока – «Семь путешествий Синдбада» произошла от рассказа Ма Саньбао (Чжэн Хэ). Рассказы о его путешествиях находятся в книге «Тысяча и одна ночь», часть из которых основана на реальном опыте путешественников по Востоку, а часть на основе древних поэм. Доказательство этому видят в том, что их зовут «Синдбад» и «Саньбао» или в том, что оба они совершили семь морских путешествий. Несмотря на то, что книга «Тысяча и одна ночь» имеет долгую историю (то есть до событий Ма Хэ), она все еще остается загадкой в истории создания этой книги. Многие истори-

ки считают, что эта книга была завершена в Средние века. Советский историк-востоковед И.М. Фильшинский отметил, что «Тысяча и одна ночь» не является произведением какого-либо автора. Части этой удивительной реликвии собирались, обрабатывались и редактировались на протяжении веков, а завершена она была только в XVI и XVII веках. Также французский лингвист Сильвестр де Саси говорит, что сборник была создана в XV веке. Таким образом, происхождение сборника «Тысяча и одна ночь» до сих пор вызывает споры [3, Т.3].

В 1399 году, когда войска тогдашнего императора Чжу Юньвэня (建文 1398-1402) осадили Пекин, которым правил Чжу Ди, Ма Хэ проявил исключительное мужество, защищая его на одном из городских водоемов. Через несколько лет в ответ, Чжу Ди поднял мощное войско, во главе Ма Хэ которым было поручено захватить столицу империи Нанкини, он проявил мужество в этой борьбе и в 1402 году захватил столицу Нанкини, и Чжу Ди 17 июля того же года взошел на трон под девизом правления Юнлэ «Вечное счастье». Именно смелые действия Ма Хэ позволили Чжу Ди свергнуть своего племянника и стать императором Китая. 11 февраля 1404 года, на китайский Новый год, Чжу Ди присвоил Ма Хэ в награду за верную службу и пожаловал ему новую фамилию «Чжэн» Хэ, соответствующая названию одного из древних царств, существовавших в Китае в V-III веках до нашей эры [13, 72-73].

Вскоре император Чжу Ди начал обширную программу судостроения для экспедиций Чжэн Хэ, в которой он стремился усилить политику и влияние «Среднего государства». Всего за короткое время было построено или переоборудовано 1681 судно для плавания в открытое море. Строительство крупнейших кораблей, известных как «корабли-сокровища» (кит. 宝船, bǎochuán), расширилось на верфи Лунцзян (Река Дракона). Это огромное предприятие располагалось под стенами тогдашней столицы Нанкина, на берегу реки Син-хуэй (秦淮) [13, 75-76].

Согласно биографии Чжэн Хэ, которая приводится в историческом источнике «История Мин», их (баочуан) длина составляла 44 чжана (т.е. 440 чи - не менее 117 м), а ширина - 18 чжан (не менее 48 м). По словам американского историка Эдварда Дрейера, современные историки приписывают размеры кораблей Чжэн Хэ более короткому из них, к Фуцзянскому Чи. Даже если принять наименьший размер Чи за 26.7 см., «размер флагмана Чжэн Хэ, был не менее чем 117м в длину и 48 м в ширину, что в два раза превышает длину крупнейших европейских деревянных военных кораблей XVIII начала XIX веков» [9, 111-112].

Сравнение «Корабля-сокровища» Чжэн Хэ, с кораблем Христофора Колумба «Санта-Мария».

Сведения о китайских «кораблях сокровищ» почерпнуты также из летописей династии Мин и других документов, опубликованных китайскими историками в

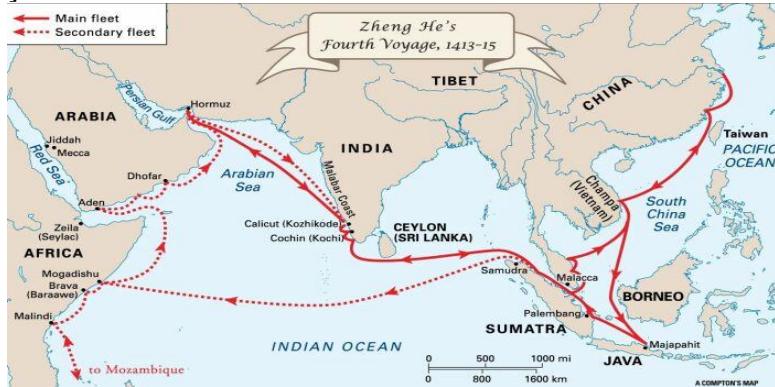
начале 2000-х годов. Согласно этим источникам, при сопоставлении основных размеров корабля сокровищ в современной метрической системе видно, что его длина составляла около 134 м, ширина - 55 м, грузоподъемность - около 30 000 т, экипаж - около 1 000 человек. Если мы сравним размеры корабля Колумба «Санта-Мария», то увидим, что он был в несколько раз меньше. Например, «Санта-Мария»: длина - 25 м, ширина - около 9 м, водоотлив - 100 т, экипаж - 40 человек. Китайские историки и кораблестроители до сих пор не могут описать все особенности и характеристики кораблей Чжэн Хэ. Многие утверждают, что, исходя из инженерных знаний, они были слишком велики для деревянного парусного корабля. Однако документ «Легенда о небесной деве», обнаруженный в 2000 году, убедительно доказывает, что «корабль сокровищ» Чжэн Хэ был не легендой, а историческим фактом [2, 79].

Флот Чжэн Хэ состоял примерно из 250 кораблей и насчитывал от 27 до 30 тыс. моряков во главе с 70 евнухами. Согласно фактическим данным истории династии Мин, этот флот был самым большим деревянным парусным флотом в истории. Среди историков существуют разные мнения о числе судов во флоте Чжэн Хэ. Так, автор популярной биографии Чжэн Хэ (Levathes, 1994), рассчитал состав флота, участвовавшего в первом походе Чжэн Хэ (1405-1407), в 317 кораблей, складывая 62 корабля-сокровищницы, о которых говорится в «Истории Мин» с «250 кораблями» и «5 кораблями». Однако Э. Дрейер, анализируя источники, полагает что складывать подобным образом цифры из разных источников некорректно, и в реальности упоминание о «250 кораблей» подразумевает все суда, заказанные для этой экспедиции [9, 51-123]. Тем не менее, само существование подобной дискуссии свидетельствует о недостаточности имеющейся информации о флоте Чжэн Хэ.

Какие бы споры ни велись, ясно одно император династии Мин, построив такие большие корабли и огромные морские силы, хотел показать богатство и мощь Китая в странах Южной и западной Океании, а именно в Юго-Восточной Азии и странах Индийского океана. В то же время организация таких морских экспедиций имела и другие цели, она включала в себя политические и социальные, торговые и рыночные связи, науку, культуру и другие направления. Именно для достижения таких целей он приказал построить самые большие корабли и большие военно-морские силы.

В 1405 году Чжэн Хэ начал первую экспедицию по приказу императора Чжу Ди. За все свои заслуги ему был присвоен титул «главного евнуха» и назначен адмиралом флота. Чжэн Хэ хоть и не был профессиональным мореплавателем, но успел проявить себя успешным дипломатом и полководцем, а в дальних краях эти качества могли весьма пригодиться. Адмирал со всей серьезностью подошел к вопросу и решил подготовиться основательно. Он осуществил плавания в Юго-Восточную Азию и Индийский океан с 1405-1433 годов, будучи мусульманином, он сыграл важную роль в решении о назначении командования «Золотого морского флота», так как в его путешествиях были и исламские страны. В состав своей экспедиции Чжэн Хэ включил моряков, чиновников, дипломатов, переводчиков, писцов, счетоводов, астрологов, служителей культа, поваров, врачей. Экспедиция была поистине масштабной, Чжэн Хэ в каждом походе возглавлял около 30 000 человек, более 250 огромных кораблей во главе с 70-ю императорскими евнухами. Он

открыл новую эру в истории морского транспорта Китая и оказал глубокое влияние на проектирование морских путей сообщения в Индийском и Тихом океанах в будущем [10, 8].

Между 1405 и 1433 годами под его руководством было совершено семь экспедиций по важнейшим торговым путям: побережьям Юго-Восточной Азии, Индийского океана, Красного моря и северным берегам Восточной Африки. Он правил «Шелковым водным путем», открывал новые народы и земли, продемонстрировал силу и величие империи Мин, установил многогранные отношения между династией Мин и зарубежными странами. Флотилия под руководством Чжэн Хэ за короткое время (1405-1433 гг.) посетили более 56 стран. Китайские корабли доходили до берегов Малайзии, Индонезии, Таиланда, Индии, Шри Ланки, Ирана, Омана, Йемена, Саудовской Аравии, Сомали, Кении и многих других стран. Первое плавание Чжэн Хэ состоялось в 1405-1407 годах по маршруту Сучжоу- берега Тямпы, остров Ява, Северо-Западная Суматра, Малаккский пролив и остров Шри Ланка. Затем, обогнув южную оконечность Индостана, флотилия двинулась к торговым городам Малабарского побережья Индии, добравшись до самого крупного индийского порта - Каликута (Кожикоде). Во второе путешествие (1407-1409 гг.), Чжэн Хэ отправился на Южный остров Цзяоцзюй, где он установил контроль над торговыми маршрутами в Южной части Китая. Также корабли должны были доставить иностранных посланников на родину, в связи с этим маршрут второго похода был идентичен первому. Экспедиция носила чисто политический характер. Третий по счету, поход начался уже на следующий год. Курс пролегал через Тямпу, Темасек (Сингапур) в Малакку, где Чжэн Хэ подтвердил признание суверенитета султаната Парамешвара Китайской империей и, соответственно, гарантировал поддержку его власти здесь. Далее армада двинулась в султанат Самудра-Пасай, а оттуда на Шри-Ланку. Заглянул флот Чжэн Хэ в Килон, Kochin и Каликут, а в 1411 г. прибыл в Нанкин.

Первые три экспедиции позволили Китаю не только наладить торговые отношения, но и получить признание в качестве сузерена со стороны многих государств южной Индии и юго-восточной Азии. Четвёртая (1413-1415), пятая (1417-1419), шестая (1421-1422) и седьмая (1431-1433) экспедиции доходили до Ормуза и африканского берега в районе современного Сомали, заходили в Красное море. Мореплаватели вели подробные и точные записи увиденного, составляли карты. В них регистрировалось время отплытия, места стоянок, помечалось расположение

рифов и мелей. Были составлены описания заморских государств и городов, политических порядков, климата, местных обычаяев, легенд. Их авторами были участники экспедиции: Ма Хуань, Фэй Синь и Гун Чжэн. Чжэн Хэ установил торговые и дипломатические отношения с многими странами, доставлял в зарубежные страны послания императора, поощрял прибытие в Китай иностранных посольств, вёл торговлю и таким образом расширил влияние Китая на международной арене [4, Т.4].

Однако, вне зависимости от мирных и дипломатических целей, на кораблях размещались и тысячи морских пехотинцев, которые могли хорошо воевать как на море, так и на суше. В то же время флотилия Чжэн Хэ были оснащены самым современным вооружением и техникой того времени. Существуют разные мнения о применении вооруженных сил. Например, по мнению Джеффа Уэйда из Института исследований Юго-Восточной Азии в Сингапуре в интервью Би-Би-Си утверждает, что по меньшей мере флотилия адмирала прибегала к насилию и три раза повержала своих противников в пепел на Яве, Суматре и в Шри-Ланке [7]. Международное общество Чжэн Хэ в Сингапуре оспаривает эту «западную мысль» и говорит, что битвы адмирала были либо ответом на насилие, либо попытками избавить море от пиратов.

На основании упомянутых мнений, можно привести примеро событиях на побережьях Явы, Суматры и Малайи, где существовало сильное китайское торговое сообщество и которое часто подвергалось набегам китайских пиратов. Торговцы пожаловались на пиратов, и Чжэн Хэ было приказано встретить их на обратном пути, чтобы решить проблему. Так, в первом плавании на обратном пути китайские экспедиционные войска пленили известного пирата Чэнь Цзу'и, захватившего в то время Палембанг - столицу индуиско-буддийского государства Шривиджая на Суматре. «Чжэн Хэ вернулся и привез Чэнь Цзу'и в кандалах. Прибыв в Старый порт (Палембанг), он призвал Чэня подчиниться. Тот прикинулся, что подчиняется, но втайне планировал бунт. Чжэн Хэ понял это... Чэнь, собрав силы, вступил в битву, а Чжэн Хэ выслал войска и принял бой. Чэнь был разбит наголову. Более пяти тысяч бандитов были убиты, десять кораблей сожжены и семь захвачены... Чэнь и еще двое были взяты в плен и доставлены в императорскую столицу, где их приказали обезглавить». Так посланец метрополии защитил мирных соотечественников-мигрантов в Палембанге и заодно впервые продемонстрировал, что его корабли несли на бортах оружие не только для красоты. По словам Фэй Синя, после поражения пиратов в 1407 году Чжэн Хэ стал упорядоченным и скромным правителем морей. Император был очень доволен и наградил всех их титулами по заслугам», - говорится в «Истории династии Мин» [13, 87-103. 2, 81-82].

Таким образом, Чжэн Хэ регулярно присоединял земли, которые находились вдоль Муссонного маршрута, в подчинение своего императора. Такие дипломатические методы с демонстрацией военных сил обеспечили успех китайских морских экспедиций в большинстве стран Южного моря. Куда бы ни шел Чжэн Хэ, он сразу же направлялся к правителью этого города или страны и передавал им приветствие «дитя Небесного», то есть императора Китая. Затем посланный даровал придворному правителью дорогие подарки. Во многих странах китайцам пытались устроить грандиозный пир. Поэтому правитель Тямпы (государства в Южном Вьетнаме), отправлялся встречать Чжэн Хэ на слоне. За ним ехали на лошадях придворные и

сотни солдат. Казалось, вся сила была готова во славу великого гостя. Почти все они пытались отправить своих послов в Китай вместе с экспедициями или за ними.

В истории судоходства трудно привести другой пример завоевания мира без кровопролития. Обычно в истории приводили, что когда морские силы приближались к берегу, обязательно должна была начаться артиллерийская стрельба. Воины Чжэн Хэ не жгли земли, не использовали мечи, не грабили города, не порабощали людей, не строили крепостей, не обращали «многобожников» в свою веру и т.д. Всякий раз, когда флот возвращался в Китай, император выражал искреннюю радость. Во время этих экспедиций произошло несколько обменов товарами. Так, Чжэн Хэ привозит в Китай слоновую кость, а также таких экзотических животных, как страус, зебра и жираф. В «Истории династии Мин» говорится, что «было трудно оценить количество приобретенных ими драгоценных камней и товаров». Возвращение адмирала Чжэн Хэ всегда вызывало в столице радость и волнение. Все находки были торжественно переданы в императорский дворец [13, 142-143].

Экономика и политика были не единственными сферами, на которые повлияла эта экспедиция под руководством Чжэн Хэ. Китай был разнообразен с точки зрения религии, национальности и языка. Среди моряков Чжэн Хань можно было увидеть не только китайцев хань, но и мусульман Хуэй, арабов, персов и других народов Средней Азии. Многие из его советников также были китайскими мусульманами, например, переводчик Ма Хуан, который свободно говорил по-персидски и арабский и говорил с мусульманами из разных стран на протяжении их путешествий. Кроме того, он записал свои путешествия под названием «Ин-яй Шэнь-лан», что сегодня является важным источником информации об обществе вокруг Индийского океана в XV веке.

Адмирал «Золотого Флота» Сайдж Чжэн Ма Хе (Мухаммад) таджикский Колумб был первым, кто открыл Африку, и считается, что он также открыл Америку задолго до Колумба. Он командовал крупнейшими военно-морскими силами своего времени и, возможно, поэтому стал прототипом Синдбада-мореплавателя из знаменитых восточных легенд.

В связи с плаваниями Чжэн Хэ западные авторы часто задают вопрос: «Как получилось так, что европейская цивилизация за пару веков вовлекла в свою сферу влияния весь мир, а Китай, хотя начал крупномасштабные океанские плавания раньше и с гораздо большим флотом, чем имели Колумб и Магеллан, вскоре прекратил такие экспедиции и перешёл к политике изоляционизма?» [13, 20], «что было бы, если бы Васко да Гама встретил на своём пути китайский флот, подобный флоту Чжэн Хэ?» [13, 21]. Ответы, естественно, даются разные, в зависимости от научных или политических взглядов автора. Наиболее своеобразный ответ даёт отставной британский морской офицер Гевин Мензис, который в своей книге «1421: год, когда Китай открыл мир», изложил свою теорию о том, что именно легендарный полководец Чжэн Хэ первым посетил Америку и совершил кругосветное плавание. Во время экспедиции... они путешествовали по всему миру, посетив Америку, Австралию и Антарктиду! «Ни один из великих европейских исследователей не открыл ничего нового. Прежде чем они отправились в путь, у всего мира уже была карта и план. Значит, кто-то сделал это раньше них» [1, 139-140].

Эти смелые слова произнес командир британской подводной лодки, писатель и историк Гэвин Мензис. Некоторые европейские историки не воспринимают эти утверждения всерьез и ссылаются на непрофессиональную интерпретацию. Но он также говорит: «После подтверждения моей работы в Австралии и Китае я впервые задаюсь вопросом: почему европейские и американские ученые утверждают, что Колумб открыл Америку, а командир Джеймс Кук открыл Австралию?» Неужели они до сих пор не знают, что флот Чжэн Хэ путешествовал по всему миру? Я решил прояснить этот вопрос и с удивлением обнаружил, что в мире существует не менее тысячи книг, в которых говорится о визите китайцев в Америку в доколумбовый период. Только список названий книг (библиография) по этой теме составляет два тома» [1, 139-140]. Он считает, что важнейшие географические открытия были сделаны китайцами задолго до европейцев.

В силу своего масштаба, своего отличия от предшествующей и последующей китайской истории, и своей внешней схожести с плаваниями, которые несколько десятилетий позднее начали европейский период Великих географических открытий, плавания Чжэн Хэ стали одним из самых известных эпизодов китайской истории за пределами самого Китая. Например, в 1997 году журнал *Life* в списке 100 человек, оказавших наибольшее влияние на историю в последнем тысячелетии, поместил Чжэн Хэ на 14-е место [12].

Хотя фотографии Чжэн Хэ не сохранились, согласно записям членов его семьи, он был: «ростом семь чи, талия пять чи, его лоб был высоким, его щеки не были тонкими, его нос был маленьkim, глаза сверкающие, зубы белые, по форме напоминающие раковины, а голос был глубоким и сильным, как звон колокола. Записано также, что он обладал большими познаниями в военном деле и был хорошо приучен к сражениям. В 1433 году он умер после последнего путешествия на обратном пути в Китай, и его тело было похоронено в море по традиции моряков. Но китайский историк Сюй Юху (徐玉虎) цитирует в автобиографии Чжэн Хэ, что на самом деле командир флота Чжэн Хэ благополучно вернулся в Нанкин, еще два года он также служил в качестве Нанкинского военного командира и командующего военно-морскими силами и умер только в 1435 году.

Такую же точку зрения поддерживает российский исследователь А.А. Бокщанин. К сожалению, из-за того, что Чжэн Хэ был евнухом, у него не было детей. По этой причине он усыновил одного из своих двоюродных братьев, Чжэн Ха Осао, который и по сей день известен как «семья Чжэн Хэ». Экспедиции военно-морских сил Чжэн Хэ были забыты после их завершения в первые века, но теперь они занимают важное место в исторической памяти человечества. Исследования показывают, что флот Чжэн Хэ было хорошо организован, а его команда была подобрана идеально. Этот факт свидетельствует о богатом опыте военно-морских сил китайского народа в прошлом, который обеспечил успех экспедиций Чжэн Хэ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гевин Мензис. «1421 - год, когда Китай открыл мир»//Изд-во Эксмо, Яуза. Перевод с английского А. Кашина. Москва, -2006. - С.640.
2. Динара В.Д. «Сокровища адмирала Чжэн»//Журнал «Вокруг света». -№6, -Москва, -2008. - С.252.

3. И.М. Филштинский. Адабиёти араби асрҳои XIII-XVI. Ҳазору як шаб//Таърихи адабиёти чаҳон. Институти адабиёти чаҳонии бо номи А.М. Горкий. Москва, -1985. Т. 3. -С.558.
4. Усов В.Н. «Чжэн Хэ»//Духовная культура Китая: энциклопедия//Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Москва-2009. Т. 4. С. 790.
5. ۹۲۳-۱۳۷۳-ص. تهران، چامع التواریخ. (راشید الدین فضل الله همدانی). (راشید الدین فضل الله همدانی).
6. By Zoe Murphy. «Zheng He: Symbol of China's 'peaceful rise'». BBC News - 2010. source: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-10767321>.
7. By Cynthia Stokes Brown. «Chinese Admiral in the Indian Ocean». Khan Academy. source: <https://www.khanacademy.org/humanities/big-history-project/expansion-interconnection/exploration-interconnection/a/zheng-he>.
8. Dreyer, Edward L. «Zheng He: China and the oceans in the early Ming dynasty, 1405-1433». The library of world biography. New York-2007. P. 238.
9. Fujian Sheng xin wen ban gong shi. «Zheng He's Voyages Down the Western Seas» // by Information Office of the People's Government Fujian Province. China Intercontinental Press, Beijing-2005. P.109.
10. Jonathan Neaman Lipman. «Familiar strangers: a history of Muslims in Northwest China». Hong Kong University Press, Honk Kong-1998. C.266.
11. List of Life magazine's 100 most important people of the last millennium. Life magazine (1997).
12. Louise Levathes. «When China ruled the seas: the treasure fleet of the Dragon Throne, 1405-1433». Oxford University Press. New York – 1996, P 252.
13. Needham J. Nautical technology. «Science and civilization in China: Physics and physical technology». Cambridge University Press. Cambridge-1971. Vol. 4. P.990.
14. Raphael Israeli. «Islam in China: religion, ethnicity, culture and politics». Lexington Books Maryland-2002. - P.350.
15. Shih-Shan Henry Tsai. «Perpetual Happiness: The Ming Emperor Yongle». Seattle, Wash.: University of Washington Press - 2002. P.286.
16. Shih-shan Henry Tsai. «Eunuchs in the Ming Dynasty». State University of New York Press. New York-1996. P.290.

СЕМЬ МОРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ ЧЖЭН ХЭ (МУХАММАДА ХАДЖИ) - ТАДЖИКСКОГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯ И ДИПЛОМАТА В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

В данной статье автор освещает жизнь Чжэн Ма Хэ (Мухаммад Хаджи), выдающегося таджикского мореплавателя и легендарного адмирала, чей вклад в историю и культуру Китая XIV-XV веков оказался уникальным. За короткий промежуток времени Чжэн Хэ посетил более чем 56 стран и мегаполисов, возглавив крупнейший в Китае флот, состоящий из более 250 кораблей и насчитывавший от 27 до 30 тыс. человек.

В период с 1405 по 1433 годы он руководил семью экспедициями по ключевым торговым путям Юго-Восточной Азии, Индийского океана, Красного моря и северного побережья Восточной Африки. Будучи выдающимся китайским стратегом и полководцем, Чжэн Хэ контролировал морской Шелковый путь, открывая новые земли и устанавливая разносторонние связи династии Мин с заморскими странами.

Статья также рассматривает активную жизнь Чжэн Хэ и его семейные связи. Семейное предание утверждает, что отец Ма Хаджи (или дед Чжэн Хэ) был внуком Сеида Аджала Шамсуддина Омара, одного из полководцев хана Хубилая в империи Юань. Заслуги этого выдающегося адмирала подчеркиваются в современном Китае, где он приносил великие науки и знания своего времени. Чжэн Хэ рассматривается как посланник мира и дружбы, символ открытости Китая миру. Он учредил китайские и мусульманские поселения в Юго-Восточной Азии, осуществил первую связь между Китаем и Африкой, и его вклад способствовал политическим стрate-

гиям новых правителей Китая. По словам китайских чиновников, Чжэн Хэ «привнес в новые страны чай и шелк, а не кровь и рабство».

Ключевые слова: Чжэн Хэ, Ма Хэ, Саид Аджал Бухари, таджик, мусульмане, мореплаватель, династия Мин, Чжу Ди.

ҲАФТ САФАРИ БАҲРИИ ЧЖЭН МА ХЭ (МУҲАММАД ҲОЧӢ) – БАҲРНАВАРД ВА ДИПЛОМАТИ ТОЧИК ДАР ЧИНИ АСРИМИЁНАГӢ

Муаллифи мақола доир ба фаъолияти яке аз фарзандони фарзонаи халқи тоҷик, баҳрнавард, дипломат ва фармондехи маъруф Сайд Чжэн Ма Хэ (Ма Хэ – Муҳаммад Ҳочӣ), ки мавсүф дар таъриху фарҳанги Чин дар асрҳо XIV-XV саҳми беназири худро гузоштааст, муҳтасар сӯхан рондааст.

Чжэн Хэ дар муддати кӯтоҳ зиёда аз 56 кишвар ва шаҳрҳои азимро сафар намуда, ҳамзамон бузургтарин Қувваҳои баҳрии Чинро, ки миқдори умумии ҳайати он зиёда аз 250 киштӣ ва аз 27 то 30 ҳазор нафар иборат буд, идора мекард. Дар байнӣ солҳои 1405 ва 1433, бо сарварии ў ҳафт экспедитсия дар муҳимтарин роҳҳои тиҷоратӣ: соҳилҳои Осиёи Ҷанубу Шарқӣ, Уқёнуси Ҳинд, Баҳри Сурх ва инчунин, ба соҳилҳои шимолии Африқои Шарқӣ гузаронида шуда буд. Ўро бузургтарин баҳранавард ва фармондехи Чин меноманд, ў дар баҳри «Роҳи обии абрешим» ҳукмронӣ карда, халқҳо ва заминҳои навро қашғ намуд ва робитаҳои гуногунҷабҳаи сулолаи Минро бо кишварҳои бурунмарзӣ ба роҳ мондааст.

Ҳамзамон, дар мақола оид ба ҳаёту фаъолияти Чжэн Хэ ва хонадони ў оварда шудааст. Волидони Чжэн Хэ дар Чин бо шарофати зиёрати Макка маъруф буданд, онҳо аз муҳоҷирони Бухоро буда, дар хонаводаи хуёйсҳо (сёму) фаъолият менамуданд. Тибқи ривоятҳои ин хонавода падари Ма Ҳочӣ (яъне бобои Чжэн Хэ) набераи Сайд Аҷал Шамсуддин Умар, яке аз фармондехони Кубилой-коон (империяи Юон) зодаи Бухоро буд. Саҳми ҷаҳонии ин баҳрнаварди маъруф Чжэн Хэ дар Чин то ба имрӯз гуфта мешавад, ў ҷаҳонро ба рӯйи Чин ва Чинро ба рӯйи ҷаҳон боз кард. Ў ба Чин илму дониш ва навғонҳои азим овард. Чжэн Хэ ҳамчун рамзи қушодагии Чин ба ҷаҳон, ҳамчун фиристодай сулҳу дустӣ тасвир карда мешавад. Вай дар саросари Осиёи Ҷанубу Шарқӣ шаҳракҳои чинӣ ва мусулмониро таъсис дод, аввалин робитаҳои байнӣ Чин ва Африқоро низ барқарор кард ва ҳоло ҳам ба мақсадҳои сиёсии ҳукumatдорони нави Пекин хизмат мекунад. Ҷуноне, ки мақомоти Чин мегӯянд, Чжэн Хэ «ба кишварҳои нав чой ва абрешим овардааст, на хуну гуломӣ».

Калидвозжаҳо: Чжэн Хэ, Ма Ҳэ, Сайд Аҷал Бухорӣ, тоҷик, мусулмонон, баҳранавард, сулолаи Мин, Чжу Ди.

SEVEN VOYAGES OF ZHENG HE (MUHAMMAD HAJJI) - TAJIK NAVIGATOR AND DIPLOMAT IN MEDIEVAL CHINA

In this article, the author tells the story of Zheng He (Muhammad Hajji), a famous Tajik navigator and legendary admiral who made a unique contribution to the history and culture of China in the 14th and 15th centuries.

Zheng He, in a short period of time, visited more than 56 countries and metropolises, leading the largest fleet in China, consisting of more than 250 ships and 27-30 thousand people. From 1405 to 1433, he led seven expeditions along the most important trade routes of Southeast Asia, the Indian Ocean, the Red Sea, and the northern coast of East Africa. As the greatest Chinese specialist and military leader, he dominated the maritime Silk Road, discovered new nations and lands, established multi-faceted relations between the Ming dynasty and foreign countries.

The article also tells about Zheng He's active life and his family. According to family tradition, Ma Hajji's father (i.e. Zheng He's grandfather) was the grandson of Sayyid Ajall Shamsuddin Omar, one of the commanders of Khan Kublai (the Yuan Empire). The contribution of this famous admiral Zheng He to the development of the world is still talked about in China today. He brought great sci-

ence and knowledge of that time to China. Zheng He is depicted as an ambassador of peace and friendship, a symbol of China's openness to the world. He founded Chinese and Muslim settlements in Southeast Asia, built the first link between China and Africa, and his contribution served the political goals of new rulers in China. According to Chinese officials, Zheng He «brought tea and silk to new countries, not blood and slavery».

Key words: *Zheng He, Ma He, Seid Ajal Bukhari, Tajik, Muslims, navigator, Ming dynasty, Zhu Di.*

Сведения об авторе: Амиршоев Сиёвуш Нурмухаммадович – младший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабова, 7. E-mail: Siyova_87@mail.ru

Information about the author: Amirshoев Siyovush Nurmuhammadovich – Junior Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after V.I.A. Donisha NANT. Adress: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ak. Radjabovs, 7. E-mail: Siyova_87@mail.ru

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
УДК 72.01(5-011.3)"9/10"

ИСКУССТВО ГРАДОСТРОЕНИЯ В IX – X ВВ.¹

МУКИМОВ Р.С.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Раннее средневековье охватывает IV–Х вв., которое заключает в себя два этапа развития: IV–VIII и IX–Х вв. На первом этапе проявился ряд закономерностей в архитектуре Среднего Востока. Во-первых, раннесредневековое зодчество развивалось в общем русле становления раннефеодальной архитектуры во взаимосвязи и взаимообогащении с культурами различных стран Евразии. Во-вторых, одним из важных выводов является то, что основой для возникновения феодальной архитектуры в рассматриваемом регионе стали преемственность и устойчивость архитектурно-художественных традиций центрально-азиатской античности. В-третьих, как показал анализ градостроительного искусства на территории Мавераннахра, города в раннем средневековье отличались высоким уровнем благоустройства и продуманной мощной системой фортификации, приспособленной к сложным природным условиям местности.

Последующий период в архитектуре Мавераннахра, да и всей Центральной Азии в целом, знаменует собой формирование качественно нового стиля, отличного по своему внутреннему содержанию и внешнему выражению от стиля, слагавшегося в условиях предшествующего общества. Вступление одной из самых развитых стран Востока, какой был Мавераннахр, на путь интенсивной феодализации не только породило новые формы общественной идеологии, но и коренным образом отразилось в области архитектурного творчества.

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XX вв.) государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

Почему так произошло, ведь в VIII веке территория Мавераннахра была насилиственно захвачена войсками арабского халифата, сопровождаемая большими бедствиями? По словам историка Бируни, в этот период не только были преданы огню капища и скульптурные изваяния местных богов, но истреблены ученые и сожжены их книги (21, 14).

Вместе с тем, нельзя отрицать и положительного результата вхождения Мавераннахра в состав арабского Халифата. В частности, вслед за окончательным утверждением ислама происходит сближение архитектуры и искусства Мавераннахра с архитектурой и искусством народов арабских стран. При всех вполне справедливых высказываниях о том, что арабы «в культурном отношении стояли гораздо ниже завоеванных ими народов...» (17, 13), нельзя к этому вопросу подходить упрощено и однобоко. Как пишет М. Сенасёр, руководитель Отдела философии ЮНЕСКО в 1970-1980-х гг., хотя мусульманство и зародилось в пустыне, его развитие сопровождалось удивительными масштабами урбанизации. Основатели мусульманской империи были также крупнейшими градостроителями: во время их правления были основаны такие города, как Куфа, Басра, Багдад (самый большой город в мире в IX веке н.э.), Шираз, Дамаск, Алеппо, Каир, Кайруан, Тунис, Мехдия, Алжир, Тлемсен, Кордова, Сарагоса, Сиджильмаса и Тимбукту (15, 4-10). Несомненный парадокс заключается в том, что народ, рожденный и выросший в пустыне, смог построить или возродить столь много городов. Значительная экономическая и социальная революция, каковой было мусульманство, объясняет, каким образом цивилизация, зародившаяся в пустыне, сумела в то же самое время стать отчасти «городской» цивилизацией. Значение этого факта нередко игнорировали историки мировых урбанистических движений (15). Давайте, прислушаемся к этому высказыванию профессора из Университета в Касабланке (Марокко), которое на первый взгляд, представляется парадоксальным.

Действительно, арабы способствовали установлению связей между кочевниками пустыни и отдельными племенами, и родами, проживающими в городах, а также более ранними цивилизациями, расположенными вдоль торговых путей (это, в основном, крупнейшие цивилизации Востока и Запада. В центре ее, на полпути между Йеменом и Сирией, лежала Мекка, заинтересованная сохранить в неприкосновенности торговые пути, по которым к ней текли ее богатства. Поэтому они (арабы) нередко возрождали из руин многие древние поселения и создавали новые города, дабы те способствовали осуществлению контроля над торговыми путями, протянувшимися от Китая до Испании, либо служили как промежуточные пункты на этих путях.

Победоносные войны предоставили в распоряжение арабских градостроителей огромные территории. Урбанизация стремительно развивалась, начиная от Месопотамии, где она уже существовала, и кончая Сирией и Египтом, где она приходила в упадок, и Африкой, где она давно уже отмерла.

Древние поселения зажили новой жизнью, и их размеры, население и социально-экономическая значимость соответственно возросли. Так, в X веке в Багдаде насчитывалось более миллиона жителей, в Дамаске и Кордове 300-400 тысяч, а в Каире - полумиллиона. Эти цифры еще более впечатляют, если вспомнить, что процветающие го-

рода средневековой Европы насчитывали в среднем немногим более 30-40 тысяч жителей и что население Парижа, к примеру, достигло трехсот тысяч лишь в XIV веке.

Столь бурный рост городов определил их господствующее положение над прилегающей сельской местностью, ставшей поставщиком продуктов питания и рабочей силы. Как подчеркивает М. Сенасёр, все эти города имеют общее происхождение: они возникали как место встречи предприимчивых погонщиков верблюдов из Сахары и горстки не менее предприимчивых торговцев городов Средиземноморского побережья. Возникновение городов представляло собой сложный процесс, порой захватывающий прежние поселения кочевых племен, расположенные вдоль границы с пустыней (рис. 1).

Процветание этих торговых центров, богатство и престиж знаменитых торговцев-авантюристов находили свое отражение в архитектуре - во дворцах, мечетях, медресе.

Планировка города отражала его социально-экономическую роль. В центре находился «сук», торговый ремесленный район, посреди которого стояла главная мечеть. Неподалеку от суков находились «фундуки» - торговые склады и дома купечества, а также «кайсарийи», где хранились дорогие товары. В том же районе располагались мечети и иногда помещался монетный двор. А вокруг него лежал целый лабиринт улочек и переулков, вдоль которых располагались открытые мастерские, где трудились группы ремесленников — ткачей, резчиков, красильщиков, медников, занятых, как правило, тысяча и одним ремеслом.

Рис. 1. Город в пустыне Сук-эль-Уде (Алжир).
Аэрофотосъемка с разной высоты

Постороннему человеку затмненные выющимися на специальных решетчатых перекрытиях растениями, улицы, скрывающими жизнь своих обитателей за высокими стенами домов без окон, шумные главные артерии города и гомон рынка, весь этот мир, в котором купцы и посредники сновали в одной толпе с поденщиками и носильщиками, мог показаться беспорядочным хаосом. Однако, как замечает марокканский профессор, в этом мире более чем где-либо еще существовала своя система, при которой особое лицо - «мухтасиб», представляющий городскую власть, нес ответственность за законность совершившихся сделок, за поддержание мусульманского правопорядка, наивысшим принципом которого считалось: творить добро и предотвращать зло.

Конкретные функции, возложенные на мухтасиба, были в каждом городе свои. В Фесе, например, он был официально назначен центральной властью надзирать за совершившимися сделками, проверять вес и размеры продаваемого товара, устанавливать цены, осуществлять надзор за работой печей, рынков, мануфактур и общественных бань.

Помимо городской службы мухтасиба в городе существовали различные гильдии. Их функции в разные времена и в разных местах были неодинаковы, но все гильдии так или иначе были связаны с «футувва» - сложным институтом, характерным для мусульманского города.

Футувва являлась профессиональным объединением ремесленников; чтобы стать членом этого объединения, необходимо было пройти обряд посвящения. Согласно свидетельству знаменитого путешественника XIV века Ибн Баттуты, знакомого с такими группами мусульманского мира, создание этих братств молодых людей, поклявшихся быть верными товарищами, преданными друг другу, возможно, восходит к давним временам, предшествующим правлению аббасидской династии (которое исчисляется с середины VIII века).

Эти группы укрепляли структуру системы гильдий, предполагавшей дисциплину и сплоченность городской общины в таких городах, как Фес, где термин «футувва», очевидно, был не только знаком. Через гильдии ремесленники были знакомы друг с другом, все были связаны единой системой информации и подчищались одним и тем же неписанным законам, нарушителей которых ждало осуждение со стороны их товарищей.

В некоторых мусульманских странах, в частности в Египте, о футувва были написаны подробные трактаты, рассказывающие о таких обрядах, как церемония посвящения, во время которой нового члена гильдии опоясывали кушаком, завязанным узлами, вокруг талии.

Начиная с XVI столетия гильдии разделяют одинаковую приверженность к традициям и одинаковый принцип подчинения властям. Так, любое ученичество, касалось ли это физического или умственного труда, рассматривалось как процесс посвящения, связанный с передачей знания от учителя к ученику. Это отразилось на культуре. Мир корпораций ремесленников и умельцев, мир ученых мыслителей постоянно соприкасалась друг с другом. «Мудрый человек», являвшийся одновременно и правоверным мусульманином и гарантом соблюдения законов своей религии, стал доминирующей фигурой в интеллектуальной и духовной жизни городской общины.

В интеллектуальной жизни преобладали традиционные науки мусульман, унаследованные от древних греков и получившие дальнейшее развитие. Новый мусульманский город, фундамент которого был порой заложен на земле нескольких древних цивилизаций, создавал благоприятные условия для развития медицины, астрономии и математики - наук, применение которых могло удовлетворить новые запросы.

Интеллектуальная деятельность этой цивилизации была активной, порой сопровождалась полемикой, нередко - исследованиями и неизменно стремлением к поиску, присущим всем видам человеческого общества, и являлась стержневым корнем городской культуры, космополитичной в своем многообразии.

Итак, города были не просто точками на экономической карте. Они были также центрами культурной и религиозной жизни. Поездка в торговый центр была одновременно и поездкой в центр образования и культуры. Мир, влекущий купца, был магнитом и для ученого.

Этим объясняет М. Сенасёр почему культура, продвигалась от одного мусульманского города к другому, соединяя почти всех их в единое целое. Существовало гораздо большее взаимопонимание и общение между Кордовой, Фесом, Багдадом и Самаркандром, нежели между этими городами и прилегающими сельскими районами.

Мусульманская культура, таким образом, служила не только основным средством общения, но также и способствовала созданию и сохранению прочного единения в городской жизни. Знаменательно, что на всей территории мусульманского мира не было сколь-либо развитой сети постоянных дворов или гостиниц. Принимали путников и устраивали их на ночлег фундук или мечеть (13, 266-267). Урбанизация мусульманского мира ширилась и крепла, неся богатство и культуру городов к порогу цивилизации Запада, где эпоха Возрождения использовала этот поток знаний.

Это явление было поистине выдающимся в истории мировых культур и цивилизаций. В истории существовало не так уж много сложных, обширных и богатых по своим возможностям движений, способствовавших развитию единения в общемировом масштабе. От Багдада на востоке до Кордовы на западе, с запада — к Византии и от христианской Византии - к мусульманскому Востоку открывались новые земли для торговли и прокладывались новые пути для передачи религиозных, интеллектуальных, экономических и политических идей.

Под влиянием градостроителей мусульманского мира пульс истории постепенно стал воспринимать иной ритм - тот, который ощущается и в наши дни. И какой же путник мог отрицать правоту этих слов: «Вы не найдете новых стран; вам не откроются новые берега. Город будет повсюду с вами».

Город у мусульман был городом-садом. Ревностно хранимые от глаз любопытного прохожего, за высокими стенами лежали чарующие водоемы и росли декоративные деревья и кустарники. Сады несли жизнь «уголку пустыни», создавали фон для неземных грез, призывали к «беспечной, но искрящейся мыслью» фантазии.

Подобная тишина и неподвижность были, возможно, роскошью - и даже больше, чем роскошью, они стали в сегодняшнем стремительном, индустриальном веке.

Следует отметить, что становление изобразительного и архитектурно-декоративного искусства Мавераннахра и Хорасана на всем своем историческом развитии протекало не изолированно. Например, ещё в начале I тысячелетия до н.э. происходило формирование нового художественного стиля у народов Ирана, Афганистана и юга Средней Азии, находившихся под сильным воздействием художественного древневосточного творчества. Именно преемственность и взаимообогащение традиций были двигателем архитектуры на всем протяжении древности и раннего средневековья.

Как отмечалось выше, города Центральной Азии, в том числе Мавераннахра в IX-X вв. делают невиданный доселе гигантский скачок в своём развитии. Резко увеличивается население городов, о котором можно судить по степени миграции сельского населения в городские ремесленно-торговые центры (16, 17-33). За это время, как справедливо отмечают многие исследователи среднеазиатского зодчества (например, О.Г. Большаков, В.Л. Воронина, Г.А. Пугаченкова и др.), территории Бухары увеличилась в 12-15 раз, Самарканда – 3-4 раза, а Бинкета – в 20 раз. Появляются новые города (20).

Такой колоссальный рост городов был обусловлен развитием производительных сил страны, т.е. государства Саманидов, сосредоточением в городах ремесленного производства и торговли, развитием городской культуры, науки, искусства и архитектуры, миграцией сельского населения в города, где появляется не только сильная ремесленно-торговая прослойка, но и гуманистически настроенная научная интеллигенция (16, 107-116).

Центрально-азиатские города, которые прежде служили связующим звеном между западными и восточными странами, являясь перевалочными пунктами мировой караванной торговли, теперь уже сами производят товарную продукцию и торгуют на Востоке с Китаем, Восточным Туркестаном, на северо-западе – с Болгарией и Русью, на западе – с Хазарией. Денежные обязательства – чеки, выдаваемые в Самарканде и Бухаре, быстрее, чем поступление налога (хараджа) в государственную казну Саманидов, оплачиваются в городах далекого Магриба. Серебряные монеты, чеканенные в Самарканде, Бухаре, Шаше и Хорезме, имеют хождение в Хазарии, Болгарии и на Руси (12, 389-392).

Арабская географическая литература этого периода полна красноречивых описаний городов Востока с перечнем их достоинств и архитектурных достопримечательностей с указанием величины, числа жителей, их занятий, и даже характеристикой их моральных качеств. Так, например, в книге «Таърихи Бағдод» (История Багдада) говорится: «Искусное мастерство характерно для Басры, красноречие – для Куфы, привольная жизнь – в Багдаде, вероломство отличает Рей, зависть – Герат, гордость – для Самарканда, рыцарство для Балха и торговля развита в Мисре» (22, 157; 14, 375-381).

Любопытные сведения о типологии, городской коммунальной службе и структуре города даются в главе «Городская жизнь» книги швейцарского востоковеда Адама Меца «Мусульманский Ренессанс», посвященного истории культуры арабского халифата IX-X вв. н.э. (14, 375-381).

В X в. крупным городом Тохаристана являлся *Хульбук*, столица историко-культурной области Хутталя (рис. 186-191). Площадь города составляла около 70

га. Цитадель располагалась на его юго-западной окраине. Большую часть территории древнего города в настоящее время занимает современное селение Курбаншиид в Восейском районе Хатлонской области Таджикистана. О высоком уровне коммунального благоустройства Хульбука говорит факт обнаружения водопроводных труб, ям-бадрабов для сброса нечистот, мощенных улиц, отопительных систем (6, 40-41).

Достопримечательностью Хульбука был дворец хуттальского правителя с квадратным двором посередине. Пол двора искусно был вымощен жженым кирпичом, а в его центре находился глубокий колодец с небольшим устьем, предназначенный для стока талых вод. С четырех сторон двора проходила крытая галерея с колоннами, куда выходили двери и окна помещений дворца. Особенно красиво и богато были украшены стены и потолки. От этих украшений осталось немного – лишь небольшие кусочки расписного резного алебастра. Архитектурный декор дворца некоторым образом дополняют фрагменты колонного ордера с капителями из резного алебастра с воспроизведением морд львов, а также трехчетвертные алебастровые колонки, алебастровые же плахи с надписью куфи и др. Дворец под полом имел крытый кирпичный канал, выводящий нечистоты за пределы сооружения. Центральная отопительная система, расположенная также под полом в виде соединенных между собой керамических труб, нагревала кирпичи пола дворца и тем самым отапливала его помещения (8, 42-44).

Цитадель Хульбука расположена в юго-западной части городища и далеко выдвинута в долину. Выбор места, как считает археолог Э. Гулямова, был предопределен тем, что фасадная плоскость, на которой портал смотрится как михраб (рис. 2), была открыта в сторону густо населенного Уртабоза, на котором находятся большие памятники – Золи-Зард, Сайёд и Гулистан, а как бы за спиной Хульбука – не менее значительные памятники: Манзара, Кайнар, Дашибиди, Имом-Али и др. Срединное местонахождение и размещение столицы в излучине Сухроба, с трех сторон окруженного рекой, делает город защищенным.

Реконструированная на основе фрагментов входной части сооружения, портал имеет общую высоту 13,25 м, ширину – 8,6 м с шириной входа в 2,85 м. Рама пештака П-образная и состоит из нескольких дорожек: в один ряд кирпич с чередованием целого и половинки, спаренный кирпич, поставленный на ребро и образующий узор лиандра, специальные кирпичи с вырезанной до обжига куфической надписью, спаренный кирпич. Архивольт поддерживает трехчетвертная колонка. Тимпан украшен кирпичной кладкой геометрического узора: штрих на квадратной сетке, над дверью лопатка, сложенная из кирпичей с куфической надписью. Кирпичи в два ряда по семь штук в ряду. В отличие от надписей, обрамляющих раму портала, которые отличаются строгостью размера, буквы на лопатках несколько суженные и сильно вытянутые. Общий вид портала на плоскости, расчлененной прямоугольными и округлыми пилонами и контрфорсами, смотрится монументально.

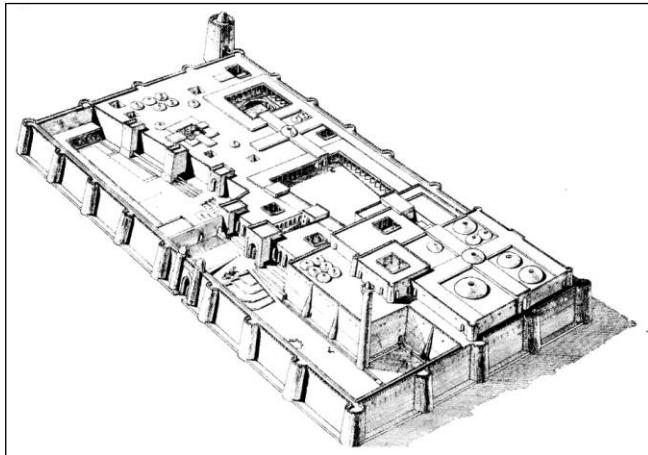

Рис. 2. Хульбук. Реконструкция дворца Хатлоншахов.

Графическая реконструкция порталного входа в цитадель Хульбука весьма примечательна, так как она демонстрирует один из первых примеров в центрально-азиатском зодчестве появление портала вообще, который, как известно, начал формироваться после X в. и, в частности, в зданиях культового назначения (мавзолеи Араб-Ата в Тиме, Мир-Сайд-Бахрома в Кермине и др.) (8, 94-95, рис.).

В преддверии празднования 2700-летия города Куляба и его округи (2003-2004 гг.) начались реставрационные работы на цитадели Хульбука (авторы проекта целостной реставрации архитекторы З. Хасанов и Н. Валиев). К сентябрю 2006 года, в год юбилейных торжеств, президентом Республики Э.Ш. Раҳмоновым был торжественно открыт значительный фрагмент крепостной стены цитадели с входным порталом (западный фасад цитадели) и музей Хульбука. На территории цитадели были вскрыты почти все постройки и законсервированы для показа гостям торжеств. В настоящее время целостная реставрация крепостной стены продолжается (см. рис. 2).

Другое крупное *городище на территории Хуттала обнаружено недалеко от селения Сайёд* на берегу Пянджа. Изученное Э. Гулямовой, городище имеет прямоугольную в плане цитадель (160x130 м), приподнятая на высокой платформе и окруженная широким (8 м) рвом. На территории Сайёд изучен ряд жилищ горожан, так что облик городского дома IX-X вв. мы вполне можем представить по описанию Э. Гулямовой. Жилой дом горожанина (50x50 м) состоял из квадратного двора (26x26 м), вокруг которого располагались прямоугольные в плане помещения. Пол двора местами был выложен жжеными кирпичами в определенном орнаментальном мотиве. Стены помещений, обращенных во двор, были украшены резным штуком. Такой же декор обнаружен и в парадных помещениях. Заслуживает внимания отделка сух, поверхность которых покрыта толстым слоем белого алебастра, а боковины покрыты красной краской. Пол помещений выкладывался жженым кирпичом. Одной из примечательных особенностей помещений является наличие в западной стене михрабной ниши, углы которой оформлены трехчетвертными резными колонками. Обычно помещения в доме располагались группами: в центре – парадная, кухня, комната для омовения с возвышением и ванночкой со стоком для воды и комнаты с сухфами (14).

В середине IX века сильно выросла территория *Бухары*, и в 849-850 гг. город заново обнесли стеной, имевшей 11 ворот. Город занимал уже не менее половины площади современной Бухары. В X в. вся центральная её часть представляла базар, а город в целом совершенно потерял облик прежнего шахристана. Одновременно город распространился и за пределы шахристана, куда постепенно переселяются представители знати, отстраивая здесь свои замки, усадьбы и дворцы. Строятся и культовые здания, главным образом мечети. Постепенно вокруг рабада строится мощная и длинная стена для защиты города (23, 18-19).

В IX-X вв. крупной экономически сильной областью Мавераннахра была *Фергана* со сравнительно большими и густонаселенными городами Ахсикат, Худжанд, Андукан, Куба, Канд (Кандибодом или Канибодом), Асбара и др. *Худжанд* состоял из трех частей: кухандиза, шахристана и рабада. В последнем находился дворец правителя, в кухандизе – тюрьма, в шахристане - соборная мечеть. Как показывают исследования Н.Н. Негматова, город имел в окружности 6-8 км. Посреди города протекала речка, снабжавшая его водой. Глинобитные дома располагались тесно, на окраинах города было много садов и виноградников. Город находился на перекрестке дорог из Согда, Чача и Ферганы, что способствовало его экономическому и культурному процветанию (16, 17-33). По данным арабоязычных географов, Худжанд был большим единственным и красивым городом на левом берегу Сырдарьи. Например, Ибн-Хаукалль отмечает, что Худжанд «...по красоте своей одинок среди областей», а ал-Мукаддаси пишет: «Худжанд – город услады, нет на этой стороне более приятного (города), чем он, посреди его течет река и гора смежна с ним, хвалят его мудрецы и поэты». Согласно описанию путешественников и географов средневековья, если для Самарканда была характерна гордость, рыцарство – для Балха, то древний Худжанд был увенчен эпитетом «Тирози джахон» - «Краса мира» (11, 53-90).

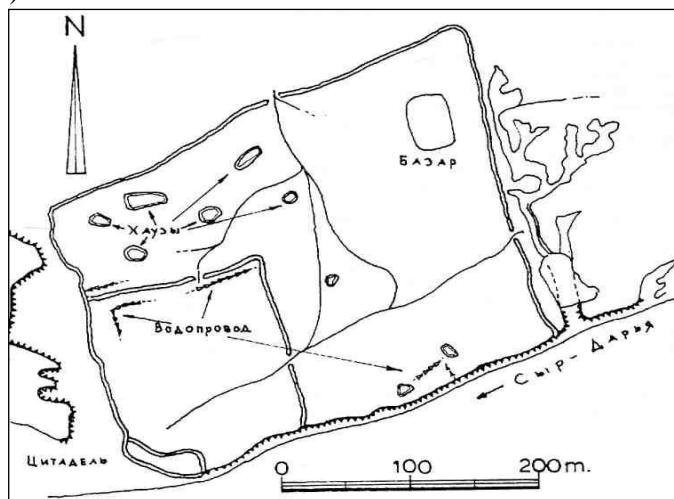

Рис. 3. План Ахсыкета (по А. Анарбаеву).

Главный город Ферганы – *Ахсикат*, расположенный на правом берегу Сырдарьи, состоял из крепости, шахристана и ремесленной округи – рабада (рис. 3). В цитадели имелись дворец и тюрьма, а в шахристане – соборная мечеть и обширные

базары. Городские здания были глинобитные. Город орошался множеством каналов, впадавших в красивые хаузы, обложенные кирпичом на известковом растворе (16, 44-45).

Наиболее крупным городом Мавераннахра оставался в IX-X вв. *Самарканд*. В этот период он вышел далеко за пределы Афрасиаба и состоял из трех частей: цитадели, шахристана и рабада. Шахристан занимал значительную часть современных развалин Афрасиаба площадью 218 га. Площадь рабада была равна 175 га. К концу X в. город ещё более разросся за счет расширения рабада. Последний окружал шахристан уже со всех сторон. В рабаде было много кварталов, улиц, базаров, замков и садов. Почти на всех улицах была проточная вода, улицы и площади были вымощены камнем, а постройки возводились, главным образом, из сырца и дерева, в городе было много каравансараев и бань. Самарканд вместе с окрестностями был окружен общей глинобитной стеной, имевшей 12 ворот. Остатки внешней стены ныне известны под названием Девори Киемат и Девори Кундаланг. Площадь всей округи, охваченной этой стеной, составляла около 20 кв. км (24, 164-70, рис. 4).

По историческим сведениям, западная часть Самарканда активно застраивалась монументальными дворцами Саманидов, а восточная – усадьбами знатных вельмож и военноначальников. В 1911 году в западной части Афрасиаба археологами был обнаружен ряд больших помещений, украшенных резными ганчевыми панелями. Это был дворец Афрасиаба, реконструированные Бухара, Ахсикат, Худжанд Л.И. Ремпелем (3, 30-31). Первый зал имел размеры 6,29x13,4 м и имел три дверных проёма, обращенных во двор, а две других – на торцах. Ученый предполагает, что главное предназначение просторного и достаточно светлого (над дверьми были устроены световые проёмы, забранные ганчевыми решетками и цветным стеклом) зала, украшенного тонкой резьбой из ганча, - прием гостей, т.е. он служил своего рода мехмонхона – гостиная, известная ещё в доарабское время (3, 42-48).

Как пишет кандидат искусствоведения С. Рахматуллаева, замечательным явлением в архитектурной декорации Мавераннахра IX-X вв. являются композиции резного орнамента гостиной дворца Саманидов, где в изящном узоре можно увидеть более древний, заметно переработанный, вьющийся стебель виноградной лозы, столь излюбленный и часто изображаемый в резном дереве Пенджикента и резном ганче Варахши (18, 93). Резной орнамент панелей Афрасиаба находит близкие параллели в пластическом убранстве дворца аббасидских халифов в Самарре (IX в.), мечети Наине (Иран, 960 г.), мечети Тарих (Ну-Гумбад) в Балхе (Афганистан, IX-X вв.) и др. (19, 93-94).

После арабского завоевания возрождаются и развиваются не все города. Так, высококультурный город Пенджикент – столица согдийского владения Панч в верховьях Зеравшана, был частично разрушен в 722-723 гг. во время восстания согдийцев (4, 118-119). После этого жизнь в нем продолжалось до 70-х годов VIII в., а затем он снова приходит в упадок. Однако учеными (например, В.В. Бартольдом) прослежено возрождение этого города как культурного и торгового центра Верхнего Зеравшана в IX-XIII вв., но уже на новом месте. О нем сохранились краткие сведения в арабо-таджикских письменных источниках X-XII вв. (4, 144-145). Новый город Пенджикент возник в юго-западной части равнины Дасти Мулло на левом берегу Магиандарьи. Согласно исследованиям археолога У. Эшонкулова, он состо-

ял из цитадели, возникшей ещё в VII в., и обширного населенного пункта (размеры 500x350 м), огороженного крепостной стеной (25, 573). Как писал ал-Истахри, в Пенджикенте находилась соборная мечеть, единственная к востоку от Самарканда (1,202). От этой мечети в настоящее время сохранились остатки сырцового минарета в Даши Кози. К стенам города примыкало кладбище. Найдены жженых кирпичей, остатков керамики, стеклянных сосудов, зернотерок, жерновов водяных мельниц наглядно свидетельствует, что в IX-XII вв. Пенджикент был богатым и развитым городом. Так, ал-Истахри говорит о нем как о «богатом городе с прекрасными фруктами, изюмом и яблоками», а Ибн-Хаукалль отмечает: «Что касается до самарканских рустаков, то первый из них Бунджикат (Пенджикент) с одноименным городом, в котором имеется соборная мечеть... Бунджикат – рустак, изобилующий деревьями и проточными водами. Его урожай миндали, орехов и прочих превосходит урожай в других рустаках, хотя он и не велик...» (10, 222, 225).

Таким образом, нашими исследованиями выяснилось, что на обширной территории Мавераннахра в период раннего средневековья, а затем и последующие периоды сформировалась самостоятельная архитектурно-художественная школа с установившимися традициями жилищного строительства, сельского расселения, обширной совершенной типологии гражданских, культовых и инженерных сооружений, оказавшей влияние на зодчество прилегающих территорий Центральной Азии и вместе с тем впитавшей все то лучшее, что было достигнуто соседними народами, развивавшимися в общем русле формирования центральноазиатской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Ал-Истахри (Исхок Иброхим. Масолик ва Мамолик (Пути и страны). Под ред Эраджа Афшара. Третье издание. -Тегеран: Изд. Наука и культура, 1368 г.х. (1949).
2. Ахмедов, М.К. История архитектуры Средней Азии (на узб. яз.). – Тошкент: Изд. «Узбекистон», 1995. - 178 с.
3. Ахрапов, И.А., Ремпель, Л.И. Резной штук Афрасиаба. – Ташкент: Изд. Литер. и искус. Им. Г. Гуляма, 1971. – 160 с.
4. Бартольд, В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//В.В. Бартольд. - Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1898 - 1900. Ч. 2. Исследования. - 1900. - VIII, 573 с.
5. Большаков, О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА СССР. - № 124 (Тр. ТАЭ, т. IV). – М.-Л.: АН СССР, 1966. - 232 с.
6. Гулямова, Э. Хульбук – столица Хутталя. – Душанбе: Ирфон, 1969. -75 с.; 7. Якубов, Ю., Гулямова Э., Хульбук столица древнего Хатлона. /Путеводитель. – Душанбе: Изд. «ЭР-Граф», 2006. – 68 с., на тадж. и русск. яз.
8. Гулямова, Э. У ворот столицы Хутталя // Мероси ниёгон. - 1992. – Вып. 1. - С. 94-95, рис.
9. Гулямова, Э. Дом богатого горожанина IX-XI вв. и его ганчевый декор // Информационный бюллетень МАИКЦА. - Вып. 17. – М.: Наука, 1990. - С. 61-112, рис. 1-8.
10. Ибн-Хаукалль. Сурат ал-Арз. – Техрон, 1340х, с. 222, 225.
11. История Ленинабада. Научно-популярный очерк. – Душанбе: Ирфон, 1986. - 607 с.
12. История таджикского народа//Под редакц. Н.Н. Негматова. - Т. 2. – Душанбе: АН РТ, 1999. - 790 с.
13. Мамаджанова, С.М., Мукимов, Р.С. История градостроительного искусства Таджикистана. Учебник. /Рекомендован к изданию решением экспертной комиссии МО и Н РТ (№ 9/43 от 30 июня 2022 года). – Душанбе: Издательский центр ТТУ им. акад. М.С. Осими, 2022. - 445 с.

14. Мец А. Мусульманский Ренессанс//Перев. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса. – М.: Изд. «ВиМ», 1996. - 473 с.
15. Мохаммед Аллал Сенасёр. Города, которые процветали в пустыне//Курьер ЮНЕСКО. – 1978. – Париж, №1. – С. 4-10.
16. Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). –Душанбе: До-ниш, 1977. - 279 с.
17. Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. -Ташкент: Издат. литер. и искусства, 1986. -320 с.
18. Рахматуллаева, С. Дворцовая архитектура эпохи Саманидов//Мероси ниёгон. - 1999. – Душанбе. - № 4. - С. 91-101.
19. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. – Ташкент: АН Узб.ССР, 1961. -606 с.
20. Сухарева О.А. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. – Ташкент, 1981. – 144 с.
21. Толстов С.П. Бируни и его время//Сборник Бируни. - М.-Л.: АН СССР, 1950. -136 с.
22. Фараби Абурайхан. Трактат о взглядах жителей добродетельного города//С. Григорьян. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII-XII вв. – М., 1960. - 942 с.
23. Шишгин В.А. Архитектурные памятники Бухары. – Ташкент: Ком. наук УзССР, 1936 Изд-во 1936. – 99 с.
24. Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент: Фан, 1987. - 176 с.
25. Эшонкулов У. Начало исследования истории ирригации Верхнего Зеравшана // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. -886 с.

ИСКУССТВО ГРАДОСТРОЕНИЯ В IX – X ВВ.

Статья посвящена ключевому этапу развития градостроительного искусства в Мавераннахре и Хорасане в IX-X веках, характеризующему формирование мощного государства Саманидов. В это время активно развиваются города, появляются новые архитектурные формы, отражающие идеологию ислама, такие как мечети, медресе, мавзолеи и рабаты.

Структура города включает цитадель, шахристан и рабад. Анализируются характеристики городов Хульбук, Бухара, Ахсикат, Худжанд, Самарканд, Пенджикент. В этот период города увеличивают свою площадь, украшаются монументальными сооружениями, садами и парками. Архитектура и градостроительство направлены на сохранение и развитие традиций, заложенных ранее.

Ключевые слова: город, градостроительная структура, Худжанд, Ахсикат, Пенджикент, планировка города.

ҲУНАРИ ШАҲРСОЗӢ ДАР АСРҲОИ IX - X

Дар мақола яке аз марҳалаҳои муҳимми рушди ҳунари шаҳрсозӣ дар қаламрави Мовароуннахру Хурасон дар асрҳои IX-X баррасӣ мешавад. Дар ин давра давлати пурӯдрагӣ Сомониён таъсис мёбад. Шаҳрҳо рушд мекунанд, анвои нави биноҳо, мисли масҷид, мадраса, мақбара ва работ пайдо мешаванд, ки бо идеологияи ислом алоқаманданд. Шаҳр аз қальъа, шаҳристон ва работ иборат аст.

Таҳлили меъмории шаҳрҳои бостонии Ҳулбук, Бухоро, Ахсикат, Ҳучанд, Самарқанд, Панҷакент оварда шудааст. Онҳо аз рӯйи майдон васеъ шуда, бо биноҳои монументалӣ ва боғҳо оро дода мешудаанд. Тамоми меъморӣ ва шаҳрсозӣ бо хадафи тадовуми суннатҳои қаблан ташаккулӯфта равона шудааст.

Калидвоҗаҳо: шаҳр, соҳтори шаҳрсозӣ, Ҳуҷанд, Аҳсикат, Панҷакент, банақшагирии шаҳр.

THE ART OF URBAN PLANNING IN THE IX – X CENTURIES

The article investigates a pivotal phase in the evolution of urban planning in Transoxiana and Khorasan during the 9th to 10th centuries, coinciding with the establishment of the powerful Samanid state. This period witnessed the flourishing of cities, marked by the emergence of new architectural forms in harmony with Islamic ideology, including mosques, madrasas, mausoleums, and rabats.

A typical city structure during this time consisted of the citadel, shahristan, and rabad. The analysis focuses on prominent cities such as Hulbuk, Bukhara, Akhsikat, Khujand, Samarkand, and Penjikent. These urban centers experienced growth both in size and cultural significance, adorning themselves with monumental structures, gardens, and parks. The architectural and urban planning initiatives of this era were guided by a commitment to perpetuating established traditions.

Key words: city, urban planning structure, Khujand, Akhsikat, Penjikent, city layout.

Сведения об авторе: Мукимов Рустам Саматович - доктор архитектуры, профессор, старший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. E-mail: mukimovr@mail.ru Тел. Моб: 907-77-18-02

Author the Information: Rustam Samatovich Mukimov is a Doctor of Architecture, a professor, and a senior research fellow at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. E-mail: mukimovr@mail.ru, Mobile: +992907-77-18-02.

УДК 556.166.067 (575.2) (55)"17/19"

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ БАССЕЙНА РЕКИ СЫРДАРЬИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭПОХЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА (по материалам трудов русских ученых и путешественников)

МАМАТКУЛОВ Д.А.,

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

Долина реки Сырдарьи, распространяющаяся с древнейших времен, символизирует исторический путь процветания и богатства, а также служит свидетельством выдающегося вклада человеческой цивилизации в формирование обширного оазиса. Этот регион, включающий три части и имеющий в центре территорию Ташкента вдоль среднего течения бассейна Сырдарьи, стал неотъемлемой частью культурного и экономического развития.

Следует отметить, что во второй половине XIX - начале XX века три основных притока Сырдарьи - Чирчик, Ангрен и Келес - играли важную роль в формировании облика

этого региона. Научные исследования, проведенные русским ученым-путешественником Н.А. Маевым, предоставили ценные сведения о географии и гидрологии этого района, акцентируя внимание на важности изучения водных ресурсов, особенно на среднем течении Сырдарьи.

Данная статья сосредотачивается на историческом использовании водных ресурсов средней части Сырдарьинского оазиса, включая Ташкент и прилегающие территории. Анализ эволюции методов водопользования в этом регионе предоставит важные инсайты в экономическую и социокультурную динамику, которая преобразила долину Сырдарьи в ключевой центр цивилизации на протяжении многих столетий.

Собственно, долина реки Сырдарьи с древних времен была одним из процветающих регионов с богатыми земледельческими культурами, включая три части, с центром в области Ташкента. В данной статье основное внимание уделяется использованию водных ресурсов средней части Сырдарьинского оазиса, включая Ташкент и прилегающие районы.

Во второй половине XIX - начале XX века, согласно данным российского ученого-путешественника Н.А. Маева, на среднем течении реки Сырдарьи находились три её основных притока – Чирчик, Ангрен и Келес. Среди этих притоков река Чирчик берет свое начало от гор Аксай в западном отроге Александровского (ныне Киргизского) хребта, в результате слияния двух рек – Чоткола и Пекем. Слияние притоков и образование Чирчика происходит до последнего горного кишлака Сайлык, где река течет по дну узкого, глубокого ущелья. В верховьях реки использование воды для орошения в прошлом было невозможно. После Сайлика начинается долина, где появляется возможность использовать воды Чирчика, прежде чем она впадет в Сырдарью [5, 91].

В свою очередь, из реки Сирдарьи отделяются следующие каналы, которые орошают и обеспечивают водой город Ташкент и его окрестности: Искендер, Ханым арык (как было отмечено выше), Зах арык. В свою очередь, Боз-су отделяет от себя Кара-су и Салар, которые используются для орошения города Ташкент и его оазиса. Длина канала Искендер составляет около 80 км, а длина канала Ханым арык – около 70 км. Остаток воды арыка также впадает в реку Келес. Среди каналов, составляющих оросительную сеть Ташкента и его земледельческого оазиса, Зах арык считается одним из древнейших арыков региона. Его длина превышает 160 км, и он впадает в арык Боз-су. Этот крупный канал орошает северную часть города Ташкента и разделяет свою воду на 226 мелких арыков [12, 38].

Боз-су также является одним из основных источников орошения города Ташкента. Его длина составляет более 100 км, и он орошает северо-западную часть города, а затем направляется на юго-запад, впадая в Сырдарью. Каналы Карасу и Ялангач впадают в Салар, который протекает с юго-восточной стороны Ташкента. От Салара отходят арыки Дархан и Джун. Справа от Салара отходят арыки Кылычли-ата, Байтик, Каймам, Форнабот, Барат-ходжа, Чартаг, Шох, Текебай, Куйлык и Шалык. Салар впадает в Боз-су, а от него отходят арыки Буриджар, Байтик, Махмуд, Дурмен, Юз, Канчли, Чала, Кайкауз, Ялама, Кичик-карасу. Согласно сведениям жителей региона, арык Кичик-карасу был построен 500 лет назад, а арыки Байтик, Махмуд и Дурмен – 300 лет назад [12, 39].

Слева от Чирчика отходят 22 арыка; Кара-су является главным из них и, после орошения оазиса, частично сохраняет свою воду, впадая в реку Ангрен. Другие

крупные каналы, оросившие оазис, включают арыки Таш-токузак, Кара-арық, Уман, Буз-арық, Акутай-таш, Кум, Терс, Янгы-арық, Шалы, Ахташ, Даб, Сарабай, Аксак атасай и Гилявасай. Из Кара-су отходят 38 арыков, а из Бектемира 10.

Перечисляя арыки, русский исследователь Н. Н. Шавров характеризует их так: «Древние арыки Боз-су, Салар, Зах приняли вид настоящих речек, у них есть русло, устланное гравием, отмели, аналогичные извилистым настоящим рекам, и во время половодья по ним вода скатывается с большой скоростью» [12, 40].

Река Ангрен берет начало в юго-восточной части Ташкентского оазиса из горных ключей. Местами Ангрен исчезает с поверхности земли и течет под землей на 5-6 км. После выхода из ущелья она формирует серию арыков, орошающих всю юго-восточную предгорную часть Ташкентского оазиса. Один из ее рукавов, Гижген, тек еще южнее и в прошлом достигал Сырдарьи. У Ангрен было до 40 главных арыков.

Река Келес берет начало на западных склонах хребта Алатау и имеет узкую долину. На широте Ташкента в нее втекает значительное количество воды из арыка Зах по нескольким отводам, между которыми арык Таш-кулак впадает около селения Капланбек. Несколько выше этого места Келес распадается на два русла: левое русло называется Су-Келес, а правое – Кру-Келес. Оба русла в прошлом достигали Сырдарьи [12, 40].

Таким образом, все упомянутые реки – Чирчик, Ангрен и Келес – являются основными водными источниками Ташкентского оазиса с древности, при этом особую роль играет река Чирчик, занимающая ведущее место по обилию воды среди трех. Как показывают источники, Ташкент и его земледельческий оазис орошались с древности: в период правления Кокандского ханства, во второй половине XIX века, при помощи 356 главных и второстепенных арыков, которые, в свою очередь, разделялись на более мелкие многочисленные арыки. Все эти ирригационные сооружения являлись результатом труда дехканов, создавших расцветающий край. Академик А. Мухаммаджонов справедливо отмечает, что история орошения – это история творческой борьбы и кровопролитного труда народа для обеспечения пресной водой [7, 88].

Стоит отметить, что в эпоху раннего средневековья города, такие как Сайрам, Чимкент, Туркестан, Саурен, Фараб, вместе с Ташкентом, находились в среднем течении реки Сырдарьи. Города Сыгнак, Барчыглыкент, Ашанас, Янги курган, Аккурган, Аркук, Сузак, Узгенд, Дженд располагались в нижнем течении реки Сырдарьи. Однако не все эти города дошли до нового времени. Чимкент и Туркестан орошались реками и ручьями, такими как Котур-булак с притоками Хантаго, Джарбастам и Чиррембай. Они в основном орошали земли города Туркестана и его окрестностей, всего 101 арыком. Значительная часть этих каналов была построена более 100 лет назад» [12, 40].

Главной рекой в этом регионе была Арыс, берущая свое начало в соединении хребтов Кара-тау и Таласского Ала-тау. Она принимает ряд притоков: Бадам, Чубар, Буралдай, Кок-Булак и др. Затем несколько севернее протекает река Бугун. Из Бадама отводится 29 арыков, по реке Догуз-тау – 114, из реки Бургалет – 4, из реки Лянгер – 3, из реки Тугуш – 4, из реки Каши-карата – 2, из реки Сайрам-су – 23, из реки Кашкасу – 4, из реки Янгаты – 1. Общее количество арыков, орошающих

участки Чимкента и Туркестана, составляло 1506. В Аулиаатинском районе главной рекой был Талас, который берет начало в горах Алатау, сливаясь из двух горных речек (в верхнем течении он называется Уч-Кош-Сай) и впадая в озеро Каракул. Длина реки составляла 350 км [12, 40].

Горные реки, такие как Бийли кул, Ак – кул, протекающие через озера Курагаты, Карапшак, Аспара, Карабалты, берут свое начало из Алатаусского и Карагатусского хребтов (в колониальной эпохе переименованных в Александровское). Из Алатаусских гор вытекают реки Куркереу и Терс, которые соединяются в одну реку, но в нижнем течении носят названия Асы и Затим. Из южных перевалов этих хребтов также вытекают речки Карабура, Бокаир, Кумуштак, Ур – Марал, с притоками, такими как Каракоим, Биш-таш, Калды, Кенкол, Тимкан, Уч-Кошай, Каракол и Нельда. «Из этих рек, а равно и родников выведено 556 арыков...» [12, 41].

Город Казалинск орошался при помощи выводимых арыков из Сырдарьи. Использовались также воды озер, созданных Сырдарьей. Всего было выведено 312 арыков, самые значительные из которых были – Аид-пайкул, Чинаркул, Ак-чалкул, Сары-кул, Ири-кул, Кунгурли-кул, Букабайк, Даул-кул, Бердын-кул, Тюлке-кашпан-кул, Курты-кул, Аид-бай, Думек, Майда-кул, Кара-кул, из притоков: Караузяк, Джаман – Дарья, Куван – Дарья, Кураиле, но больше всего каналов было построено на реке Сырдарья [12, 41].

Сведения, относящиеся к концу 60-х – началу 70-х годов XIX века, приведенные Н.А. Маевым, доказывают использование воды самой реки Сырдарьи там, где она вливается в Аральское море [5, 93]. Испокон веков в Ферганской долине при оросительной системе использовались только притоки этой реки. Во-первых, быстротечность реки, во-вторых, часто меняющееся русло, не давали возможности использовать воду Сыр – Дарьи в верховьях рек.

При орошении крепости Ак-мечете (период колонии – Перовский, сейчас Кызыл-Арда) и ее окрестностей использовались воды р. Сырдарьи, а также горных речек и родников. В крепости и ее округе существовало 208 главных и 124 отводных арыков, здесь при орошении широко использовались «чигири» [5, 42].

Сырдарья, хотя и является крупной рекой, не всегда была удобна для судоходства, как отмечено академиком А.Ф. Миддендорфом: «... От Ходжента до своего устья река (Сырдарья – М.Дж.) имеет около 700 падений. В 60-ти верстах выше Ходжента находится переправа Чил-Махрам (в близи Канибадама – М.Дж.); от нее до Ходжента 400 падений, следовательно, свыше сажени на версту» [6, 186].

Сырдарья была главной водной артерией Кокандского ханства. Русские начали изучение реки сразу после завоевания северных областей ханства до Ходжента. Первые годы после завоевания была изучена часть территории Сырдарьи, где река проходила через степную зону и вливалась в Аральское море с целью дальнейшего использования для судоходства. В очерке Н.А. Маева подробно описана огромная территория Сырдарьи от Чиназа до Арала. Он выделяет пригодные для плавания участки территории Сырдарьи от укрепления Нового Чиназа до форта Перовского (Ак-Мечет).

Говоря о разливах, Н.А. Маев отмечает, что они не постоянны, но разлив ожидается ежегодно в марте, в мае и в июне, а также частично в августе. Ниже Перовска река разделяется на два крупных притока: Джаман – Дарья и Кара – Узяк.

Главное русло составляет Джаман – Дарья. У форта, после долгого более 200 км., разделенные притоки снова объединяются, и река восстанавливает свое прежнее название Сырдарья. Большие осадки, мелководье и быстрое течение реки мешают развитию судоходства в Сырдарыинском ареале [5, 93-95].

Киргизы, по словам А. Н. Маева, были искусными пловцами и использовали камышовые плоты, называемые солом, а также небольшое количество лодок, построенных в Хиве или Коканде. Он описывает структуру лодок как «... плоскодонный дощаник с двумя носами, длиной от 4 до 7 саженей и глубиной от $\frac{3}{4}$ до 2 аршин» [5, 96].

Притоки не заканчиваются здесь. «От Перовска в 28 верстах отделяется из Сырдарьи рукав Бер-казань или Сагазы, имеющий при своем истоке ширину 20 саженей и глубину $1 \frac{1}{2}$ сажени» [5, 97; 9, 984]. Этот приток протекает более 50 км и исчезает в болотах Кара – Узяка, не соединяясь с Кара – Узяком. Другие притоки и рукава Сырдарьи образуются ниже форта № 2. Казала – один из них, отходящий в долину Айгерик, считается одним из самых плодородных мест в ареале Сыра. В этой небольшой долине киргизы в эпоху нового времени занимались земледелием, в основном хлебопашеством. Небольшие притоки Утутлау, Кок – арык также впадают в Аральское море. Среди притоков Сырдарьи Н.А. Маев особо выделяет два «главнейших» притока: Яны-даря и Куван – даря.

По фактам, представленным Н.А. Маевым, приток Яны – даря был создан искусственно каракалпаками, когда они были притеснены с низовьев Сырдарьи казахами малой Орды в конце XIII века, поэтому изначально он назывался – Каракалпак – дарей. «Он выделяется от Сырдари в 6 верстах (более 6 км.) от Перовска, его вода чистая, пресная, течение тихое. Каракалпаки использовали этот приток в хлебопашестве» [5, 98].

Последние притоки Сыра – это Батпак – уткул и Султан – канн – узяк: оба эти протока выходят из Яны-дарьи. Батпак – уткул соединяется с Куван – дарьей [5, 99].

Все притоки образуются в нижнем течении реки Сырдарья. Система управления ирригационными сетями была сложной, поэтому этот вопрос всегда решался на государственном уровне на Востоке. В период наводнений или засухи требовалось грамотно распределять воду. Для управления ирригационной системой назначались не только авторитетные представители населения, но и люди с научными знаниями, как отмечает академик А. Мухамеджанов: «человек, имеющий научные знания о предметах, таких как геометрия, математика, которые закончили высшие учебные заведения своего времени, учившись в 10–15 лет» [7, 51-52].

На начальном этапе инженеры готовили проект «тарх» [7, 51-52], а после обсуждения и согласования с коллегами они организовывали строение водных сооружений. Профессор А. Войков отмечает, что головные сооружения каналов, где они выходят из рек, представляют собой примитивные конструкции. Реки не перегораживаются, а в реку вставляется дамба, состоящая из треног из бревен, скрепленных горизонтальными рамами [2, 10]. Когда невозможно было создать сложные дамбы с использованием арматуры и цемента, «сипай» и «камыши» становились более удобными преградами для горных рек.

Когда основными источниками были реки, ручьи и верхние части каналов, их называли «сой», «нахр», «арык». Горные реки также назывались «сой-ем», например, Кувасой, Исфарасой и другие. Некоторые каналы, построенные при Худаярхане, назывались «Улугнахр». В Кокандском ханстве, помимо воды рек, земледельцы использовали воды родников, колодцев и кяризов в процессе орошения.

В Наманганской области, например, в селе Гулдире, было обнаружено десять кяризов, большинство из которых используется по сей день [1, 27-30; 11, 41-42]. Интересные легенды о кяризе в Ахсикенте до прихода арабов приводит В. Наливкин [8, 8-9]. Кяризное орошение в Ферганской долине было менее распространено, чем в других регионах Средней Азии, из-за обилия горных рек и родников.

Рациональное использование воды играло ключевую роль в управлении водными ресурсами. От простых земледельцев до правителей все были заинтересованы в этом вопросе. Существовала специальная административная система, включая должности Мири об и арык аксакали в Кокандском ханстве. А.Ф. Миддендорф указывает на важность роли каждого из них. В Ферганской долине, например, в Коканде был главный мираб и семья его помощников, в Намангане - б мираб-бashi, в Маргелане - 7 [6, 70]. Ферганскую долину исследовал А.Ф. Миддендорф в начале 1878 года, всего через два года после завоевания этих территорий царской Россией, и выражает восхищение трудолюбием жителей Средней Азии [6, 186-87].

Учитывая сложности системы орошения в Туркестане, первый генерал-губернатор, фон Кауфман, в своих распоряжениях отмечал необходимость не вмешиваться в управление ирригационной системой местного населения, а сохранять прежнюю систему. В многих исследованиях колониального периода благодарно вспоминается это распоряжение. Один из авторов отмечает: «После завоевания края первый его устроитель, генерал Кауфман, мудро решил оставить все дело в прежнем положении. Туземная система, как ни странно, продолжала функционировать, обеспечивая население пищей, и русская власть не вмешивалась в это дело» [2, 10; 3]. Возможно, это была единственная система управления в крае, которая долго сохраняла свое прежнее, архаичное состояние. Только спустя сорок лет был принят «Водной закон» для Туркестанского края, и началась перестройка ирригационной системы. В апреле 1910 года этот законопроект был принят Государственной Думой Российской империи [4].

Земледельцы древней Ферганы уделяли особое внимание качеству используемой воды. Исследователи структуры воды также собрали интересные данные: «Различают воды, служащие для орошения», пишет профессор А. Войков, «на белые (ак-су) и черные (кара-су). Первая – мутная вода рек и речек, напрямую направленная на поля, вторая – светлая вода из колодцев, кяризов, или речных вод, отстоявшихся в разливе, озер и т.д., где содержится ил. Белые воды предпочтительны черным, возможно, потому, что при орошении черными водами чаще происходило засоление почвы, чем при использовании белых вод» [2, 11].

Относительно данного вопроса в этнографии таджиков также есть ценные материалы, собранные профессором Н.О. Турсуновым. В книге «Таърихномаи Хуҷанд (История Худжанда)» он пишет, что, оценивая эффективность воды, ее делят на группы: «нароб» (от таджикского «нар» - «мужчина», «об» - «вода»), «обизан» (« зан» - «женщина»), «сафедоб» («белая вода»), «сиёб» («черная вода»). Воды

рек, соответствующие следующим требованиям: 1) источник воды – ледники и снег; 2) вода обладает лечебными свойствами; 3) вода быстро текущей реки спускается с гор в долину; 4) вода, сталкиваясь с камнями в своем течении, становится «прочной»; 5) вода реки получает солнечные лучи, считается «нароб» - «сафедоб». Воды ключей, родников, кяризов считаются «сиёб» [10, 98].

Вода всегда была основой экономического благополучия на Востоке. Сырдарья, один из двух главных источников воды в Средней Азии, всегда привлекал внимание ученых, путешественников, географов и историков. В связи с этим собран ценнейший материал относительно водных артерий Средней Азии. Река и ее притоки, как водные артерии, придавали жизнь степной и предгорной зоне Средней Азии. В результате усилий земледельцев возникали долины и оазисы, города и селения, основой для которых была вода. Поэтому народ всегда с почтением относился к воде, стараясь беречь ее. Земледельцы умело использовали каждую каплю воды, организовывали дамбы, ограждая горные реки, и с помощью чигирей – специальных примитивных водоподъемных устройств – использовали воды рек, притоков и ручьев. Также использовали воды родников и ключей, а в случае необходимости организовывали кяризы. Централизованная власть всегда проявляла интерес к развитию оросительной системы, часто организуя строительство крупных каналов, таких как Найман, Шахрихансай, Янгы-арык, Хон-арык, Улугнахр, в период Кокандского ханства. Анализ источников и научной литературы показывает, что основой сельского хозяйства была система орошения. Таким образом, даже после уничтожения царской административной системой традиционной системы государственного управления в течение более четверти века, система орошения в Средней Азии не только сохранилась, но и продолжала развиваться. Только спустя сорок лет существования Туркестанского генерал-губернаторства появились инженерные сооружения, учитывающие особенности традиционной системы орошения.

В завершение, наш анализ водных ресурсов средней части бассейна реки Сырдарьи в контексте эпохи Кокандского ханства раскрывает уникальные черты водопользования, формировавшиеся в тесном взаимодействии с природой и культурными особенностями региона. Исследование подчеркивает значимость реки Чирчик и ее влияние на земледельческую деятельность, а также поднимает вопросы устойчивости системы водоснабжения в прошлом. Подобные исторические контексты не только углубляют наше понимание прошлого, но и предоставляют ценные уроки для современного управления водными ресурсами в этом стратегически важном регионе, где история и современность переплетаются, влияя на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абдулхамидов А., Исамидинов М. О кяризном орошение Ферганы//Общественные науки в Узбекистане. 1987. № 12. - С. 27-30.
- 2.Войков А. Туркестан, его воды и орошение. – Петроград: Типография т-ва «Общественная Польза», 1915. – С. 10.
- 3.Гинс Г.К. Основная начала проекта водного закона для Туркестана (С приложением проекта в редакции межведомственной комиссии). С.- Петербург, 1912. – 76 с.
- 4.Доклад О.А. Шкапского прочитанный в заседании III Отделения И.В.Э.О. 12 декабря 1909 года. <http://www.cawater-info.net/library/shkapskiy/pages/18.ntm> (дата обращение 30.11. 2016).

5. Маева Н.А. Топографический очерк Туркестанского края. Орфография и гидрография края. Русский Туркестан. /Сб. изданный по поводу политической выставки. Выпуск первый. География и статистика. Под редакцией Н.А. Маева. – М.: Университетская типография, 1872. – 133 с.+статистические сведения, -240 с.
6. Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1882. – 480 с. + прибавление.
7. Мухаммаджонов А. Древние гидротехнические сооружения Узбекистана. – Ташкент: Узбекистон, 1997. – 88 б.
8. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. – Казан: Типография Императорского Университета, 1886. – 216 с.
9. Русско – Таджикский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 798 с.
10. Турсунов Н.О. Таърихномаи Хучанд. – Хучанд, 2012. – 352 с.
11. Федченко А.П. Карис // Материалы для статистики Туркестанского края / Под редакцией Н. Маева. СПБ., 1873. - С. – 141 – 142.
12. Шавров Н. Водное хозяйство Туркестана и Закаспийской области. В связи с проектом водного закона. – С.- Петербург: Типография Усманова, 1911. – 73 с.

**ЗАХИРАҲОИ ОБИ ҲАВЗАИ МИЁНА ВА ПОЁНОБИ СИРДАРЁ ДАР ЗАМОНИ
ХУКМРОНИИ ХОНИИ ХУҚАНД**
(бар асоси осори олимон ва сайёҳони рус)

Дар ин мақола муаллиф таҳлили ташаккул ва рушди низоми обёрии маснуиро дар давраи хукмронии хонии Хуқанд бо таваҷҷуҳ ба маводҳои пешниҳоднамудаи олимон ва сайёҳони рус пешниҳод мекунад. Дар ин давра ба ҳайати хонӣ қаламрави густурдае доҳил мешуд, ки тамоми минтақаи соҳили дарьёи Сирро фаро мегирифт, ки дар он ба таври анъанавӣ тоҷикон зиндагӣ мекарданд. Ба талошҳо ва ҷидду ҷаҳди қаҳрамононаи маруми одӣ водии Фарғона ва Чоҷи таъриҳӣ ба марказҳои тамаддун табдил ёфтанд.

Дар давраи мавҷудияти хонии Хуқанд ҳалқи тоҷик ҳамроҳ бо соири гурӯҳҳои қавмӣ дар ташкил ва рушди низоми обёрии маснӯй саҳми арзанда гузоштааст. Барои расидан ба ин максад каналҳои зиёде соҳта шуданд, ки бо номи ариқ ва юй машҳуранд. Натиҷаи ин саъю қӯшишҳо рушди ҳаётӣ иқтисодии хонии Хуқанд дар асри XVIII – нимаи аввали асри XIX буд.

Вожаҳои қалидӣ: масоили обёрии замин, манбаъҳои асосии обёрии дарёҳо, ҷӯйҳо, ис-тифодаи корезҳо, чигирӣ барои обёрии маснӯй, низоми идоракунии обёрии маснӯй, ми-ро-бҳо, ҷӯйҳои оқсақолӣ, ҳандақҳо.

**ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ БАССЕЙНА РЕКИ
СЫРДАРЬИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭПОХЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА
(по материалам трудов русских ученых и путешественников)**

В данной статье автор представляет анализ формирования и развития искусственных оросительных систем в период правления Кокандского ханства, сосредотачиваясь на материалах, представленных русскими учеными и путешественниками. В указанный период ханство включало обширные территории, охватывая всю прибрежную зону реки Сырдарья, где традиционно обитали таджики. Благодаря героическим усилиям обычных людей, Ферганская долина и исторический Чач преобразовывались в центры цивилизации.

В период существования Кокандского ханства таджикский народ, наряду с другими этническими группами, внес значительный вклад в организацию и развитие искусственных оросительных систем. Для достижения этой цели было создано множество каналов, известных как арык и джуй. Результатом этих усилий стало развитие экономической жизни в пределах Кокандского ханства в XVIII - первой половине XIX века.

Ключевые слова: проблема земельного орошения, главные источники водного орошения реки, речки и ручей, использование кирзов, чигирей при искусственном орошение, система управления искусственного орошения, миробы, арык аксакалы, арык.

WATER RESOURCES IN THE MIDDLE AND LOWER REACHES OF THE SYRDARYA RIVER BASIN AND THEIR UTILIZATION IN THE ERA OF THE KOKAND KHANATE

(based on the works of Russian scientists and travelers)

This article presents an analysis of the formation and development of artificial irrigation systems during the reign of the Kokand Khanate, focusing on materials provided by Russian scholars and travelers. During this period, the Khanate encompassed vast territories, covering the entire coastal zone of the Syr Darya River, traditionally inhabited by Tajiks. Thanks to the heroic efforts of ordinary people, the Fergana Valley and historical Chach were transformed into centers of civilization.

Throughout the existence of the Kokand Khanate, the Tajik people, along with other ethnic groups, made a significant contribution to the organization and development of artificial irrigation systems. To achieve this goal, numerous channels known as "aryk" and "djuy" were created. The result of these efforts was the development of economic life within the Kokand Khanate from the 18th to the first half of the 19th century.

Key words: the problem of land irrigation, the main sources of water irrigation - rivers, and streams, the use of kyarizes, chigirs for artificial irrigation, the artificial irrigation management system, mirobs, aryk aksakals, ditch, juv.

Маълумот дар бораи муаллиф: Маматқулов Ҷурабек Абдуганиевич – унвончӯйи кафедраи таърих ва диншиносии Донишгоҳи давлатии ҳуқук, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. E-mail: mja26@mail.ru

Сведения об авторе: Маматкулов Джурабек Абдуганиевич – соискатель кафедры истории и религиоведения Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. E-mail: mja26@mail.ru

Information about the author: Mamatzkulov Jurabek Abduganievich is a student of the Department of History and Religious Studies of the Tajik State University of Law, Business and Politics. E-mail: mja26@mail.ru

УДК 94 (55) 611.8/.9

МУНОСИБАТҲОИ СИЁСИИ ҒУРИЁН БО ҒАЗНАВИЁН¹

МИРЗОЕВ Ш.Ч.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Сулолай хукмронони Ғурро, ки аз замони зухури ислом то арафаи ҳучуми муғул дар ин сарзамин ҳукумат кардаанд, Гуриён ва ё Шинасбониён меномиданд. Ин сулола аслан тоҷик буда, асосгузораш Шинасб ибни Хурнак буд, ки ў дар замони ҳукмронии халифаи ҷоруми араб Алӣ дини исломро қабул намуд [8,89]. Писари ў амир Фӯлоди Ғурӣ аз аввалин амирони Ғур ба ҳисоб мерафт ва дар наҳзати Абу-муслим бар зидди Уммавиён ва ба сари таҳт омадани Аббосиён лашкари Ғурро ба мадади ў фиристод [3,435]. Фӯлод ҷанд муддат дар вилоятҳои Мандеш ва Ғур ҳукмронӣ кард ва пас аз вафоташ ҳокимият ба дасти фарзандони бародари ў гузашт.

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи ҳалқи тоҷик» (асри III аввали асри XX) зери рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 нависта шудааст.

Дар замони намояндагони сеюми хонадони Шинасбай - амир Сурй, ки ҳамзамони Яъкуб ибни Лайс - асосгузори давлати Сафориён дар асри IX буд, дини ислом ба сарзамини Фур роҳ ёфта, қисме аз мардумаш мусулмон шуданд. Ибтидои асри XI вилояти Фур ба дасти амири дигари ин хонадон Муҳаммади Сурй гузашт. Дар замони ба сари ҳокимиият омадани Муҳаммади Сурй дар Фур сулолаи туркони Фазнавӣ дар Ғазна ҳукмронӣ мекарданд. Маҳз дар ҳамин давра як аз султони Фазнавӣ Сабуктегин (977-997) ба ноҳияҳои гирду атрофи Фур лашкар кашид, ки аз ин воқеаҳо муносибатҳои сиёсии ин ду давлат оғоз шуд.

Пас аз вафоти Сабуктегин писараш Маҳмуд (997-1030) дар Ғазна ба таҳт нишаста, тобеъ кардани Фурро аз ҳадафҳои асосии сиёсати худ қарор дод. Тибқи ахбори Минҳоч Сироҷи Ҷузҷонӣ Маҳмуди Фазнавӣ дар замони салтанати Муҳаммади Сурй Фурро тасарруф кард: «Чун таҳт ба амир Маҳмуди Сабуктегин расид, аморати Ғуриён ба амир Муҳаммади Сурй расида буд ва мамолики Фурро забт карда, то гоҳе султон Маҳмудро итоат намудӣ ва гоҳ тариқи исён супурдӣ ва тамарруд зоҳир кардӣ ва он чӣ аз хироҷи ислом мӯқаррар буд, боздоштӣ ва ба эътиимида қилои матин ва шавкату ӯддати воғифр мухолифат варзиҷӣ» [11,448].

Ҳамин манбаъ иттилоъ медиҳад, ки Маҳмуди Фазнавӣ ба ҷониби Фур лашкар кашида, қальъаи Оҳангаронро гирифта, мардуми бешуморро ба қатл расонд. Сипас, Муҳаммади Сурй бо ӯ сулҳ баста, Маҳмуд ӯ ва писараш Шишро ба ҷониби Фазнин бурд, аммо дар Гелон Муҳаммади Сурй вафот кард.

Абушараф Носеҳ ибни Зафари Ҷурғодиконӣ низ масоили лашкаркашии Маҳмудро ба Фур тасдиқ мекунад. Аммо дар ин манбаъҳо солҳои лашкаркашӣ ва дигар ҷузъиёти воқеаҳо инъикос наёфтаанд. Бино ба санади Абулғазли Байҳақӣ Маҳмуд се маротиба, солҳои 401 ҳ.к. (1010-1011), 405 ҳ.к. (1014) ва 411 ҳ.к. (1020) ҳамроҳи писараш Масъуд ба Фур ҳучум кардааст [1,112-115]. Зимни лашкаркашии аввал Маҳмудро фарзандонаш Масъуд ва Муҳаммад ҳамроҳӣ мекарданд. Дар навбати дуюм Маҳмуд ба Ҳавобин, ки аз ноҳияҳои Фур буд, ҳучум кард. Байҳақӣ дар ин бора бо таваҷҷӯҳ ба султонҳои Фазнавӣ мефармояд: «Ва дар санаи ҳамсу ва арбаъа миа (соли 405, мутобиқ ба солҳои 1014 – 1015-и милодӣ) амир Маҳмуд аз Буст тоҳтан овард бар ҷониби Ҳавобин, ки ноҳиятест аз Фур ва васати Бусту Заминдовар» [2,163].

Пас аз он ки ноҳияҳои зикршуда дар тобеияти Фазнавиён қарор гирифтанд, Маҳмуди Фазнавӣ соли 411 ҳ.к. (1020 м.) ба писараш амир Масъуд, ки волии Ҳирот буд, дастур дод, ки ба Фур ҳамла кунад. Масъуд бо лашкари азим аз Ҳирот ба ҷониби Фур ҳаракат кард. Ғуриён аз ин ҳамла оғоҳ шуда, ба қальъаҳои устувор паноҳ бурда, барои мубориза бар зидди лашкари душман тайёрӣ диданд. Амир Масъуд бо ду тан аз сарони сарҳадоти минтақаи Фур бо номҳои Буалӣ Ҳусайн Халиф ва Шервон созиши карда, бо қӯмаки онҳо тавонист, ки қальъаи мустаҳками Фурро тасарруф кунад [9,170]. Фазнавиён мардуми зиёдро асир гирифта, қисме аз онҳоро ба Буалӣ Ҳусайн Халиф ва қисми дигарашро ба Шервон супурданд [1,119]. Дар натиҷаи ин лашкаркашӣ мардуми Фур маҷбур шуданд, ки Фазнавиёнро эътироф ва дини исломро қабул намоянд [8, 90].

Тавре зикр шуд, пас аз марғи Муҳаммади Сурй писари дувуми ӯ Абуалӣ соҳиби ҳокимиияти Фур гардид. Абуалӣ ибни Муҳаммад марди нексиришту ҳушахлоқ буда, таваҷҷӯҳи мардумро ба худ ҷалб карда буд ва дар давоми ҳукмро-

нии худ дар Ғур биноҳо ва масциду мадрасаҳои зиёд бунёд кард. Ҷузҷонӣ мефармояд, ки: «Чун Абуалӣ ба Ғур насл шуд, ба ҷойи ҳалқ некӯй кард ва биноҳои хайр фармуд ва дар билоди Ғур масочиди ҷомеъу мадорис баровард ва авқофи бисёр таъйин фармуд ва аиммаву уламоро азиз дошт ва таъзими зуҳҳоду уббод аз лавозими аҳволи худ шумурд. Ва ҳалқи мамолики Ғур дар аҳди ў ба рафоҳият рӯзгор гузоштанд» [11,449].

Бародари Абуалӣ ибни Муҳаммад Шиш фарзанде бо номи Аббос дошт. Ў соли 1053 бар зидди Абуалӣ ба мубориза бархоста, ўро асир ва ҳокимияти Ғурро ба даст гирифт. Мувоғиқи ахбори Ҷузҷонӣ Аббос ибни Шиш марди шучоъ ва далеру бераҳм буд. Ў ба ҳангоми ҳукмронии худ қалъаи Мандешро, ки Бастом бино карда буд, азnavsозӣ кард. Ҳамзамон, ба илми нучум шавқи зиёд дошта, дар омӯзиши ин илм бештар қӯшиш мекард. Аммо, аз сабаби он ки ба мардум ҷабру зулми аз ҳад зиёд мекард, ҳалқ ўро ҷандон хуш намедошт. Аббос дар муддати ҳукмронии худ ба амирони Ғазнавӣ итоат накарда, ҳокимияти худро мустақил идора мекард [8,580]. Аз ин сабаб Иброҳими Ғазнавӣ (1059-1099) соли 1058-1059 ба Ғур лашкар кашид. Дар натиҷа Аббос шикаст ҳӯрда, ба дasti Иброҳим асир афтод. Сабаби ҳучуми Иброҳим ба Ғур ва шикаст ҳӯрдани Аббосро Ҷузҷонӣ чунин ишора кардааст: «Чун ҳалқ аз ғояти зулму тааддиву ҷавр аз вай муртад гашта буданд, аҳди давлати Ғазнин ва таҳти салтанат ба Султони Разӣ - Иброҳим...расида буд, ҷамъи ашроғу умарои Ғур мактуботи истионат ба ҷониби Ғазнин ирсол карданд. Бинобар он, илтимос султон Иброҳим аз Ғазнин бо лашкари бисёр қӯшиш кард. Ва чун ба Ғур расид, тамоми лашкар ба ҳидмати ў пайваст ва амир Аббосро ба дasti султон боз доданд» [10,131-132].

Иброҳими Ғазнавӣ Аббосро ба Ғазна бурда, ҳокимияти Ғурро ба писари ў Муҳаммад ибни Аббос дод. Муҳаммад ибни Аббос муддати 10 сол ҳукмронӣ кард. Муҳаммад дар ин давра тобеияти худро ба амирони Ғазнавӣ эътироф карда, ҳар сол ба Ғазнин тухфаву ҳадияҳо мефиристод ва ба ин восита сулҳро байни Ғур ва Ғазнин нигоҳ медошт.

Пас аз вафоти Муҳаммад ибни Аббос дар соли 460 ҳ.к. (1067-1068) ҳокимият ба дasti вориси ў Қутбиддин Ҳусайн ибни Муҳаммад ибни Аббос гузашт. Минҳоч Сироҷи Ҷузҷонӣ менависад, ки «Вақте аз авқот дар аҳди малик Қутбиддин, ки ҷадди салотин буд, ҷамоате аз сокинони Тагоб, ки аз вилояти Вақиристон буданд, исён оварданд, малик Қутбиддин бо ҳашаму умарои Ғур ба пои он қӯшку ҳисору он ҷамоат омад ва эшонро ба тоат ҳонд, инқиёд нанамуданд ва ба қитол машгул шуданд. Ногоҳ аз қазои осмонӣ аз тарафи усот тире аз камони тақдир бар ҷашми Қутбиддин омад ва ҳам аз он заҳм, чун бар мақтал буд, ба раҳмати Ҳаққ пайваст» [10,133]. Ин ахборро Мирзо Насруллоҳхони Фидой низ дар асари худ «Достони туркозони Ҳинд» тасдиқ мекунад [12,197].

Пас аз вафоти Қутбиддин писари дигари ў Изуддин Ҳусайнӣ Ғурӣ ба таҳт нишаст. Изуддин Ҳусайн бо султон Санҷари Салҷуқӣ, ки қаламрави давлати ў аз Рай то Варорӯdro дар бар мегирифт, муносибати дипломатӣ ба роҳ монда, ҳар сол ҷавашну зиреҳ ва дигар тухфаҳои қиматбаҳо ба дарбори ў мефиристод.

Миёнаи асри XII байни Салҷуқиён Ғазнавиён низоъҳо сар заданд, дар натиҷа иқтидори Ғазнавиён суст гашта, имкони пурра дар тобеияти худ нигоҳ доштани Ғурро аз даст доданд. Бинобар ин, Ғазнавиён соли 1148 шоҳзода Қутбиддини Ғу-

риро бо роҳи фиребу найранг ба дарбори Ғазнавӣ даъват намуда, ўро дар он ҷо ҳабс ва баъдтар ба қатл расонданд [8, 91]. Аммо дар манобеи таърихӣ оид ба ҷузъиёти ин воқеа маълумоти гуногун оварда шудааст. Ба қавли Рашидаддин Ғазлуллоҳ Қутбиддин Муҳаммад ибни Ҳусайн бо Баҳромшоҳ мусоҳарат ва муҳолатат кард» [15,220]. Ибни Асир қайд менамояд, ки ў домоди Баҳромшоҳ буд [7,220].

Бино ба санади Ҷузҷонӣ яке аз сабабҳои ба дарбори Ғазнавӣ рафтани Қутбиддин муноқиши ӯ ва бародаронаш буд. Ҳамзамон, мефармояд, ки «Чун ба Ғазнин расид, дasti базлу мурувват баркушод ва муҳаббати ӯ дар дили ҳалқ мустаҳкам гашт... Ҷамоати ҳусод берун омаданд ва аз вай ба самъи Баҳромшоҳӣ расониданд, ки ба назари хиёнат дар ҳарами подшоҳӣ менигарад ва амвол ва базл мекунад, то бар подшоҳ ҳуруҷ кунад. Баҳромшоҳ фармон дод, то ўро дар хуфя шарбати муҳлиқ диханд» [3, 457].

Баъди кушта шудани Қутбиддин Муҳаммад ибни Ҳусайн Сайфиддин Сурӣ соли 1148 ба Ғазнин лашкар кашид. Баҳромшоҳ бар зидди лашкари Ғурӣ муқобилият карда натавониста, ба ҷониби шаҳри Кирмон ақиб нишаст. Сайфуддини Сурӣ Ғазнинро гирифта, ба таҳти салтанат нишаст. Аммо пас аз ҷанд моҳ дар натиҷаи боридани барф роҳҳои байни Ғур ва Ғазнин баста шуд. Баҳромшоҳ бо лашкари неруманде, ки аз Панҷоб гирд оварда буд, бори дигар ба Ҳурросон ворид гардид. Сайфуддини Ғурӣ ин бор шикаст ҳӯрда, асир афтод ва сипас бо супориши Баҳромшоҳ ба дор овехта шуд [8,91]. Ин воқеаро Рашидаддини Ғазлуллоҳ низ тасдиқ карда, ба таври кӯтоҳ мефармояд, ки «Сайфуддин ба дasti оғузҳо кушта шуд» [14, 320]. Тафсилоти бештари ин воқеаро Минҳоч Сироҷи Ҷузҷонӣ чунин баён кардааст: «Чун ба дари шаҳри Ғазнин расид, ду шутур биёварданд, бар яке султон Суриро барнишонданд ва яке вазири ӯ - Сайид Мачдулдини Мусавиро гирди шаҳри Ғазнин ташҳир карданд ва аз болои хонаҳо хокистару ҳошок ва начосат дар сари мубораки эшон мерехтанд, то ба сари Пули Токи Ғазнин расиданд...Ҳар дуро салб карданд ва аз пул биёвехтанд» [11,509-511].

Кушта шудани Сайфуддини Сурӣ ғазаби Ғуриёнро боз ҳам зиёд кард. Зоро ў дувумин намояндаи Ғуриён буд, ки аз тарафи Баҳромшоҳи Ғазнавӣ кушта шуд. Дар натиҷаи ин фоҷиаҳо писари дигари Иззуддин Баҳоуддин Ҳусайн, ки аз ҷониби барадараш Сайфуддини Сурӣ пас аз ғасби Ғазнин ба салтанати Ғур ҳоким таъйин гашта буд, бо лашкариёни фаровоне, ки аз Фарҷистон ва дигар музофотҳо фароҳам оварда буд, соли 1149 ба Ғазнин лашкар кашид. Аммо дар роҳ бемор шуда, вафот кард. Сабаби марги ўро Ҳондамир иллати сарсом (минингит) номидааст [6,602]. Бо вуҷуди ин, Баҳоуддин севумин ҳукмрони Ғур буд, ки дар натиҷаи ҳамла бар зидди Ғазнавиён ба ҳалокат расид. Пас аз ин ҳодиса барадари Баҳоуддин Алоуддин Ҳусайн (1151-1163), ки ҳокими қалъаи Ваҷиро (Ваҷиристон) аз ҷониби Сайфуддини Сурӣ таъин шуда буд, ба Ғазнин бар зидди Баҳромшоҳ лашкар кашид. Алоуддин Ҳусайн дар соли 1148 ҳамроҳи Сайфуддин Сурӣ дар фатҳи Ғазнин ширкат дошт ва ҳангоми бозгашти сипоҳиёни Ғур аз Ғазнин ба сӯи иморати вилояти ҳуд бозгашт. Баҳоуддин ҳангоми лашкаркашӣ ба Ғазнин ўро дар Ғур ҷонишни ҳуд таъин карда буд.

Солҳои 1150-1151 Ғуриён ба Ғазнин ҳучум карданд [4,569]. Ҳангоми лашкаркашии писари Баҳромшоҳи Ғазнавӣ Ҷавлатшоҳ бо лашкари зиёд ба муқобили Алоуддини Ғурӣ барҳоста, зимни набард ба ҳалокат расид [11,462]. Пас аз ин Баҳром-

шоҳ се маротиба саф ороста, ба муқобили лашкари Алоуддин ҳучум кард, аммо шикаст хўрда, ба ҷониби Ҳиндустон фирор намуд. Алоуддин Ғазнинро мусаххар карда, ба аскарони худ фармон дод, ки муддати 7 шабонарӯз шаҳрро оташ зананд ва пас аз ин муддати як ҳафтаи дигар дар қасри вайрони Ғазнавиён ба айшу ишрат машғул шуд [5, 253].

Алоуддин дигар ҳудудҳои давлати Ғазнавӣ, аз ҷумла Гармсер, Такнобод, Заминдавр, Билад ва ғайраҳоро ба ҳокимияти худ ҳамроҳ карда [8,580] ба Ғур баргашт. Дар бораи он ки Алоуддин пас аз тасарруфи Ғазнин онро ба ҳоли худ гузошт ва ё ягон намояндаи худро ба он ҷо ҳоким таъян кард, маълумоти комил дастрас нест. Ба андешаи баязе муҳаққиқон яке аз сипаҳсолорашро бо панҷ ҳазор лашкар барои идораи шаҳр дар он ҷо гузошта буд. Баҳромшоҳ бошад, дигар ба Ғазнин барнагашта ҳокимияти худро дар Лоҳур таъсис дод.

Дар замони салтанати Фиёсиддини Ғурӣ ҳудуди давлати Ғуриён васеъ гарди. Бародари Фиёсиддин Шихобуддин аз соли 1181, 11 маротиба ба Ҳиндустон лашкар қашида, шаҳру қалъаҳои зиёдро ба ҳокимияти Ғуриён ҳамроҳ кард. Зимни ҳучуми ҷоруми Шихобуддин ба Ҳиндустон, ки ҳадафи асосии Шихобуддин тасхири Лоҳур буд, ки дар он ҷо оҳири намояндаи давлати Ғуриён Ҳусравмалик сарварӣ мекард. Мирзо Насруллоҳҳони Фидой мефармояд, ки «Дар он вакът Лоҳур дар дасти Ҳусравмалик, ки пеш аз он ҳуд аз осеби сулолаи Роҷагони Дехлӣ, инчунин аз душманони бешагиаш ва дудилии сардорони афғон, ки ҳамроҳони ў буданд, дар қашмакашҳо афтода, нотавонии бисёре дар пайкори корҳояш роҳ ёфта ва пояи шаҳриёриаш суст шуда буд» [12,210]. Ҳусравмалик ва дигар дарбориёни ў ҳангоми расидани лашкари Шихобуддин ба назди Шихобуддин қосид фиристода, бо ў сулҳ бастанд. Пас аз ин Шихобуддин Лоҳурро вайрон накарда, ба Ғазнин баргашта, аммо пас аз як сол бори дигар ба ҷониби Ҳинд тоҳта, Синро ишғол кард. Соли 1184 лашкари Ғур аз нав ба ҷониби Лоҳур ҳаракат кард. Ҳусравмалик ин дафъа низ бо лашкари Ғур муқовимат нишон надода, ба қалъаи худ паноҳ бурд. Шихобуддин Лоҳурро муҳосира карда, дар наздикии он қалъаи Сиёлкутро бунёд ва дар он ҳоким ва лашкари муайяне гузошта, ҳуд ба қафо баргашт. Ҳусравмалик пас аз баргаштани Шихобуддин ба қалъаи Сиёлкут ҳучум карда, онро дар тобеияти ҳуд даровард. Шихобуддин аз ин воқеа оғоҳ шуда, бори ҳафтум ба ҷониби Ҳиндустон рӯ овард. Ў дар ин навбат дар шаҳри Лоҳур бо лашкари Ҳусравмалик мубориза бурда, онро шикаст дод. Аммо Ҳусравмаликро ҳокими Панҷоб таъян намуда, боқимонда авлодони Сабуктегиро ба Ғазнин овард.

Ҳамин тариқ, дар замони салтанати Ғуриён ва Ғазнавиён мудом ҷангу лашкаркашӣ идома мейфт, ки дар давраи ҳукмронии Алоуддини Ғурӣ давлати Ғазнавиён пурра шикаст хўрда, ҳудуди он ба давлати Ғуриён ҳамроҳ карда шуд.

АДАБИЁТ

- 1.Абулфазли Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. Ба эҳтимоми Ғанӣ ва Қиёс. Техрон, 1376 ш.-644 с.
- 2.Абулфазли Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. Душанбе, Бухоро, 2014. -760 с.
- 3.Амиршоҳӣ Н. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, 1999. -1008 с.
- 4.Боворс Клифорд Едмунд. Силсилаҳои исломии ҷадид. Тарҷумаи доктор Фаридун Бадрааой. Техрон. 1371. -859 с.
- 5.Губор Мирғулом Муҳаммад. Афғонистон дар масири таърих. Ч.1.1373. -624 с.
- 6.Фиёсаддин Ҳондамир. Ҳабибу-с-сир. Зери назари Муҳаммад Дабирсиёқӣ. Ч.2. Техрон, 1333.
- 7.Иzzуддин Ибни Асир. Ал-комил-фи-ал-таърих. -Бейрут, 1386, ч.11. -429 с.

- 8.История таджикского народа. Том III. Душанбе, Дониш, 2013. -580 с.
- 9.Қарачонлу Ҳусайн, Ҳудойбахш Дучонии Исмат. Муносибати сиёсий ва низомии Ғуриён бо хукуматҳои ҳамҷавор//Улуми инсонии Донишгоҳи аз - Зухро, пойизи 1384, №55. -С.167-192.
- 10.Минҳоч Сироҷи Чузҷонӣ. Табақоти Носирӣ. Чопи севум. Кобул. 1391 ҳ.ш.-501 с.
- 11.Минҳоч Сироҷи Чузҷонӣ. Табақоти Носирӣ/Амиршоҳӣ Н. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, 1999. -1008 с. –С.435-530.
- 12.Мирзо Насруллоҳони Фидӣ.Достони туркозони Ҳинд. Чопи сангӣ -522 с.
- 13.Парвизи Аббос. Ғуриён//Баррасиҳои таърихӣ, фарвардин ва урдубиҳишт.1350, №31. -С.143-176.
- 14.Рашидаддини Фазлуллоҳ. Ҷомеъ-ут-таворих. Бо тасҳех ва таҳшияи Муҳаммаш Рушан. Ҷилди 1. Техрон, 1373. -776 с.
- 15.Рашидаддини Фазлуллоҳ. Ҷомеъ-ут-таворих. Бо кӯшиши Аҳмади Оташ. Техрон, Дунёи китоб, Ҷ.1, 1362.

МУНОСИБАТҲОИ СИЁСИИ ҒУРИЁН БО ҒАЗНАВИЁН

Дар мақола оид ба муносибатҳои сиёсии ду давлат - Ғуриён ва Ғазнавиён таҳқиқот анҷом ёфтааст. Муаллифи мақола қайд менамояд, ки аввалин муносибатҳои сиёсии ин ду давлат дар давраи ҳукмронии Муҳаммади Сурӣ дар Ғур ба ҳуҷуми Сабуктегини ғазнавӣ ба ноҳияҳои гирду атрофи Ғур рост меояд.

Пас аз вафоти Сабуктегин писараши Маҳмуд дар Ғазна ба таҳт нишаста, тобеъ кардани Ғурро аз ҳадафҳои асосии сиёсати худ қарор дода, ҳамроҳи писаронаш ҷандин маротиба ба ҳудуди давлати Ғур лашкар қашиданд, аммо натавонистанд, ки ба пуррагӣ онро дар тобеяти худ қарор диҳанд. Нихоят ба давлати Ғуриён муяссар мешавад, ки дар замони салтанати Алоуддин давлати Ғазнавиёнро пурра шикаст диҳад.

Муаллифи мақола ба ҳулосае омадааст, ки дар замони салтанати Ғазнавиён байни Ғуриён ва Ғазнавиён мудом ҷангу лашкаркашӣ идома ёфта, давлати Ғазнавиён пурра шикаст ҳӯрда, ҳудудҳояш ба давлати Ғуриён ҳамроҳ карда шуд.

Калидвозжаҳо. Ғуриён, Ғазнавиён, Ғур, Ғазнин, қальъа, шаҳр, ҳудуд, ҳокимон, салтанат, ҳукмронӣ, лашкаркашӣ, тасхир.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГУРИДОВ И ГАЗНЕВИДОВ

В статье рассмотрено политическое отношение между двумя государствами – Гуридами и Газневидами. Автор статьи отмечает, что первые политические отношения между этими двумя государствами в период правления Мухаммада Сури в Гуре, совпадают с нападением Газневида Сабуктегина в окрестности Гура.

После смерти Сабуктегина на трон в Газне сел его сын Махмуд и сделал подчинение Гура одной из главных целей своей политики. Вместе с его сыновьями они несколько раз совершили походы на территорию государства Гур, но не смогли полностью подчинить его себе. Наконец, государству Гуридов удается полностью разгромить государство Газневидов во время правления Алауддина.

Автор статьи приходит к выводу, что в период правления Газневидов продолжалась война между Гуридами и Газневидами. Государство Газневидов было полностью разгромлено, а его территория было присоединено к государству Гуридов.

Ключевые слова: гуриды, газневиды, Гур, Газнин, крепость, город, территория, правители, царство, правление, армия, завоевание.

POLITICAL RELATIONS BETWEEN THE GHURIANS AND THE GHAZNAVIDS

The article concludes a comprehensive study on the political relations between two states, the Ghurians and the Ghaznavids. The author highlights that the initial political interactions between these states occurred during the reign of Muhammad Suri in Ghur, coinciding with an attack by Ghaznavid Sabuktegin on the surrounding areas of Ghur.

Following Sabuktegin's death, his son Mahmud ascended to the throne in Ghazna and prioritized the subjugation of Ghur as a key objective of his policy. Despite multiple attempts, Mahmud and his sons were unsuccessful in fully subjugating the Ghur state. Eventually, under the reign of Alauddin, the Ghurian state achieved a decisive victory over the Ghaznavid state.

The author analysis leads to the conclusion that throughout the Ghaznavid reign, the conflict between the Ghurians and the Ghaznavids persisted, culminating in the complete defeat of the Ghaznavid state. As a result, its territories were annexed to the Ghurian state.

Key words: Ghurians, Ghaznavians, Gur, Ghaznin, fortress, city, territory, rulers, kingdom, rule, army, conquest.

Сведения об авторе: Мирзоев Шухрат Джумамуродович – доктор философии (PhD) – по специальности 6Д 020300 - История, ученый секретарь Института истории, археологии и этнологии им. Дониша АМИТ. Телефон: 985-77-79-95. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

Information about the author: Mirzoev Shukhrat Jumamurodovich - doctor of philosophy (PhD) - by specialty 6D 020300-History, scientific secretary of the A. Donish Institute of history, archeology and ethnology named after of NAST. Phone: 985-77-79-95. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

УДК 63.1(575.6) (470)"1920/1930"

УСПЕХИ И ПЕРЕГИБЫ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 30-Е ГОДЫ XX В.¹

АБДУРАШИТОВ Ф.М.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дениша НАНТ

В 20-30-е годы XX в. в Таджикистане, как и во всех республиках Советского Союза произошла масштабная коллективизация сельскохозяйственного производства. Этот процесс фактически является завершающим этапом реализации земельно-водной реформы и аграрных преобразований в целом. По сути, это был переход от феодальной, докапиталистической и капиталистической системы землепользования, сельскохозяйственного производства к социалистической в последующем плановой экономике.

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121 TJ 1200.

Начиная со второй половины 20-х годов Советское правительство, советские и партийные органы особое внимание уделяли развитию таджикской деревни. После того, как Советская власть объявила лозунг о переходе к коллективизации сельского хозяйства, в Таджикистане начался масштабный процесс перехода от единоличного хозяйства к коллективному использованию сельскохозяйственных земель.

Основной формой коллективного хозяйства стала сельскохозяйственная артель (колхоз). Ее преимущества были в том, что: а) в ней обобществлены основные средства производства - земля, рабочий и продуктивный скот, машины, инвентарь, хозяйственное постройки; б) правильно сочетаются общественные и личные интересы членов артели; в) колхозникам принадлежат жилые постройки, часть продуктивного скота и т. д.) в их пользовании находятся небольшие приусадебные участки.

Приоритетной задачей молодой Таджикской республики в 20-е годы XX в. являлось формирование народного хозяйства советского образца. Этот процесс требовал значительных финансовых ресурсов, которых у республики не было. Огромную финансовую помощь Таджикистану оказывало Советское правительство, дотации которого в госбюджете республики играли решающую роль. Так, например в 1926 г. они составили 84,0% всей его расходной части, в 1927 г. – 92,2, в 1928 г. – 79,7 и в 1928 г. – 72,6% [3,44]. При этом в 1926 – 1927 гг. государственные вложения в сельское хозяйство Таджикской АССР по бюджету и кредиту составили 4,2 млн.руб., в последующие годы они неуклонно возросли, достигнув в 1929-1930 гг. 9,5 млн.руб. [3,193].

Советская власть уделяла особое внимание дехканам-земледельцам, которые получили от государства на льготных условиях семена и сельскохозяйственный инвентарь. Были предоставлены значительные ссуды на приобретение рабочего скота. Отдельным категориям трудового дехканства предоставлялись льготы по сельскохозяйственному налогу. Беднота полностью освободилась от налога, реэмигранты – на пять лет, переселенцы – от 1 года до 5 лет. В 1927-1928 гг. были освобождены от сельскохозяйственного налога 35% маломощных дехканских хозяйств и семьи красноармейцев. Переселенцам предоставлялась бесплатная агрономическая помощь, уменьшилась плата за получение в аренду государственных земель [4,420].

Большое внимание аграрной проблеме уделил собравшийся в декабре 1926 г. I Учредительный съезд Советов Таджикской АССР. Наряду с другими документами по вопросам государственного, хозяйственного и культурного строительства съезд принял 10 декабря Декларацию о национализации земли, воды, недр земли и леса. В ней говорилось: «Право частной собственности на землю и воду в пределах Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики отменяется навсегда, и все земли и воды, в чьем бы ведении они не находились, объявляются достоянием государства и могут быть передаваемы трудящимся без всякого выкупа на началах трудового землепользования» [5,38]. В развитие этого основного положения декларация устанавливала важнейшие принципы землепользования и порядок решения земельно-водных споров.

Все земли и воды составляли единый государственный земельно-водный фонд, находящийся в ведении Наркомата земледелия и Управления водного хозяйства

республики. Согласно декларации, существовавшие категории землепользования сохранялись в прежнем виде, поскольку проведения земельно-водной реформы не предусматривалось. При этом проводимая аграрная политика была направлена на поддержку дехканства и ограничение эксплуататорских элементов. Так, за трудящимися и их объединениями закреплялась фактически обрабатываемая ими площадь по трудовой норме. Арендованные у баев земли сюда не входили, но ЦИК Советов республики поручалось рассмотреть вопрос о передаче их трудовым арендаторам. За реэмигрантами, при условии их возвращения на родину до 1 ноября 1927 г. сохранялось право на получение прежнего или нового участка земли в любом районе республики. Наконец, запрещались всякие земельные сделки в виде купли, продажи, залога, наследства и дарения, что служило препятствием дальнейшему росту крупного землевладения [1, 234].

Следует отметить, что единоличникам отводились участки прежних размеров (но не ниже 4 га поливной земли) за пределами колхоза. Земли и усадьбы баев отчуждались и передавались колхозам. При этом бай, которые принимали участие в сельском хозяйстве личным трудом (хозяйства кулацкого типа) получали компенсацию за отчуждаемую землю в размере 4 га земли за пределами колхоза. У хозяйств помещичьего типа земля отчуждалась безвозмездно, а их владельцы в административном порядке выселялись за пределы района. В Ходжентском, Ура-Тюбинском, Пенджикентском округах землеустройство колхозов проводилось на таких же примерно условиях с той разницей, что здесь, ввиду более низкой степени коллективизации, выселение хозяйств помещичьего типа за пределы районов не осуществлялось. В остальных районах республики байские хозяйства, независимо от характера землепользования, выселялись за пределы колхоза и им предоставлялись новые участки земли, но не больше 6-8 га.

В дальнейшем правительство Таджикистана осуществило еще ряд мероприятий, направленных на ограничение байства. 15 марта 1930 г. ЦИК и СНК республики приняли Постановление «О воспрещении самовольного переселения байско-кулацких хозяйств и распродажи ими своего имущества» [9, 49], которое ставило целью воспрепятствовать «самоликвидации» байства, т.е. растранижираванию им своего имущества и средств производства. 4 мая 1930 г. ЦИК и СНК Таджикской ССР приняли другое важное постановление – «О расторжении всех кабальных сделок, заключенных баями и кулаками с дехканами, вступающими или вступившими в колхозы» [9, 529].

Администрирование при проведении коллективизации и отсутствие необходимой работы по укреплению создаваемых коллективных хозяйств вели к тому, что некоторые колхозы числились лишь на бумаге, в официальных сводках. Будучи внутренне непрочными, они быстро распадались. Колхоз, организованный в Пенджикенте, распался через несколько дней. Дехкане вышли из колхоза, заявив, что лучше работать индивидуально, чем в таком колхозе.

В марте 1930 г. наблюдался массовый распад колхозов. В Кулябском, Курган-Тюбинском, Гиссарском и Пенджикентском округах за один месяц – с 15 марта по 15 апреля – распалось 12 колхозов [12]. Так было везде, где в погоне за дутыми процентами коллективизации в ущерб приносилась подлинная организаторская работа по созданию и укреплению колхозов.

Другим немаловажным фактором препятствия колхозному движению является борьба против советской власти во всех регионах Таджикистана. С началом земельно-водной реформы и коллективизации усилился террор против партийных и советских органов. Преследованию подверглись руководители колхозов, джамоатов и районов. Так, враги советской власти жестоко расправились с секретарем местной ячейки «Иттифоқи камбағалон» Гармского района Шарифовым в Лакай-Таджикском районе был убит председатель райисполкома Зайнабиби Курбанова. Пострадали также простые дехканы-активисты. Так, в Регарском районе был зверски убит бедняк Холмат Ходжаев. Все они активно боролись за коллективизацию, Остатки эмирского режима регулярно организовали ряд вооруженных нападений против активистов колхозного строя в основном в южных районах республики [13, 31].

В Таджикистане допускались и другие перегибы, наносившие вред колхозному движению: принудительное проведение контрактации и переселения, закрытие мечетей и др. [2]. В результате извращений политики по коллективизации сельского хозяйства появились признаки серьезного недовольства дехканства, отход части из них от колхозного движения, отдельных выступлений против Советской власти. В ряде пограничных районов, особенно в Кулябском округе, началась эмиграция населения в Афганистан. Имелись факты антиколхозных и антисоветских выступлений в кишлаках Кучкаке и Каракчикуме Канибадамского района.

Грубейшие извращения допускались при осуществлении программы партии по развитию хлопководства. Курс партии на всемерное развитие хлопководства стал подменяться лозунгом «монохлопковости», что означало полное вытеснение хлопком всех других культур. Это вело к тому, что население могло остаться без продовольствия, сокращалась кормовая база для скота.

В результате извращений политики Советской власти в области коллективизации, в том числе переселенческих хозяйств появились признаки серьезного недовольства дехканства. Подобные методы проведения политики коллективизации привело к массовому недовольству населения. Особенно это негативно повлияло на аграрные районы Средней Азии. Все это в конечном итоге вынудило руководящие партийные и советские органы изменить политику коллективизации с учетом региональной особенности.

С целью искоренения допущенных ошибок 30 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял решение о форсировании коллективизации в условиях Средней Азии. В нем было указано, что перенесение ускоренных темпов коллективизации из центра СССР в районы Средней Азии считать необоснованным. ЦК ВКП (б) также потребовал тщательный учет специфических условий Таджикистана.

Вопрос коллективизации в национальных республиках был рассмотрен на специальном совещании по вопросу коллективизации в национальных, экономических районах Средней Азии в ЦК ВКП (б), которое состоялось 11-16 февраля 1930 г. А 20 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло Постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных, экономически отсталых районах». Всесторонне ознакомившись с состоянием колхозного строительства Политбюро осудило ускорение темпов коллективизации в экономически отсталых районах и указало на необходимость дифференцированного подхода к коллективизации

отдельных районов. Основной формой колхозного строительства на данном этапе было признано товарищество по совместной обработке земли. Аграрная политика Советской власти в отношении эксплуататорских элементов кишлака состояла в ограничении и вытеснении их [8].

Конечно, одними указаниями ЦК ВКП (б), на местах решить проблему быстро и оперативно было невозможно. Дело в том, что в аграрном секторе Таджикистана катастрофически не хватало кадров. Поэтому ликвидировать одновременно и по-всеместно извращения и перегибы в колхозном строительстве в районах республики не удалось. К тому же неподготовленные и не компетентные местные работники во многих случаях, руководствуясь старыми установками, продолжали проводить ошибочный курс на быстрейшее завершение коллективизации.

Поэтому с целью исправления перегибов и ошибок в колхозном строительстве, ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. принял очередное Постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В нем вскрывались основные ошибки в коллективизации в районах Средней Азии. ЦК ВКП(б) потребовал от всех местных партийных организаций решительно покончить с искривлениями в колхозном движении, а некомпетентных работников, не умеющих или не желающих повести решительную борьбу с ними, смещать с постов и заменять новыми кадрами.

Вопрос укрепления колхозов стад одним из приоритетных в аграрной политике Советского правительства в 30-е годы XX в. А республиках Средней Азии повсеместно были организованы краткосрочные курсы подготовки руководящих работников на местах. В 1930 году в Таджикистане состоялись двухмесячные курсы укрепления колхозов, для участия в которых были мобилизованы 50 председателей. Двухмесячник проводился под лозунгом всестороннего организационного укрепления колхозов и дал возможность исправить некоторые ошибки и упущения в ходе коллективизации в республике.

При объективном анализе истории колхозного движения в Таджикистане нельзя отрицать и тот факт, что в республике в процессе коллективизации не были учтены социально-географическое положение, своеобразия экономической и социально-политической обстановки в Таджикистане. Наиболее пагубным в колхозном строительстве было механическое перенесение темпа коллективизации передовых районов СССР на республики Средней Азии, в том числе регионы Таджикистана. В республике также наблюдалось преобладание в разъяснительной работе по коллективизации неосуществимых обещаний и элементов иждивенчества. Было допущено чрезмерное увлечение созданием сразу же высоких форм колхозов (артели) без учета степени подготовки к ним дехканства, отсутствие руководящих аграрных кадров. В разъяснительной работе советские и партийные органы недостаточно уделяли внимания и состоянию материально-технической базы в колхозах.

Исходя из сложившейся ситуации партия и правительство усилили помочь колхозам. 2 апреля 1930 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП (б) «О льготах для колхозов», которое освобождало от обложения налогом на два года обобществленный в колхозах рабочий скот, а также продуктивный скот и птицу, находившиеся в колlectивном или индивидуальном владении. ЦИК и СНК рес-

публики 13 апреля 1930 г. приняли Постановление «О введении в действие положения о едином сельхозналоге на 1930/31 год в Таджикистане».

Принцип прогрессивного обложения налогом колхозников был заменен пропорциональным. Полностью освобождался от налога весь прирост посевных площадей за год. Колхозы республики получили также большую помощь от государства кредитами.

Состоявшийся в июне 1930 г. I Учредительный съезд КП (б) Таджикистана, отметив крупные сдвиги в социалистической реконструкции сельского хозяйства, принял решение о необходимости дальнейшей борьбы за всемерное развертывание масштабного колхозного движения, как главного условия успешного развития сельского хозяйства и ликвидации остатков эксплуататорских классов в кишлаке. В то же время съезд указал на необходимость строжайшего соблюдения основных принципов политики партии в колхозном строительстве и всемерного учета особенностей коллективизации в Таджикистане. Ликвидация перегибов в колхозном строительстве и дополнительная помощь государства колхозам вскоре дали новый толчок колхозному движению.

После проведения I-го Учредительного съезда КП (б) Таджикистана проводился ряд важных мероприятий по улучшению организации труда в колхозах. Недостаток в колхозах квалифицированных кадров, а также отсутствие у колхозников знания и опыта организации крупного социалистического производства обусловливали слабую производственную дисциплину, нарушения правильной расстановки сил и постановки учета труда в колхозах.

Распределение доходов производилось в одних колхозах по хозяйствам, в других – по едокам, в-третьих – по работникам и т.п. Такая уравнительная форма распределения не вызывала материальной заинтересованности крестьян в результатах своего труда и являлась одной из причин низкой производительности труда колхозников.

К концу первой пятилетки в социалистической реконструкции сельского хозяйства Таджикистана были достигнуты значительные успехи. В 1932 г. было коллективизировано 41,9% всех дехканских хозяйств. Колхозам принадлежало 65,3% посевных площадей [10,189]. По уровню коллективизации Таджикская ССР отставала от других союзных республик. Однако, если взять отдельно хлопководческие районы, то здесь коллективизация в основном уже была завершена. В колхозы этой группы районов к концу пятилетки входило около 70% дехканских хозяйств [6] (при 61,5\$ крестьянских хозяйств по СССР в целом).

Некоторые успехи были достигнуты и в строительстве совхозов. С 1929 г. по 1932 г. число совхозов в республике возросло с 5 до 26 [11,65], а их посевная площадь увеличилась с 0,3 тыс. до 44 тыс. га [7,88]. Совхозы являлись крупными государственными социалистическими предприятиями в сельском хозяйстве. В них осуществлялись передовые методы организации сельскохозяйственного производства. Совхозы оказывали значительное влияние на развитие колхозного движения, а также содействовали улучшению производственной деятельности колхозов.

Что касается тенденции колхозного строительства в Таджикистане, то она имеет региональный характер. Принципиальное отличие коллективизации в аграрных районах республики в том, что в южных и центральных районах Таджикистана в

20-30-е годы XX в. почти не проводилась земельная реформа и земельные наделы не была национализированы, так огромное количество земельных участков здесь пустовало. То есть в южных и центральных районах создание коллективных хозяйств было намного проще, нежели на Севере, где предстояло вести борьбу против сохранившихся еще феодально-байских элементов и закоренившихся латифундистов.

Таким образом, советский опыт колхозно-совхозного строительства сыграл ключевую роль в развитии народного хозяйства и в целом социально-экономической жизни Таджикистана. Конечно, нельзя отрицать ошибки, просчеты и трудности в процессе коллективизации сельского хозяйства, которые по идеологическим соображениям не были объективно оценены. Хотя, с экономической точки зрения, колхозы, как новый институт хозяйствования сыграли доминирующую роль в возрождении сел.

Именно коллективизация послужила поднятию экономики районов, способствовала с помощью переселения обеспечить земельными участками тысяча безземельных дехкан, аграрный сектор приобрел новый облик. В далеких кишлаках появились клубные учреждения, школы, библиотеки и т.д. Заметно улучшилась социальная жизнь тружеников, выросло их благосостояние, а сами колхозы год за годом окрепли. Для укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов была проведена социалистическая реконструкция сельского хозяйства, с проведением аграрных преобразований во всех регионах Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абдурашитов Ф. М. Исторический опыт переселенческой политики в Таджикистане (1924-1990 гг). Душанбе, 2015. 360 с.
- 2.ГАНИТ ф. 17, оп 11, д. 76, лл. 91-93.
- 3.История рабочего класса Таджикистана. Душанбе, 1972, Т. 1. 230 с.
- 4.История таджикского народа. – Новейшая история (1917-1941гг)/Под редакцией академика Р. М. Масова. Душанбе. 2004. Т. V. С. 752 с.
- 5.Из истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Таджикской ССР. 1926-1937 гг. Сб. документов и материалов, Душанбе, 1973, Т. 1, С. 38. 248 с.
- 6.Коммунист Таджикистана, 1935, 20 августа.
- 7.Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917 – 1965 гг.), 262 с.
- 8.Правда. – 1930. – 27 февраля.
- 9.Систематическое собрание действующих законов Таджикской ССР. Сталинабад, 1930, 212 с.
- 10.Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938 гг.). Стат. сборн. М. 1939, 220 с.
- 11.Таджикистан за 40 лет. Стат. сборшк. Душанбе, 1964,134 с.
- 12.ЦГА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 21, л. 111.
- 13.Яхъяев М.М. Коллективизация сельского хозяйства в Таджикской ССР (1930- 1935 гг.) // Уч. зап. Сталинабадского пединститута. – 1956. – Т.15. – Вып.2. – С.31.

МУВАФАҚИЯТ ВА ЗИЁДАРАВИХОИ ҲАРАКАТИ КОЛХОЗӢ ДАР ТОЧИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 30-ҶУМИ АСРИ XX

Ҳангоми таҳлили айни таърихи ҳаракати колхозӣ дар Тоҷикистон чунин далелро инкор кардан мумкин нест, ки дар ҷумҳурӣ дар давраи колективиунӣ мавқеи иҷтимоию ҷуғрофӣ ва вазъияти ба худ хоси иқтисодию ҷамъиятию сиёсии Тоҷикистон ба назар гирифта нашудааст. Дар соҳтмони колхозӣ ҷизи аз ҳама ҳаробиовар ба таври меҳаникӣ ба ҷумҳуриҳои Осиёи Миённа, аз ҷумла ба ноҳияҳои Тоҷикистон гузаронидани суръати колективонидани ноҳияҳои пешкадами СССР буд.

Дар мақола дар асоси сарчашма ва адабиёт масъалаҳои фаъолияти колхозҳо, муваффақият ва камбудиҳо дар солҳои 20-30-юми асри XX, инчунин дигаргуниҳои бузурги иҷтимоио иқтисодӣ дар ҳаёти хоҷагиҳои кишоварзӣ, ташкил ва мустаҳкам кардани хоҷагиҳои колективӣ дар деҳот инъикос шудааст.

Инчунин дар мақола ба душвориҳо ва иштироҳҳо дар давраи таъсисёбии колхоз ва совхозҳо ва ҳамзамон ба ҳаёти кишоварзии аъзои хоҷагиҳои колективӣ таваҷҷуҳи маҳсус дода мешавад. Муаллиф ба хусусияти хоси ташкили колхозҳо дар минтақаҳои мухталифи Тоҷикистон аҳаммияти маҳсус зоҳир намуда, душвориҳое марбут ба ҳалли мушкилоти колхозҳо, инчунин омода намудани кадрҳо ва файраҳоро ба таври воқеъбинона инъикос кардааст.

Калидвоҷаҳо. *Хоҷагиҳои кишоварзӣ, колхоз, совхоз, соҳтмони колхозу совхозҳо, иҷтимоӣ - иқтисодӣ, истеҳсолоти кишоварзӣ, Ҳокимияти Шуравӣ.*

УСПЕХИ И ПЕРЕГИБЫ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 30-Е ГОДЫ ХХ В

В объективном анализе истории колхозного движения в Таджикистане необходимо признать, что в процессе коллективизации в республике были недооценены социально-географическое положение, особенности экономической и социально-политической обстановки. Особенно разрушительным для колхозного строительства стало механическое перенесение темпа коллективизации из передовых районов СССР на республики Средней Азии, включая регионы Таджикистана.

Статья отражает вопросы, связанные с деятельностью колхозов, их успехами и неудачами в 20-30-е годы XX века, а также крупные социально-экономические изменения в жизни сельскохозяйственных предприятий. Она освещает организацию и укрепление колхозов в сельской местности. Особое внимание уделяется трудностям и ошибкам в создании колхозов и совхозов, а также хозяйственной жизни и проблемам членов колхозов.

Статья также фокусируется на особенностях организации колхозов в различных регионах Таджикистана. В ней объективно описываются трудности, связанные с решением проблем колхозов, вопросами подготовки кадров и другими аспектами.

Ключевые слова. *Сельскохозяйственные фермы, колхозы, совхозы, строительство колхозов и совхозов, социально-экономическим, сельскохозяйственное производство, Советская власть.*

SUCCESES AND EXCESSES OF THE COLLECTIVE FARM MOVEMENT IN TAJIKISTAN IN THE 30-S OF THE XX CENTURY

In an impartial examination of the history of the collective farm movement in Tajikistan, it is evident that insufficient consideration was given to the socio-geographical position and the unique economic and socio-political situation in the republic during the collectivization process. The most detrimental aspect of collective farm construction was the mechanical transfer of the pace of collectivization from the more advanced regions of the USSR to the republics of Central Asia, including Tajikistan.

The article delves into issues related to collective farm activity, encompassing both successes and failures during the 20-30s of the 20th century. It explores significant socio-economic changes in the life of agricultural enterprises, along with the organization and fortification of collective farms in rural areas. Special attention is directed towards the challenges and mistakes in establishing collective farms and state farms, as well as the economic factors influencing the lives of collective farm members.

The author places particular emphasis on the intricacies of organizing collective farms in different regions of Tajikistan, providing an objective reflection of the difficulties associated with resolving issues within collective farms, including personnel training and other related matters.

Key words. Agricultural farms, collective farms, state farms, construction of collective farms and state farms, socio-economic, agricultural production, Soviet power.

Сведения об авторе: Абдурашитов Фозил Маматович - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. Телефон: (+992) 935-700205 (моб). E-mail: fozil-62@mail.ru

Information about the author: Abdurashitov Fozil Mamatovich - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Ahmad Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. Tel: (+992) 935-700-205 (Mobile). E-mail: fozil62@mail.ru.

УДК 728 (575.6)"19/20"

АЗ ТАЪРИХИ МЕЪМОРИИ МАНЗИЛИ ИСТИҚОМАТӢ ДАР ОХИРИ АСРИ XIX ВА ИБТИДОИ АСРИ XX-И ШИМОЛИ ТОҶИКИСТОН

**ЗОКИРОВ Р.Ш.,
Донишкадаи политехникии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон
ба номи академик М.С. Осими дар шаҳри Хуҷанд**

Манзил дар ташаккули шахсият мавқеи меҳварӣ дошта, тӯли марҳалаҳои таъриҳӣ новобаста аз ягонагии муҳити иқлимию табиӣ борҳо аз лиҳози меъморию тарҳ такомул ёфтааст. Ҳадафи мо таҳлили замина ва шароитҳои ташаккули консепсияҳои шаҳрсозӣ ва раванди ҷустуҷӯйи навъҳои манзил дар давраи пешазинқилобӣ дар охири асрҳои XIX - ибтидои XXI, инчунин пажӯҳиши тозаи таҷрибаи назариявӣ ва амалии он давра дар соҳтмони шаҳракҳо ва манзили истиқоматии марбут ба сиёсати солҳои аввали Ҳокимияти Советӣ мебошад. Ҷанбаҳои шаҳрнишинӣ (урбанизатсия) дар шимоли Тоҷикистон ва маҷмӯи масоile, ки дар самти ободонии шаҳр ва инчунин банақшагирии манзил дар ибтидои асри XX ба миён омада буданд, таҳлил карда мешавад. Дар заминай масъалагузорӣ, хусусиятҳои шароити зиндагии аҳолии шаҳракҳои шимоли Тоҷикистон ва атрофи онҳо, навъҳои манзил ва лоиҳаҳои ҳалли масоили манзил робитаи бевосита дорад.

Барномаю лоиҳаҳои сершумори давлатӣ ва минтақавии рушди манзил, тарҳрезии соҳтмон дар шароити нави иҷтимоию иқтисодӣ, меъморӣ боз бармагарданд ба масъалаи зарурияти муттасил соҳтани биноҳои ободу зебои истиқоматӣ мунтазам мусоидат менамоянд.

Тамоюли ҷаҳонишавӣ дар татбиқи ҳуқуқи иҷтимоии инсон: беҳтарин омили созанда барои манзил, барои оила - хонаи инфиродӣ бо қитъаи замин, яъне ҳоҷагиҳои ёрирасон самти тоза қасб намудааст. Баъди таъсиси Ҷумҳурии Муҳтори Шуравии Тоҷикистон то солҳои 40-уми асри XX дар аксарият минтақаҳои шаҳрӣ соҳтмони манзилҳои камошёнаи инфиродӣ татбик шуда, парвандаҳои лоиҳавӣ оид

ба тарҳҳои намунавӣ, ки аз ҷониби гурӯҳи лоиҳасозони шаҳрӣ ё минтақавӣ аз рӯйи банақшагирӣ таҳия мешудаанд, амалӣ мегардид.

Принципи асосии ин тарҳҳо самаранокии иқтисодӣ - бо воситаҳои ҳарочоти камтарин ва истифодаи масолехи маҳаллӣ ба дараҷаи муайянӣ бароҳати меъёрҳои физиологӣ ноил шудан буд.

Пас аз соли 1946 марҳалаи нав дар тарҳрезӣ ва соҳтмони манзилҳои истиқоматӣ, аз ҷумла дар давраи аввал лоиҳаҳои алоҳида оғоз ёфтанд. Соҳтмони оммавии ҳонаҳои навъи ҳалқӣ дар минтақаҳои наздишашрӣ ва деҳоти шимоли Тоҷикистон то андозае таҷдид гардиданд.

Рушди босуръату оммавии бунёдкорию созандагӣ дар ин замон як қатор нуқсонаҳои ин давраро ошкор намуд, ки нисбати онҳо ба таври вазеъ тавзех дода бартараф карда мешуданд.

Ҳам дар манотики Осиё ва ҳам Аврупо минбаъд тарҳи манзилро бо диди тоза матраҳ менамуданд, ки маҳсусан сабку услуби манзили шахсиро ҷунун устодони меъмории асри XX монанди Ф.Л. Райт, Ричард Майер, Чарлз Мур, Корбюзе, Сааринен, Алвар Аалто ва амсоли инҳо тарҳрезӣ кардаанд, ки навоварӣ ва анъанаро дар тарҳрезӣ ва бунёд ба ҳам мепайваст.

Дар замони Ҳокимияти Шуравӣ ашҳоси имконият дошта низ меҳостанд, ки манзили худро мисли манотики Аврупо бо шукуху шаҳомоти хос бунёд намоянӣ, лекин сиёсати он даврон ба он рухсат намедод. Ин ҷо меъморӣ ҳусусияти таҷассумкунандай баробарии иҷтимоиро ифода намуда, маҳсусан солҳои 50-70-уми асри XX содагардонӣ ва сариштакорӣ дар оғаридани манзилҳо раҳнамои ягона буд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки ҷузъи ногусастаи ин давлати абарқудрат маҳсуб меёфт, новобаста ба дорои таъриҳҳои маданияти бузурги ҷандинҳазорсола будан, дар такя ба таҷрибаи ниёғон ва синтези он бо маданияти нави ташаккули манзил ва ташкили муҳити зисти мувоғиқ, масалан, шаҳракҳои (посёлкаҳои) коргарӣ, маҳаллаҳо, кварталҳо, марказҳои маъмурию ҷамъиятии шаҳракҳои навтаъсис такони наве ба раванди эҷодӣ дар меъмории манзилҳои камошёнаи инфириодии истиқоматӣ намуд.

Мавзуи таҳқиқи биноҳои истиқоматӣ ҳеч давру замон мубрамият ва аҳаммияти худро гум намекунад; то даме, ки инсоният мавҷуд аст, вай ҳамеша дар таҷдид аст, гарчанде решоҳои он ба қадимтарин зовияи умқи таъриҳҳои бармегарданд.

Ҳеч кас намедонад ва ҳатто наметавонад бифаҳмад, ки инсон аввалин манзили худро дар кучо ва кай соҳтааст? Аз боқимондаҳои тасвириҳои манзилҳои қадим, ки то ба мо расидаанд, танҳо таҳмин кардан мумкин аст, ки он хоси қадом давраи таъриҳӣ ва ҷигуна буд.

Инсоният болои сарашро аз обу ҳавои номусоид ва ҳавфу ҳатар, гармию сардиро на мисли қаблӣ дар зери дараҳт ё дар гор, балки дар ҳонаи доимии маҳсус соҳташуда паноҳгоҳ пайдо мекунад [1, 132].

Дар тӯли асрҳо ҳар як қавму миллат умумияти тарҳрезии худро нисбати бинои истиқоматӣ интихоб кардааст, ки ба шароити иқлим, тарзи зиндагӣ ва ҳусусияти миллӣ бештар мувоғиқ аст. Амалиёти муҳталиф, эътиомнокӣ, бароҳатии манзил, ҳоҳ он манзили тоҷикӣ бошад, ҳоҳ фанзаи чинӣ бошад, ҳоҳ қулбаи украинӣ, хиради ягонаи тамоми ҳалқро инъикос мекунад, ки меъмори касбӣ ҳамеша аз он ҳамчун

таснифоти типологӣ чизе омӯхта мавриди истифода қарор дода метавонад. Метавон гуфт, ки «таърихи инсоният таърихи хонадон аст. Аз рӯйи маълумоти охирин, синну соли хонаҳои сунъии аз тарафи инсон соҳташуда, ба 2 миллион сол баробар аст» [6, 112].

Таърих гувоҳ аст, ки бинои истиқоматии ҳозиразамон на аз шаҳр, балки дар деҳот, ки дар он ҷо фарҳанги устувори манзили ҳалқӣ ташаккул меёбад, оғоз гардидааст. Масалан, намуди хоси манзили яккамеравии гилини миллӣ ё кулбаи славянҳои шарқӣ дар асрҳои миёна осори ҷӯбкорӣ дар рӯйи замин буданд, ки баъдтар дар бисёр ҷойҳо маъмул гардидааст.

Дар тӯли асри XX инсоният аллакай ҳудро як үнсури муҳити сунъӣ хис карда, бо соҳтори техносферӣ ихота шуда, ба онҳо вобастагӣ пайдо намуд [6, 117].

«Дар робита ба буҳронҳое, ки инсониятро паси сар мекунанд – мисли талаботи иҷтимоию иқтисодӣ, ҳифзи муҳити зист, ғизо, демография, энергетика ва мушкилоти марбут ба урбанизатсия як масъалаи доги муосир дигаргунии гузаштан ба тарзи нави тафаккур, системаи нави арзишҳо ва тарзи нави ҳаёт мебошад, ки ба таври муассир танзим карда тавонад. Дар рушди глобалӣ ва маҳаллӣ, иҷтимоӣ - иқтисодӣ, этнофарҳангӣ, системаҳои фазоӣ ва экологӣ, ки ба бартарафсозии монеаҳо ва роҳ надодани система ба ҳолати буҳронӣ нақши манзил муассир аст» [3,10].

Чунон ки Кияненко К.В. менависад: «Манзил на танҳо василаи ташаккули инфиродӣ ва ҳаёти оилавӣ, балки алоқаманд ба ҷомеаи беруна низ ҳаст» [11, 43]. Ба ибораи муҳаққиқ Гейтс Билл, манзил санги асосии зиндагии инсон аст [6, 78].

Бинобар андешаи Булгаков М.А. «тавассути ташкили фазои меъморӣ, одам на танҳо макони зисти утилитариро ба вучуд меорад (ки дар соҳтмони манзилҳои ҳозиразамон, маҳсусан соҳтмони оммавӣ афзалият дорад), балки диди онҳоро ба ҷаҳон, ғояҳои зебоии онҳо, орзуи онҳо дар бораи ҳамоҳанг будани онро таҷассум менамояд» [2, 11].

Содатарин навъи манзили мардумӣ дар шимоли Тоҷикистон 2 ё 3 ҳуҷраҳои гуногунҳаҷми бо айвони ягона муттаҳидшуда бошад, пас дар Русия кулбаи чордеворӣ - хонаи ҷӯбӣ буд, ки дар он хонаи истиқоматӣ - қафаси пеҷдор ва соябоне мавҷуд буд. Дар шароити иқлими саҳти ноҳияҳои шимолии Русия ба кулба аз тарафи дигари ҳочагӣ ва ҳавлии пӯшида васл карда мешуданд, то ки гузаргоҳ дар қисми марказии тамоми бино ҷойгир шуда, як навъ даҳлез ба сифати хона хизмат мекард. Чи дар зери манзили истиқоматӣ ва чи дар зери қисмҳои ҳочагии хона таҳхонаи баланд, ки дар он ҷо ҷорво нигоҳ доштан мумкин буд, ташкил карда мешуд. Айвони зебое ба сӯйи ҳуҷра ва пандуси (моилии) ҷӯбин ба саҳни ҳавлӣ мебурд.

Нури офтобӣ аз равзанаҳои портажӣ (сӯроҳиҳои танги девори ҷӯбӣ, ки тавассути пардаҳои дохилии ҷӯбӣ ҳаракат мекунанд) ба манзил ворид мешуд, ки тадриҷан ба тирезаҳои «каҷ» бо ҷаҳорҷӯбаҳои шишабандӣ иваз карда мешуданд. Ба ҷойи

фарши гилин дар муқоиса бо манзили тоҷикӣ торафт бештар фарши таҳтагӣ истифода мегардид.

Боми хонаҳо дар шимоли Тоҷикистон асосан аз таҳта ва гил иборат буд. Дар ибтиди солҳои 30-уми асри XX техникаи бинокорӣ имкон дод, ки хонаҳо ба таври амудӣ ва уфуқӣ гурӯҳ-гурӯҳ блоконида шаванд. Ин гуна хонаҳо дар шаҳрҳои бостонии Хӯҷанд, Панҷакент, Исфара, Конибодом ҳанӯз дар ибтиди асри XIX оғоз ёфта, танҳо аз миёнаҳои аср ба навъи асосии хонаҳои шаҳрӣ (расми 1) барои як ё якчанд оила пешбинишуда табдил ёфтанд. Сохти доҳилии ин гуна хона одӣ буд: дигар сохти арҳаикии иморати кӯҳнаи шаҳр бо айвони марказӣ, ҳуҷраҳои асосию хизматӣ вучӯд надошт. Хона як ячайкаи якҳӯҷрагӣ гардида, ҳуҷраҳо дар наздикии зинапояҳои амудӣ гурӯҳбандӣ мешуданд.

А-манзили инфиродӣ. Б-манзили умумӣ.

Расми 1. Намуди манзилҳои шаҳрии солҳои 20-уми асри XX
(сарчашма: Таърихи меъморӣ-ВИА, ҷилди 8, с.342,346).

Талаботи зиёд ба манзилро ба инобат гирифта, бунёди оммавии онро ташкил кардан лозим буд, ки ин танҳо бо роҳи индустріяқунонӣ ба амал бароварда мешуд. Хонаи намунавӣ умуман - аз таҳқурсӣ то бом объекти истеҳсоли силсилавии (сериявии) саноатӣ гардид. Пас мавҷи истеҳсоли оммавии хонаҳои се, чор ошёна солҳои 50-ум ва баъдан 5 ошёна оғоз гардид. Бо пайдоиши манзилҳои оммавии миёнашёни истеҳсолӣ, мушкилоте низ пайдо шуданд, ки аллакай дар давраи фаъолияташон дар назди ҷомеа саволе ба миён гузоштанд: «Оё дар хонаи бисёрошёна зиндагӣ карда мешавад».

Ҷавоби ин саволро метавон тавассути баррасии таҷрибаи кишварҳои пешрафтӣ Осиё пайдо кард, ки модели таҷрибаи шаҳрсозии онҳо метавонад ба кишвари

мо ҳам нафъ расонад. Мисли дигар кишварҳо мо ба моделҳои нави зиндагӣ дар ҷомеаи мусоир ниёз дорем.

Дар тӯли асри XX таҳқиқоти мунтазами васеъмиқёси манотики Шарқ нишон дод, ки аз ҷиҳати сатҳи дастрасии неъматҳои асосии маънавӣ ва модӣ ва сифати зиндагӣ ин шаҳрҳо (шаҳрҳои таърихии Хуҷанд, Истаравшан ва Панҷакент) аз шаҳрҳои пешрафтаи Осиё ҳеч ваҷҳ кам нестанд. Дар бисёр ҷиҳатҳо (экология, бехатарӣ ва ғ.) онҳо ҳатто бартарӣ доранд [9, 86]. Аз ин рӯ, пурсиши иҷтимоии омма собит намуд, ки сокинони манзилҳои камошёнаи шаҳрҳо ҳоҳиши ба маҷмааҳои бисёршёна гузаштанро надоранд.

МО НИЗ ЧУНИН ТАЧРИБАИ ТАЪРИХИРО ДОРЕМ. Дар Тоҷикистони пешазреволютсионӣ биной истиқоматии аз гил ё поҳса соҳташуда дар намуди зоҳир ва ташкили соҳтории худ ҳусусиятҳои меъмории ҳалқиро дарбар мегирифт. Он аз лиҳози экологӣ ва бароҳатӣ бемисл мебошад. То асри XX дар он бисёр усулҳои кӯҳнаи ҳунари бинокорӣ, ки аз насл ба насл мегузаранд, дар тӯли асрҳои зиёд дар ҷараёни соҳтани иншооти гуногуни зерсоҳт интиҳоб ва сайқал дода шуда, нигоҳ дошта мешуд [16, 109].

Дар ҳусуси интиҳоби шумораи ошёнаҳои хона бошад, дар ин ҷо ҳам маҳдудият мавҷуд буд. Чунин мешумориданд, ки хонаи истиқоматии шаҳр набояд аз дараҳт ё гумбази ибодатгоҳ баланд бошад. Мақсади мо таҳлили замина ва шароитҳои ташаккули консепсияҳои шаҳрсозӣ ва раванди ҷустуҷӯйи навъҳои нави манзил дар давраи пешазинқилобӣ дар оҳири асрҳои XIX - XX, инчунин навсозии таҷрибаи назариявӣ ва амалии он давра дар ин соҳа дар соҳтмони шаҳр ва манзил сиёсати солҳои аввали Ҳокимияти Советӣ мебошад. Ҷанбаҳои урбанизатсия дар шимоли Тоҷикистон ва маҷмӯи масъалаҳое, ки дар самти ободонии шаҳрҳо ва банақшагирри манзил дар ибтидои асри XX ба миён омада буданд, таҳлил намуда, ҳулоса кардан мумкин аст, ки дар заминай масоил, ҳусусиятҳои шароити зиндагии аҳолии шаҳракҳои шимоли Тоҷикистон ва атрофи онҳо, навъҳои манзил ва лоиҳаҳои ҳалли масоили манзил робитаи бевосита дорад. Ташаккули манзил боиси он мегардад, ки «мавҷудияти тамаддунҳои қаблиро мунтазам нав мекунад ва тавассути идомаи таҷрибаҳо ва арзишҳои иҷтимоӣ-фарҳангӣ байни наслҳоро таъмин менамояд» [10, 78].

Мафҳумҳои асосие, ки замони Шуравӣ ба рушди ватанӣ таъсир расониданд ғояҳои шаҳрсозӣ: кооператсияи манзилӣ, навъҳои таҷрибавии (эксперименталии) манзил, хонаҳо-коммунаҳо хос мебошад. Аз рӯйи мисолҳои мушаххаси шаҳрҳои бостонии Хуҷанд, Истаравшан ва Панҷакент, таҷрибаи кор карда баромадан ва ба амал баровардани ин консепсияҳо дар Тоҷикистони таърихии пешазинқилобӣ, инчунин таҷрибаи дигаргунсозии онҳо ва мутобиқ шудан дар сиёсати шаҳрдории Шуравӣ дар солҳои аввали Ҳокимияти Шуравӣ маҳсуб меёбад. Дар ин заминай таҷрибаи назарияи ватанӣ ва амалии шаҳрсозӣ дар ҷанбаҳои иҷтимоию иқтисодӣ ва иҷтимоию сиёсӣ омӯхта мешавад. Омилҳо, ки тамоил ва масъалаҳои инкишофи шаклҳои нави нуқтаҳои аҳолинишин, намудҳои манзил ва усулҳои бунёди онҳоро муайян мекунанд ҳалли масоили манзил дар асри XX таҳқиқ карда мешаванд.

Омилҳои пайдоиши падидай манзили коммуналӣ ҳамчун як намуди хоси даврони Шуравӣ манзил ва робитаи он бо амалии иҷтимоию маддани давраи гузашта аз худ дарак дод. «Мушкилоти мероси меъморӣ ташаккули соҳтори меъмо-

рию тархрезии соҳтмони манзил дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дар тамоми Осиёи Миёна бо давомнокии таҳайюли эҷодӣ ва татбиқу истифода алоқаманд аст. Воқеан яке аз ҷиҳатҳои ҳалли он ҳамоҳанг гардондани таҷрибаи лоиҳакашӣ ва соҳтмон мебошад, ки тӯли марҳалаҳои таъриҳӣ амиқ такомул ёфтааст» [10, 81].

Давраи солҳои аввали Ҳокимияти Шуравӣ, ки бо дигаргунҳои қуллии иҷтимоию маданий, сайри фазои шаҳр ва ҳаёти аҳолии шаҳр қабул карда мешавад ҳамчун марҳалаи озмоишҳои иҷтимоӣ дар манзил дарк карда мешавад. Дар ҳамин замона, ки маҳсус шаклҳои нави манзил, ки дар як дараҷаи муайян муҳити шаҳрҳои он давра гардид тарзи зисту зиндагонӣ- хонаи коммуналӣ, хонаи колективона ва ниҳоят, квартираи коммуналӣ ташаккул ёфт. Новобаста аз ин, ба вучуд омадани навъҳои нави манзил бо якчанд омилҳои нав мисли комплекси иҷтимоӣ, иқтисодӣ, муҳандисӣ-техникӣ ва ҷамъиятио сиёсӣ алоқаманд аст. «Давраи Ҳокимияти Шуравӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити соҳти банақшагирӣ бо истеҳсоли корҳои соҳтмону вasl ва насби биною иншоот азҳуд намудани масолеҳи нави бинокорӣ: сement, хишти пухта, шиша, металл, фанер, шифер, сафолакҳо, масолеҳи пардоздизҳӣ, рангубор ва монанди онҳо ба роҳ монда шуда, техника ва усуљҳо, принсипҳои шаҳрсозӣ дар шароити мураккаби маданию геологӣ, шиддатнокии баланди сейсмикӣ, фурӯравӣ, таҳшинии хок ва иқлими гарм бошанд аз масъалаҳои ҳалталаби минтақа ба ҳисоб мерафтанд» [10, 83].

Гояи барпо намудани соҳти нави ҷамъияти замони Шуравӣ барои масоили манзили ҳалқунанда бошад ҳам, vale барои муайян кардани роҳҳои ҳалли масоили манзил дар марҳалаи ташаккули онҳо омили ягона нест. Ин нуқта ба мақсад мувоғиқ буда, тамоюл ва душвориҳоро дар самти шаҳрсозӣ ва сиёсати манзил ба назар мегиранд, ки тибқи шаҳрсозии ҳозира консепсияҳои ибтидои асри XXI-ро замина гузошт.

Нимаи дуюми асри XIX-ибтидои асри XX афзоиши босуръати маскуншавӣ ва шумораи шаҳрҳо ва паҳншавии симои ҳаёти шаҳрӣ дар кишвар хос буд. Ҳанӯз солҳои 90-уми асри XIX урбанизатсия сар шуд. Таҷдиди саноатӣ ва қатъиян барҳам додани ҳуқуки крепостной ба вучуд овардани тақдири посёлкаҳои русиро тағиیر дода, шароити дигаргунсозии классикии шаҳрҳо, ки асосан вазифаи маъмуриро иҷро мекарданд дар иқтисодиёт, савдо ва саноат низ мавқеи хосро гирифтанд [5, 38].

«Омӯзиш ва муайян намудани ташаккули усуљҳои истеҳсолот ва техниқи бинокорӣ дар меъмории ҳалқӣ яке аз масъалаҳои муҳимми эҷодиёти меъморӣ ва малякаҳои бунёдӣ, ки дар ҳақиқат метавонад кӯмаки амали расонад дар эҳёи расму оинҳо, маҳсусан дар шаҳракҳо, эҳёи пештараи деҳоти ба гӯшай фаромӯшиҳо рафтари ба вучуд овард. Бинобар ин, дар айни замон он ба мо имкон медиҳад, ки роҷеъ ба масъалаҳои лоиҳакашӣ ва раванди соҳтмон бодикӯат андеша намоем» [14,22]. Омор нишон медиҳад, ки агар дар миёнаи асри XIX ҳиссаи сокинони шаҳр дар шимоли Тоҷикистон 7,8 фоизи аҳолиро ташкил медод, пас то соли 1897 ба 12,3 фоиз, дар соли 1917 бошад, то 16 фоиз афзуд. Ҳуҷанд ва Истаравшану Панҷакент дар ин давра аз ҷумлаи шаҳрҳои босуръат рушдёбанда буданд [4, 192]. Дар баробари афзоиши демографӣ, ободонии интенсивии шаҳрҳо ба амал омад. Соли 1897 дар байни шаҳракҳо, яъне посёлкаҳое, ки зиёда аз 10 ҳазор нафар аҳолӣ доштанд, Исфара ва Конибодом низ шомил буданд.

Дар соли 1905 аллакай 4, дар соли 1927 - 7 ва дар соли 1937 – 9 агадро поселкаҳои типи шаҳрӣ дар Шимоли Тоҷикистон ташкил медоданд [4,95].

Дар зери мағҳуми «шашрак» ниҳон будани банақшагирии назарраси соҳторӣ ва хусусиятҳои функсионалии навъи посёлкаи навъи шаҳрӣ мебошад. Дар баробари ин, инкишофи дохили ноҳияҳо, манзилҳои камошёнаи инфириодӣ ғайрисистема буда, бо ташаббуси шаҳсии аҳолӣ бо нақшай кулли дурнамои рушд муайян карда мешуд. Дар канори онҳо бо шаҳр, «бетартибона, бе ягон тарҳи мувофиқашуда» посёлкаҳои нав тадриҷан якҷоя гардида, калон мешуданд [7, 181].

Масъалаи манзил «қисми таркибии умумии масоили иҷтимоӣ, ки аз ҳалли он ба инкишофи маънавӣ ва ҷисмонии аҳолӣ вобаста буд», дар консепсияҳои шаҳрсозӣ қалидӣ гардид [8,79]. «Робитаи зичи шаҳр бо ҳудуди агломеративии он дар равобити мустаҳками иқтисодӣ, маъмурӣ ва маданий бо қисмҳои алоҳидай ҳудудҳои ҳамсоя, инчунин иштироқи бевоситай аҳолии шашракҳо дар кори ҳочагидории кишоварзӣ зоҳир мегардид. Махсусан, дар фасли гармои сол бисёр сокинони шаҳр ба дехоти наздишашҳӣ, қитъаҳои наздишашҳӣ рафта, он ҷо ба кори ҳочагии кишоварзӣ машғул буданд. Дар сурати ба миён омадани ҳатар онҳо дар мулкҳои мустаҳкам ва қалъаҳое, ки Ҳуҷандро дар як ҳалқаи зич ихота кардаанд, муҳофизат мешуданд. Ин анъана дар ибтидиои асрҳои миёна ба вучуд омадааст ва аз он замон то ҳол тағиیر наёфтааст» [10, 84].

Тамоили зиёди сокинон ба шаҳрҳо афзоиш ёфта, эҳтиёҷоти манзилро ба дараҷаи масоили иҷтимоӣ метезонид. Аз сабаби набудани бозори манзили дастрас иҷораи онро пешниҳод мекунад, ки бо сифати пасти манзил дар бадтарин шароит, дар ҳуҷраҳое, ки ба онҳо мувофиқат намекунанд, хилоғи меъёрҳои асосии гигиенӣ мачбур шуданд, ки ибтидиои солҳои 50-ум иқомат намоянд. Омӯзиши шароити зиндагии аҳолии мувофиқи барӯйхатгирии соли 1897 ба ҳисоби миёна нуғузи миёнаи оилаҳои шаҳрҳои минтақа 7,8 нафарро ташкил медод [12, 113-114].

Дар ноҳияҳои дурдасти Кӯҳистони Маҷҷиноҳо ва собиқ Заҳматобод (ҳоло Айнӣ) дар ибтидиои асри XX қарib дар ҳар як ҳавлӣ бештар аз 10 кас зиндагӣ мекард, ки масоҳати манзилӣ камтар аз $6m^2$ –ро ташкил медод. Дар маҳаллаҳои шафати корхонаҳои калони саноатӣ шашракҳои (поселкаҳои) типи коргарии серодам бошад (Адрасмон, Чайруҳ, Такелӣ), шароити зиддисанитарӣ мушоҳида карда мешуд [14, 187].

Таркиби иҷтимоии ноҳияҳои марказии шимоли Тоҷикистон дар ин давра якхела набуд. Дар хонаҳои истиқоматӣ ва биноҳои ҳочагӣ метавонистанд намоянданагони табақаҳои гуногуни ҷамъият – зиёиён, мансабдорон, оммаи одӣ истиқомат кунанд. Аммо масъалаи тезу тундтарини бартараф намудани эҳтиёҷоти манзил ва лоиҳакашии навъҳои нави манзил ба миён меомад. Дар миёнаи асри XX танҳо 20% коргарон дар пештара манзилҳо, ки аз ҳисоби корхонаҳо соҳта шуда буд, зиндагӣ мекарданд[13,11]. Ин гуна биноҳо одатан биноҳои казарма бо хобгоҳҳои умумӣ ва саройҳо буданд. Аксарияти кулли коргарон ҳуҷраҳо, гӯшаҳои иҷора ё кат дар хонаҳои алоҳидаро ишғол менамуданд. Масалан, дар назди Кони маъдани шашраки Адрасмон қарib 200 нафар коргарон биноҳои таҳхонаро ҳамчун манзил истифода мебурданд [15, 94].

Дар солҳои 1917-1918 масъалаи моликият бо Декрет «Дар бораи барҳам додани моликияти хусусӣ ба молу мулк дар шаҳрҳои пешазреволюционӣ» асосан нигоҳ

дошта амалияи оқилонаи ҳамзистии «гӯша» ичоракорон дар бинои калони истиқоматӣ боис гардид тасдиқ карда шуд.

Дар ин замина ичора ва пардохтҳои коммуналӣ барҳам дода шуданд, фонди манзил афзуд. Ҳисоби иморату мулкҳои пештара, тақсим кардани манзил хусусияти синӣ гирифт. Умуман, ҷорӣ намудани стандарти ягонаи истиқоматӣ мусассар нашуда, ҳалли масъалаҳои бартараф намудани эҳтиёҷоти манзил танҳо боиси пайдо шудани падидай «квартираи давлатӣ» гардид.

Дар баробари ин кӯшиши ҳалли масъалаи манзил бо роҳи азхудкуни навъҳои нави он, шаклҳои нави моликият ва стратегияҳои нав дар давраи пешазинқилобӣ низ даҳсолаҳои нав ба амал бароварда мешуданд.

Масъалаи принсипҳои нави шаҳрсозӣ, сиёсати соҳтмон аксар вақт бо вазифа ва таъиноти он вобаста карда мешуд. «Талаботи фаврӣ қатъиян ба он чизе, ки мо ба он одат кардаем, муҳолиф буда, ҳаёти ҷамъиятӣ навъи тамоман дигарро пешниҳод мекунад, насли мусосир онро тағиیر медиҳанд» [17, 132].

Ба ин муносибат таҳлил кардан ба мақсад мувоғиқ аст ва як қатор дар охири асрҳои XIX - XX консепсияҳои шаҳрсозию соҳтмон, ки муҳокима карда шуданд ва дар давраи пеш аз ҷангӣ қисман ба амал бароварда шуданд. Дар нимаи дуюми асри XX дар шаҳрсозӣ ба масоили беҳбудии саломатӣ аҳамият дода, муҳити экологии шаҳр ва манзили усулан нав навъҳои нави шаҳракҳо ба вучуд оварданд. Дар сиёсати шаҳрсозии даврони Иттиҳоди Шуравӣ хонаи коммуналӣ, яъне манзили коргарӣ дар аввал ҳамчун идеал дида мешуд. Зоро он барои баровардани эҳтиёҷоти кормандони ба кор ҷалб шуда ва бесарпаноҳ бо мақсади таъмин гардидан бо манзили истиқоматӣ ва инчунин ҷойгир кардани аҳли оилаи онҳо ҳамаҷиҳата мусоидат менамуд.

Назарияи шаҳрсозии ибтидиои солҳои 1930 мавҷудияти муассисаро, ки оила, масоили душворро ба назар нағирифтааст, ҷудо кардани манзил-коммунаҳо зери шубҳа нағузонӣ. Зоро чун қоида лоиҳаҳои хонаҳои коммуналӣ пеш манзилҳои типи меҳмонхона буданд, лоиҳакашӣ карда мешуданд, танҳо барои истифодаи ошҳонаҳои ҷамъиятӣ ва дигар хизматрасониҳои коммуналӣ пешбинӣ мешуданд [18,113]. Дар амал ғояи ташкил кардани «манзилҳои дастаҷамъона» дар вақти соҳтмон аксар вақт танҳо шиор буда, хонаҳои истиқоматии коргарон ва манзилҳои бошукуҳ барои роҳбарони ҳизбӣ мансуб буд [17,32]. Аммо барои шаҳрҳо, ин таҷриба ягона монд ва ба таври норавшан қабул карда, боиси рад шудани талаботи қисми асосии аҳолӣ мегардид.

Таҷрибаҳои шаҳрсозӣ дар солҳои аввали Ҳокимияти Шуравӣ ба асосҳои аз ин пеш маълум дар амалияи дохилии пеш аз ҷангӣ консепсияҳое, ки ба тағирёбандагии рафти идеологии давлатии ҷавонон мутобиканд, татбиқ мегардид.

Минбаъд хона ба таҷассуми моддии ғояи бадӣ табдил ёфта, вазифаи муҳимми маданию маърифатиро иҷро мекунад. Зебоии иморат шаҳрро на танҳо чун ҷузъи меъморӣ муайян мекунанд, балки ободонию коркарди ландшафти табии фазои онро мукаммал менамояд. Ин ба он чизе вобаста аст, ки муҳити моддиеро, ки шаҳрро дар муҳити шаҳр иҳота мекунад, ташкил медиҳад. Ба он ғайр аз биноҳо ва табиат осори меъмории ҳурд (ҷуссаҳои монументалӣ, панҷараҳо, курсиҳо, гулзорҳо, ҳавзу фаввораҳо, намунаҳои ҳайкалтарошӣ), таҷхизоти гуногуни техникий (сүтунҳои рӯшноидиҳанд, фонусҳои овеза), воситаҳои нақлиёте, ки кӯчаҳоро пур мекунанд

мукаммал менамояд. Илова бар ин, барои пайдоиши муҳити зист воситаҳои мухталифи муосир - шиорҳо, навиштаҷот, лавҳаҳо, таблиғ аҳаммияти басо ҳам қалони худро доранд.

Фазои дохилии биноҳои истиқоматӣ ба муҳити зист табдил ёфта, бо таҷхизоту мебели зарурӣ, асбобу анҷоми рӯзгор, инҷунин осори ҳунармандӣ ва қабудизорку-ний мукаммал мешавад.

Ҳамаи қисмҳои сершумори муҳити зисти сунъие, ки инсон ба вучуд овардааст, ба ғайр аз вазифаҳои амалии худ, ҳусусиятҳои эстетикӣ низ доранд. Ҳамаи он ҷизе, ки муҳити зистро ташакқул медиҳад, бо ҳусусияти умумии воситаҳо ва усулоҳои шаклдиҳӣ муттаҳид шуда метавонад. Ҷунин як ҷамъияти устувори ҳусусиятҳои бадеиро дар меъмории манзил услуб меноманд.

Меъмор соҳтани бинои истиқоматиро ба дӯши худ гирифта, ё шакл-намудҳои мавҷударо интиҳоб карда, ҳонаро мувофиқи матлабу қоидаҳо меофарад ё шакли усулан навро иҳтироъ мекунад ва ё барои ҳар як бинои истиқоматӣ услуби нав меофарад, ба мисли меъмории органикӣ, ки дар ҷавоби эҳтиёҷоти ҳаёти оилавӣ ва вобаста ба рӯҳияни маҳал соҳта шудааст.

Дар амалияни ҳозираи соҳтмони манзили камошёна на ҳама чиз ба роҳ монда шудааст, на ҳама чиз маълум шудааст. Аз ин рӯ, мо тамоюлҳои муосирро муайян мекунем ва сипас таснифоти услугҳои имрӯзаро дар тарҳрезии бинои истиқоматӣ медиҳем.

Намунаҳои умумии ташаккули услуг вобаста ба андоза ва синфи бинои истиқоматӣ ба таври гуногун зоҳир мешаванд. Дар ҳонаҳои ҳурди шаҳрӣ, коттеҷҳо, дар мулкҳои деҳот, ки дар он ҷо меъмории ҳалқӣ ва анъанавӣ ҳукмфармо буда, дар бораи услугҳо махсусан таваҷҷӯҳ намекунанд. Биноҳои истиқоматӣ аксар вақт бо иштироки бевоситаи лоиҳакаш, аз рӯйи намунаҳои прототипҳо, бо ороиши намо мувофиқи идеалҳои маданию эстетикии фармоишгар соҳта мешаванд. Дар натиҷа ҳонаҳо аз ҷиҳати тарҳрезӣ ва соҳти конструктивӣ, шакли ҳаҷмӣ якхела буда, дар шаклҳои анъанавии манзили меъмории деҳот соҳта шуда, аз ҷиҳати намуди зоҳир ба кулӣ фарқ доранд, ки муносибати сокинонро ба ҳона ва одамон инъикос мекунанд.

Манзилҳои синфҳои миёна - котеҷҳо ва иморатҳо самараи меъмории муосири қасбӣ мебошанд. Аз ин рӯ, дар ин ҷо масъалаи услугҳо ва сабки бинои истиқоматӣ махсусан фарқкунанда аст. Сифати шакли бинои истиқоматӣ бо воситаҳои меъмории хоса интиҳобшуда ба шарофати завқи хуб ва маҳорати меъмор ба вучуд оварда мешавад. Дар натиҷа, таркиби умумии сеченакаи бинои истиқоматӣ аз ҷиҳати пластикий ифодакунанда буда, дар ҳар як ҳолати алоҳида нотакрор буда, нақши ҷузъҳои пластикии онҳо умуман дар асоси маводи анъанавӣ - таъриҳӣ ва муосир ҳамоҳанг карда мешавад.

Дар меъмории элита - виллаҳо ва манзилҳои деҳот, иморатҳо - услуби шакл, ифодаи бадей ва асолати он тавассути ҳифзи анъанаҳои бостонии миллӣ вазифаи қасбии меъмор ҳамчун ороишгари бадей (расми 2) мебошад.

Расми 2. Манзили бошукухи инфиродии ибтидиои асри XXI шаҳри Конибодом, 2022. Аксি муаллиф.

Услуби хона сатҳи завқ ва арзишҳои фарҳангӣ, устуворӣ ва неруи ботинии соҳиби онро инъикос намуда, манзилро бо пояҳои бунёдии чомеа ва таърихи инсоният муттаҳид месозад. Таркиби умумии чунин бинои истиқоматӣ, чун коида, хусусияти ҳаҷмӣ ва фазоӣ, нақши деталҳо ва пластикии намоҳо ба таври назаррас меафзояд, муҳити ландшафтӣ бо ҷалби тамоми дастовардҳои санъати боғдорӣ ҳал қарда мешавад. Дар ин ҷо ҳама услубҳои маълум истифода мешаванд, ба сифати услуг ва иҷроқунанда қадр карда мешавад.

Дар манзили муосири якӯҷрагӣ айни замон услугҳо ва тамоюлҳои меъмории маъмултарини зеринро фарқ кардан мумкин аст:

- *услуби анъанавии мардумӣ ё дехотӣ*: хонаҳо дар асоси нақшай ошёнаи паст, бе таҳхона, боми бодваз, равоқи васеъ, ромҳои ороишии тирезаҳо, дарҳо, пардаҳо, деворҳо дар асоси фарҳангӣ анъанавии миллӣ;

- *замонавӣ бо шаклҳои саноатӣ*: хонаҳо бо шаклҳои саноатӣ, оқилона, конфиратсияи нақша хело гуногуну мураккаб аст, ҳаҷми бино геометрӣ, боми ҳамвор, боми истифодашаванд, деворҳо бо тирезаҳои калон, деталҳои содакардашуда ё набудани онҳо, асимметрии ҳаҷмҳо ва ҷузъиёт;

- *таъриҳӣ* (*услубҳо – романӣ, ғотикиӣ, классикӣ, миллӣ ё русӣ*): шакли нақшаша, конструксияҳои ҳаҷмӣ ва пластикии бинои истиқоматӣ хусусиятҳои услугҳоро инъикос мекунанд; услуги маъруф шинохта мешавад, хонаи замонавӣ ба хонаи таъриҳӣ ҳамоҳанг аст;

- *минтақавӣ*: шакли нақшаша, соҳтмони ҳаҷмӣ ва пластикии бинои истиқоматӣ хусусиятҳои услуги дигар кишварҳо ва фарҳангҳоро инъикос мекунад; хонаи хусусиятҳои маъмулии биноро, ки дар минтақаи дигари соҳтмон ташкил ёфтааст, такрор мекунад;

- *услуби муосир*: шакли нақшаша, соҳтори ҳаҷмӣ ва пластикии бинои истиқоматӣ аз ҳам гуногунанд, ки аз шароиту талаботи муосир, мустақилияти равишҳои умумӣ ва хусусияти дуюмдарача дар унсурҳои шакл тақозо карда мешаванд; хонаи муосир шабоҳати таъриҳӣ дошта, фарҳангӣ гузашта тавассути услуги ягона амалӣ мегардад;

- ҳалли авангардӣ: шакли нақша, сохтори ҳаҷмӣ ва пластикии бинои истиқоматӣ аз ҳама файриодӣ мебошанд, ки бо ҳоҳиши татбиқи нақшай муаллифӣ, ки мегавонанд дар оянда мувофиқ бошанд, мустақилияти ва аслӣ дар равишҳои умумӣ ва дар унсурҳои шакл; аз шароиту талаботи имрӯза дур мондааст;

- меъмории органикӣ: шакли нақша, сохтори ҳаҷмӣ ва пластикии бинои истиқоматӣ инфириодӣ буда, аз шароити муосири макон ва вазифа, мустақилияти бунёдӣ дар равишҳои умумӣ ва унсурҳои шакл, асолат ва якпорчагии шакл вобаста буда, хона бениҳоят фардӣ ва ба қадри имкон бо муҳити табӣ ё дехот омехта мешавад;

- формализм: шакли нақша, сохтори сеченака ва пластикии бинои истиқоматӣ аз шароит ва талаботи муосири мавқеъ ва вазифа, мустақилияти асолат дар равишҳои умумӣ ва унсурҳои шакл, якпорчагии он вобаста нест; тамоми воситаҳои расмӣ натиҷаи амалӣ гардидан ягон нақша, гоя; хона ба ягон шакли маъруфе монанд аст, ки маънии рамзи дорад: манора, қалъа, коҳ, киштӣ, кулба ва ғ.;

- меъмории бионикӣ: шакли тарҳ тимсоли олами ҳуҷайраҳои оғлами флора сода ё мураккаб, қаҷӣ; сохтори квартали бинои истиқоматӣ бо шароити мусоиди табиию иқлими - гармхонаҳо, террасҳо, коллекторҳои офтобӣ, маводи экологии маҳаллӣ ошкор карда мешавад; талаботи бионикӣ ва мутобиқати табӣ дар равишҳои умумӣ ва дар унсурҳои шакл, якпорчагии шакл; тамоми воситаҳои расмӣ натиҷаи муҳайё намудани шароити комили зиндагонӣ ва ба таври максималӣ мувофиқ будани табиат мебошад.

Хуллас, мазмуни мағҳуми «истиқомат» вобаста ба тағиироти соҳти ҷамъиятий ва равандҳои таърихиҷо ҷамъиятий дигаргун мешавад. Дар марҳалаҳои аввали та-маддуни таърихии инкишофи ҷомеа вазифаи манзилро объектҳои табӣ - гор, истеҳком, ҷазира, дараҳт, ҳандақ ва ғайраҳои дигар иҷро мекарданд. Мақсади умумии ташаккули манзил ташкили фазоии равандҳои ҳаёти ҳаррӯзai инсонӣ (мехнат, зиндагӣ ва истироҳат) мебошад, ки маҳз ҳофизаи таърихии инсоният тавассути такмил онро интиқол ва комилан то имрӯз ба таври шинохтанашаванда ташаккул додааст.

АДАБИЁТ

- 1.Архипов Ю.К., Архитектурно-типологические основы проектирования жилых зданий. – Новокузнецк: ИЦ СИГИУ, 2013. – 253 с.
- 2.Булгаков М.А. Трактат о жилище // Булгаков М.А. Избр. – Киев, 1990. – С. 207.
- 3.Близанкова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918-1933 годы // Жилище в XX век. Архитектура и социальная история: Три квадрата, М: 2001. С. 146.
- 4.ГАСО. Ф. 8. О. 1. Д. 115. Л. 192.
- 5.Гушка А.О. Социальные основы жилище // Зодчий. М: 1914. № 7. С. 79.
- 6.Гейтс Б. Дорога в будущее. М.: Русская редакция, 1996. – 312 с. 16.
- 7.Градостроительство СССР середины XIX –начала XX века / под ред. Е.И. Кириченко. Т. 1. М: Прогресс-Традиция, 2001. С.340.
- 8.Губернский Ю.Д., Жилище для человека – М.: Стройиздат, 1991. -98 с.
- 9.Горбачев В.Г. Архитектура городов XIX – начала XX века. Научное издание. – СПб: Коло, 2016. – С.150.
- 10.Зокиров Р.Ш. Айъанаҳои меъморӣ дар бунёди манзилҳои истиқоматии шимоли Тоҷикистон//Муаррих, №4(32), 2022. С.152.
- 11.Кияненко К.В. Введение в проблему современного жилища. – Вологда: ВоГТУ, 2002. – С. 159.
- 12.Кириллов В.В. Путь поиска и эксперимента. Из истории советской архитектуры 20-х – начала 30-х гг. М: Наука, 1974. С. 142.

13. Кузнецов В.Н. Городская среда и человек // М: Наука. 2000. № 21. С. 76.
14. Мукимов Р.С. Некоторые вопросы освоения традиций таджикского зодчества /Р.С. Мукимов// Современные проблемы застройки и планировки городов и поселков: материалы республиканской конференции (г. Душанбе, марта 1989 г.). -Душанбе: Ирфон, 1989. - С. 324.
15. Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище XX век. Архитектура и социальная история. М: Три квадрата, 2001. С. 94.
16. Сенявский А.С. Урбанизация Средней Азии в XX веке. Роль в историческом процессе. М: Прогресс, 2003. С. 440.
17. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет. М.: Наука, 1980. С. 373.
18. Черняк В.З. Исторический опыт развития жилья и строительного дела//Жильё: комплексный взгляд / Под общ. ред. В.М. Агапкина. Науч. ред. А.В. Черняк, В.З.–М.: Анри, 2001. – С. 576.

АЗ ТАЪРИХИ МЕЪМОРИИ МАНЗИЛИ ИСТИҚОМАТИ ДАР ОХИРИ АСРИ XIX ВА ИБТИДОИ АСРИ XX-И ШИМОЛИ ТОЧИКИСТОН

Манзил дар ташаккули шахсият мавқеи меҳварӣ дошта, тӯли марҳалаҳои таъриҳӣ новобаста аз ягонасиги муҳити иқлимию табиӣ борҳо аз лиҳози меъморию тарҳ такомул ёфтааст. Мақсади мақола таҳлили замини ва шароитҳои ташаккули концепсияҳои шаҳрсозӣ ва раванди ҷустуҷӯи навъҳои нави манзил дар давраи пешазинқиlobӣ дар оҳири асрҳои XIX – ибтидиои XX, инчунин навсозии таҷрибаи назариявӣ ва амалии он давра дар ин соҳа, дар соҳтмони шаҳр ва манзил сиёсати солҳои аввали Ҳокимияти Шӯравӣ мебошад. Ҷанбаҳои урбанизатсия дар шимоли Тоҷикистон ва маҷмуи масоиле, ки дар соҳаи ободонии шаҳр ва банақшагирӣ манзил дар ибтидиои асри XX ба миён омада буданд, таҳлил карда мешавад. Дар заминай масоил, ҳусусиятҳои шароити зиндагии аҳолии шаҳракҳои шимоли Тоҷикистон ва атрофи онҳо, навъҳои манзил ва лоиҳаҳои ҳалли масоили манзил робитаи бевосита дорад.

Калидвозжаҳо: таърихи манзил, шаҳрак, хона, анъана, технология, экология, меъморӣ.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Жилище занимает важное место в формировании личности, и на протяжении исторических этапов, независимо от климатических и природных особенностей, оно многократно совершенствовалось в архитектурно-дизайнерском плане. Целью данной статьи является анализ предпосылок и условий формирования градостроительной концепции, а также процесса поиска новых типов жилья в дореволюционный период в конце XIX - начале XX века. Кроме того, рассматривается актуализация теоретического и практического опыта в области градостроительства и жилищной политики в первые годы Советской власти.

Статья анализирует предпосылки урбанизации на севере Таджикистана и комплекс вопросов, возникших в области градостроительства и жилищного строительства в начале XX века. Освещаются аспекты, связанные с характеристиками жилищных условий населения северных городов Таджикистана и их окрестностей, а также типы жилья и проекты по решению жилищных проблем.

Ключевые слова: история жилища, город, дом, традиция, технология, экология, архитектура.

FROM THE ARCHITECTURAL HISTORY OF A RESIDENTIAL HOUSE IN THE NORTH OF TAJIKISTAN AT THE END OF XIX THE TH AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The house plays a crucial role in shaping one's personality, undergoing numerous architectural and design improvements across historical stages, regardless of climatic and natural environmental factors. This article seeks to analyze the historical background and conditions that influenced the development of urban planning concepts, as well as the exploration of new housing types during the pre-revolutionary period from the late XIX to the XX centuries. Additionally, it aims to revisit the theoretical and practical experiences of that era in the domains of urban construction and housing policies during the early years of Soviet Power.

The analysis delves into the aspects of urbanization in northern Tajikistan, addressing a spectrum of issues that emerged in the domains of urban development and housing planning at the onset of the 20th century. Within this context, the article explores the living conditions of the population in the northern towns of Tajikistan and their environs, emphasizing the direct correlation between housing types and projects designed to address challenges related to housing.

Key words: *housing history, town, house, tradition, technology, ecology, architecture.*

Сведения об авторе: Зокиров Рахимджон Шарифович - преподаватель Политехнического института Технического университета Таджикистана им. академика М.С. Осими в городе Худжанде. Телефон: (+992) 92-807-67-66. E-mail: zokirov_1974 Rahimjon@mail.ru

Information about the author: Rahimjon Sharifovich Zokirov - teacher of the Polytechnic Institute of the Technical University of Tajikistan named after Academician M.S. Osimi in the city of Khujand. Phone: (+992) 92-807-67-66. E-mail: zokirov_1974 Rahimjon@mail.ru.

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
УДК 94 (470+571.15)"1920/1930"

АБДУЛҚОДИР МУҲИДДИНОВ - ХОДИМИ БАРҶАСТАИ ДАВЛАТӢ ВА СИЁСИИ СОЛҲОИ 20-УМИ АСРИ XX

САИДЗОДА И.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ

Мирзо Абдулқодир Муҳиддинов соли 1892 дар шаҳри Бухоро дар оилаи сарватманд бо номи Мирзо Муҳиддин Мансуров таваллуд шудааст. Аз соли 1909 ӯ яке аз иштирокчиёни фаъоли ҳаракати мухолифони зидди низоми амирӣ дар Бухоро ва аз соли 1917 роҳбари ташкилоти ҷавонбухориён буд. Соли 1919 ба сафи Ҳизби Коммунистии болшевикон дохил шуда, дар сарнагун кардани низоми амирии Бухоро дар соли 1920 фаъолона иштирок намуд.

Аввалҳои моҳи сентябрь соли 1920 Мирзо Абдулқодир Муҳиддинов – сардори Кумитаи халқӣ оид ба зироаткорӣ (кишоварзӣ), аз 14 сентябрь соли 1920 Раиси ташкилоти (кумитаи) инқилобии умумибухорӣ, аз моҳи сентябр то моҳи апрели соли 1922 вазифаи нозираи савдо ва саноат, аз моҳи апрели соли 1922 то моҳи июни соли 1923 – ҳамчун намояндаи маҳсуси Ҷумҳурии Бухоро дар Москва фаъолият дошт. Ӯ аз моҳи сентябрь соли 1923 раиси Шурои иқтисодии ҶҲШБ, аз моҳи ноҳабри соли 1924 – муовини раиси ташкилоти инқилобии ҶМШС Тоҷикистон, аз моҳи декабри соли 1926 то моҳи январи соли 1929 раиси Кумитаи халқии советии ҶМШС Тоҷикистон кор кардааст. Аз моҳи январи соли 1929 роҳбари корҳо оид ба намояндагии доимии ҶМШС Тоҷикистон дар назди Шурои иқтисодии Осиёи Миёна ва байд аз ташкил шудани ҶШС Тоҷикистон ҳамчун намояндаи доимии ҶШС Тоҷикистон дар Шурои иқтисодии Осиёи Миёна кор карда, байди он корманди Кумитаи халқӣ оид ба таъминот ва муовини раиси Кумитаи фавқулодаи халқии таъминоти ИҶШС дар Осиёи Миёна фаъолият намудааст.

31 майи соли 1934 А. Муҳиддинов дар фаъолияти зиддиинқилобӣ гумонбардониста шуда, аввал ба ҳабс ва сипас ба қатл расонида шуд. 25 январи соли 1958 Коллегияи судӣ оид ба корҳои чиноятӣ Суди Олии ИҶШС парвандаи марҳум А. Муҳиддиновро аз нав баррасӣ намуда, байди маргаш ҳукми қатли ўро маҳкам карда, дар ҳусуси бегуноҳ ба қатл расидани ў ҳукм баровард.

Маълумоти аввалин дар бораи А. Муҳиддинов дар ёддоштҳои Файзулло Ҳоҷаев [14,109] ва Садриддин Айнӣ [1,75-76,188] дида мешавад. Муаллифон, шоҳидони воқеаҳои он солҳо, маълумот дар бораи хонавода, қадамҳои аввалин ў

дар ташкили ҳаракати чавонбухориён ва фаъолияти ў дар ин ташкилотро то соли 1918 овардаанд.

Дар навиштаҳои Р. Фиш ва Р. Ҳошим [20,45] ҳамин гуна маълумот дар бораи А. Муҳиддинов ва инчунин маълумоти кӯтоҳ дар бораи фаъолияти ў дар мансаби Раиси Кумитаи инқилобии Умумибухорӣ дода шудааст.

Мақолаҳои Б. Эргашев [18,78-81] ҳам дар шинохти шахсияти А. Муҳиддинов аҳамият доранд ва нигоштаҳои Б. Эргашев яке аз корҳои аввалин мебошанд, ки дар онҳо фаъолияти ҳизбӣ ва давлатии А. Муҳиддиновро аз соли 1910 вақте ки ў нав ба муборизаи зидди низоми амирӣ дар Бухоро ҳамроҳ мешавад, то январи соли 1929 яне то аз вазифаи раиси ҶМШС Тоҷикистон озод шуданаш, баррасӣ шудаанд. Мақолаҳо, маълумоти аниқ доранд ва муаллиф ба тарҷумаи ҳоли А. Муҳиддинов диккати ҷиддӣ медиҳад.

Бешубҳа, барои омӯзиши ҳаёт ва фаъолияти А. Муҳиддинов мақолаи Р. Масов ва Ш. Султонов [9] маълумот ва далоили ҷолиб дорад, зеро ки дар асоси маводи бойгонӣ навишта шудааст. Дар он таваҷҷӯҳ ба фаъолияти аввалини инқилобии А.Муҳиддинов, корҳои роҳбарикунандай ў дар мақомоти қудратии ҶҲШБ ва солҳои оҳирӣ умраш шудааст.

Дар давраи гузариши ҶМШС Тоҷикистон ба Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистӣ ба фаъолияти Муҳиддинов А. баҳо дода мешавад. Мавқеи Муҳиддинов А. оид ба масъалаҳои миллӣ муфассал дар китоби Р. Масов «Таърихи табартақсим» низ инъикос ёфтааст [10,70].

Баъзе суханронихо [6], маърӯзаҳо [7] ва мақолаҳои [2,17] А. Муҳиддинов, ки дар саҳифаҳои матбуоти даврии он солҳо напр шудаанд, мавҷуданд, vale мутаасисифона қисми зиёди онҳо баъди ба ҳабс гирифта шуданаш дар соли 1934 нобуд шудаанд. Мақолае, ки соли 1931[15] оид ба кор дар Кумитаи халқӣ оид ба таъминот навиштааст, ҳифз шудааст.

Таҳқиқот нишон дод, ки солҳои 1920 - 1928 даврае, ки А. Муҳиддинов дар соҳторҳои баланди ҳизбӣ ва давлатӣ фаъолият дошт, пурра равшан нест. Тавре дар боло қайд шуд, моҳи сентябри соли 1920 баъд аз сарнагун кардани аморати Бухоро Кумитаи инқилобии умумибухорӣ ташкил ва роҳбари он Абдулқодир Муҳиддинов таъйин шуд.

Дар назди Ҳукумати ҶҲШБ вазифаҳои душвор – пахш кардани муқобилияти тарафдорони соҳти низоми қаблӣ, барҳам додани дастгоҳи собиқи идоракунӣ ва барпо намудани дастгоҳи идоракуни нав, дар маҳалҳо барпо намудани Ҳокимияти Шуравӣ ва баланд бардоштани иқтисодиёти мамлакат мейстод. Ҳамаи ин масъалаҳоро Кумитаи инқилобии умумибухорӣ бо роҳбарии А. Муҳиддинов ҳал мекард.

Масъалаи асосие, ки ҳокимияти нав дар назди худ гузошт, барҳам додани заминдории феодалӣ буд. 30 сентябри соли 1920 «Декрет дар бораи замин» қабул шуд, ки мувофиқи он ҳама гуна замин, чорво ва васоили меҳнат моликияти ҷамъияти эълон шуда, бояд дар байни дехқонони камбагал тақсим мегардишанд, аммо бо ин қарор на ҳама розӣ буданд. А. Муҳиддинов зидди ин қарор буд, зеро ў шароити маҳал ва дараҷаи иқтисодии рушди мамлакатро хуб дониста, мефаҳмид, ки гузаронидани ин гуна ислоҳот кори осон нест ва чунин мепиндошт, ки ҳуқуқи фурӯши замин бояд бокӣ монад, зеро ки заминҳои барои киштукор мувофиқ

аллакай дар ихтиёри дехқонон буданд ва ба хазинаи амир андоз месупориданд, заминҳои дигар барои кишт номувофӣ буданд ва барои тақсим кардани онҳо байни дехқонон аввал масоили обёрӣ бояд ҳал мешуд. «Дар шароити Бухоро танҳо бо роҳи аз дигар дехқонон гирифтани замин ва ба безамин додани он мумкин буд» [11, 46].

Дар Бухорои онвақта як қувваи бузургро рӯҳониён ташкил мекарданд, ки қатъиян зидди милликунонии замин буданд. А. Муҳиддинов ҳамаи инро ба назар гирифта, дар суханрониҳояш тарафдори нигоҳ доштани моликияти хусусӣ ба замин буд. Хусусан, 22 феврали соли 1921 дар ҷаласаи Кумитаи Марказии ҳизбӣ, иштироки намояндагони ҳамаи вилоятҳои ҶҲШБ, масъалаи заминро баррасӣ намудааш [11, 146]. «Бо таклифи А. Муҳиддинов, сарфи назар аз эътирози Саъдуллоев ва Турсун-Хочаев қарор дода шуд, ки дехқонон ва қулакҳо замини худро метавонанд ба ҳар кас фурӯшанд» [12, 162]. Аммо ин пешниҳодро рӯзи дигар коммунистони «чап» рад карданд. Дар Анҷумани якуми умумибуҳорои Шуроҳо А. Муҳиддинов низ дар бораи ихтилоғи худ дар масъалаи барҳам додани моликияти хусусӣ ба замин сухан ронда, чунин гуфтааст: «Тибқи шариат, ҳеч моли мусалмонро бе ризои-яти ў бегона кардан мумкин нест... Ман тарафдори онам, ки молу мулке, ки то имрӯз соҳиб доранд, дар ҳамон шакл бимонанд» [11, 45]. Аммо фикри ўро на танҳо ба эътибор нагирифтанд, балки барои чунин суханронӣ маҳкум ҳам карданд. Минбаъд ҳам бо як қатор сабабҳо дар ҶҲШБ милликунонии замин ба маъни томаш ба амал бароварда нашуд.

А. Муҳиддинов ҳангоми дар вазифаи роҳбари Кумитаи инқилобии умумибуҳорӣ буданаш барои ба даст овардани соҳибхтиёри (истиқололияти) миллӣ-давлатии Ҷумҳурии ҳалқӣ кӯшиш мекард. Ў дар тайёр кардани лоиҳаи Конститутсияи ҶҲШБ [16, в.1] фаъолона иштирок карда, бо ҳамроҳии падарааш Мирзо Муҳиддин Мансуров дар омода ва бастани Шартномаи иттифоқӣ байни ҶШФСР ва ҶҲШБ [16, в.2] ширкат намуд ва аз рӯйи масъалаҳои савдо бо ҶШФСР гуфтушунид бурда, кӯшиш намуд, ки бо давлатҳои хориҷии Ғарб ва Шарқ муносибатҳои нави тиҷоратӣ ба вучуд оварда, муносибатҳои тиҷоратии қаблиро нигоҳ дорад. Аммо чунин мустақилият бисёриҳоро ба ташвиш овард. Нозири корҳои хориҷии ҶҲШБ Ҳошим Шаиқ дар Москва А. Муҳиддиновро огоҳ карда, мегӯяд: «...Ҳукумати Бухоро ва хусусан Шуморо дар ҳимоя намудани манфиатҳои афғонӣ гумонбар мекунанд. Замони дар Москва будани Мансуров ва наздик шудани ў бо Бройдо ва воҳӯрии Шумо бо ў ҳозир дар Москва дар доираи Комиссариати ҳалқии корҳои хориҷӣ (ҚҲҚҲ) таассурути манғӣ ба амал овард. ҚҲҚҲ ба дӯстии Афғонистон боварӣ надорад» [16, в.3].

А. Муҳиддинов ҳоҳиши дар ҶҲШБ нигоҳ доштани сармояшро надошт. Дар телеграмма аз 28 апрели соли 1921 ў менависад: «Дар вақти гуфтушуниди шахсӣ бо рафиқ Қарахон 26-уми ҳамин моҳ ў хабар дод, ки аз рӯйи маълумоте, ки вай дар дасти худ дорад, Ҳукумати Англия ба микдори зиёд пулҳои қофазии Бухороро мебарорад ва дар ҳудуди Бухоро ба воситай тоҷирон паҳн мекунад. Ў изҳор намуд, ки барои ҳимояи манфиатҳои Ҷумҳурии Бухоро воҷиб аст ҳамаҷониба барои роҳ надодани чунин кор муқобилият лозим аст, системаи нави муосирро ҷорӣ намуда, тартиби муайянӣ ба муомилот баровардани пулҳои қофазӣ, ки барои аз ворид ва паҳн шудани пулҳои қофазии қалбакӣ кафолат дода тавонад; то таъсиси низоми

нави барориши пул дар Бухоро комилан қатъ карда шавад... Дар ҳолати қатъ шудани барориши пулҳои қофазӣ дар ҶҲШБ, ҶШФСР ният дорад ҶҲШБ-ро мунтазам бо пулҳои қофазӣ таъмин намояд, лекин зарур аст пешакӣ дар бораи талаботи пули қофазӣ барои Ҷумҳурии Бухоро ҳар моҳ эълон намояд.

Лекин ман шубҳа дорам, ки чунин маблағузаронӣ метавонад моро ба тобеияти номатлуб расонад, зеро ки дар ин ҳолат ҶШФСР метавонад нисбат ба ҶҲШБ мақоми назоратиро ишғол намояд, чунки баровардани пулҳои қофазӣ дар ҶШФСР аз рӯйи дарҳост ва тибқи нақшаи ҳароҷоти пешниҳодгардида ичро мешавад. ҶШФСР метавонад ба ин расмият такъя қунад ва ин мавқеъро нисбати мо бо муқаррар кардани назорат татбиқ намояд» [16, в.4].

А. Муҳиддинов аз моҳи сентябрь соли 1921 то моҳи апрели соли 1922 дар вазифаи нозири савдо ва саноат фабъолият карда, бо намояндагони ташкилоти мухталифи тичоратӣ доимо гуфтушунид гузаронида, шартномаҳои ҳамкорӣ ба имзо месонд. Бо ташаббуси бевоситай ўсаҳми ширкати русӣ-бухорӣ оид ба захираи ашёи хоми чорво (номи ихтисоршудааш Бухсырье) ташкил ёфт [8].

Моҳи сентябрь соли 1923 А.Муҳиддинов роҳбари Шурои иқтисодии ҶҲШБ таъйин гашт ва бо низоми андоз, истеҳсолот, тичорат кор кард. Дар баробари ин, ў ба саноати косибӣ (касбҳои ҳунарҳои дастӣ) ва тичорати хурд диққати маҳсус мебод. А. Муҳиддинов икror мешуд, ки дар савдои доҳилӣ аз хидмати тоҷирони хурд набояд беътиноӣ кард, зеро ки онҳо дар таъмини аҳолӣ бо маводи зарурӣ, маҳсусан дар минтаҷаҳои душворгузар нақши қалон доранд. Ўчунин мешуморид, ки ба «саноати косибӣ (ҳунармандӣ) бояд кумак расонд. Набояд фаромӯш кард, ки ко-сибон ядрои асосии саноати мо ҳоҳанд буд» [13].

Бар хилоғи дигарон А. Муҳиддинов низоми андозро саҳт маҳкум карда, онро хеле баланд ва нарҳи ҳаридро хело паст ҳисоб мекард. Дар маҷлиси машваратии коркунони масъул (31-уми марта соли 1924) А. Муҳиддинов ҳамчун роҳбари Шурои иқтисодии Бухоро суханронӣ намуда, чунин гуфт: «Сиёсати имрӯзаи андози мо таҳминӣ аст. Андозҳо аз меъёрҳои бозорӣ, баъзан ҳатто 2-3 маротиба зиёдтар буданд. Дехқон дар вақти супоридани 1 пуд ғалла аз рӯйи андоз мачбур аст, ки дар бозор 2-3 пуд ғалла фурӯшад. Барои сабук кардани вазъияти дехқонон ва баланд бардоштани нарҳи ҳарид ҷораҳо андешида шаванд» [13].

Моҳи апрели соли 1924 бо қарори Бюрои Осиёи Миёна КМ ҲҚР А. Муҳиддинов ба ҳайати Комиссияи оид ба тақсимоти миллӣ-худудии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна доҳил карда шуд [15, в.4]. Мутаассифона, то ҳоло ҳуҷҷатҳои бойгонӣ ёфт нашудаанд, ки фабъолияти А. Муҳиддиновро дар ин ҳайати комиссия равшан намоем. Сабаб дар он аст, ки ҳамаи ҳуҷҷатҳо оид ба тақсимоти миллӣ-худудӣ соли 1924 маҳфӣ шуда, солҳои зиёд бо онҳо шинос шудан номумкин гашт.

Баъд аз ташкил шудани ҶМШС Тоҷикистон, 26 ноябри соли 1924 Кумитаи Инқилобии ҶМШС Тоҷикистон ташкил шуд. Роҳбари ў Нусратулло Маҳсум ва мувонини роҳбар – Абдулқодир Муҳиддинов таъйин гардиданд. А. Муҳиддинов ҳанӯз дар моҳи ноябр ба ҳалли масъалаҳои ташкили мақомоти нави ҳокимияти давлатӣ дар ҷумҳурӣ шурӯъ намуд. Бо масъалаҳои қонунгузорӣ басо ҷиддӣ машғул шуда, ҳусусиятҳои маҳаллии тараққиётро мукаммал дониста, қӯшиш намуд, ки қонунҳои иттифоқиро бо назардошти шароити ҳочагии маҳал аз нав дида баромада, тағиیر дихад.

Яке аз ҳүчҷатҳои имзокардаи А. Муҳиддинов: «Баробари ба ҳайати ИҶШС доҳил шудан дар ҳудуди ҶМШС Тоҷикистон қонунҳо ва кодексҳои дар ҳудуди Иттифоқ амалкунанда ба таври ҳатмӣ паҳн мешаванд. Аммо шароити маҳаллии ҳаёти ҳочагӣ ва майшии аҳолӣ барои тағйир, коркард ва мутобикгардонии қисми қонунҳо ба вазъияти маҳал корҳои зиёд талаб мекунанд. Ҳайати Раёсати Кумитаи инқилибии ҶМШС аз тарафи худ масъалаҳое, ки барои коркард ва декретбарорӣ дар навбати аввал истодаанд, ба миён гузашт. Ин масъалаҳо инҳоянд: масъалаҳои замин, истифодабарии об ва соҳибкуни (Кодекси замини муваққатӣ), масъалаҳои ҳалли баҳсҳо оид ба замин, масъалаҳои ҳуқуқҳои оилавӣ ва ҳоказо. Ҳайати Раёсати Кумитаи Инқилибии ҶМШС Тоҷикистон ҳамаи комиссариатҳои ҳалқиро даъват намуда, дар доираи уҳдадориҳои худ дастур дод, ки ба коркарди ин масъала фавран шуруӯ кунанд» [15, в.5].

А. Муҳиддинов таъсири пурзӯри дин, устувории ислом дар ҳифз намудани усулҳои дахлнапазирии моликияти ҳусусӣ ва ҳусусиятҳои муносибатҳои оилавӣ-майшии он замонро ба назар гирифта, дарк кард, ки танҳо нусхабардории қонунҳо боиси иштибоҳи ҷиддӣ мегарданд. Аммо на ҳамеша ба андешаи ў гӯш медоданд. Мутаассифона, дар он вақт аллакай тартиби қатъиян риоя кардани фармонбардорӣ ва иҷрои ҳамаи дастурҳо, ки аз мақомоти давлатии марказӣ меомаданд, ташкил шуда буд. Оид ба ҳамаи масъалаҳо бояд қарору қарордодҳои марказро риоя мекард. Лекин А. Муҳиддинов ҳеч вақт "фармонбардор" набуд. Инак дар давраи колективонии комил дар ҷумҳурӣ, вақте ки дар зери пардаи барҳам додани бойҳо молу мулки бисёр ҳочагиҳои дехқонони миёна ва камбағалонро мусодира карданд ва бо ин сабаб муҳочириати оммавии дехқонон ба Афғонистон оғоз ёфт, Муҳиддинов А. чунин сиёсати колективониро интиқод карда, онро барои ҳочагидории Тоҷикистон нодуруст ва ҳаробиовар медонист [11, 47].

А. Муҳиддинов моҳи декабри соли 1926 ба вазифаи раиси Комиссариати Ҳалқии ҶМШС Тоҷикистон таъйин шуд ва доимо бо намояндагони мақомоти ҳукуматии ҶШС Ӯзбекистон ҳамкорӣ карда, боварӣ ҳосил кард, ки манфиатҳои ҳалқи тоҷикро Ӯзбекистон ба эътибор намегирад ва барои ташкил кардани шароити мусоид барои рушди иқтисодии Тоҷикистон аҳамият намедиҳад. Аз ин рӯ, А. Муҳиддинов ба ҳулосае меояд, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон танҳо метавонад дар ҳолати аз ҳайати ҶШС Ӯзбекистон баромадан рушди самараноки иқтисодиёти ҳудро таъмин намояд. Масалан, «9 июни соли 1927 гурӯҳи кории Тоҷикистон, ки ба Москва барои ҳалли масоили ҳочагӣ омада буд, дар гузориши худ ба унвони раиси Комиссариати Ҳалқии ҶМШС Тоҷикистон А. Муҳиддинов қайд мекунад, ки чониби Ӯзбекистон он имтиёзҳоеро, ки барои Тоҷикистон муайян шудаанд, ба манфиати худ истифода мекунад. Чун маблағҳои барои Тоҷикистон пешбинишуда тавасути мақомоти молиявии Ӯзбекистон мегузаранд, онҳо аз ин сӯйистифода мекунанд» [8а, 466-467].

А. Муҳиддинов оид ба тақсимоти миллии соли 1924 миқдори зиёди маводи комиссияи экспертиро оид ба ҳайати миллии вилоятҳои гуногуни Осиёи Миёна дар арафаи тақсимоти миллӣ омӯҳт, бо маълумоти барӯйхатгирии аҳолии солҳои 1920-1926 шинос шуд ва ба ҳулосае омад, ки дар тақсимоти миллии соли 1924 ба иштибоҳҳои дағалона роҳ дода шудааст. Дар бисёре аз суханрониҳо ва мақолаҳо ў бо

факту далелҳои зиёд исбот мекунад, ки халқи тоҷик барои барпо намудани давлати соҳибиستиклол ҳуқуқи комил дорад [12, 162].

Бинобар ин, вақте ки нимаи дуюми солҳои 20-ум дар бораи табдил додани ҶМШС Тоҷикистон ба ҷумхурии соҳибиҳтиёр сухбатҳо оғоз шуданд, яке аз тарафдорони фаъол, барои чудо кардани Тоҷикистон аз ҳайати ҶШС Ӯзбекистон А. Муҳиддинов буд. 19 июни соли 1929 комиссияи корӣ оид ба масъалаҳои тақсимотӣ байни ҶШС Ӯзбекистон ва ҶМШС Тоҷикистон ташкил шуд [3, в.5]. Ба ҳайати ин комиссия А. Муҳиддинов ҳам шомил гашт.

Дар ҷаласаҳои Комиссия оид ба тақсимоти байни Ӯзбекистон ва Тоҷикистон ӯ борҳо оид ба масъалаҳои гуногуни баҳснок иштирок ва суханронӣ кардааст, ки ин далелҳо бо қарорҳои Комиссия ба баъзе масъалаҳо сабт шудаанд. Масалан, ӯ ҳоҳиш мекунад, ки қарори Комиссия оид ба масъалаҳои ба Ӯзбекистон ҳамроҳ кардани заминҳои Сурхандарё ва шаҳри Термиз аз нав дида баромада шаванд [11, 90].

Ба андешаи А. Муҳиддинов ноҳияи Сурхандарё бояд ба Тоҷикистон ҳамроҳ шавад, зоро ки дар он ҷо аҳолии тоҷикнишин бартарӣ дорад ва шаҳри Термиз – бо далелҳои иқтисодӣ, ҳамчун «нуктаи муҳимми транзитӣ барои Тоҷикистон...» ба Тоҷикистон ҳамроҳ карда шавад, чунки аз рӯйи ҷунин далелҳои иқтисодӣ шаҳри Самарқанд ва Бухоро ба Ӯзбекистон ҳамроҳ шуда буданд [11, 169]. А.Муҳиддинов нуктаи назари ҳудро дар ҳалли баҳсҳои ҳудудии байни ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна дошт. Ӯ ҷунин ақида дошт, ки бояд Федератсияи республикаҳои Осиёи Миёна ташкил шавад ва Тоҷикистон ба он федератсия ҷун воҳиди мустақил дохил гардад. Қаламраве, ки аҳолии тоҷикнишин доранд, ба Тоҷикистон баргардонда шаванд (Бухоро, Самарқанд, Ҳучанд, қисми Фарғона), ки онҳо баъди тақсимоти миллӣ соли 1924 ба ҳайати Ҷумҳурии Ӯзбекистон дохил шудаанд [11,170].

13 январи соли 1929 дар ҷаласаи фраксияи Президиуми КИМ Тоҷикистон А. Муҳиддинов аз вазифаи раиси Комиссариати Ҳалқии ҶМШС Тоҷикистон бо ҳоҳиши ҳуд озод карда шуд [3, В.4]. Ҳуҷҷатҳои бойгонии ҳамон солҳо ҳам инро тасдиқ мекунанд. Дар мавод оид ба парвандаи ба ном «блоки рости зиддисоветии тротскичиён» номи А. Муҳиддинов ҳеле зиёд зикр мешавад, ки дар он ҷо ӯро ба тамоюлгарои рост ва миллатгарои буржуазӣ [11,73] айбдор мекунанд.

А. Муҳиддинов бо иттиҳоми узви ташкилоти контреволюционӣ гунаҳгор ва соли 1933 тибқи ҳукмнома ба катл расонида шуд, аммо баъди қатли ӯ ҳам дар ҳуҷҷатҳои гуногуни айбдоркунанда номи ӯ боз ҳам вомехӯрад. Масалан, дар маводи Пленуми VIII КМ ҲҚ (б) Тоҷикистон аз 16 августи соли 1937 ҷунин навишта шудааст: «Оё мо намедонем, ки миллатчии буржуазии фошшуда Муҳиддинов, ки парронда шуда буд, бо контрразведкаи Англия алоқа дошт? Магар ин миллатгаро масъалаи мустақилияти давлатии тоҷиконро ба миён нагузошт...?» [5, в.31]. Дар он вақт вазъият умуман дар мамлакат тағиیر ёфта буд.

Ҳамаи онҳоеро, ки аз рӯйи ягон масъала бо нуктаи назари умумӣ қабул шуда розӣ набуданд ё ин, ки фикру ақидаи ҳудро доштанд, дарҳол «душмани ҳалқ» эълон мекарданд. А. Муҳиддинов ҳам натавонист аз ин раванди номатлуб дар қаҳнор монад.

Озодандешӣ, мустақилий, норозигӣ бо сиёсати расмии роҳбарият аз рӯйи бисёр масъалаҳо оид ба соҳтмони сотсиалистӣ ба он оварда расонд, ки ӯ яке аз аввалин курбониҳои таъқиботии оммавии солҳои 30-ум гардид.

АДАБИЁТ

1. Айнӣ С. Таърихи инқилоби Бухоро. – Душанбе: Адиб, 1987. – 240 с.
2. Абдулқодир Муҳиддинов. Мардуми шаҳр ва атрофи Бухоро тоҷиканд ё ӯзбак?//Раҳбарӣ дониш. – 1928. – №8-9. – 66 с.
3. Бойгонии назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. – X.10.– Р.3.– П.111.
4. Бойгонии назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. – X. 35. – Р.1. – П.187.
5. Бойгонии Ҳизби коммунистии Тоҷикистон. – X.3.– Р.3. П.243. – В.31.
6. Выступление на II– й Среднеазиатской экономической конференции//Туркестанская правда. – 1924. – 14 мая.
7. Доклад на собрании ответственных работников Бухареспублики//Туркестанская правда. – 1924. – 31 марта.
8. Известия ВЦИК и ЦК Бухарской коммунистической партии. – 1924. – 31 марта.
- 8а. История таджикского народа: новейшая история (1917-1941). – Душанбе, 2004. – №5. – 752 с.
9. Масов Р., Султонов Ш. Абдулқадир Муҳиддинов: «Вытянуть народ из тьмы средневековья» //Коммунист Таджикистана. – 1989. – 22 октября.
10. Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе: «Ирфон», 1991. – 189 с.
11. Масов Р., Султонов Ш. Цит. по кн.: Фир Р., Хашим Р. Глазами совести. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 296 с.
12. Муҳитдинов А. Ошибка будет немедленно исправлена//Коммунист Таджикистана. – 1931. – 15 сентября.
13. Туркестанская правда. – 1924. – 31 марта.
14. Файзула Ходжаев. Избранные труды. – Ташкент: Фан, 1970. - Т.1. - 500 с.
15. Центральный архив Президента России (бывший Центральный партийный архив Института марксизма – ленинизма при ЦК КПСС). - Ф. 17. - Оп. И. - Д. 73.
16. Центральный архив Президента Россия. - Ф. 62. - Оп. 2, - Д. 100.
17. Центральный государственный архив Узбекской ССР (далее: ЦГА Узб. ССР). – Ф. 46. – Оп. 1, - Д. 179.
18. Эргашев Б. Первый таджикский премьер//Коммунист Таджикистана. - 1989. - №10. - 96 с.

АБДУЛҚОДИР МУҲИДДИНОВ - ХОДИМИ БАРҶАСТАИ ДАВЛАТИ ВА СИЁСИИ СОЛҲОИ 20-УМИ АСРИ XX

Мақола ба ҳаёт ва фаъолияти ҳизбиву давлатии арбоби барҷастаи ҳизбиву сиёсӣ Абдулқодир Муҳиддинов баҳшида шудааст. Муаллиф дар асоси маводи мавҷудаи илмӣ, сарчашмаҳои бойгонӣ саҳми А. Муҳиддиновро дар барпо намудани соҳти Шуравӣ дар Осиёи Миёна, хизматҳои ў баҳри ба Ҷумҳурии мустақили Шуравӣ табдил додани Тоҷикистон, инчунин дар рушди иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва фарҳангии ҷумҳурий инъикос намудааст.

Муаллиф бештар фаъолияти ин шахси кордонро дар вазифаи Раиси Комис-сариати Ҳалқии ҶМШС Тоҷикистон таҳлил намуда, бо далелҳои мутъамад хизматҳои ўро нишон додааст. Инчунин тақдирӣ минбаъдаи А. Муҳиддинов пас аз таъқиботи сиёсии солҳои 30- юм низ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, А. Муҳиддинов, Бухоро, ҶМШС, кумита, ҶҲШБ, замин, масъалаҳои иқтисодӣ, ҳуҷҷатҳо, ИҶШС, миллӣ, савдо, саноат, тиҷорат.

АБДУЛКОДИР МУХИДДИНОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ 1920-х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья посвящена жизни и деятельности видного государственного и партийного деятеля Абдулкодира Мухиддинова. Автор на основе существующей научной литературы, архивных материалов и периодической печати рассматривает заслуги А. Мухиддинова в деле установления советской власти в Средней Азии, преобразования Таджикистана в союзную республику и в социально-экономическом и культурном развитии республики. Автором также подробно изложены заслуги А. Мухиддинова на посту Председателя народного комиссариата Таджикистана. Автор рассматривает также его судьбу после политических репрессий 1930-х годов.

Ключевые слова: Таджикистан, А. Мухиддинов, Бухара, АССР, комитет, БНСР, земля, экономические вопросы, документы, СССР, национальный вопрос, торговля, промышленность, бизнес.

ABDULKODIR MUKHIDDINOV - AN OUTSTANDING SOCIAL AND POLITICAL FIGURE OF THE 1920-XX CENTURY

The article is devoted to the life and work of a prominent government and party figure Abdulkodir Mukhiddinov. The author, on the basis of existing scientific literature, archival materials and periodicals, reveals the merits of A. Mukhiddinov in the establishment of Soviet power in Central Asia, the transformation of Tajikistan into a union republic and in the socio-economic and cultural development of the republic. The author also describes in detail the merits of A. Muhiddinov as Chairman of the People's Commissariat of Tajikistan. The author also examines his fate after the repression.

Key words: Tajikistan, A. Mukhiddinov, Bukhara, ASSR, committee, BNSR, land, issues, economic, documents, USSR, national, trade, industry, business.

Сведения об авторе: Сайдзода Исмоил - докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: ismoil90-1@bk.ru. Тел:918-28-85-19.

About the author: Saidzoda Ismoil - PhD candidate at the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after Ahmad Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: ismoil90-1@bk.ru

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАҶҲАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

УДК 94 (570)"899/999"

ТАЪРИХНИГОРИИ ВАЗӢИ КИШОВАРЗИИ АҲДИ СОМОНИЁН¹

Ҳайдаршо ПИРУМШО,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Масоили иқтисодиву иҷтимоии давлати Сомониён, хосатан нишондиҳандаҳои рушди кишоварзӣ дар давраи ҳукумати Исмоил ибни Аҳмад (892-907) ва Наср ибни Аҳмад ибни Исмоил (914 - 943) ва дигар намояндағони Оли Сомон дар мадди назарӣ муаррихони замони Сомониён ва пас аз сукути онҳо ҳамеша чой доштааст.

Аз рӯйи маълумоти дар осори муаррихон чойдошта, минтақаи ниҳоят фарохи қаламрави Сомониён аз ҳар ҷиҳат барои кишоварзӣ иқлими мувофиқ буд. Ҳосилхезии хоки ин сарзамин сайёҳони ба ин паҳно сафар доштаро дар ҳайрат мегузозт. Дарёҳои сероб – Ҷайхуну Сайхун (Аму, Сир), Зарафшон, ки аз силсилақӯҳҳои Тяншон, Помири Олой ва Ҳиндукуш сарчашма мегирифтанд, бо шоҳобҳои худ ма-соҳати калонеро фарогир буданд. Нахру корезҳои бо заҳмати мардум рӯйикоромада, замини зархези минтақаро шодоб мегардонданд.

Ҳосилхезии замини Мовароуннаҳро Ҷайхонӣ (вафоташ 942) дар боби иқлими бистуми «Ашколу-л-олам» (Зикри Мовароуннаҳр ва тавобеи он), чунин васф намудааст: «Мовароуннаҳр аз ҷумлаи вилоятҳо хуштару бонеъматтар аст ва мардумони он босаломаттаранд. Ва он чи эшонро даст дид, ҷавонмардтар ва мардумони дарои бо олоти тамом аз асбу силоҳ. Ва дар фароҳсолӣ ҳеч иқлим нест, ки ёд кардаем, ки дар онҷо борҳо қаҳт набудааст, магар Мовароуннаҳр, барои он ки агар оғате ба зироати эшон расад, он ғалла, ки боқӣ монад, аз иртифоӣ эшон тамом бошад ба сабаби бисёрӣ.

Ба ҳамаи Мовароуннаҳр мавзеъе холӣ нест, баъзе дехҳо ва шаҳрҳо ҳаст ва баъзе зироати беоб ва баъзе марғзорҳо. Ва ҳар таоме, ки аз он ҷора набошад, дар Мовароуннаҳр бошад... Ва ҷаҳорпоён аз гӯсфанду ғов ва ҳару астар ва шутур ҷандон, ки эшонро кифоят бувад, аз замин ҳосил шавад» [16, 51-52].

Сайёҳ ва ҷуғрофиёдни маъруфи эронӣ, Истаҳрӣ (тав. 849) дар китоби худ «Масолик ва мамолик» дар баробари тафсилоти ҷуғрофӣ, ба табиити мафтункунанда ва барои кишоварзӣ ниҳоят мувофиқи Мовароуннаҳр ишора намуда, онро возеҳан васф намудааст. Аз рӯйи маълумоти ў «иқлими Мовароуннаҳр дар сабзӣ ва назоҳат ба ғояте аст, ки дар шаҳрҳои ислом мисли он кас нишон надодааст». Аз рӯйи му-шоҳидаю шуниди Истаҳрӣ дар ин ҷо мисли дигар мамлакатҳо қаҳтӣ намешавад, чунки захираи як сол аз ғалла таом ва мева ҷамъовардаи мардум ба ҷанд сол мера-сад. Ҳосили мева чунон зиёд аст, ки онро шутурону дигар ҳайвоноти хонагӣ

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи ҳалқи тоҷик (асрҳои III – аввали асри XX)», рагами қайди давлатӣ 0121TJ1211 таълиф шудааст.

мехӯранд ва бокимондаашро ба дигар чойҳо мебурданд. Дар кӯҳҳо ва саҳроҳо обҳо фаровон ва шутуру дигар чаҳорпоён хеле зиёд будааст [9, 226-226; 10, 87].

Муаллиф ба такрор афзунни неъматро дар қаламрави Сомониён мушоҳида намуда, чунин изҳор доштааст: «Ва иқлими Мовароуннаҳр дар сабзӣ ва назоҳат ба ғояте аст, ки дар шаҳрҳои ислом мисли он кас нишон надодааст. Ва ҳеч иқлиме ва шаҳре дида ва шунида нашуд, ки дар сабзӣ ва назоҳат монанди Бухоро бошад, ҷиҳати он ки агар касе болои кӯҳандизи он биистад, ба ҳар тараф, ки назар андозад, сабзиву оби равон ўро муояна ва мушоҳада афтад». Ҳамин тавсифро нисбат ба Самарқанд гуфта, қайд мекунад, ки «дар Суғди Самарқанд ва нафаси шаҳр чун ба кӯҳандизи он касе биистад, тамомат ҳама сабзу ҳурраму назаҳ бошад». Бо ҳамин маънӣ аз Фарғонаву Шошу Усрушана ва дигар шаҳру мавзеъҳои Мовароуннаҳр ёдовар шуда, мегӯяд, ки «дараҳтон ба яқдигар даромада ва меваҳои бисёр. Ва марғзорҳо бо яқдигар пайваста ва мусолик аст, чунонки дар тамоми оғоҳ мисли он нест» [10, 87-88].

Истаҳрӣ ин диди ҳудро тақвият баҳшида, доир ба иншооти обёрикунанда ва вазъи кишоварзии ноҳияву мулкҳои дар итоати Сомониён буда, аз ҷумла Нишопур, Гургон, Рай, Тус, Ҳирот, Зобулистон, Ғарҷистон, Систон, Сарахс, Марв, Чоч, Усрушана, Фарғона, Ҳуҷанд, Ҳуттал, Ҷағониён, Шумон ва ғайра маълумоти ҷолиб овардааст [10, 83-101].

Дар «Ҳудуду-л-олам» аз Ҳурросон чунин васф шудааст: «Ва ин [Ҳурросон] ноҳиятест бузург бо хостаи бисёр ва неъмати фароҳ ва наздики миёнаи ободонии ҷаҳон аст. Ва андар вай маъданҳои зар аст ва сим ва гавҳарҳое, ки аз кӯҳ ҳезад. Ва аз ин ноҳият асп ҳезад ва мардуми ҷангӣ ва дари Туркистон аст. Ва аз ў ҷомаи бисёр ҳезад ва зар ва сим ва пирӯза ва доруҳо. Ва ин ноҳиятест бо ҳавои дуруст ва мардумони ботаркиби қавӣ ва тандуруст» [15,53]. Муаллифи «Ҳудуду-л-олам» Мовароуннаҳрро чунин зикр мекунад: «ноҳиятест азим ва ободон ва бисёрненъмат. Ва андар кӯҳҳои вай маъдан сим аст ва зар, саҳт бисёр бо ҳамаи ҷавҳарҳои гудозанд, ки аз кӯҳ ҳезад, бо ҳама доруҳо, ки аз кӯҳ ҳезад чун: зогу зарниҳ ва гӯтирду навшодир» [15,62]. Дар қитоби ҷуғроғии номбурда доир ба табиату замини ҳосилхези ҳар навоҳии Мовароуннаҳру Ҳурросон маълумоти ҷолиб оварда шудааст [15, 53-70].

Ибни Ҳавқал, ки фароҳненъматии Мовароуннаҳрро хеле равшан шарҳу тавсиф менамояд, аз ҷумла доир ба Чочу (Шош) Фарғона қайд кардааст: «...Дар Чоч ва Фарғона созу барг чунон аст, ки дар ҳеч як аз марзҳо дар замони мо монанд надорад, то он ҷо ки як тан раият дар ҳудуди сад то ҷо панҷсад то ду ҳазор раъс ҷорпо дорад ва аз умарои султон ҳам нест. Мардуми Мовароуннаҳр бо он, ки аз Арабистон дуранд, пештар аз ҳама ва бо молу анбӯҳу шутурони ҳуд ба ҳаҷ мераوانд ва шумори онон нисбат ба ҳоҷиёни навоҳии дигар бештар аст» [8,141].

Дар «Муъчаму-л-булдон»-и Ёкути Ҳамавӣ, гарчи хеле дертар, қариб ду аср (1224) аз «Ашқолу-л-олам»-и Ҷайхонӣ таълиф шуда бошад ҳам, доир ба ободии Мовароуннаҳр айнан тавсифи ўро ба тариқи зайл такрор кардааст: «Мовароуннаҳр аз ҷумлаи ҳуррамтарин, бонеъматтарин, пурбаракаттарин иқлимҳост. Мардуми он ба ҳайру саҳо ва баҳшиш ба муҳтоҷон рағбати тамом доранд... Аммо фароҳии неъмати он аз ҳадди тавсиф бештар аст ва дар тамоми билоди ислом ва ғайри он мислаш набошад, ки аҳли он борҳо дучори қаҳт нашудаанд, магар Мовароуннаҳр. Ва агар мардуми он ғоҳе аз гармову сармо зарар бинанд ва ё оғате ба зироати эшон

бирасад, ҳамон ғаллае, ки пас аз офат дар заминҳояшон боқӣ монад, аз зиёдӣ эшонро басанда аст ва ниёзе ба нақли он аз шаҳрҳои дигар надоранд» [6, 289]. Ин маълумоти худро бештар тақвият дода, Ҳамавӣ қайд кардааст, ки «дар тамоми Мовароуннаҳр мавзеи холӣ аз иморатҳо, шаҳрҳо, деҳаҳо, обҳо, киштзорҳо ва ҷароғоҳҳо нест. Ва ҳар чизе, ки мардумро аз он ҷора набошад, эшонро бошад – ба ҳадде бештар аз истеъмолашон... Чун ба Суғду Уструшана ва Фарғонаву Шош ворид шудӣ, ҳоҳӣ дид, ки меваҳои эшон он қадар фаровон аст, ки аз ҳама оғоқ зиёdat намояд» [6, 289-290].

Чи тавре маълум аст, дар Мовароуннаҳру Ҳурӯсон, ки маҳсулоти кишоварзӣ асосан аз ҳисоби обёрии заминҳо гирифта мешавад, дар он замон бе соҳтмони иншооти обёрикунанда пешбурди ин соҳа ғайри имкон буд. Аз ин рӯ, дар замони Сомониён ба ин масъала тавваҷҷуҳи маҳсус дода мешуд. Чи тавре дар боло ишора рафт, идороти мутасаддии умури об ва обёрий амал мекард, ки соҳтмону назорати иншооти муҳимми обёрий ва даромади аз истифодай онҳо ба ҳазинаи давлат воридшавандаро таъмин менамуд. Маҳз ҳамин дикқати маҳсус зоҳир кардани ҳокимиюти марказии давлати Сомониён ба ин соҳа, баъзе аз муҳаққиқонро ба ҳулосае овардааст, ки дар низоми умури давлатӣ гӯё девони дувоздаҳум – девони об амал мекард.

Бояд қайд кард, ки хилофат ҳанӯз то замони Сомониён ба обёрии Ҳурӯсону Мовароуннаҳр дикқати маҳсус медод, чунки даромади ба ҳазинаи ҳалифа воридшавандаро аз соҳтмон, нигаҳдошт ва истифодай самараноки иншооти обёрикунанда вобастагии муҳим дошт.

Дар осори муаррихони замони Сомониён ва баъди он маълумоти хеле зиёд доир ба дар соҳили рӯдҳо мавҷуд будани пойгоҳи шаҳру музофотҳо ва истифодай вассеи дарёҳу шоҳобҳои онҳо мавҷуд аст. Аз ҷумла Истаҳрӣ ба ин масъала тавваҷҷуҳ намуда, қайд кардааст: «Ва дар Мовароуннаҳр ҷанд аз тавобеъ ва лавоҳиқ аст. Ва он чи аз ин диёр муносиқ ва мусобики Ҷайхун аст, мисли шаҳри Бухоро, ки дар маъбари Ҳурӯсон аст ва тамомат, ки ба Самарқанд мансуб мебошад ва бад-он мутасил аст, мисли Шошу Ушрусанаву Фарғонаву Кешу Насафу Сағониён ва аъмоли ҳаволии он ва дигар Ҳуттал ва он чи ба канораи рӯд мекашад аз Тирмиз ва дигар – Қуводиён ва Ахсисак ва Ҳоразм.

Ва аммо Порёб ва Испиҷоб то Тароз ва Элок, то Шош – тамомат аз ҳисоби садади Мовароуннаҳр мегирад, ҷиҳат он ки эшон дар миёнаи рӯди Вахшбу Ҷарёб мавҷуданд.

Ва Ҳоразм низ аз ҳисоби садади Мовароуннаҳр аст... ва аз эшон ба шаҳрҳои Мовароуннаҳр наздиктаранд аз шаҳрҳои Ҳурӯсон.

Аммо Бухору Кешу Насаф – тамомат аз аз ҳисобу садади Суғд буданд, вале-кин аз эшон ҷудо карда шуд, то дар тафсил сабуктар ва осонтар шавад» [10, 89-90]. Ҳамчунин Истаҳрӣ аз рӯдҳои зиёде, ки шаҳру навоҳии минтақаро обёрий мекунанд, ёдовар шудааст [10, 84-101].

Дар маҷмуъ Истаҳрӣ дар «Масолик ва мамолик» вазъи иқтисодию иҷтимоии шаҳру навоҳии Мовароуннаҳру Ҳурӯсонро хеле равшан инъикос намудааст. Дар ин асар, аз ҷумла доир ба ҳолати рушди кишоварзӣ, ҳунармандӣ, тиҷорат, ҳунари меъмории шаҳрҳои Мовароуннаҳр - Бухоро, Самарқанд, Ҳучанд, Шош, Тирмиз, Ӯш, Ҳулбук, Қубодиён, Ҷағониён ва ғайра, ки шуморашон беш аз 120 аст, маълумоти ниҳоят ҷолиб овардааст.

Дар «Таърихи Бухоро» зикри чунин рӯдҳои шаҳри Бухоро ва атрофи он: Кармина, Шопурком, Харқонату-л-улё, Харқонрӯд, Ави Хитфар, Сомчан, Байконрӯд, Фаравезу-л-улё, Фаравезу-с-суфло, Арвон, Кайфар ва Рӯди Зар рафтааст [12, 69-70].

Ибни Ҳавқал дар «Сурату-л-арз» аз чаҳордаҳ ҷӯйҳои Бухоро ёдовар шуда, онҳоро чунин ном бурдааст: Шофирком, Харғонрӯд, Начҷорхитфар, Ҷарғ, Навканда, Барахша, Кушиа, Ромитана, Фаровези Поён, Арвон, Фаровези Боло, Хома, Навкандаи дуюм, ки Навбоги амирро шодоб мекард ва Ҷӯйи Зар. Ба ғайр аз Ҷӯйи Зар, ки аз дарёи Суғд ҷорӣ шуда, рабази (работ) Бухороро обёри мекард, дигар ҳама аз дарёи Зарафшон саргҳо гирифта буданд. Ҳамчунин ин муаллиф ҷӯйҳоеро, ки аз шаҳр берун то Пайканду дигар ҷойҳо мерасиданд, номбар кардааст [8,135-147;12, 276-277].

Албатта метавон чунин маълумотро аз осори муаррихону ҷуғрофиёшиносони замони Сомониён ва ҷанде баъд аз онҳо доир ба вазъи кишоварзӣ хеле зиёд овард. Вале онҳоро бозгӯйӣ накарда, вобаста ба муҳтавои таърихнигории мавзӯъ, факат бо овардани боз ҷанд мисол аз асаҳои муаррихини он замон иқтиро мекунем.

Дар «Ҳудуду-л-олам» маълумоти зиёде доир ба равнақи кишоварзӣ дар вилоятҳои Ҳурросон, аз ҷумла дар Балх зиёд коштани турунҷ, норанҷ, найшакар, нишӯфар, Тахористон макони асп, гӯсфанд, ғаллаи бисёру меваҳои гуногун, дар Буст меваҳои тару ҳушк ва ғайра оварда шудааст [15, 58-59].

Ҷайҳонӣ, ки ба бисёр мамлакатҳо сафар доштаву мушоҳидоту мулоҳизоти ҳудро дар муқоиса баён доштааст, ба серобиу иқлими барои зироат ниҳоят мувофиқи он чунин баҳо додаст: «Ба ҳамаи Мовароуннаҳр мавзеъе ҳолӣ нест, баъзе дехҳо ва шаҳрҳо ҳаст ва баъзе зироати беоб ва баъзе марғзорҳо. Ва ҳар таоме, ки аз он чора набошад, дар Мовароуннаҳр бошад...»

Меваҳои эшон дар Суғд ва Уструшана ва Фарғона ва Шош ҷандон аст, ки аз ҳӯрдани эшон боқӣ мемонад ва ҷаҳорпойён меҳӯранд. Барда аз ҷумлаи Туркистон бад-он ҷо мебаранд. Ва он чи аз эшон зиёdat меояд, ба дигар вилоятҳо мерасад» [16,51-52]. Муаллиф дар ҷойи дигари «Ашқолу-л-олам» ин ҳулюсай мушоҳидан ҳудро тақвият дода, овардааст: «Ва заминҳои Бухоро ба об наздик аст, бад-ин сабаб дароҳтони беховари баланд чун ҷанор ва ҷавз ва амсоли он набошад. Ва меваҳои Бухоро ҳуштар ва созвортар, дурусттар аз меваҳои Мовароуннаҳр бошад. Заминҳои Бухоро чунон барӯманд бувад, ки агар касе ҷизе дар замин бикорад ва иморат қунарӣ, даҳли ў ба ҳарҷ баробар қунад ва маоши ў аз он ҳосил ояд» [16,59].

Ҷайҳонӣ дар «Иқлими нуздаҳум»-и қитоб, ки «Зикри Ҳурросон ва тавобеъ» унвон гирифтааст, доир ба навоҳии он маълумоти ҷолиб оварда, аз ҷумла аз Бадашшон ёдовар шуда, қайд кардааст, ки дар он ҷо кони лаъл, бечода, лочувард ва мушки тар мавҷуд аст.

Доир ба Мовароуннаҳр ва мулку ноҳияҳои он дар «Иқлими бистум» маълумоти ниҳоят зиёде ба ҷашм мерасад. Дар ин боб муаллиф аз ободии Мовароуннаҳр бо як самимияти ҳоса ёдовар шуда, чунин изҳор доштааст: «Мовароуннаҳр аз ҷумлаи вилоятҳо ҳуштару бонеъматттар аст ва мардумони он басаломаттаранд. Ва ончи эшонро даст дихад, ҷавонмардтар ва мардумони далер бо олати тамом аз асбу си-лоҳ. Ва дар фароҳсолӣ ҳеч иқлими нест, ки ёд кардаем, ки дар он ҷо борҳо қаҳт набудааст, магар Мовароуннаҳр, барои он ки агар оғате ба зироати эшон расад, он

галла, ки боқӣ монад, аз иртифои эшон тамом бошад ба сабаби бисёрӣ... Меваҳои эшон дар Суғд ва Үсрушана ва Фарғона ва Шош чандон аст, ки аз хӯрдани эшон боқӣ мемонад ва чаҳорпоён меҳӯранд... Аммо саҳовату ҷавонмардии асҳоби Мовароунаҳр, дар бештари вилоят ва шаҳрҳои эшон чунин аст, ки гӯй ҳамаи мардумон дар як сароянд ва хеши яқдигаранд ва ҳеч кас ба хонаи яқдигар наравад, ки напиндорад, ки хонаи хеш аст... ба Мовароуннаҳр зиёда аз даҳ ҳазор работ бошад. Ва бештар чунин аст, ки ҳар ки фурӯд ояд, он чи эҳтиёҷ дорад аз таом ва улуфай чаҳорпоён ба ў бидиҳанд. Ва бар шаҳри Самарқанд ҳеч кӯе ва маҳале ва бозоре ва ҷаргонсарое нест, ки дар тобистон аз яхоби сабил ҳолӣ бошад» [16, 51-53].

Чунин тавсифи авзои иқтисодию иҷтимоӣ, ки дар аҳбори қишоварзӣ, тиҷорату ҳунармандӣ инъикос ёфтаанд, хеле равшан ба назар мерасад. Аз ҳусуси маълумоти ҷуғрофӣ бошад, он дар маркази асар ҷой дошта, муаллиф мавқеи ҷуғрофии тамоми шаҳру навоҳии Мовароуннаҳр ва масофаи байнӣ онҳоро хеле саҳҳ нишон додааст. Ҳамаи ин аз рушди ҳамаҷонибаи Мовароуннаҳру Ҳурӯсони замони Сомониён дар ҷараҳи медиҳад.

Истаҳрӣ аз усули обёрӣ ва ҳосилнокии баланди замин дар Мовароуннаҳру Ҳурӯсони замони Сомониён, ки бевосита ба ҳунару ғайратмандии қишоварзон во-баста буд, таваҷҷуҳ намуда, қайд кардааст: «Ва иқомати аморати Бухоро чунон аст, ки як мардро бо аҳлу аёл ба ҳам ба як ҷарӣ замин, ки зироат кунад, қаноат мебафтад ва маоши ў аз он муҳайё мебошад» [10, 97].

Дар «Мучаму-л-булдан»-и Ёкути Ҳамавӣ аз неъматҳои қишоварзии замони Сомониённи Мовароуннаҳр чунин ёд шудааст: «Мовароуннаҳр аз ҷумлаи ҳуррамтарин, бонеъматтарин, пурбаракаттарин иқлимҳост... Ғароҳи неъмати он аз ҳадди тавсиф бештар аст ва дар тамоми билоди ислом ва ғайри он мислаш набошад... Ва агар мардуми он аз гармону сармо зарап бинанд ва ё оғате ба зироати эшон бирасад, ҳамон ғаллае, ки пас аз оғат дар заминҳояшон боқӣ монад, аз зиёдӣ эшонро басанда аст ва ниёзе ба нақли он аз шаҳрҳои дигар надоранд... Ва дар тамоми Мовароуннаҳр мавзъе ҳолӣ аз иморатҳо, шаҳрҳо, деҳаҳо, обҳо қишзорҳо ва ҷароҳоҳо нест. Ва ҳар ҷизе, ки мардумро аз он ҷора набошад, эшонро бошад – ба ҳадде бештар аз истеъмолашон» [6, 289].

Дар осори муарриҳони замони Сомониён доир ба маҳсулоти қишоварзӣ, ҷарӣ тамоми намуди анвои ғалладонаву полезӣ ва дигар ғизои ба мардум дастрасбуда, ёд мешавад. Тибқи маълумоти онҳо дар тамоми шаҳру навоҳии Ҳурӯсону Мовароуннаҳр боғҳои меваҷоҷот, ки ҳосили баланди себ, анор, анҷир, ангур ва анвои дигари меваҷоҷот истеҳсол мешуд, на фақат талаботи парваришкунандаҳо, инҷунин мардуми кӯчи атрофро таъмин мекарданд [ниг. 14, 553-575].

Маълум аст, ки яке шохисҳои муҳимми вазъи зиндагии мардуми шаҳру дехот соҳаи ҷорвадорист. Иқлими Ҳурӯсону Мовароуннаҳр, ки дар ин паҳно мардуми бодиянишин ё кӯҷӣ як қисми аҳолиро ташкил мекард, барои рушди ин самти шуғли мардум хеле мувоғику созгор буд. Вале ҷорвопарвариро пурра шуғли кӯҷиён ҳисоб кардан низ ба ҳақиқат рост намеояд. Ҷорвадории хонагӣ пурра ҳам набошад, то андозае талаботи аҳолии муқимиро қонеъ мекард. Дар осори муарриҳони замони Сомониён ва асрҳои баъдин маълумоти зиёде доир ба ин самти шуғли мардум маълумоти зиёде боқӣ мондааст.

Дар «Худуду-л-олам», муаллиф аз нохия ва шаҳрҳои Хурасон мисли Нишопур, Сабзавор, Нисо, Бовард, Тус, Ҳарӣ, Бодғиз, Сарахс, Марв, Гузгонон, Толикон, Балх, Тухористон, Самангон, Фарҷистон, Бадаҳшон ва ғайра, ҳамчунин аз шаҳру мавзеъҳои Мовароуннаҳр: Бухоро, Самарқанд, Суғд, Кеш, Ҷағониён, Шумон, Вашгирд, Ҳучанд, Фарғона, Сурушана, Бутамон, Ҳатлон ва ғайра ёдовар шуда, онҳоро чун макони кишоварзиву боғдорӣ ва ҷорвопарварӣ нишон додааст [15, 53-61].

Бояд қайд кард, ки низоми обёрии замони Сомониён дар асоси маълумоти хаттӣ ва маводи ҳангоми ковишиҳои бостоншиносӣ ба даст овардаи бостоншиносон, нисбатан мукаммал омӯхта шудааст. Дар ин ҷода бамаврид аст, ки аз хизмати муҳаққиқони асри XX – ибтидиои асри XXI дар баррасии ин масъала аз бардошти В. В. Бартолд ва боз ҷанде аз муҳаққиқон доир ба вазъи обёрии замони Сомониён ёдовар шавем.

«Сулолаҳои Тоҳириён ва Сомониён (асрҳои IX-X) нисбат ба ҳуди арабҳо, - ме-нависад В. В. Бартолд, - бо мувафақияти қалон исломро паҳн карда, ҳифзи сарҳадҳои ҳудро аз ҳуҷуми бегона ҳифз менамуданд. Онҳо бо роҳи осоишта намояндағони сулолаҳои томусулмониро дур карда, доир ба муттаҳид намудани он ба як давлати воҳид, ки ба ҳайати он дар баробари Мовароуннаҳр Хурасон низ ворид мешуд, ҷораҷӯй мекарданд. Дар замони Тоҳириён пойтаҳти ҳамаи давлати Хурасон – шаҳри Нишопур ва дар замони Сомониён бошад, Бухоро ҳисоб мейфт. Муттаҳидшавии сиёсӣ, мисли ҳарвакта доир ба беҳдошти низоми обёрий (ирригатсия) имкон дод; мо мебинем, ки ба мубтакири Хурасон, Абдуллоҳ ибни Тоҳир (830-844), соҳтмони як қатор иншооти обёрикунандаро дар моварои вилояти Қаспӣ нисбат медиҳанд. Ҳатто ҳуҷумати дурдасти Бағдод дар ин корҳо иштирок дошт ва ҳамзамони Абдуллоҳ, ҳалифа Мұътасим (833-842) барои соҳтмони наҳри атрофи Тошканд ду миллион дирҳам (кариб 500 000 пули русӣ) чун ҳадя баҳшид» [1,107].

Низоми обёрии замин дар замони Сомониён бештар ривоҷ ёфт. Ба ин В.В. Бартолд мароқ зоҳир намуда, қайд кардааст: «Аз низоми обёрикунии давлати Сомониён, аз ҳама мукаммал Мурғоб ҳисоб мейфт... Қайд кардан ҷоиз аст, ки дар бâъзе ҷойҳо, монанди ҳавзаҳои Мурғоб ва Зарафшон, дар боробари заминҳои обӣ, замини зиёди лалмӣ низ буд. Ҳосили аз ин заминҳо ба даст омада, барои таъмини як шаҳри қалон мерасад» [1, 109].

Тибқи таҳқиқоти олимони Шуравӣ, ки асосан ба маъхазҳои хаттӣ ва маводи бостоншиносӣ такя доранд, соҳтмони дарғоту корезҳо дар замони Сомониён хеле ривоҷ ёфт. Чунин дарғоту обанбори бузург дар Ҳоразм соҳта шуда буд, ки муғулҳо онро вайрон карданд. Аз ҷумла, боқимондаи чунин дарғоти дар асри X соҳташуда, дар кӯҳҳои Нурато пайдо шудааст. Чунин мисолҳо кам нест [2, 67-70]. Табиист, ки соҳтмони чунин иншооти азими обёрикунанда, дониши баланди гидротехникиро талаб мекард.

Бояд қайд кард, ки низоми мукаммали обёриро дар минтақаро на ҳама вақт дар ҳолати шукуроиву рушд нигоҳ доштан мүяссар мегардид. Борҳо ба аз ҳуҷуми аҷнабиён ва ҳаводиси табиий вайрону валангор гардида, боз бо заҳмати мардум соҳта мешуданд. Бояд қайд кард, ки на ҳама вақт ин азnavsозӣ ба иқтидори пештара расонда мешуд. Масалан дар замони Сомониён ба ҳамаи қӯшиш нигоҳ накарда, дар водии Вахш низоми обёрии қадимаро пурра барқарор карда натавонистанд [7, 44-46].

Чунин маълумот доир ба барқарор нашудани корезҳои болооби Зарафшон ва Истаравшан боқӣ мондааст. Аз ҳафт корезҳои ниҳоят азими ин минтақа, ки дар давраи хучуми арабҳо вайрон шуда буданд, дар замони Сомониён низ ба дараҷаи қаблий барқарор нашуданд. Вале бояд қайд кард, ки дар аҳди Сомониён аз корезҳои машҳури гузашта, Кофири Таги Камар барқарор шудаву корези нав – Форметан сохта шуд, ки мислаш на то асри X ва на пас аз он дар тамоми Мовароуннаҳр ба назар намерасад. Дарозии ин корез ба 3,2 км, аз ҳама ҷои чуқуриаш ба 40 м мера-сиҷ [17, 572-573; 18, 16-17]. Дар Истаравшан нисбат ба минтақаи болооби Зарафшон корезҳо камтар осеб дидаанд. Аз ин иншоот бештар корезҳои азим - Тағояккуркат ва Каллахона ҳисоб меёфтанд [3, 73,83, 92-95; 4, 43-45].

Аз рӯйи хulosai муҳаққиқони Шуравӣ, ки ба сарчашмаҳои ҳаттӣ ва ҳифриёти бостоншиносӣ асос ёфтаанд, дар Хурӯсони асри IX то 42 ҳазор корезҳо муайян шудаанд. Қисми зиёди онҳо дар Нишопур ва мавзеъҳои кӯҳӣ дар истифодায умум қарор доштанд. Дар Кӯҳистони Хурӯсон манбаи болоизаминии об қариб мавҷуд набуд. Аз ин рӯ, дар низоми обёрий корезу ҷоҳро мавқеи ҳалқунанда доштанд [11, 359-359].

Аз аҳаммияти ҳосаи низоми обёрикунӣ чунин далел шаҳодат медиҳад, ки барои самаранок истифода бурдани об қонуни расмӣ муайян шуда буд. Ҳанӯз Абдуллоҳи Тоҳир ба донишмандони соҳа ва олимони Хурӯсонро супориш дода буд, ки ҳамаи қонунҳои қаблиро ҷамъ оварда, дар асоси онҳо маҷмуаи қоидай истифодায обро тартиб диханд. Натиҷаи кори онҳо дар маҷмуае бо унвони «Китобу-л-Куний» ҷамъбасту пешниҳод гардид. Ин амал то андозае зиддияту муноқиши мулқдорону соҳибзаминонро кам карда, онро ба танзим даровард [13, 75; 11, 39].

Ин ҳуд далелест, ки барои ҳалли масъалаи обёрий, ҳосатан соҳтмони иншооти зарурӣ бе ҷалби донишмандони соҳа ва олимон ҳалли ҳудро ёфта наметавонист. Аз ин ҷоҳӣ, ки барои тартиби нақшай асосноки илмӣ дар соҳтмони корезҳои Нишопур олими машҳури табитшинос Абурайҳони Берунӣ даъват шуда буд.

Чи тавре аз маълумоти дар осори муарриҳони асримиёнагӣ ва муҳаққиқони ба омӯзиши рушди кишоварзӣ ва низоми обёрии замони Сомониён бармеояд, ин соҳаи ҳаётан муҳимми иқтисодиву иҷтимоӣ дар замони Сомониён ба авзои муракқаби сиёсӣ нагоҳ накарда, нисбат ба дигар давлатҳои минтақаи Осиёи Марказӣ ва берун дар сатҳи пешрафта қарор дошт.

Табиист, ки аҳаммияти қалидии низоми обёрикунӣ барои рушди сабзвотпарвариву боғдорӣ ва ҷорводорӣ низ бетаъсир буда наметавонист. Тибқи хulosai аз маълумоти маъҳазҳо бардоштаи муҳаққиқи муосири Эрон М. Ноҷӣ «Ба рӯзгори Сомониён кишти анвои маҳсулоти зироатӣ ва кошти дараҳтони гуногуни мева, вуҷуди ҷароҷӯҳо ва маротеи васеъ, ин минтақаро аз ҳар ҷиҳат бениёз ва афзун бар ин, таъминкунандаи ниёзи дигари манотик соҳта буд» [14, 554].

Муаллифи номбурда, доир ба соҳтмони иншооти обёрикунанда дар ҳавзаи дарёҳои манотики Хурӯсону Мовароуннаҳр соҳташуда ёдовар шуда, ба даст овардани навъҳои маҳсулоти кишоварзии ҳатто беш аз меъёри ниёзи мардум, аз қабили зироати гуногуни ғалладона, биринҷу ғалла, пахта, маҳсулоти полезӣ ва файра, инҷунийн доир ба рушди боғпарварию ҷорводории замони Сомониён бо такя ба маълумоти аз манобеи боэътиномод ва хulosai аз осори муҳаққиқон бардошта, далелҳои зиёде овардааст [14, 553-575].

М. Ноҷӣ маълумоти дар осори Муқаддасӣ, Ибни Ҳавқал, Истаҳрӣ ва хулосаҳои муҳаққиқони мусирро доир ба вазъи чорвопарварӣ дар аҳди Сомониён мавриди омӯзиши муқоисавӣ қарор дода, қайд кардааст, ки дашту даман ва ҷароғоҳҳои вазеи Ҳурӯсону Мовароуннаҳр барои парвариши чорпӯён ҳеле мусоид буданд. Бесабаб набуд, ки шутурҳои бузурги ҳурӯсонии дар Самарқанд парвариш ёфта, аспони ҷолоқу бодпойи ҳатлонӣ, гӯсфандони Леваканди Ваҳш, гӯсфанду аспҳои Фарғона ва Туркистон, ҳайвоноти мӯйинадехи Ҳоразм мисли самур, санҷоб, қоқум, рӯбоҳ, дала, шутурҳои ҳурӯсонӣ, шутурҳои баҳтии Балх ва ғайра дар тамоми Осиёи Марказӣ ва қишварҳои дур маъруф буданд.

Чи тавре аз далелҳои дар боло ишораёфта, бармеояд, доир ба қишоварзӣ ва ҷорводории замони Сомониён маълумоти зиёде бοқӣ мондааст. Дар асоси таҳлили муқоисавии онҳо, муҳаққиқон то андозае тавонистаанд, ба вазъи соҳа чун шохиси муҳимми ҳаёти иқтисодӣ-иҷтимоии замон ва мақоми созандагии тоҷикон равшанӣ андозанд.

АДАБИЁТ

1. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана//Сочинения. – Т. III. – М.: «Наука», 1965. – С. 95-233.
2. Билалов А.И. Научные основы ирригационной практики X-XI вв//Абуали ибн Сино и его эпоха. Сб. Статей (К 1000-летию со дня рождения). – Душанбе: «Дониш», 1980. – 64-70.
3. Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны//Душанбе, 1980. – 103 с.
4. Билалов А.И. Каризы Уструшаны//Материалы по археологии и истории Таджикистана. – Душанбе, 1977. – С. 43-55.
5. Ғафуров Б.Ғ. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби якум. – Душанбе: «Ирфон», 1998. – 704 с.
6. Ёқути Ҳамавӣ. Муҷам-ул-булдон//Сомониён дар масири таъриҳ. – Ҷилди дуввум (мутуни арабиасл). – Ҳуҷанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1998. – С. 279-301.
7. Зеймаль Т. И. Древание и средневековые каналы Вахской долины//Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. X. – С. 33-70.
8. Ибни Ҳавқал. Сурат-ул-арз//Сомониён дар оинаи таъриҳ. – Ҷилди дуввум (мутуни арабиасл). – Ҳуҷанд, 1998. – С. 135-147.
9. Истаҳрӣ Абуисҳоқ. Масолик ва мамолик (Ба чоп тайёркунанда Эрачи Афшор). – Техрон, 1340. – 234 с.
10. Истаҳрӣ Абуисҳоқ. Мамолик ва Масолик. Тарҷумаи Абдуллоҳи Тустанӣ//Сомониён дар оинаи таъриҳ. – Ҷилди дуввум (мутуни арабиасл). – Ҳуҷанд, 1998. – С. 79-101.
11. История таджикского народа. – Т. II. Эпоха формирования таджикского народа. – Душанбе – ИР Иран: «Алхудо», 1999. – 791 с.
12. Наршайҳ Абубакр. Таърихи Бухоро. Мураттибон Ғ. Ғоибов, К. Олимов, Н. Амиршоҳӣ. – Душанбе: «Пайванд», 2012. – 736 с.
13. Незматов. Н. Давлати Сомониён: тоҷикон дар асрҳои IX-X. – Душанбе: «Ирфон», 1989 – 304 с.
14. Ноҷӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломӣ дар қаламрави Сомониён. – Душанбе: Ройзании фарҳангии ҶИ Эрон дар Тоҷикистон, 2011. – 1295 с.
15. Ҳудуду-л-олам мина-л Машриқ ила-л Мағриб. Таҳияи матн ва муаллифи пешгуфткор А. Ҳасанов. Аз силсилаи тоҷикон дар масири тамаддун. – Китоби XI. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 588 с.
16. Ҷайҳонӣ. Ашқолу-л-олам. Тарҷумаи Абуссаломи Котиб//Сомониён дар оинаи таъриҳ. Ҷилди дуввум (мутуни арабиасл). -Ҳуҷанд, 1998. – С. 39-78.
17. Эшонқулов У. История ирригации Верхнего Зарафшана//Археологические открытия в СССР. 1983. – М., 1985. – С. 569-575.

18. Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зарафшана. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Самарканд. -23 с.

ТАЪРИХНИГОРИИ ВАЗЪИ КИШОВАРЗИИ АҲДИ СОМОНИЁН

Мақола ба раванди омӯзишу таҳқиқи кишоварзии Хуросону Мовароуннаҳр дар аҳди Сомониён бахшида шудааст. Дар он маълумот доир ба ин соҳаи муҳимми ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ дар осори муаррихону ҷуғрофиёшиносони замони Сомониён ва баъди суқути давлатдории онҳо, Наршайӣ, Ҷайҳонӣ, Ибни Ҳавқал, ал-Истаҳрӣ, Ёкути Ҳамавӣ, асари ҷуғрофии муаллифи номаълум «Худуд-ул-олам», ки аҳаммияти муҳимме доранд, оварда шудааст.

Муаллиф дар заминаи омӯзиши муқоисавии чунин маъҳазҳо ба роҳ мондани таҳқиқоти ба вазъи кишоварзии замони Сомониён бахшидаи олимони Шуравӣ ва муосир, аз ҷумла, В.В. Бартолд, Б. Гафуров, Н. Нематов ва дигаронро дар маърази таҳлил гузошта, дараҷаи саҳми онҳоро дар ҳалли воқеан илмии ин масъалаи воқеъбинона муайян намудааст.

Калидвожаҳо: Сомониён, Мовароуннаҳр, Хуросон, Бухоро, Самарқанд, Нишонур, Сугд, Кеш, Ҷагониён, Шумон, Вашигирд, Ҳуҷанд, Фарғона, Ҳатлон, Исмоил Наср, көрэҳо, кишоварзӣ, галлакорӣ, бодгорӣ, ҷорводорӣ.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОСУДАРСТВЕ САМАНИДОВ

В данной статье проведен историографический анализ положения сельского хозяйства в Мавераннахре и Хорасане в эпоху Саманидов (899-999). Автор, следя за содержанием историко-географических сочинений современников периода правления Саманидов и после падения их державы, таких как Наршакхи, Джайхони, ибн Ҳавқал, Истаҳри, Якута Ҳамави, и географического сочинения «Худуду-л-олам» (Границы мира), оценивает их источниковую ценность.

Эти данные, вместе с археологическими материалами, лежат в основе исследований советских и современных ученых, занимающихся историей государства Саманидов. Автор выделяет заслугу таких ученых, как В.В. Бартольд, Б. Гафуров, Н. Негматов и др. в изучении данной проблемы.

Статья подчеркивает важность сведений, представленных указанными авторами, в исследовании состояния сельского хозяйства в период Саманидов, и выделяет их вклад в формирование научного представления о социально-экономическом положении той эпохи.

Ключевые слова: Государство Саманидов, Мавераннаҳр, Хорасан, Бухара, Самарқанд, Нишонур, Согд, Кеш, Ҷаганиян, Шуман, Вашигирд, Ҳуджанд, Ферғона, Ҳатлан, Исмаил, Наср, карезы, зерноводство, садоводство, животноводство.

HISTORIOGRAPHY OF RURAL ECONOMY IN THE SAMANID STATE

This article delves into the historiographical analysis of the rural economy in Maveran-nahr and Khorasan during the Samanid era (899-999). The author, tracing the contents of historical and geographical works by contemporaries of the Samanid rule and those following the decline of their powerful state, such as Narshakhi, Jayhoni, Ibn Hawqal, Istakhri, Yaqt al-Hamawi, and the geographical treatise «Hudud al-Alam» (The Regions of the World), evaluates the reliability of the information they provide about the state of rural economy during that period.

The data from these sources, along with archaeological materials, form the basis of research conducted by Soviet and contemporary scholars involved to varying degrees in the history of the Samanid state. In this regard, the author particularly emphasizes the contributions of V.V. Bartold, B. Gafurov, N. Negmatov, and others in studying this issue.

Key words: *Samanid State, Maverannahr, Khorasan, Bukhara, Samarkand, Nishapur, Sogd, Kash, Chaghaniyan, Shuman, Vashgird, Khujand, Fergana, Hatlan, Ismail, Nasr, karez (underground aqueducts), agriculture, horticulture, animal husbandry.*

Сведения об авторе: Хайдаршо Пирумшо – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Ак. Раджабовых, 7. E-mail: pirumshoev44@mail.ru. Тел.: 919148736.

Information about the author: Khaidarsho Pirumsho - Doctor of Historical Sciences, a professor, and the chief research fellow at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe, Ak. Radjabov Street, 7. E-mail: pirumshoev44@mail.ru. Phone: 919148736.

◆ УДК 93 (581.6)"09":930.1

«ҲИДОЯТУ-Л-МУТАҶАЛЛИМИН ФӢ-Т-ТИБ»-И АҲАВАЙӢ-ҚАДИМТАРИН АСАРИ ТИБӢ БА ЗАБОНИ ФОРСӢ-ТОЧИКӢ¹

ШАРИФЗОДА А.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониш

Таърихнигорон пизишкӣ ва дорусозиро аз қадимтарин улум дониста, зухури онро ба асри санг мансуб медонанд [1,8]. Бо пешрафти ҷамъияти инсонӣ дар давоми ҳазорсолаҳо таҷриба амалии инсон дар пизишкӣ афзуд ва бо пайдо шудани ҳат ин таҷриба сабт шуд. Осори боқимондаи ҳаттӣ аз он ғувоҳӣ медиҳад, ки тибби ниёғони тоҷикон монанди тибби хинду юнонӣ ва чинӣ, аз ҷумлаи қадимтарин илмҳо мебошад.

Авасто қӯҳантарин сарчашмаи ҳаттист, ки дар он ҷойгоҳи ҷамъиятии пизишк ва анъанаҳои дармондиҳии ниёғон ба таври равшан инъикос шуда, ҳатто номи пизишкӣ нахустин - Срайт ҳам зикр шудааст[2,33]. Дар «Авасто» ба масъалаҳои по-кии ҳӯроку нӯшоқӣ, тоза нигоҳ доштани муҳити зист, аз ҷумла, назофати хонаю ҳавлӣ, замини кишт ва оби дарёю заҳбурҳо диққати ҷиддӣ дода шудааст. Китоби «Авесто» қадимтарин сарчашмаи тибби гиёҳӣ буда, дар он зиёда аз сад намуд гиёҳҳои шифобаҳш, мисли ҳаома, коҳу, ҳум (бандак), сипанд, зира, кунҷит, сир, пиёз, сабзӣ, шалғамча ва ғайраҳо оварда шудаанд. Аз ин растаниҳо доруҳои гунонгун омода мешуд. Тибқи талаботи зардуштия дар аввал доруҳои омодашударо дар шахсони бенавои ба қатл ҳукмшуда санҷида, баъд ин доруҳоро барои табобати беморони ашроф тавсия менамуданд [3, 422].

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи илм ва техникаи ҳалқи тоҷик аз давраи қадим то имрӯз», рагами қайди давлатӣ 0121TJ1273 навишта шудааст.

Бо мақоми давлатй гирифтани зардуштия дар замони Сосониён (221-651) пи-зишкй табақотй шуд ва на ҳар кас ҳуқуқи дармондиҳй ва дармонгирй дошт. Бо таъсиси Академияи Гунди Шопур дар замони Сосониён беҳтарин олимони эронӣ, юнонӣ, хинду ва яхудӣ дар як марказ чамъ омаданд ва ин академия ба маркази чаҳонии илмӣ, аз ҷумла илми пизишкй табдил ёфт ва Академияи Гунди Шопур дар пешрафти илми чаҳонӣ нақши бузург гузошт.

Бо ишғол шудани Эрон аз ҷониби аъроб олимони он ба маркази хилофати араб ҷалб шуданд. Нахустин асари тиббӣ ба забони арабӣ дар охири асри VII таълиф گашт, аммо асли ин асар ба забони порсӣ буд ва сипас ба тозӣ тарҷума шуд [4,5]. Дар асри VIII ҳалифа Мансур дар соҳили дарёи Даҷла шаҳри Бағдодро бунёд намуд ва дар ин шаҳр Академияи машҳурашро таъсис дод, ки дар он 6000 нафар олимон фаъолият доштанд. Дар назди ин Академия маркази дармондиҳй ва доруфурӯшӣ мавҷуд буд, ки онҳоро беморхона ва дорухона меномиданд.

Дар замони Ҳорунуррашид, ки ўро Яҳёи Бармакӣ тарбия намуда буд, тарҷума ва нашри осори илмӣ низ идома ёфт. Дар асри IX Академияи Маъмун (813-833), ки ин ҳалифа аз модари эронӣ ба дунё омада буд, таъсис ёфт ва дар он бештар асарҳои юнонӣ ба арабӣ тарҷума мешуд. Тоҳириён дар аҳди ҳалифаҳои Аббосӣ зуҳур карданд ва сипас дар Ҳурӯсон давлати Тоҳириёнро (821-873) таъсис намуданд. Ҳанғоми ба аморати Ҳурӯсон расидан Абдуллоҳ ибни Тоҳир табиби машҳуреро ба Ҳурӯсон оварда буд. Сарчашмаҳои ҳаттӣ аз бемористони Заранг дар солҳои аморати Амри Саффорӣ дарак медиҳанд. Ҷунончи тибки навиштаи Истаҳрӣ Яъқуби Лайс (баъзеҳо Амр гуфтанд) дар Заранг бозоре соҳтааст, ки ҳар рӯз аз он 1000 дирам даромад меёфт ва ў як микдори ин даромадро вақфи бемористони менамуд [5,174].

Ҷайҳонӣ низ дар «Ашқолу-л-олам» дар ин ҳусус иттилоъ додааст. Тибқи иттилои «Таърихи Систон» 10000 дирам аз 3 миллиёну 512 ҳазор дирами хироҷи Систон барои нигаҳдошти бемористони Заранг сарф карда мешуд. Мавҷудияти бемористони Заранг далели идомаи анъанаҳои Гунди Шопур аст. Таъсиси давлати Сомониён боиси муттаҳид шудани Ҳурӯсону Мовароуннаҳр ва таҳқими амнияти минтақа шуд. Амирони Сомонӣ, ки худ таълимдида буданд, бар доништу донишмандон арҷ мегузоштанд ва бо фароҳам овардани шароити мусоиди сиёсӣ ва иқти-садӣ дар Мовароуннаҳр ва Ҳурӯсон дар пешрафти илмҳои дақиқ ва табиатшиносӣ, аз ҷумла дар рушду нумӯи илми тибб нақши босазо гузоштанд. Аз ин ҷост, ки дар замони Сомониён тибб ба авҷи аълои худ расид ва шаҳсиятҳои шуҳраташон чаҳонгир, ба монанди Абузакариё Яҳё ибни Мосӯя, Сабио ибни Саҳли Гундишопурӣ, Абулҳасан Алӣ ибни Саҳл ибни Рабани Табарӣ, Саҳорбаҳт ибни Исо, Муҳаммад Закариёи Розӣ, Абумансир ибни Алӣ Ҳиравии Азҳарӣ маъруф ба Муваффаки Ҳиравӣ, Ҳаким Майсарай ё Мияссарӣ, Абумансур Ҳасан ибни Нуҳи Қамарӣ маъруф ба Абумансури Бухорӣ, Абулҳасан Муҳаммади Табарӣ, Алӣ ибни Аббос Мачусии Аҳвозӣ, Исо ибни Яҳё маъруф ба Абусаҳли Масеҳӣ, Абусаъиди Ямомӣ, Абулҳайри Хоразмӣ, Ҳаммор Ҳасан ибни Сивор ибни Бобоҳаром, Абуалӣ Ҳусайн ибни Абдуллоҳи машҳур ба Ибни Сино ва боз садҳо нафар олимони дигар бо таълифи асарҳои муҳимми илмӣ ва фаъолияти амалии тиббӣ дар инкишофи тибби чаҳонӣ нақши мондагор гузоштанд ва осори илмии онҳо ҳамеша мавриди истифода қарор ҳоҳад гирифт [6, 168-181].

Яке аз олимони бузург ва мұтабары замони Сомониён Абубакр Рабеъ ибни Аҳмади Ахавайний Бухорист, ки аз ўасаре бо номи «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» ба ёдгор монда. Доир ба зиндагии муаллифи ин асари гаронбаҳо иттилои каме дастрас аст ва ҳарчи маълум аст, он ҳам аз матни «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» ба даст омадааст. Санай таваллуд ва фавти ўаниқ нест. Профессор Юсуф Нуралиев санаи таваллуди Ахавайниро байни солҳои 920-930 ва фавташро соли 981 гуфта, аз ўба шакли «Аҳвоинӣ» ном мебарад [7,211]. Эрачи Афшор мавлуди Ахавайниро соли 311 х.к./ 924 донистаст [8,487].

Ў дар «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» менигород, ки: «Ман шогирди Абулқосими Миқониам ва номи вай Тоҳир буд ибни Мұхаммад ибни Иброҳим ва шогирди Мұхаммад Закариё буд». Яъне ў пайрави мактаби бузурги Мәхәммад Розист. Ахавайнӣ дар чое аз 20 сол ва дар чойи дигар аз 30 сол ба табобати беморон машғул шудани худ зикр мекунад. Аз ин маълум мешавад, ки ў дар кори пизишкӣ хеле ботачриба шуда, аз тақлид ба дигарон даст кашида, дар табобати беморон сабк ва роҳи мустақили худро пайдо карда, табиби шуҳратёри замон гардидааст. Бо сабаби табобати беморони зиёди мубталои молиҳулиё ўро «пичишкӣ молиҳулиё» меномиданд.

Ахавайнӣ Бухорӣ «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб»-ро бо ҳоҳиши фарзандаш таълиф намудааст ва он аз чумлаи дастури беҳтарини таълими барои донишмөнезон мебошад. Асари мазкур дар осори дигарон ба шаклҳои «Ҳидояи Ахавайнӣ», «Қуноши Ахавайнӣ», «Китобу-л-ҳидоя фй-т-тиб» ва «Китоби ҳидоя» ёд мешавад. Ахавайнӣ шогирди шогирди Мұхаммад Закариёи Розист. Бинобар ин навиштаи Абутолиб Абдуллоҳ ибни Мұхаммад ибни Абузайд, ки ў Ахавайниро дар матни изофашудаи нусхай Китобхонаи Малик шогирди бевоситаи Мұхаммад Закариёи Розӣ гуфтааст, саҳех намебошад.

Соли 1951 «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» тавассути мақолай Мұчтабо Минавӣ дар Эрон муаррифӣ шуд ва ўин китобро қадимтарин асари тибии замони Сомониён ба забони порсӣ эълон намуд [9, 497]. Тибқи навиштаи ўн нусхай Бодлиён аз 221 саҳифа иборат буда, ба 183 боб тақсим шудааст. Мавсүф дар ин мақолааш доир ба қочоқ шудани «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» ба Англия, нусхай дар китобхонаи Фотеҳи Истанбул буда, вижагиҳо ва муҳиммияти ин асар иттилоъ дода, чанд пора аз матни онро чоп мекунад. Соли 1958 баҳшида ба 1100 - солагии Абу-абдуллоҳ Рӯдакӣ дар шаҳри Сталинобод (Душанбеи ҳозира) мақолай олимни фаронсавӣ Ж. Лазар чоп шуда буд, ки ў ҳам нусхай соли 1050/51-и «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб»-ро яке аз қадимтарин нусхажои насри форсӣ дар ҷаҳон меҳисобад [10,86].

Соли 1966 бори нахуст матни комили «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» дар асоси се нусхай маълум бо эҳтимоми Ҷалол Матинӣ дар Машҳад ба чоп расид, ки дар айни замон ин нусхай беҳтарин нусхай чопии асари мазкур мебошад [11].

Асари мазкур соли 1993 бори дуюм чоп шудааст. Баъд аз ин шуҳрати Ахавайнӣ дар фазои илми мусоир дучанд афзуда аст. Ба ин нигоҳ накарда баъзе аз таърихни-горони таърихи тибби Осиёи Миёна амдан ва муғризона бо назардошти тоҷик будани Ахавайнӣ ва ба форсӣ-тоҷикӣ таълиф шудани «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фй-т-тиб» аз ин асар ва муаллифи он сухан намегӯянд. Инро мо дар осори илмии олими Ӯзбекистон А.А. Қодиров мушоҳида менамоем [12].

Аз «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» ҳоло ҳамагӣ се нусха маълум аст, ки яке дар қитобхонаи Бодлиёни Оксфорди Англия, дигар дар қитобхонаи «Фотех»- и Истанбули Туркия (№3646) ва нусхай сеюм дар Қитобхонаи миллии Малик (№4501) маҳфузанд. Нусхай қадимтарини «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» нусхай дар Англия буда мебошад, ки он соли 478 ҳ.к/1050/51 қитобат шудааст. Тибқи навиштаи Эрачи Афшор нусхай Бодлиён дар ибтидо дар қитобхонаи Муъддамадуддавла Фарҳод мирзо дар Эрон маҳфуз буд ва баъд аз марғи мавсүф бинобар навиштаи М. Қазвінӣ писари Муъддамадуддавла Фарҳод мирзо бо номи Фарҳоди Муъддамадуддавла соли 1940 нусхай мазкурро барои фурӯш ба Қитобхонаи миллии Эрон пешниҳод намуда аст. Аммо онҳо дар нархгузории ин асари ниҳоят нодир ба мувофиқа намерасанд. Мутаассифона нусхай мазкур соли 1950 дар Лондон ба музояда монда шуда, онро қитобхонаи Бодлиёни Оксфорди Англия харидорӣ мекунад [8,487]. Мұчтабо Минавӣ низ қиссаи аз Эрон ба Англия қоҷоқ шудани ин нусхай қадимтарини «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӢ-Т-ТИБ»-ро аз номи Маҳдии Баёни - раиси Қитобхонаи миллии Эрон хеле бо сӯзу гудоз нақл кардааст [9, 503-505].

Аз Ахавайнини Бухорӣ асари дигаре ҳоло дастрас нашуда, аммо ў дар «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӢ-Т-ТИБ» асарҳои дигари ҳудро бо номҳои «Қарободин», «Қитоби набз» ва «Қитоби ташрех» зикр менамояд, ки ин асарҳои вай то ҳол дастрас нашудаанд.

Сабки нигориши Ахавайнӣ чунин аст, ки ҳар як беморӣ, навъ ва илочи дармони онро дар боби алоҳида зикр менамояд. Дар умум «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӢ-Т-ТИБ» аз 176 боб иборат аст ва чун то ҳол дар осори илмии Тоҷикистон бобҳои асари мазкур зикр нашудаанд, зикри онҳоро зарур медонем: Боби аввал андар ёдкарди аносиру амзиҷа ва шарҳи эшон; Боби дувум андар ёдкарди ахлот ва кайфияти шинохтани эшон; Боби ёд кардани хун ва аснофи вай ва шарҳи он; Боби ёд кардани сафро ва анвои вай ва шарҳи он; Боби ёдкардани балғам ва аснофи вай ва шарҳи он; Боби ёд кардани савдо ва анвои вай ва шарҳи он; Боб андар ёд кардани аъзои муфрада ва мураккаба ва шарҳи он; Боб андар ёд кардани устухонҳо ва кайфият ва адади эшон; Боб андар ёд кардани пиҳо ва ва анвоъ ва ададу манобати эшон; Боб андар ёд кардани азалот ва адади эшон; Боб андар ёд кардани рагҳои ноҷаҳонда ва аъдоди эшон; Боб андар ёд кардани рагҳои ҷаҳонда ва адади эшон; Боб андар ёд кардани ҳайати димоғ ва шаклу табиати вай; Боб андар ёд кардани ҳайати айн ва табакоту рутубати вай; Боб андар ёд кардани ҳайати анф ва шаклу ҳоли вай; Боб андар ёд кардани узун ва шакл ва сурати он; Боб андар ёд кардани ҳайати лисон ва шарҳи вай; Боб андар ёд кардани ҳайати ҳалқ ва баёни шакли вай; Боб андар ёд кардани ҳайати садр ва риҳ ва таркибу шакли вай; Боб андар ёд кардани ҳайати қалб ва сифату шакли эшон; Боби ёдкарди ҳайати марӣ ва меъда ва кайфияти шакли эшон; Боби ёдкарди ҳайати амъо ва сурату шакли эшон; Боби ёдкарди ҳайати кабад ва шарҳи ҳоли он; Боби ёдкарди ҳайати таҳол ва сурат ва шакли он; Боби ёдкарди ҳайати мирора аънӣ заҳра ва шакли вай; Боби ёдкарди ҳайати куллӣ аънӣ курдҳо ва шакли эшон; Боби ёдкарди ҳайати масона ва кайфияти сурати вай; Боби ёдкарди ҳайати мароқи батн аънӣ бусти шикам ва ҳоли вай; Боби ёдкарди ҳайати қазиб ва ҳаситайн ва таркиби эшон; Боби ёдкарди ҳайати раҳм ва садо ва таркиби шакли эшон; Боби ёдкарди қувво аънӣ нирӯҳо ва анвои он; Боби ёдкарди афъол

аънӣ корҳо ва шарҳи он; Боби ёдкарди арвоҳ аънӣ ҷонҳо ва анвои он; Боби ёдкарди асбоб ва қайфияту шарҳи эшон; Боби ёдкарди ъаломот ва анвоъ ва аснофи он; Боби ёдкарди ъаломоти амзича аъзо олӣ чудо чудо бар тартиб; Боби ёдкарди ҳоли ҳавоҳо ва шарҳи он; Боби ёдкарди вабо ва шарҳи афтодани он ва қайфияти вай; Боби ёдкарди таъомҳо ва шаробҳо ва он чӣ воҷиб кунад; Боби ёдкарди ҳоли табииати ширҳо ва ончи аз ширҳо кунанд; Боби ёдкарди ҳол ҷӯшонидаҳо ва анвои эшон; Боби ёдкарди ҳаракат ва сукун ва он чи бад-ин бипайвандад; Боби ёдкарди риёзат ва фавоиди он; Боби ёдкарди хоб ва бедорӣ ва шарҳи ҳоли ҳарду; Боби ёдкарди ихтиқон ва истироғ ва қайфияти ҳарду; Боби ёдкарди имтило ва анвои вай ва шарҳи он; Боби ёдкарди ҳаводисе ҳаводиси нағс ва анвои он; Боби ёдкарди тафарруқу-л-иттисол ва шинохтани қайфияти он; Боби ёдкарди асбоби беморӣ ва анвои он; Боби ёдкарди аърози беморӣ ва аломоти он; Боби ёдкарди ҷумали муолиҷат мар бемориҳоро; Боби ёдкарди бемории доу-с-саълаб ва анвоу муолиҷати он; Боби ёдкарди интишору-ш-шâър аънӣ реҳтани мӯй ва илочи вай; Боби ёдкарди ҳароз аънӣ сабӯсаи сар ва илочи вай; Боби ёдкарди саъфаи кибари сарбӯд ва анвоу илочи вай; Боби ёдкарди қумли кибари мардумбуд аънӣ шабуш ва илочи вай; Боби ёдкарди судоъ аънӣ дарди сар ва муолиҷати вай; Боби ёдкарди шақиқа ва хосияту асли муолиҷати он; Боби ёдкарди ҳуза аънӣ дарди ҳама сар ва илочи вай; Боби ёдкарди садар ва дувор ва муолиҷати эшон; Боби ёдкарди сарсом ва анвои вай ва илочи эшон; Боби ёдкарди лисо руғас аънӣ сарсоми сард ва илочи вай; Боби ёдкарди қотоҳус ва баёни муолиҷати вай; Боби ёдкарди суботи сахaro ва илочи вай; Боби ёдкарди беморие, ки ӯро мониё ҳонанд ва илочи вай; Боби ёдкарди кобус аънӣ муқаддимаи саръ ва илочи вай; Боби ёдкарди молиҳулиё ва анвои вай ва муолиҷати ҳар навъе; Боби ёдкарди бемории қутруб ва муолиҷати вай; Боби ёдкарди бемории саръ ва амвои вай ва муолиҷати он; Боби ёдкарди бемории сакта ва анвои вай ва муолиҷати он; Боби ёдкарди фолиҷ ва баёни илочи вай; Боби ёдкарди бемории лақва ва муолиҷати вай; Боби ёдкарди бемории ҳадар аънӣ хира гаштан ва илочи он; Боби ёдкарди бемории раъша аънӣ ларзидан ва илочи он; Боби ёдкарди бемории ташаннуҷ ва муолиҷати вай; Боби ёдкарди бемории назла ва илочи вай; Боби ёдкарди бемориҳои ҷашм ва муолиҷати он; Боби ёдкарди бемориҳои зуфра аънӣ ноҳуна ва илочи вай; Боби ёдкарди бемории сулоқу-л-аъйн ва илочи вай; Боби ёдкарди бемории тарфа, ки дар ҷашм ояд ва илочи вай; Боби ёдкарди заифии дидори ҷашм ва илочи вай; Боби ёдкарди об, ки ба ҷашм ояд; Боби ёдкарди ашаънӣ шаб-курӣ ва илочи вай; Боби ёдкарди интишору-л-аъйн ва муолиҷати вай; Боби ёдкарди қарҷашм (курҷашм) ва илочи вай; Боби ёдкарди авҷоъу-л-узн ва илочи эшон; Боби ёдкарди бемории танин ва илочи вай; Боби ёдкарди бемории тараҷӯҷ аънӣ карӣ ва илочи вай; Боби ёдкарди илали анф ва муолиҷати он; Боби ёдкарди вачъи аснон; Боби ёдкарди қалоъ ва илочи вай; Боби ёдкарди илали лисон ва илочи вай; Боби ёдкарди сукуту-л-лиҳоҳ; Боби ёдкарди ҳаноқ ва илочи вай; Боби ёдкарди сӯъол ва илоҷаш; Боби ёдкарди ҳун баромадан аз гулӯ; Боби ёдкарди рабу ва илочи вай; Боби ёдкарди зоту-л-ҷунб ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди зоту-р-риҳ ва илочи вай; Боби ёдкарди сил ва илочи вай; Боби ёдкарди илали қалб ва илочи вай; Боби ёдкарди илали меъда ва илоҷаш; Боби ёдкарди аврому-л-меъда; Боби ёдкарди аъроз яқъя фӣ-л- меъда; Боби ёдкарди суиҳазм ва илочи вай; Боби ёдкарди зуҳоби шаҳвати таом; Боби ёдкарди авҷоъу-л- меъда; Боби ёдкарди шаҳваи қалбӣ вучуъу-л-буқро;

Боби ёдкарди шаҳвату тин ва илочаш; Боби ёдкарди қай ва боздоштани вай; Боби ёдкарди чушо айнӣ оруғ; Боби ёдкарди касрату-л-атш; Боби ёдкарди фувоқ айнӣ сакида; Боби ёдкарди ҳайза ва илочи вай; Боби ёдкарди зараб айнӣ исҳол; Боби ёдкарди исҳоли борид; Боби ёдкарди мағас ва илочи вай; Боби ёдкарди сахаҷа ва илочи вай; Боби ёдкарди заҳир ва илочи вай; Боби ёдкарди бавосир ва анвои вай; Боби ёдкарди хуручи мақъад; Боби ёдкарди дидону-л-батн; Боби ёдкарди кулинҷа ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди алтавоул амъо; Боби ёдкарди илали кабад ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди авроми кабад ва илочаш; Боби ёдкарди сӯзу-л-хол ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди истисқо ва анвои вай; Боби ёдкарди ярқон ва анвои вай; Боби ёдкарди бемории сабрз; Боби ёдкарди бемориҳои гурда; Боби ёдкарди зухури ҳаҷру-л-кулӣ; Боби ёдкарди ҳасру-л-бавл; Боби ёдкарди тақтири бавл; Боби ёдкарди риши масона; Боби ёдкарди нуқсони боҳ ва илочи вай; Боби ёдкарди ифроғи қуввати манӣ; Боби ёдкарди интишору-л-доим; Боби ёдкарди авҷоъу-р-раҳм; Боби ёдкарди эҳтибосу-л-ҳайз; Боби ёдкарди идрору-л-ҳайз; Боби ёдкарди қуруҳу-л-раҳм; Боби ёдкарди алриҷо ва илочи вай; Боби ёдкарди ҳаноқу-л-раҳм; Боби ёдкарди ақим ва илочи вай; Боби ёдкарди ҳилату-л-маръа ан ло таҳбал; Боби ёдкарди суқуту-л-ҷанин; Боби ёдкарди нузулу-р-раҳм; Боби ёдкарди фатқ ва анвои вай; Боби ёдкарди авҷоу-л-мағосил; Боби ёдкарди ирқу-н-нисо ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди вачаъи заҳр ва илочи вай; Боби ёдкарди риёҳу-л-африса; Боби ёдкарди даволӣ ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди доу-л-фил ва илочи вай; Боби ёдкарди зинаҳ айнӣ сурхии рӯй; Боби ёдкарди ҷузон ва илочи вай; Боби ёдкарди исфирору-л-лавн мин ғайриилаҳ; Боби ёдкарди мин ғайри илиҳи; Боби ёдкарди қалфаъ ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди бурш ва нумш; Боби ёдкарди қубо ва илоҷиҳи; Боби ёдкарди баҳиқ ва барас; Боби ёдкарди ҳакка ва ҷараб; Боби ёдкарди шаро ва саолил; Боби ёдкарди шақоқи яд ва риҷл; Боби ёдкарди асноғи авром; Боби ёдкарди саратон ва ҳанозир; Боби ёдкарди салаъ ва думмал ва ҳуроҷот; Боби ёдкарди оқила ва тоъун ва илочи он; Боби ёдкарди ҳирқун-нор ва иллати доҳис; Боби ёдкарди қавонини илочи қуруҳ ва ҷароҳот; Боби ёдкарди қавонини каср ва ҳаль; Боби ёдкарди инфиҷору-д-дам; Боби ёдкарди анвоъус-самум; Бобу-л-ҳамиёт: Фӣ ҳамӣ явм, фӣ ҳамию-д-дақ, фи-л-афния; Фӣ суноҳус, фи аломоту-н-назҷ; Фӣ ҳамию-л-миҳрақа, фӣ ҳамию-л-ғаб, фи-л-баҳрон; Фӣ аломоти-л-чида ва-р-радия, фӣ-л-ҷадри ва-л-ҳасбиҳи; Фи ҳамию-л-балгамия, фӣ ҳамию-р-рубъ, фӣ ҳамиёту-л-вабоияҳ; Фӣ ҳамиёту-л-ғашиҳо, фӣ ҳифзи-с-сихаҳ; Фӣ-л-бавл, фӣ ачносу-н-набз ва маърифатиҳо [11,12-13].

Аз баррасии матни асари мазкур маълум мешавад, ки Аҳавайнӣ аслан асари мазкурро дар асоси таҷрибаи амалии ҳуд тасниф намуда: «Валокин ман туро он ҷизҳо гуфтам бад-ин китоб, ки ман озмудаам магар он ҷизе, ки гӯям фалон ҷунин мегӯяд, он наёзмуда будам, ин бад-он гуфтам, то туро ғалат наяфтад» [11,12-13]. Ё ҷои дигар таъкид менамояд, ки «Ман бисёр илоҷ кардам бад-ин бемориҳо ва ҳарчи ин ҷо ёд мекунам он аст, ки озмудаи ман аст ва аммо он ҷи маро ба вай таҷрибат нест, ёд накунам, ки аз устоди ҳеш ҳам ҷунинин дидам ва ҷунин омӯҳтам» [11, 13].

Як вижагии нигориши Аҳавайнӣ ин аст, ки ў ғоҳе номи бемор ва ёвари ҳешро зикр менамояд. Ҷунончи ў аз беморе бо номи Исмоили Тӯсӣ ва табибе бо номи Ибни Ҳалим ёд кардааст. Дигар вижагии сабки нигориши Аҳавайнӣ ин аст, ки ў дар баъзе ҳолатҳо аз табибони машхур, ба монанди Ҳунайн ибни Исҳоқ, писари (инро ба ҷои «ибн» истифода карда, Ш.А.) Саробиён ва дигарон интиқод мекунад ва

накди хешро бо тачриба асоснок месозад. Дар ин мавзузь ба қавли Ч. Матинй «Дикқати илмии Ахавайний хусусан дар мавориде ошкор мешавад, ки чун раъий пизишкони маъруфро дар муъолицаи маризе ба кор набаста аст, ақидаи эшонро ҳамроҳи ҷумлаи назири «наёзмудаам» оварда, то натиҷаи ба кор бурдани доруero, ки ҳуд тачриба накардааст, ба уҳда нагирифта бошад» [11, 14]. «Ахавайний дар ин китоб, ақоиди бузургони илми тибб, чун Букрот, Ҷолинус, Ҳунайн ибни Исҳоқ, Собит ибни Қурра, Исо ибни Саҳорбаҳт, Писари Саробиён, Яҳё ибни Мосуя, Ахрун ва Мухаммад ибни Закариёи Розӣ ва чанд тани дигарро зикр карда, ва аз китобҳои тиббӣ монанди «Ипидимиё» («Эпидемия»), «Фусул» («Афоризм»), «Наводиру-т-тақаддимати-л-маърифа» («Прогностика») (ҳар се аз Букрот), «Таркибу-л-айн ва-л-Мансурий» низ матолибе нақл кардааст» [13,1057].

Дар «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» вожаҳои зиёди қадимаи марбут ба номи растаниҳо, доруҳо, бемориҳо, узвҳои бадан ва ғайраҳо зикр шудаанд. Ахавайний аз набототу меваҳо амруд, амруди чинӣ, анор, анцир, ангузад, ангубин, арзан, аспгул, аспгули бухорӣ, барги обӣ, барангӣ кобулӣ, барги раз, барги ток, барги панҷгӯшти ҳушк, барзад, биринҷ, бодиринг, гандум, гулоб, гулшакар, гавз, гулғунча, гул, гули сурҳ, даруна, дори пилпил, зарованӣ, зардолу, зардҷӯба, қишиш, қунҷид, кӯкнор, мавиз, мушк, мош... ва аз бемориҳо бемориҳои дил, бемориҳои тез, бемории қушанд, бурун омадани пайванд, бемории гузаранда, бодреш, бухор, бирафтани шикам, гурда андар омадан, гурехтани раҳм, гунгӣ, дарди пушт, дамиш, дарди миёни ноф, девонагӣ, дарди сар, дард, заҳм, зуком, қандани шикам, куфтагӣ, кузии ҷигар, қушода гаштани раг, ларза, ларза гирифтани, лоғарии гурда, маниш гаштан, мондагӣ, обила, озах, ожанг, омосидан, омоси ҷигар, пурmez, пӯсидани ҳун, ранҷ, рафтани шикам, реши балҳӣ, санги гурда, сурҳча, сӯзиш, ҳун рафтани, яракони бухорӣ.. ва аз корҳои пизишкӣ ангушт кардан, буридани раг, боз доштани ҳун, вазн кардан, гармо нишондан, доғ кардан, қашидан ва рост кардани устухон, қушодани бод, молидан, раг задан, нештар, пазонидани омос, санг берун овардан, фишор додан, шикастабандӣ, чаконидан, шоридан ва боз садҳо вожаҳои дигари қадимаи форсӣ-тоҷикиро зикр намудааст. Аз ин бармеояд, ки Рабеи Ахавайни Бухорӣ пеш аз Ибни Сино ва Берунӣ ба истилоҳсозии форсӣ-тоҷикӣ даст задааст ва саҳми ў дар ин мавзузъ хеле назаррас мебошад.

Хулоса «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» муҳимтарин сарчашма дар бахши истилоҳоти тиббӣ ба забони форсӣ-тоҷикӣ буда, аз тавоноии забони форсӣ-тоҷикии асри X барои ифодай афкори илмӣ гувоҳӣ медиҳад. Инчунин ин асар дар баробари «Шуморнома»-и Муҳаммади Табарӣ, асари ҷуғрофии муаллифаи гумноми «Ҳудуду-л-олам», «Китобу-л-абния фӣ ҳақоқиу-л-адвия»-и Абумансури Ҳиравӣ, «Донишнома»-и Майсарӣ, «Тарҷумаи тафсири Табарӣ»-и Балъамӣ, «Асваду-л-аъзам»-и Абулқосими Самарқандӣ, «Донишномаи Алой»-и Ибни Сино, «Китобу-т-тафҳим»-и Берунӣ дар шумори қадимтарин осори форсӣ-тоҷикӣ қарор дошта, таҳқики ҳамаҷониба ва нашру дастраси ҳамагон намудани он хеле зарур мебошад.

АДАБИЁТ

1. Симонян Р.С. История медицины: с древнейших времен до современности – Чебоксары, 2020 – 224 с.

2. Ҳақиқат А. Донишмандони эронӣ аз қуҳантарин замони таъриҳӣ то поёни давраи қочор – Техрон, 1388 ҳ.ш. - 640 с.

3. Нуриён А.Р., С.Д. Юсуфи. Фармацевтические познания в Саманидскую эпоху/Вестник Авицены – Душанбе, Т. 19, № 3, 2017 - С. 422- 430.
4. Ковнерь С. История арабской медицины - Киев. Типография Университета св. Владимира, 1893, – 188 с.
5. Истаҳрӣ Абуисҳоқ Иброҳим. Масолик ва мамолик/Тарҷумаи форсӣ – Техрон, 1340 ҳ.ш. – 334 с.
6. Ибни Курбон. Дар дуроҳаи фано ва эҳёи миллати қадим. – Душанбе, 2007, – 479 с.
7. Нуралиев Ю. Тиб ва табибони замони Рӯдакӣ//Рӯдакӣ: Диরӯз ва имрӯз, - Душанбе, 2007. - С. 203-221.
8. Афшор Э. Дар бораи барги илҳоқии нусхай «Ҳидояту-л-мутаъаллимин»-и Бодлиён//Номаи Баҳористон. – Техрон, № 13-14, 1386. – С. 487-498.
9. Минавӣ М. «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» яке аз нусхай хатти муҳимми форсӣ//Яғмо- Техрон, № 12, 1329 ҳ.ш. – С. 497- 510.
10. Лазар Ж. Два медицинских трактата X века на фарси-дари//Рудаки и его эпоха – Сталинабад, 1958. – С. 84-97.
11. Абубакр Рабеъ мбни Аҳмад ал-Аҳавайнӣ ад-Бухорӣ. Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб/Бо эҳтимоми Ҷалол Матинӣ. – Машҳад, 1344 ҳ.ш. – 918 с.
12. Кадыров А.А. История медицины Узбекистана. – Ташкент, 1994, – 233 с.
13. Ноҷӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломӣ дар қаламрави Сомониён/баргардон ва тасҳехи Л. Бойматов. – Душанбе, 2011. – 1212 с.

«ҲИДОЯТУ-Л-МУТАЪАЛЛИМИН ФӢ-Т-ТИБ»-И АҲАВАЙНӢ ҚАДИМТАРИН АСАРИ ТИБӢ БА ЗАБОНИ ФОРСӢ-ТОЧИКӢ

Бо фароҳам омадани шароити мусоид дар замони Сомониён илму адаби Мовароуннаҳру Хуросон дар асрҳои IX-X хеле рушд намуд ва олимони шуҳрати ҷаҳонидошта ба майдони илм омаданд. Аммо аксари олимон асарҳои худро ба забони арабӣ менавиштанд. Зоро забони арабӣ дар Хуросони Бузург мисли забони лотинӣ дар Аврупо забони нигориши илмӣ буд. Ба ин нигоҳ накарда, бо супориши амирон ва ҳокимони Сомонӣ бâъзе китобҳои арабӣ ба форсӣ-тоҷикӣ тарҷума мешуданд. Робеи Аҳавайнӣ Бухорӣ олимест, ки бо ҳоҳиши дил барои писараш ба забони тоҷикӣ-форсӣ асареро бо номи «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӣ-т-тиб» таълиф кард. Ин асар дар асоси таҷрибаи амалии 30-солаи ў навишта шудааст. Аз ин асар то ҳол се нусха боқӣ мондааст, ки қадимтарини он соли 478 ҳ.к./1050/51 китобат шуда, ҳоло дар Англия маҳфуз аст. «Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӢ-т-тиб» асари ҷиддии илмист ва барои таҳқиқи таърихи тиб ва забону адаби тоҷикон яке аз қадимтарин сарчашмаҳои ҳаттӣ мебошад. Аҳавайнӣ дар ин асараш истилоҳоти зиёди тоҷикиро истифода намудааст. Аз ин бармеояд, ки Робеи Аҳавайнӣ Бухорӣ пеш аз Ибни Сино ва Абурайҳони Берунӣ ба истилоҳсозӣ даст задааст ва саҳми ў дар ин мавзӯъ хеле назаррас мебошад.

Калидвозжаҳо: Авасто, Гунди Шопур, Сомониён, Хуросон, Мовароуннаҳр, тиб, М. Минавӣ, Ҷ. Матинӣ, Абубакр Рабеъ ибни Аҳмади Аҳавайнӣ Бухорӣ, Ҳидояту-л-мутаъаллимин фӢ-т-тиб, китоби дастнавис, забони форсӣ-тоҷикӣ, истилоҳоти илмӣ, таърихи илми тиб.

«ҲИДОЯТУ-Л-МУТА'АЛЛИМИН ФӢ-Т-ТИБ» АҲАВАЙНИ - ДРЕВНЕЙШИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ТРАКТАТ НА ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Создание благоприятных условий в эпоху Саманидов способствовало развитию науки и литературы в Мавераннахре и Хорасане в IX-X веках. В этот период жили ученые с мировым именем. Однако, в основном, они писали свои труды на арабском языке, который, подобно латинскому в Европе, был признанным языком науки. Несмотря на это, по инициативе самих саманидских эмиров и правителей, некоторые арабские книги были переведены на персидско-таджикский язык.

Один из выдающихся ученых того времени, Аҳавайнӣ Бухари, написал свою работу «Ҳидоятул-мутааллимин фӣ-т-тиб» на персидско-таджикском языке по желанию своего сына, опи-

• МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN •

ряясь на свой 30-летний практический опыт. Эта книга была переписана в 478 году хиджры (1050/51 году) и до сих пор существует в трех экземплярах, самый древний из которых находится в Англии.

«Хидаятул-мутааллимин фи-т-тиб» представляет собой серьезное научное произведение и является одним из древнейших письменных источников по истории медицины на персидско-таджикском языке. В этой работе Ахавайни использовал множество таджикских терминов. Это свидетельствует о том, что он начал разрабатывать научные термины раньше, чем Ибн Сина и Абу Райхан Беруни, внесая значительный вклад в эту область.

Ключевые слова: Авасто, Гунди Шопур, Саманиди, Хорасан, Моваруннахр, медицина, М. Минави, Дж. Матини, Абубакр Раби ибн Ахмад Ахавайни Бухари, Хидаятул-мутааллимин фиттиб, рукописная книга, персидско-таджикский язык, научная терминология, история медицинской науки.

«HIDOVATU-L-MUTA'ALLIMIN FI-T-TIB» BY AKHAVAINI - ANCIENT MEDICAL TREATISE IN TO PERSIAN-TAJIK LANGUAGE

During the Samanid era, favorable conditions led to significant advancements in science and literature in Merv and Khorasan during the 9th-10th centuries. This period witnessed the emergence of world-renowned scientists who contributed extensively to various fields. However, the predominant language of scientific works was Arabic, similar to Latin in Europe, as it held the status of the language of science in Great Khorasan. Despite this, some Arabic books were translated into Persian-Tajik under the orders of Samanid emirs and rulers.

Rabbi Akhavaini Bukhari stands out as a notable scientist who, at the behest of his son, authored a work titled "Hidayatul-mutaallymin fi-t-tib" in Persian-Tajik. This work, based on his 30 years of practical experience, is a significant contribution to the history of medicine, Tajik language, and literature. Three surviving copies of this work exist, with the oldest copy dating back to 478 Hijri (1050/51) and currently located in England. "Hidayatu-l-mutaallymin fi-t-tib" is a substantial scientific work and serves as one of the ancient written sources on medicine, Tajik language, and literature. Akhavaini used numerous Tajik terms in the work, indicating that he began developing scientific terminology before Ibn Sina and Abu Rayhan Beruni, making his contribution to this field highly significant.

Key words: Avasto, Gundi Shopur, Samanids, Khorasan, Movarunnahr, medicine, M. Minawi, J. Matini, Abubakr Rabi ibn Ahmad Akhavaini Bukhari, Hidayatul-muttaaallymin fi-t-tib, handwritten book, Persian-Tajik language, scientific terminology, history of medical science.

Сведения об авторе: Абдували Шарифзода – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Abduvali Sharifzoda - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the NAST. Tel: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

УДК 7.036.1 (575.22):94 (581.6)"2000"

ТАЪРИХИ ТАҲҚИҚИ КАТИБАҲОИ МАҚБАРАИ МУҲАММАД БАШОРО

РАЧАБЗОДА Р.Ш.

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Зеботарин мақбараи асримиёнагӣ ва яке аз ҷойҳои муқаддаси Тоҷикистон мансуб ба муҳаддиси машҳур Муҳаммад Башорои Бундор буда, он дар деҳаи Мазори Шариф дар масофаи 9 км аз маркази Ҷамоати деҳоти Лоиқ Шералии ноҳияи Панҷакент ҷойгир аст. Ин ёдгорӣ ҳанӯз дар асрҳои миёна таваҷҷуҳӣ муҳаққиконро ба ҳуд ҷалб карда буд. Аз ҷумла, Абутоҳирҳоҷаи Самарқандӣ дар рисолаи «Самарқанд»

рия» чунин навишта, ки «Мазори файзосори Хоча Мұхаммад Башоро дар күхсори тавобеи Самарқанд воқеъ аст. Эшон дар таҳқиқоти Хоча Абулқосими Самарқандй мазкуранд ва аз тавобеин будаанд. Мазори эшон дар қасабачаи Панҷакант, ки аз маҳқумоти Самарқанд аст, он чо аст. Дар санаи ҳафтсаду шасту чаҳор шайхони мазори эшон дар болои марқади эшон қабри тӯлонӣ ва хонақоҳи олий дар он замин бино намудаанд. Аз Самарқанд то мазори эшон таҳминан ёздаҳ фарсанг аст. Азизе гуфт, ки мазороти акобири Мовароуннаҳро бисёр зиёрат кардаам, аммо ҳеч мазоре мисли мазори хочаи мазкур файзбахш надидам» [1,52].

Аз ин иқтибос маълум мешавад, ки Мұхаммад Башоро ҳанӯз дар замони Сомониён машхур будааст ва Хоча Абулқосими Самарқандй ҳамон олимест, ки бо амири Исмоили Сомонӣ китоби «Саводу-л-аъзам»-ро аввал ба арабӣ таълиф карда, баъд бо амири Сомонӣ онро ба порсӣ тарҷума намуда буд [2, 18-19].

Дар шиносонидани мазори Мұхаммад Башоро В.Л. Вяткин низ саҳми назаррас гузоштааст. Ў соли 1899 рисолаи «Самария»-ро тарҷума ва чоп менамояд ва дар нусхай чопнамудаи Вяткин доир ба мазори Мұхаммад Башоро нисбат ба нусхай чопнамудаи Н.И. Вселовский тағйироти ҷузъӣ дида мешавад [3, 207]. Аммо ба муаллифи ин сатрҳо маълум нашуд, ки мақбараи Мұхаммад Башоро аз ҷониби В.Л. Вяткин ва Н.И. Вселовский бевосита таҳқиқ шудааст ё не. Соли 1898 А.А. Семёнов ёдгории мазкурро аз назар гузаронида, дертар ба хотир оварда, қайд менамояд, ки дар катибаи пештоқи он санаи 743 ҳ.к./1342-1343 зикр шудааст [4]. Яъне А.А. Семёнов аввалин олимест, ки доир ба як санаи катибаи мақбараи Мұхаммад Башоро таваҷҷуҳ кардааст. Аммо аз осори илмии ин олими шинохта, ки дар ҳондани катибаҳо хеле ҷирадаст буд, маълум мешавад, ки ў минбаъд дар умум ба катибаҳои он таваҷҷуҳ наменамояд. Инчунин ў соли 1914 Мұхаммад Башороро «Мұхаммад Бошшаро» ва «Хоча Аҳмади Бичора» гуфта буд.

Кишваршиноси фидой, бостоншинос ва қашшофи аксари ёдгориҳои машхури Тоҷикистон В.Р. Чейлитко мақбараи Мұхаммад Башороро таҳқиқ намуда, соли 1937 доир ба он мақолаи муҳим ба чоп мерасонад [5]. Ў дар ин мақолааш Мұхаммад Башороро сӯфӣ ҳонда, қайд менамояд, ки пештоқи мақбара ба асри XIV ва қисмати меҳробдори он ба асри XII мансуб аст. Тибқи навиштаи ў мақбараи мазкурро феодалҳои маҳаллӣ барои ғӯрӯниҳи хеш бунёд намудаанд ва дар доҳили он 13 санги қабр мавҷуд буд. Аз ин миқдор ду қабри хеле зебо, ки беҳтарин намунаи ҳунар мебошанд, ба ду феодали калон – мавлоноҳо (падару писар) тааллуқ доранд. Инчунин В.Р. Чейлитко катибаҳои ин ду қабро ёдовар шуда, онҳоро катибаҳои «коинавӣ» меномад ва ҳонда шудани онҳоро таъқид менамояд, аммо аз мазмуни матни катибаҳо ҷизе намегӯяд. Ў менависад, ки муллоҳо, эшонҳо ва имомҳо як қисми барҷастаи мунаққаши ин қабрҳоро шикаста орд намуда, онро ҳамчун хокай шифобаҳш барои фарзандёбӣ, дарди дандон, тарбод ва дигар бемориҳо фурӯҳта, бо ин роҳ ба ин ёдгории нодир зарар расонидаанд. Ин навиштаи ў барои таҳқиқи ин ёдгорӣ ҳамчун макони муқаддас муҳим аст.

Вазъи имрӯзai қабрҳо ин гуфтаҳои В.Р. Чейлиткоро тасдиқ менамояд. Чунки дар ҳақиқат як қисми сирдору зебои қабрҳо нест шуда, чойи нестшударо аз нав андовидаанд. Инчунин як лавҳаи сирдори катибадори қисми болоии яке аз қабрҳо ба таври бутун аз қабр гирифта шудааст. Акнун маълум нест, ки он дар кучост. Ба назар чунин мерасад, ки ин лавҳаи хурди катибадорро бо мақсади таҳқиқи он ягон

мухаққиқ аз қабр чудо намуда гирифтааст ва ё онро ягон қочоқбари осори қадима рабудааст. Аҳаммияти ин иттилои Чейлитко аз он иборат, ки то соли 1937 нест шудани ин бахши қабр маълум мешавад. То имрӯз бахшҳои дигари пурнақшу катибадори ин ду қабр нисбатан хуб боқӣ мондаанд. Чейлитко навъи хатти пештоқи мақбарааро зикр накарда, катибаро «матни муқаддас» номида, ў як байти охири катибаи пештоқи мақбарааро (**Ҳар кӣ аз мо қунад ба некӣ ёд, Номаш андар ҷаҳон ба некӣ бод.**) ба русӣ тарҷума менамояд. Аммо ў доир ба эҷоди ин катиба суханони начандон илмӣ навишта, қайд менамояд, ки феодалон дар бораи худ чунин навишта наметавонистанд ва инро коргарон-гуломон навиштаанд [5]. Ба баъзе ху-лосаҳои ғайрииљии Чейлитко нигоҳ накарда, ин мақолаи ў дар он замон беҳтарин тавсифи илмии мақбараи Муҳаммад Башоро мебошад. Бояд қайд кард, ки маҳаққиқи мазкур дар қашфи машҳуртарин ёдгориҳои Тоҷикистон ва ҳифзи онҳо саҳми назаррас гузоштааст [6, 49-57].

Соли 1947 А.Ю. Якубовский дар таҳлили натиҷаи кори Экспедитсияи бостоншиносии сугдӣ-тоҷикии солҳои 1946-1947 таърихи бино ва аҳаммияти ҳамаҷонибай мазори Муҳаммад Башороро баррасӣ намуда, номи деҳаи Мазори Шарифро маншаъирифта аз ин мазор медонад [7,46]. Ў ду қабри тарафи чапи мақбарааро аз ҷиҳати сабки ҳунарӣ ба қабрҳои мақбараҳои Начмиддини Кубро дар Ургончи қадим ва мақбараи Шоҳи Зинда дар Самарқанд монанд дониста, онҳоро ба солҳои 30-40 асри XIV мансуб медонад. Дар умум А. Якубовский ба катибахои ин ёдгорӣ қариб таваҷҷӯҳ накарда, танҳои шакли умумӣ ва ҳолати катибаи пештоқ ва санаи дар он зикршударо, ки А.А. Семёнов аввалин шуда онро ҳонда буд, зикр менамояд. Ў ҳамагӣ як навъи катибаи ин ёдгорӣ-катибаи қуфиро ёдрас шудааст [7,47].

В.А. Крачковская соли 1949 нахустин шуда, мақбараи Муҳаммад Башороро мавриди таҳқиқи эпиграфикӣ қарор дода, эстампаж ва матни як катибаи қуфии мақбараи Муҳаммад Башороро ба чоп мерасонад. Мавсуф катибаи мазкуро «Ад-дунё дору-л-фитан» (الدنيا دار الفتنه) ҳонда, ба русӣ «Здешняя жизнь – дом испытаний» (Зиндагии ин дунё ҳонаи озмоиш аст) тарҷума менамояд [8,23].

Соли 1958 доир ба мақбараи Муҳаммад Башоро мақолаи муфассали Бретанисткий Л.С. ба чоп мерасад [9]. Мавсуф дар аввал таърихнигории ин ёдгориро баррасӣ менамояд. Ў ҳам «Башоро»-ро «Бошшаро» мегӯяд. Ёдгории мазкуруро «меъмории тоҷикӣ» меномад, ки ин хеле муҳим аст. Накшҳои қисмҳои гуногуни онро чоп намуда, бо дигар ёдгориҳои меъморӣ ба таври муфассал муқоиса ва таҳлил карда, қисми меҳробдори мақбарааро ба асри XI мансуб медонад [9, 339]. Л. С. Бретанисткий вобаста ба баррасии масъалаҳои меъморӣ ҷойгоҳи ороишии катибахои ин ёдгориро аҳёнан қайд менамояд. Масалан, ў пештоқи мақбарааро тавсиф намуда, вижагиҳои ҳарфҳои «алиф» ва «вов»-и катибаи насҳро таъқид мекунад [9, 350]. Дар ҷои дигар вай аз омезиши катибаи қуфӣ бо нақшҳои наботӣ сухан гуфта, бо иттико ба аҳбори В.А. Крачковская катибаи паҳлӯи даромадгоҳи мақбарааро «Здешняя жизнь – дом испытаний» қаламдод менамояд [9, 355]. Л.С. Бретанисткий катибахои мақбараи мазкуруро мавриди таҳқиқи муфассал қарор намедиҳад, зеро ин кор ба мақсади аслии ў рост намесомад. Ин мақолаи ў натиҷаи беҳтарин ва муҳимтарин таҳқиқоти мақбараи Муҳаммад Башоро ҳамчун ёдгории нодири меъморӣ мебошад.

Бо гузашти 20 сол аз таҳқиқоти Бретанийк Л.С. ду олими дигари рус Воронина Л.С. ва Крюков К.С. ба таҳқиқи мақбараи Муҳаммад Башоро рӯ меоранд [10]. Олимони мазкур бештар вижагиҳои хунари меъмории ин ёдгориро баррасӣ намуда, ба таҳқиқи бахшҳои эпиграфии он даст намезананд. Соли 1990 чанд санади марбурт ба мутаваллиёни мазори Муҳаммад Башоро ва чигунагии истифодашавии даромад аз назри зоирони ин мазор нашр мешавад. Як муҳиммияти ин аснод ҳамин аст, ки ҳатто амири Бухоро ба танзими кори мутаваллиёни мазори мазкур даст мезадааст [11, 80-82].

Аз олимони тоҷик академик А. Муҳторов ба баъзе катибаҳои ин ёдгорӣ аҳамият додааст. Мавсүф дар китоби «Санг ҳам диле дорад», аз зикр шудани номи Қавомуддин дар катибаи пештоқи мақбара сухан гуфта, ўро меъмори ин ёдгорӣ медонад [12,90]. Гузашта аз ин мақбараи Муҳаммад Башоро ҳамчун макони муқаддас ва зиёратгоҳи муҳим низ мавриди пажуҳиши ҷудогонаи низ қарор гирифтааст. Вобаста ба ин таҳқиқоти Ҳамза Камол ва Ҷ.М. Юсуфӣ назаррас мебошанд [13, 14].

Аз таҳқиқи адабиёти илмӣ бармеояд, ки таҳқиқи эпиграфикии мақбари Муҳаммад Башоро ба ибтидои солҳои 2000 рост меояд. Соли 2001 барои таҳқиқи катибаҳои ин ёдгорӣ аз шаҳри Душанбе корманди Осорхонаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба номи Камолиддин Беҳзод Абдували Шарифзода сафарбар карда мешавад. Ў дар аввал аксари катибаҳоро эстампаж ва аксбардорӣ карда, катибаҳои куфӣ, насх ва сулси мақбараҳо хонда, арабиашонро тарҷума намуда, соли 2005 матни баъзе аз ин катибаҳо ҷоп мекунад. Инчунин мавсүф таҳқиқоти олимони катибашиносро баррасӣ намудааст. Аз ҷумла тибқи навиштаи А. Шарифзода олими машҳури шуравӣ В.А. Крачковская дар шиносоии катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро ба ду ҳатоӣ роҳ додааст. Нахуст, ҷойгиршавии як катибаи куфиро болои меҳроб гуфтааст. Дар сурате ки ин катиба дар паҳлуи даромадгоҳи мақбара ҷойгир мебошад. Дуюм, вожай дуюми катибаи мазкур «ал-фано» аст, на «ал-фитан». Шарифзода А. катибаи мазкурро «Ад-дунё дору-л-фано» хонда, «Ҷаҳон хонаи манзили бебақост» тарҷума намудааст [14]. Номбурда матни катибаи куфии дуюми паҳлуи даромадгоҳро «Ас-с-салота ва мо малакат аймонуқум» меконад, ки ин як ҳадиси набавӣ буда, ба намозгузорӣ дар ин ёдгорӣ ишора менамояд.

Соли 2007 бо номи «Муҳаммади Башоро» китоби алоҳида ба ҷоп расид. Муаллифон Шамсиддин З. ва С. Наҷибулло сарчашмаҳои ҳаттӣ, асноди таъриҳӣ, адабиёти илмӣ ва баъзе катибаҳои мақбараҳо таҳқиқ намуда, доир ба зиндагӣ, рӯзгор ва мазори Муҳаммад Башоро иттилои муҳим медиҳанд. Вобаста ба мавзуи мақолаи мо бояд қайд намуд, ки муаллифони ин асар катибаҳои як санги қабри паҳлуи рости меҳроби мақбараҳо ба таври нотамоми зерин хонда, санаашро аниқ карда (санаси 966 ҳ.к.), онро ба духтараки 14-солаи хидматгузори ин мазор мансуб донистаанд:

Сарви болои ту дар хок, дареғ аст, дареғ,
Зери хок он гуҳари пок, дареғ аст, дареғ.
Домани пираҳани умри ту, эй ҷони азиз,
Шуда чун домани гул чок, дареғ аст, дареғ.
Чои он буд, ки чои ту бувад дар дида,
Ин замон чои ту дар хок, дареғ аст, дареғ.
Эй ба сад мартаба покизатар аз ойина [16,19].

Инчунин муаллифон 5 рубоиро зикр карда, онҳоро марбути эҷодиёти шифоҳӣ дониста, сарчашма ва дар катибаҳои мақбара зикр шудан ё нашудани онҳоро дарҷ намекунанд [16,19]. Дар ин китоб матн ва акси чанд санади марбути мазкур оварда мешавад, ки аз ин аҳаммияти асар дучанд меафзояд. Асари мазкур натиҷаи таҳқиқоти нисбатан муҳим доир ба шахсият, рӯзгору осори Муҳаммад Башоро мебошад.

Ҳарчанд соли 2001 катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро аз ҷониби А.Қ. Шарифзода хонда, нусхабардорӣ шуда буданд, натиҷаи ин таҳқиқот то ба ҳол, ба таври муфассал ба чоп нарасидааст. Эстампажи катибаҳо дар коллексияи шахсии А. Шарифзода маҳфузанд. Соли 2014 мақолаи мавсуф бо номи «Катибаи насхи пештоқи мақбараи Муҳаммад Башоро» чоп шуда буд. А. Шарифзода дар аввал ҷойгиршавӣ ва навъи катибаҳои мақбараро ҷунин тасвир месозад: «Дар қисмҳои гуногуни ин мақбара якчанд навъи катибаҳо-навишторҳои қуфӣ, насх, сулс ва настаълиқ мавҷуд буда, онҳо бо иттилооти муҳимашон аҳаммияти хоса доранд. Катибаҳои қуфӣ дар даромадгоҳи пештоқ, меҳроб, девори назди сағонаҳо, сангӣ болои қабр, катибаи насх дар ҳошияни пештоқ ва навишторҳои сулс дар рӯйи қабрҳо ва катибаҳои настаълиқ ҳам дар меҳроб ва ҳам дар рангнавиштаҳо ба назар мера-санд. Қисми асосии навишторҳои ин бино ҳангоми бунёдаш насл шуда, рангнавиштаҳо асосан баъдтар аз ҷониби зоирону ихлосмандон навишта шудаанд. Аммо катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро то имрӯз ба таври мукаммал, ба ҳусус аз нигоҳи эпиграфӣ таҳқиқ нашудаанд» [14, 5].

А. Шарифзода дар аввал катибаро таҳлили метрологӣ намуда, менависад, ки аввали ин катиба аз фарши ҳозира дар баландии 110 см қарор дорад ва шерозаи катибадори паҳлуи рост 266.5 см баландӣ дорад. Хондан ва муқоиса намудан ба ў имкон дод, то муайян намояд, ки оҳири катибаи тарафи рост ба таври нодуруст тармим шудааст. Қисми боло-уфуқии катибаи насх пурра ҳароб гаштааст. Катибаи мазкур дар паҳлуи чап аз баландии 266,5 см то ба поён, идома ёфта, то баландии 110 см аз фарш бо байти тоҷикӣ анҷом мейбад. Ба ҷуз ҳамин байт боқимонда катибаи насх ба забони арабист. Катибаи насхи пештоқ аз ҷониби А. Шарифзода ҷунин хонда шудааст:

تصدى لاعلا هذا البناء المنور بانوار من استشارت فى سبيل الله مجاهداته المعطر بشار من استشارت فى دين الله
مشاهداته فنور بصلاته و نسكه معه و متبعداته رجا ثوابه و ابتعغا مرضاته حتى مضى لسبيله مرضي الاثر و رضون من الله ا
(كبير) ... الاقبال و صلبي يا ... (قال الله تعالى لقنه موافقاً ليعبر فى بر النعم و سر الكرم كما قال تعالى اقرا و ربک الاکرم
الذى علم بالقلم مولانا اکرم الملة و الدين جعل الله حسناته مقبولة و سعاده دنياه بسعادة الآخرة موصولة و روح روح ولده
فلذه كبده قوم الدين بفضله و كرمه فى شهرور سنة ثلاثة و اربعين و سبعمائه.

هر که از ما کند بنیکی یاد، تامش اندر جهان بنیکی باد. [17, 8]

Тарҷумаи матн аз ҷониби Шарифзода А. ҷунин аст: «Сарпараст гардид Мавлоно, ки саҳитарини миллату дин аст, *дар моҳҳои соли ҳафтсаду чилу се* мар бара-фроштан (барафроҳтан)-и ин бинои муనаввару муаттар ба анвори шахсе, ки дар роҳи Аллоҳ талошҳояш ба самар расида ва ба сиришки шахсе, ки дар дини Аллоҳ мушоҳидаҳояш (дидгоҳаш) нуронӣ гаштааст. Пас бо умеди савоб ва ризои Аллоҳи (бузург) *ин биноро бо намозу нусук ва фармонбардориҳояи пурнур намуд, то ин*

кироҳи хештан бипаймуд (яъне даргузашт) ва бо натиҷаи талошҳояш ба хушнудии Аллоҳи бузург расид... Фармулд Аллоҳ таоло ва мувофиқи гуфторааш илҳомаш баҳшид ҳамчунон ки Аллоҳ таоло фармулд: «Бихон ва парвардигори ту боикромтарин аст. Оне ки бо қалам омӯзонд» то бияндешад дар некии баҳшиш ва рози некиҳояш. Аллоҳ некиҳои Мавлоноро пазируфта ва хушбахтии дунёро ба хушбахтии охираташ бипайвандад ва равони фарзандаш ва чигаргӯшааш Қавомуддинро бо фазлу карамаш оромонад (ё хушбуй гардонад)» [17, 8-9].

Акнун дар таърихи катибасиноси Осиёи Миёна катибаи насхи мақбараи Муҳаммад Башоро бори нахуст ба таври комил хонда ва тарҷума шуд. Ин аз ҷанд ҷиҳат муҳим аст. Аввал ин ки матни боқимондаи катибаи насхи пештоқ пурра хонда ва тарҷума шудааст. Дуюм аниқ гардид, ки матни катибаи насх ба таври комил бар хилоғи навиштаи бâъзе аз олимон пурра матни куръонӣ нест. Сеюм, ошкор шуд, ки бар хилоғи гуфтаи академик А. Мухторов, Қавомиддин на меъмори бино, балки писари мутассадии бунёди пештоқ мебошад ва ин бино барои шодии руҳи Қавомиддин аз ҷониби падари ў, ки номаш дар катиба зикр намешавад, соҳта шудааст. Ҷаҳорум, аз матни катиба маълум шуд, ки мутасаддии бунёди пештоқ намояндаи машҳур ва номвари тасаввуф буда, дар катиба накутарин мавлонои миллату дин номида мешавад. Панҷум, катибаи мазкур бе тасмия оғоз шудааст, ки ин барои ёдгориҳои исломӣ ҷандон хос нест. Шашум, чун бинои мазкур тибқи иттилои катибаи насх соли 743 ҳ.к./1342-1343 бунёд шудааст, хуносай олимони дигарро, ки қисми меҳробдори биноро ба асрҳои XI-XII мансуб медонанд, шубҳонок менамояд. Зеро дар ин катиба умуман соҳтмони бино зикр шудааст, на бунёди пештоқ ба алоҳидагӣ. Як масъалаи муҳимми дигари катибাহои мақбараи мазкур ҳамин аст, ки ғайр аз катибাহои рангии навиштаи ихлосмандон номи Муҳаммад Башоро дар ягон катибаи бино ва сангҳои қабр зикр нашудааст. Ин вазъ масъалаи нави илмиро ба миён меорад. Аммо нашри минбаъдаи натиҷаи таҳқиқи катибাহои боқимонда ва дигар маъхазҳо барои ҳалли ин муаммоҳо мусоидат ҳоҳад намуд.

АДАБИЁТ

1. Абу-Тахиръ-Ходжи. Самария//Таджицкий текст, приготовленный къ печати Н.И. Вевеловскимъ – С. Петербургъ, 1904. – 81 с.
2. Абулқосим Исҳоқ ибни Муҳаммад ибни Исмоил ибни Иброҳим ибни Зайд Ҳаким Самарқандӣ. Ассаводу-л-аъзам//Бо эҳтимоми А. Ҳабибӣ – Техрон, 1393 ҳ.ш. – 250 с.
3. Абу Тахир Ходжа. Самария, описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перевод В.Л. Вяткина//Справочная книга Самаркандской области – Самарканд, Вып. VI, 1898. – С. 153-259.
4. Семёнов А.А. Материальные памятники арийской культуры//Таджикистан - Ташкент, 1925. – С.113-150.
5. Челитко В. Мавзолей XIV в./Коммунист Таджикистана, 21 декабря 1937 г.
6. Хамидов Ҷ., Рахимов Н. Вклад В.Р. Челитко в краеведение Таджикистана//Актуальные проблемы гуманитарных наук. Москва-Худжанд, выпуск 3, 2005. - С. 49-57.
7. Якубовский А.Ю. Итоги работ согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946-1947 гг. Отчет Верхнезарафшанского отряда о работе 1946 г.// МИА, №15, Москва-Ленинград, 1950. – С. 13-55.
8. Крачковская В.А. Эволюция куфического письма в Средней Азии//Эпиграфика Востока-Москва-Ленинград, № III, 1949. – С. 3-27.
9. Бретаницкий Л.С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества/ МИА-

Москва-Ленинград, №66, 1958. - С. 225-357.

10. Воронина Л.С., Крюков К.С. Мавзолей Мухаммеда Башоро\Древность и средневековье народов Средней Азии. - Москва, 1978.
11. Егени А., З. Юсупов. Источники дохода мусулманского духовенства в Средней Азии XIV-XX веков//Вестник Таджикского госуниверситета. - Душанбе, №2, 1990. - С. 69-82.
12. Мухторов А. Санг ҳам диле дорад. - Душанбе, 1999. -90 с.
13. Камол Ҳ. Мазорҳои шимоли Тоҷикистон. -Душанбе, 2004. - 194 с.
14. Юсефи Джаландан Мансур. Мазары Хорасана и Мавераннахра эпохи Темуридов: XIV-XV вв.// Кандидатская диссертация. - Душанбе, 2009. - 187 с.
15. Шарипов А. Ёдгориҳои эпиграфӣ – ҷузъи фарҳанги исломӣ//Пажуҳишҳо дар Осорхонаи миллий. - Душанбе, №1, 2005. - С. 57-62.
16. Шамсииддин З., Начибулло С. Муҳаммади Башоро. Душанбе, 2007. - 56 с.
17. Шарифзода А. Катибаи насхӣ пештоқи мақбараи Муҳаммад Башоро//Аҳбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон. - Душанбе, №2, 2014. - С. 5-10.

ТАҶРИХИ ТАҲҚИҚИ КАТИБАҲОИ МАҚБАРАИ МУҲАММАД БАШОРО

Дар ин мақола таърихи таҳқиқи катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро баррасӣ шудааст. Муаллиф таъқид менамояд, ки дар ин ёдгорӣ навъҳои гуногуни катибаҳои қуфӣ, насх, сулс ва настаълиқ мавҷуд аст ва онҳо аҳаммияти қалони илмӣ доранд. Катибаҳои ин мақбара ва мазор ҳанӯз дар асри XIX дикқати олимонро ба худ ҷалб намуда буданд. Дар замони шуравӣ А. Крачковская ва А. Мухторов ба катибаҳои мақбараи Муҳаммад Башоро таваҷҷӯҳ зоҳир намудаанд. Аммо таҳқиқи комили катибаҳои ин мақбара ба аввали соли 2000 рост меояд. Дар ин давра дар доираи экспедицияҳои Осорхонаи миллии Тоҷикистон ин корро А. Шарифзода анҷом медиҳад. Дар натиҷа қисми зиёди катибаҳо ҳонда ва нусхабардорӣ мешаванд. Аз ҷумла катибаи насхӣ пештоқи мақбара бори нахуст пурра ҳонда ва тарҷума мешавад. Ин ба равшан шудан моҳияти асосии катибаи насх мусоидат менамояд. Аз ҷумла ошкор карда шуд, ки ин бинору яке аз мавлоноҳои машҳури асри XIV ба хотири писараш – Қавомуддин бунёд намудааст. То ин вакт Қавомуддинро мезмori бино медонистанд. Аммо ин иштироҳ баъди таҳқиқи пурраи катиба ислоҳ шуд. Нашри минбаъдаи натиҷаи таҳқиқи катибаҳои бокимонда барои ҳалли дигар масъалаҳои илмии марбути ин ёдгории машҳур мусоидат ҳоҳад намуд.

Калидвоожсаҳо: мақбара, мазор, Муҳаммад Башоро, Қавомуддин, катибаҳо, қуфӣ, насх, сулс, настаълиқ, катибаи пештоқ, соли 1343, А.А. Семёнов, А. Челитко, А.Ю. Якубовкий, В. А. Крачковская, А.К. Шарифзода.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НАДПИСЕЙ МАВЗОЛЕЯ МУХАММАДА БАШОРО

В данной статье рассматривается история исследования надписей мавзолея Мухаммада Башоро. Автор выделяет различные виды надписей в этом памятнике, такие как куфический, насх, сулс и насталик, подчеркивая их значимость для науки. Указывается, что интерес к надписям этого мавзолея и мазара привлекал внимание ученых еще в XIX веке. В период советского времени, ученые, такие как А. Крачковская и А. Мухторов, также обращались к надписям мавзолея Мухаммада Башоро.

Однако полное исследование надписей этого мавзолея началось только в начале 2000-х годов. В ходе экспедиций Национального музея Таджикистана, Шарифзода А. эстампировал, расшифровал и перевел все надписи данного памятника. Особенное внимание уделяется тому, что впервые полностью прочитана и переведена надпись на фасаде мавзолея, что позволило ясно осветить его основную историческую суть. В частности, выяснилось, что это строение было воздвигнуто одним из знаменитых мавлана XIV века в честь своего сына – Кавамуддина. Ранее считалось, что Кавамуддин был архитектором памятника, но после полного исследования надписи была исправлена эта ошибка. Дальнейшее публикование результатов исследования

других надписей памятника предоставит дополнительные научные данные и поможет решить другие вопросы, связанные с этим выдающимся памятником.

Ключевые слова: мавзолей, мазар, Мухаммад Башаро, Кавомуддин, надписи, куфи, копия, сулс, настальник, надпись на портале, 1343 г., А.А. Семёнов, А. Чельтко, А.Ю. Якубовский, В.А. Крачковская, А.К. Шарифзода.

HISTORY OF INSCRIPTION RESEARCH MAUSOLEUM OF MUHAMMAD BASHORO

This article provides an overview of the history of studying the inscriptions on the mausoleum of Muhammad Bashoro. The author underscores the scientific significance of this monument, which features various inscriptions in scripts such as Kufic, Naskh, Suls, and Nastaliq. The inscriptions on this mausoleum and mazar (shrine) have attracted the attention of scholars since the 19th century.

During Soviet times, A. Krachkovskaya and A. Mukhtorov brought attention to the inscriptions on the mausoleum of Muhammad Bashoro. However, a comprehensive study of these inscriptions was initiated in the early 2000s. As part of the expeditions conducted by the National Museum of Tajikistan, A. Sharifzoda meticulously stamped, deciphered, and translated all the inscriptions on this monument. Notably, this effort included the first complete reading and translation of the inscription on the façade of the mausoleum, providing crucial insights into its purpose. It was revealed that the building was constructed by one of the renowned maulanas of the 14th century for his son, Kawamuddin. This corrected a previous misconception that considered Qawamuddin as the architect of the monument.

The article suggests that further publication of the study's results on the remaining inscriptions will contribute to resolving other scientific inquiries related to this famous monument.

Key words: mausoleum, mazar, Muhammad Basharo, Kavomuddin, inscriptions, kufi, copy, suls, nastaliq, inscription on the portal, 1343, A. A. Semenov, A. Chelytko, A. Yu. Yakubovsky, V. A. Krachkovskaya, A. K. Sharifzoda.

Сведения об авторе: Раджабзода Расул Шамсулло - соискатель Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша, заведующий отделом археологии Республиканского музея имени А. Рудаки г. Пенджикента. Tel.: 907-59-55-80. E-mail: rajabzodarasul79@mail.ru

Information about the author: **Rajabzoda Rasul Shamshullo** - applicant - Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish, head of the archeology department of the Republican Museum named after A. Rudaki in Penjekent. Tel.: 907-59-55-80. E-mail: rajabzodarasu179@mail.ru

УДК: 94 (571.56) "9/11"

КИТОБИ «ТАЪРИХИ ЯМИНӢ» ВА ШАРҲҲОИ ОН

Абдуллоев А.,

Маркази бана милялии илмию таҳқиқотии ба номи Имом Тирмизӣ

Асари «Таърихи Яминӣ»-и Утбӣ дар миёни ин ҳама китобҳои ба таърихи Мовароуннаҳр баҳшидашудаи муаррихон ҷойгоҳи шоистае дорад. Китоби мазкур дар тасвири воқеа ва ҳодисаҳое, ки дар асрҳои IX-XI дар Мовароуннаҳру Ҳурросон ба вуқӯъ пайвастаанд, нақши муҳиме иҷро карда, аз нодиртарин манбаъҳо ба шумор меравад. Дар ин асари гаронбаҳо фаъолияти амирони Сомонӣ, ҳокимони Фазнавӣ ва қисман таърихи давлати Қарахониҳо шарҳу эъзоҳ ёфтаанд.

Дар танвири таърихи ҳукмронии Маҳмуди Фазнавӣ, омӯзиши ходисоту воқеоти он айём донишмандони баъд голибан аз нигоштаҳои Утбӣ ба таври

фаровон истифода кардаанд. Масалан, китоби Абурайхони Берунӣ (баъд аз Утбӣ дар соли 440/1048 ҷашм аз олам пӯшидааст) «Таъриху айём-ис-султон Маҳмуд ва аҳбору абиҳӣ» ва китоби Абулғазли Байҳақӣ (вафотааш 470/1077), ки иборат аз 30 ҷилд буда, номи онро худи муаллиф «Таърихи Яминӣ» гузоштааст [1, 25; 4. 20].

Китоби Утбӣ бо бадеяти зебо, санъати саҷъи диловез, талаффузи марғуб ва аз нигоҳи ғановати санъатҳои дигари балоғат аз дигар асарҳои таърихии ҳамсони ҳуд фарқ мекунад ва бояд таъқид соҳт, ки айнан ҳамин чиз дарки асари мазкурро бамаротиб душвор кардааст. Лекин аз нигоҳи ғановати луғавӣ афзалияти бештаре қасб карда, асарро боз ҳам мумтоғтар ҷилва медиҳад. Ҳусусан, маҳорати нависандагии муаллиф ва услуби болиги ўз ҳар сатри он ҳувайдо гашта, ҳонандаро аз ҷаҳони рангин ва бойи адиб воқиф месозад. Ин аст, ки соҳиби китоби «Мифтоҳу-с-саодат» таърифи ўро ба ҷумлаи зайл ифода кардааст: «Аз услуби нависандагияш илоҷи ҳайрон нашудан нест». Боз дар ҷойи дигаре нигоштааст: «Ин китоб рамз-тимсоли балоғат ва фасоҳат аст» [6, 206- 208].

Ҳамин имтиёзи луғавии «Таърихи Яминӣ»- и Утбӣ дар асари Ибни Ҳалдун (соли вафотааш 681/1282) мавриди таваҷҷуҳ қарор гирифтааст [5. 179].

Ас-Субқӣ (соли вафотааш 771/1369) дар ин бора навиштааст: «Аҳолие, ки дар Хоразм ва атрофи он зиндагонӣ мекунад, завқ ва шавқи баланде, ки дар ин асар доранд, зиёдатар аст аз шавқе, ки аҳолии мо ба «Мақомоти Ҳарирӣ» доранд [5. 315].

Абулҳасан Алии ибни Байҳақӣ (соли вафотааш 565/1170), ки бо номи Ибни Фундуқ шуҳрат ёфта буд, онро тағсир кард ва «Машорибу-т-таҷориб ва ғаворибу-л-ғаройиб» ном китоби ҷаҳорчилда эҷод намуд.

Маҷдуддин Фазлуллоҳ ибни Абдулҳамиди Кирмонӣ (дар санаи 611/1214) ба он шарҳе имло кард. Инчунин Абумуҳаммад ал-Қосим ибни Ҳусайн ибни Муҳаммад ал-Хоразмӣ, ки соли (617/1120) вафот кардааст, онро шарҳ дод. Абуабдуллоҳ Ҳамидуддини Маҳмуд ибни Умари Наҷотӣ баъд аз мутолия кардани панҷ шарҳи «Ал-Яминӣ» шарҳе навишт ба номи «Басотину-л-ғузало ва раёҳину-л-уқало» ва онро соли 722/1322 ба итмом расонид.

Инчунин Алӣ ибни Муслехи Самъонии Кирмонӣ шарҳи «Яминӣ»-ро тасниф кард [12. Ҷ.6, саҳ.3].

Абушшараф Наҷибуддини Носеҳ ибни Зафар Ҷурпозиқонӣ дар соли 1205 милодӣ баъд аз кам кардани баъзе фаслҳояш онро ба форсӣ тарҷума кард. Баъд аз ин тарҷумон ин асарро як бори дигар низ тарҷума намуд. Пас тарҷумай дувуми китоб асоси тарҷумай он ба забони туркӣ қарор гирифт. Ҷ. Рейнолд соли 1858 милодӣ онро аз забони форсии тоҷикӣ ба англисӣ тарҷума кард.

Ин таърихи муҳим аз назари олимони тоҷик низ дур намонд ва онҳо ин китобро аз ҳатти ниёғон ба кирилӣ баргардониданд ва соли 2013 ба нашри он муввафқ шуданд.

Ҳарчанд услуби «Таърихи Яминӣ» душвор аст, аммо муаллиф тавонистааст мавзуи муҳимро тақдим қунад ва ҳақиқати таърихиро ба ҳалқ пешниҳод намояд. Ҳамин ҳақиқатнигории муаллиф буд, ки дар таҳқиқи замони Маҳмуди Фазнавӣ имрӯз олимон ин асарро чун маъҳази нодире мавриди истифода қарор медиҳанд.

Муаллифи «Табакоту-н-Носирӣ», ки соли 658/1260 вафот кардааст, барои китоби ҳуд «Таърихи Яминӣ»-ро манбаи асосӣ қарор дод [7.218].

«Таърихи Яминӣ» манбаи муҳим барои таҳқики «Девон»-и Абулфатҳи Бустӣ аст ва тарҷумаи ҳоли Бустиро гайр аз Утбӣ касе маҳфуз надоштааст. Онҳое, ки таърихи Бустиро баъди вай навиштаанд, такори сухани Утбист.

Мураттиби «Девони Мансур Саолибӣ» аз Утбӣ ҳашт асос ба даст меорад ва қисми муҳимтари «Девон»-и худро мутобиқ мекунад [8. 33, 41, 46, 64, 81, 114, 116, 134].

Ёкӯт (соли вафоташ 626/1229) дар навиштани «Муъчаму-л-булдон» дар баёни воқеаи Қусдор маълумотхоро аз «Ал-Яминӣ» истифода бурдааст [3. 353].

«Таърихи Яминӣ» аз сар то по ба услуби саҷъ навишта шуда, яқумин асарест, ки дар ҳамин сабк эҷод шуда, аз ҷиҳати услуби нағис ва латифаш муддати дарозе дар мобайни асарҳои ба ин жанр навишташуда мавқei алоҳидаеро ишғол кардааст. Асар дорои зинатҳои бадеии бисёр, ишораҳои нозук, шакл ва намудҳои риторикии фаровон, суханҳои маҷозӣ, ибораҳои латиф, тамсилҳои нағис дорад, ки дараҷаи фазл, маҳорати баланд, соҳиби дониши фароҳ будани муаллифро таъкид месозад, аммо аз ҷиҳати дигар барои ҳифзи қоғия кор фармуда шудани қалимаву ибораҳои дар истеъмол набуда дар роҳи фаҳмидани асли мақсад душвориҳо пеш овардаанд. Дар ҳақиқат мураккаб будани услуби «Таърихи Яминӣ» аз назари касе пинҳон намонда буд, бинобар ин, баъд аз навишта шудани асар вакти зиёде нагузашта, дар аввали асари XIII барои осон шудани фаҳмиши он тақозое пеш омад, ки шарҳҳои муфассал навишта шаванд. Аз манбаъҳо маълум мешаванд, ки асари «Таърихи Яминӣ» борҳо тафсир шудааст ва он ба ҳар забон сурат гирифта ва мо ҳоло дар бораи баъзе аз онҳо ишораҳо хоҳем кард.

Аввалин шарҳе, ки ба «Таърихи Яминӣ» нигоштаанд, аз ҷониби Маҷдуддини Кирмонӣ навишта шудааст. Олиме аз шаҳри Нишопур бо номи Ҳамидуддин Абуабдуллоҳ ибни Умарӣ Начотӣ ба асари Утбӣ шарҳе навишт ва онро «Басотину-л-ғузало ва раёҳину-л-уқало» номид ва соли 721/1321 дар Табрез ба поён расонид. Начотӣ дар муқаддимаи китобаш таъкид мекунад, ки ў баъд аз мутолиа кардани панҷ шарҳи «Таърихи Яминӣ» худ низ шарҳе менависад ва онро ба устодаш Қутбиддини Шерозӣ нишон медиҳад. Устод бо тафсири шогирди худ шинос мешавад ва онро меписандад.

«Фатҳу-л-Ваҳбӣ» дар солҳои 1731-1734 навишта шуда, дар байни тафосирӣ китоби Утбӣ арзишмандтарин ба шумор меравад ва он ба қалами суханшиноси номии араб шайх Аҳмади Манинӣ (1678-1759) мансуб аст.

Ал-Манинӣ дар китоби тафсирии худ аз дигар асарҳои шарҳии китоби Утбӣ истифода бурда, худ як тафсири мукаммал оғаридааст ва аз кулли маълумот оид ба илмҳои ҷуғрофия ва таърихи замони худ истифода кардааст. Боз илова бояд кард, ки Манинӣ ҳодисаҳои вобаста ба таърихи мулук ва мардуми Моваро-уннаҳру Хурросонро басо устодона корбаст намудааст. Ин ҷиҳати асар мартабаи шарҳи Маниниро боз ҳам бештар гардонда, арзиши онро боло бурдааст.

Манинӣ дар ин шарҳ баробари батафсил оварданӣ номҳои ҳар як шаҳс ва маконҳо қоидаҳои ғрамматикӣ, балоғат ва фасоҳати онҳоро низ баён мекунад. Бо ин кор маҳорати худро дар илми балоғат ва фасоҳат намоён месозад.

Хулоса, «Таърихи Яминӣ» маъҳази хубе барои муарриҳон ҳисоб меёбад ва барои фаҳмидани он шарҳи Манинӣ беҳтарин шарҳ ҳисоб меёбад ва ба эътирофи аҳли донишмандони ҷаҳон мушарраф гардидааст.

1. Ал-Байҳақӣ Абубакр Аҳмад ибн Ҳусайн ибн Алӣ ибн Абдуллоҳ ибн Мӯсо. Шаъбу-л-имон. Бейрут: Дор-л-кутуби-л-илмия. 1989.
2. Ас-Субкӣ Точуддин Абунаср Абдулахҳоб ибн Алӣ ибн Абдулкофӣ. Табақоту-ш-шофиияти-л-кубро. Дору эҳёу-л-кутуби-л-арабия. Бидуни соли нашр.
3. Абубалдоҳо Ёқут Ҳамавӣ. Муъчаму-л-удабо. Бейрут, Дору-л-кутуб ал- илмия, 1991.
4. Ибни Фундук Абулҳасан Алӣ ибн Абулқосим Байҳақӣ. Таърихи Байҳақ, Техрон. 1334 х.
5. Ибни Ҳалдун Абулаббос Шамсиддин Аҳмад ибн Абубакр. Вафияту-л-аъён ва анбоу-з-замон. Бейрут, Дор-с-сафофа. 1989.
6. Тош Куброзода Аҳмад ибн Мустафо. Миғтоҳу-с-саодат ва мисбоҳу-с-сиёда. Дору-л- кутуби-л-илмия. Бидуни соли нашр.
7. Қозӣ Абуарм Минҳоҷиддин Усмон ибни Сироҷиддин Муҳаммад Ҷучонӣ машҳур ба Минҳоҷ Сироҷ. Табақоту Носирӣ. Техрон. 1944.
8. Ас-Саолиб Абумансур Абдулмалик ибни Муҳаммад ибни Исмоили Нишобурӣ. Дивону-с-Саолиб. Техрон, 1988.

КИТОБИ «ТАЪРИХИ ЯМИНИЙ» ВА ШАРҲХОИ ОН

Дар ин мақола муаллиф дар бораи рисолаи Утбӣ «Таърихи Яминӣ» ва тафсирҳои он маълумоти муҳтасар медиҳад. Ин рисола дар тасвири воеа ва ҳодисаҳое, ки дар асрҳои IX-XI дар Мовароуннаҳру Ҳурӯсон ба вуқӯъ пайвастаанд, аз нодиртарин манбаъҳо ба шумор меравад.

Калидвожаҳо: Утбӣ, Манини, Яминӣ, фасоҳат, балғат, лафзи нашри мураттаб.

КНИГА «ИСТОРИЯ ЯМИНИ» И КОММЕНТАРИИ К НЕЙ

В данной статье автор предоставляет краткую информацию о трактате Утби «История Ямини» и его интерпретациях. Статья включает в себя обзор данного трактата и его интерпретаций, выделяя его редкую ценность в качестве источника о событиях IX-XI веков в Мавераннахре и Хорасане. Автор описывает основное содержание и ключевые темы трактата, такие как красноречие, зрелость и дословное издание. Утби в своем произведении предлагает уникальный взгляд на исторические события и происшествия того времени.

Статья также подчеркивает важность трактата в контексте исследований истории региона, поднимая вопросы релевантности и актуальности его содержания для современных исследований. Эта работа призвана служить ориентиром для исследователей и студентов, предоставляя краткое введение в «Историю Ямини» и подчеркивая его значение в изучении истории и культуры региона.

Ключевые слова: Утби, Манини, Ямини, красноречие, зрелость, дословное издание.

BOOK «THE HISTORY OF YAMIN» AND COMMENTARIES TO IT

In this article, the author provides a brief overview of Utbi's treatise «History of Yamini» and its interpretations. The article encompasses a review of this treatise and its interpretations, highlighting its rare value as a source on events in the 9th to 11th centuries in Mawarannahr and Khurasan. The author describes the main content and key themes of the treatise, such as eloquence, maturity, and literal publication. Utbi, in his work, offers a unique perspective on historical events and occurrences of that time.

The article also emphasizes the importance of the treatise in the context of regional history research, raising questions about the relevance and significance of its content for contemporary studies. This work aims to serve as a guide for researchers and students, providing a brief introduction to «History of Yamini» and highlighting its importance in the study of the history and culture of the region.

Keywords: Utbi, Manini, Yamini, eloquence, maturity, verbatim edition.

Сведения об авторе: А. Абдуллоев – соискатель Международного научно-исследовательского центра им. Имама Тирмизи.

Information about the author: A. Abdulloev – applicant-chair of the International Research Center named after Imam Tirmizi.

УДК 677.012.3:94 (581.6)"19/20"

ТЕКСТИЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАДЖИКОВ АФГАНИСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ

ИБРОХИМОВ М.Ф., СОХИБНАЗАРОВ М.Д.,
Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ

Таджикское население Афганистана является составной частью этого народа, которое волею судьбы и по результатам англо - русского разграничения 1895 года оказалось разъединенным от своих братьев – жителей правого берега Пянджа. Сегодня в Афганистане наиболее крупная территория плотного заселения таджиков находится на северо-востоке этой страны и граничит со всеми районами Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Она включает такие области Афганистана, как Бадахшан, Тохар, Баглан, Парван, Бамиан, Панджшер, Каписа, Кабул, Вардак, Газни. Кроме того, этот народ составляет большинство населения в областях Балх, Кундуз, Саманган, Сари-Пуль, Гор, Герат. Большие группы таджикского населения также проживают и в других областях страны, за исключением нескольких восточных провинций. Вместе с тем, следует признать, что области, плотно заселенные таджиками, находятся в территориальном разобщении (между ними проходят территории заселения других народов). Другой фактор разобщения – существование пустынных земель. В этой стране так как переписи населения не проводятся, определение численности как жителей в целом, так и отдельных этнических групп, невозможно. По приблизительным данным, таджикское население Афганистана сегодня оценивается в количестве от 10 до 23 млн. чел., что составляет от 43 до 56 % всех жителей страны.

История материальной культуры таджикского населения Афганистана представлена выдающимися памятниками античности и раннего средневековья: Айханум (II в. до н.э., в Тахоре), могильник безымянных царей в Тиллятепе (в провинции Джаузджан, I в. до н.э. – I в. н.э.), Дильварзинтепе (I в. до н.э. – I в. н.э.) и Сурх-Кутал (южнее Пули Хумри, I в. до н.э. – I в. н.э.) и др. В многочисленных замечательных памятниках архитектуры отражена культура мусульманского периода этого народа: мечеть Нуҳгунбаз (Балх, IX-X вв.), башня в Газни (XI в.), минарет в Джаме (конец XII в.), мечеть в Балхе (XV в.) и др.

Богатыми традициями характеризуется и производительная деятельность таджиков – жителей Афганистана, в том числе в различных областях ремесла. Это касается, в частности, текстильного производства, которое в конце XIX – начале XX вв., естественно, все еще носило кустарный характер.

В контексте рассматриваемой темы, интересные данные по текстильным промыслам населения Северо-Восточного Афганистана содержатся в «Путеводителе по Каттагану и Бадахшану», составленного Бурхан-уд-Дин-хана Кушкеки по сведениям, собранным афганским военным министром Мухаммед-Надир-ханом в 1923 г.

Как следует из текста указанного источника, практически на всей территории Афганистана текстильной обработкой хлопка занималось именно таджикское население. В Балхе (Кундузе) и его провинциях Ханабад, Гури и Имам-Сахиб, багланских провинциях Андераб, Хост, Фаранг и Хенджан, таликанских уездах Гульфеган, Пархар и Верседж из местного хлопка они вырабатывали простейшую ткань *карбос* и полосатые материи. Местные таджики (например, в Андерабе) также занимались обработкой шерсти, изготавливая «свои национальные шерстяные ткани», хотя в пределах этих областей изготовление шерстяных изделий, преимущественно, было занятием других народов с более развитым скотоводством. Речь идет, в первую очередь, о хазарейцах, а также туркменах и киргизах (в Имам-Сахибе).,

Такую картину распространения текстильного производства можно было наблюдать и по всей окрестности афганского Файзабада (провинции Кишм, Джирам, Рустак, Чахи-Аб, Аргу, Шахри-Бузург, Яфтель, Куран, Анджумен, Мунджен и др.), где хлопкоткачеством занимались исключительно таджики [3, 23-148].

По словам Б. Кушеки, среди населения левобережного Дарваза особенно распространенными ремеслами были именно текстильные промыслы (ткачество материей *барак*, *карбос*, *алоча*, выделывание паласов и вязание чулок). Он утверждает, что здесь ткачество из хлопка (*карбос* и *алоча*) было занятием женщин, а мужским промыслом считалось шерстоткачество, хотя прядение и подготовка основы из шерстяной пряжи все же входило в обязанности женщин [3, 24-212]. Заметим, что это сообщение Б. Кушеки об отношении женщин к хлопкоткачеству разнится с наблюдениями А.А. Семенова, отметившего, что в Карагено-Дарвазской зоне прядением хлопка занимались женщины, а мужчины - ткали.

Из материалов указанного сочинения следует, что практически во всех населенных таджиками городах и селах этого края (Бадахшан, Тахор, Кундуз, Баглан и др.) ткачество было наиболее распространенным занятием. К примеру, в Ханабаде, Гури, багланских провинциях Андераб, Хост, Фаренг и Хенджан, Кундузе и его провинции Имам-Сахиб, талеканских уездах Гульфеган, Пархар и Верседж таджики из местного хлопка вырабатывали ткани *карбос* и *алоча*. А андерабские таджики к тому же ткали «свои национальные шерстяные ткани». Фаренг славился также изготовлением веретен.

В гурийской деревне Доши выпускали тонкую шерстяную материю *кампал* наподобие паласа, декорированного цветными поперечными полосками. В такую материю местное население укутывалось как в плащ. Лучшие образцы этой продукции вывозились в Индию, Персию и Русский Туркестан, где охотно покупались в качестве «афганских одеял». У русских она применялась для занавесей и покрытий на тахту.

В афганской провинции Бадахшан производили, в основном, хлопчатобумажную материю *нахи*, которая была распространена по всему краю, а в горных местностях выделявали исключительно шерстяные ткани. Среди населения Джурма, волости, входящей в Файзабад (административный центр афганского Бадахшана), состоявшего преимущественно из таджиков, было распространено производство материи *карбос* из привозного хлопка. Жители файзабадской провинции Рог, населенной таджиками, ткали из хлопка материи *карбос* и *алоча*. Мужчины носили

тюрбан из кисеи *малмал*, однако о местном производстве кисеи автор не сообщает. Заметим также, что одно из селений Файзабада славилось материей *алоча* местной выделки, что следует из его названия (*Дехи Алочабофон*).

В приречных районах Рустака и в Чахи-Абе население занималось тканьем материей *карбос* и *алоча*, которые по качеству превосходили произведения ткачей из Каттагана, причем, особой славой пользовалась рустакская *алоча*. А в уезде Аргу и местности Шахри-Бузург (севернее Файзабада), женщины ткали *карбос*, шерстяную материю *кокма*, грубые сукна для халатов, делали кошмы, мешки, попоны и подпруги. Жители Яфтеля, сплошь таджики, из получаемой от скота шерсти умели изготавливать всякого рода шерстяные изделия, пишет Кушкеки, перечисляя опять же подпруги, мешки и паласы.

Б. Кушкеки отмечает также, что в уездах Куран, Анджумен и Мунджен, населенных таджиками, женщины пряли из шерсти, а мужчины из этих нитей ткали шерстянную ткань средней толщины *барак*, которая представляла собой сукно того или иного цвета с приятным мягким ворсом. Причем, *барак* мундженской выделки считалась в округе наилучшей. В Мунджене занимались, кроме того, изготовлением паласов [3, 24-212].

Следует заметить, что выделкой армячина горные таджики занимались издавна. На территории Бадахшана в XVII в. из ткани под названием «рагза» шили одежду *пату* [6, 70; 7, 402]. Исследователь Т.Н. Томина зафиксировала производство сукна у таджиков долины Панджшер [10, 235-236].

По материалам Н.И. Вавилова, собранного в ходе экспедиции от 1924 г., в Афганистане шерстоткачество имело большее значение, чем изготовление тканей из хлопка, которые по большей части доставлялись сюда из Индии. Одежду из хлопчатобумажной «самотканки» *карбос* носило лишь беднейшее население. Сравнивая с известными хазарейскими домотканинами и сукнами Кафиристана, он отмечает, что горные таджики Кухистана и Бадахшана производили бурого цвета более легкие и более грубые сукна. Эти сукна отличались малой плотностью, узкостью, из них шили халаты, шапки чиральского образца, штаны и др. Ткачество осуществлялось на примитивных безремизных станках [4, 195-196].

По свидетельству А. Гамильтона, в Герате и его окрестностях занимались обработкой шелка и шерсти из местного текстильного сырья, а также ковроткачеством, хотя по причине общего безденежья населения сбыт изготовленных изделий, особенно ковров, был крайне ограничен. Шелкоткачество было распространено также в Кабуле. В своем сочинении А. Гамильтон перечислил основные виды шелковых материй, которые в первые годы XX в. вырабатывались жителями Герата и Кабула. По его словам, они изготавливали одноцветные шелковые материи, называемые *канаваз*, красные, желтые и пурпуровые *дурахи* низкого качества, более узкие *суга ханми* разной ширины с перекрещивающимися белыми линиями на красном фоне, черные и красные с белыми пятнами женские платки и банные простыни *лунгии хамом* [5, 23, 152].

Другую область развитой ремесленной деятельности таджиков Афганистана составляло вязание. Широкое распространение вязания в горных районах было обусловлено, прежде всего, природно-климатическими условиями. Теплые шер-

стяные вязаные изделия (шарфы и рукавицы, головные платки и колпаки, джемпе-ра и, особенно, чулки и носки) позволяли горцам защитить тело от холодов [8, 49].

Инструментами для кустарного вязания служили спицы и крючки, которые назывались одинаково - сих. Спицы делали из веток разных пород деревьев – ивы, ветлы, вербы, горной древесины и др. Крючки были медными и серебряными. Кончики деревянных спиц для удобства работы обжигали. По М.С. Андрееву, вязание крючком обозначалось термином «яксиха» («на одной спице») [1, 249].

А.А. Семенов выразил свое искреннее восхищение тем, что таджикская женщина умудряется за 3-4 дня связать на трех прутиках пару чулок с «поразительным разнообразием рисунка» [9, 61]. А.А. Бобринской пишет, что на крючке выделявали джурабы кашмирского типа - с двойным верхом. Особенность кашмирской техники, по его словам, – выведение более длинных петель с меньшей натяжкой, хотя чулки получались плотными и прочными [2, 84].

Вязкой узорчатых чулок занимались во всех районах сопредельной с таджикским Бадахшаном территории современного Афганистана. Горцы повсеместно в технике петлеобразования изготавливали шерстяные рукавицы, носки, чулки, шарфы, шапки-колпаки. В прошлом производство теплых вязаных изделий по объемам производства не уступало шерстоткачеству. Их характерная особенность – наличие пестрых красок и богатого орнамента. В орнаментальных мотивах встречаются элементы древнеарийской символики, такие как крест, свастика, солнце. Кроме них на чулках можно было встретить стилизованные рисунки растений, огня, глаза, скорпиона, змеи, птиц, павлиньих перьев, следов птиц и животных и др. В пределах афганского Файзабада чулки вязали в Вардудже, Зардиве, Саргилане, Имгоне, Роге и некоторых других селениях [3, 88].

Таким образом, таджики Афганистана в отношении ремесленной деятельности вправе гордиться своим достойным прошлым. Их славные достижения и традиции достаточно ярко прослеживаются, в частности, в области текстильного производства. Приведенный материал отражает трудолюбие этого народа, способности, желание усовершенствовать работу, перенимать лучшие приемы и инструменты, подражать хорошим образцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 2. - Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии, 1958. – 520 с.
2. Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А. Бобринского. – М., 1908. – 150 с.
3. Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения (пер. с перс.). - Ташкент, 1926. – 248 с.
4. Вавилов Н.И. Земледельческий Афганистан. – М.-Л., 1959. – 415 с.
5. Гамильтон А. Афганистан (Гератская и Кандагарская провинции). – СПб, 1908. – 334 с.
6. Мухаммадхусайн Бурхон. Бурхони коте' (перс.). – Т. 2. - Душанбе: Адиб, 2004. – 424 с.
7. Писарчик А.К. Примечания и дополнения...//Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), - Сталинабад, 1958. – Вып. 2. - С. 277-486.
8. Садикова С.А. История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2022. – 165 с.

9. Семенов А.А. Этнографические очерки Заразанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903. – 131 с.
10. Томина Т.Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М.: Наука, 1989. – С. 228-252.

ТЕКСТИЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАДЖИКОВ АФГАНИСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ

В данной статье проведено исследование текстильной деятельности таджиков в Афганистане в конце XIX – начале XX веков, основываясь на письменных источниках. Авторы обращают внимание на географическое распространение текстильных про- мыслов среди таджикского населения Афганистана, выделяя основные виды производимых тканей и вязаных изделий, а также центры их изготовления.

Основное внимание уделяется трудолюбию таджикского народа, их способности усовершенствовать свою работу, а также готовности перенимать лучшие приемы и инструменты, следуя хорошим образцам. Авторы подчеркивают важность традиций и достижений таджиков в области ремесленной деятельности, особенно в текстильном производстве.

В заключении статьи делается вывод о том, что таджики Афганистана имеют основание гордиться своим блестящим прошлым в ремесленной деятельности. Их традиции и достижения, особенно в текстильном производстве, четко прослеживаются и продолжают вносить вклад в богатство культурного наследия этого народа.

Ключевые слова: *Афганистан, таджики, материальная культура, ремесло, текстильная деятельность, ткачество, вязание.*

ФАҶОЛИЯТИ НАССОЧИИ ТОЧИКОНИ АФГОНИСТОН ДАР ОХИРИ АСРИ XIX – ИБТИДОИ АСРИ XX

Дар мақола бо истифода аз маводи сарчашмаҳои хаттӣ масъалаи марбут ба паҳн гардидан хунарҳои нассочӣ дар байни тоҷикон - сокинони Афғонистон баррасӣ карда шудааст. Намудҳои асосии матоъҳо ва маснуоти кешбоғии истеҳсолшаванд, инчунин марказҳои асосии истеҳсоли онҳо дар охири асри XIX – ибтидиои асри XX номбар карда шудаанд. Бо меҳнатдӯстӣ, ҳоҳиши такмил додани кор, азҳуд кардани восита ва асбобу олоти беҳтарин, тақлид кардани намунаҳои хуб, ки хоси ин ҳалқ мебошад, дикқат ҷалб карда шудааст.

Муаллифон натиҷагирий мекунад, ки тоҷикони Афғонистон дар муносабат ба фаъолияти хунармандӣ метавонанд бо гузаштаи шоистаи худ ифтихор кунанд. Дастровардҳои маъруф ва анъанаҳои хунармандии онҳо, аз ҷумла, дар соҳаи истеҳсолоти нассочӣ, хеле назаррас ба мушоҳида мерасанд.

Калидвозжаҳо: *Афғонистон, тоҷикон, фарҳанги моддӣ, ҳунармандӣ, фаъолияти нассочӣ, боғандагӣ, кешбоғӣ.*

TEXTILE ACTIVITY OF THE TAJIKS OF AFGHANISTAN IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

This article delves into the textile activities of Tajiks in Afghanistan during the late XIX to early XX centuries, drawing from written sources. The authors explore the geographical distribution of textile trades among the Tajik population in Afghanistan, identifying the main types of fabrics and knitted products, as well as the centers of their production.

The focus of the study lies on the industrious efforts of the Tajik people, their capacity to enhance their work, and their readiness to adopt superior techniques and tools by emulating positive examples. The authors highlight the significance of traditions and achievements of Tajiks in the realm of handicrafts, particularly in textile production.

The article concludes that the Tajiks in Afghanistan have valid reasons to take pride in their illustrious past in the domain of handicrafts. The enduring traditions and achievements, notably in textile production, are evidently visible and continue to enrich the cultural heritage of this nation.

Key words: *Afghanistan, Tajiks, material culture, handicraft, textile activity, weaving, knitting.*

Маълумот дар боран муаллифон: Иброхимов Муродали Файзалиевич - ходими калони илмии шуъбай таърихи санъати Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ, доктори илмҳои таърих. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 2217247.

Сохибназаров Мирзоназар Давлатович – номзади илмҳои таърих, мудири кафедраи дизайнни либос ва санъати мӯди Дошишгоҳи технологии Тоҷикистон. Тел. 927792043. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru

Information about the authors: Ibrohimov Murodali Fayzalievich - Senior Researcher of the Department of Art History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences. E-mail: murodali_f@list.ru, тел. 2217247.

Sohibnazarov Mirzonazar Davlatovich - Candidate of Historical Sciences, Head. Department of Costume Design and Fashion Art of the Technological University of Tajikistan. Tel. 927792043. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru

УДК 396 (575.22)"1970/1980": 331.108.2

ВКЛАД ЖЕНЩИН - РЕМЕСЛЕННИЦ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО - КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАДЖИКИСТАНА В 70-80-Е ГГ. XX ВЕКА

ХОШИМОВА Ш.Ф.,

Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова

В Таджикистане в 70 - 80-е годы XX века мастерицы активно участвовали в развитии народных промыслов. Они внесли значительный вклад в развитие и сохранение традиций и художественного наследия. Ремесленницы *чевар*, *хунарзан* не только выполняли роль работников в народных промыслах, но также играли важную роль в организации и управлении производственными объединениями и кооперативами. Они участвовали в принятии решений, планировании производства, распределении ресурсов и продвижении продукции на рынке [2,43].

Многие женщины Таджикистана получали специальное образование и обучение в области народных промыслов. Они осваивали техники вышивки, плетения,

ткачества и других ремесел, что позволяло им создавать высококачественные изделия с уникальным дизайном и орнаментом. По своим функциональным и художественным качествам, например, выделяется керамика долины рек Оби - Ноу, Ях-су, Дастиджума и Файзабада. В Карагине производят посуду с налепами (*частон*) красного и тёмно-бурого цвета с бусинами вокруг горда, на широких плоских ручках - обереги. В Гумбулаке, недалеко от столицы Душанбе, предпочитают тёмно-вишневую и белую раскраску. В этот период стали известны имена таких гончарниц лепной керамики, как Досаковой Сатторы из Кулляба, Ёровой Раджабмох и Холиковой Сафарбегим из Дастиджума, Сулаймоновой Гадобегим из деха Устошамс, Сулаймоновой Галатмох из Гумбулака Файзабадского района и многих других. Керамика на редкость удачно представлена традиционной гумбулакской утварью З. Рахимовой, душанбинки М. Кадыровой и многих других таджикских мастеров [5,82].

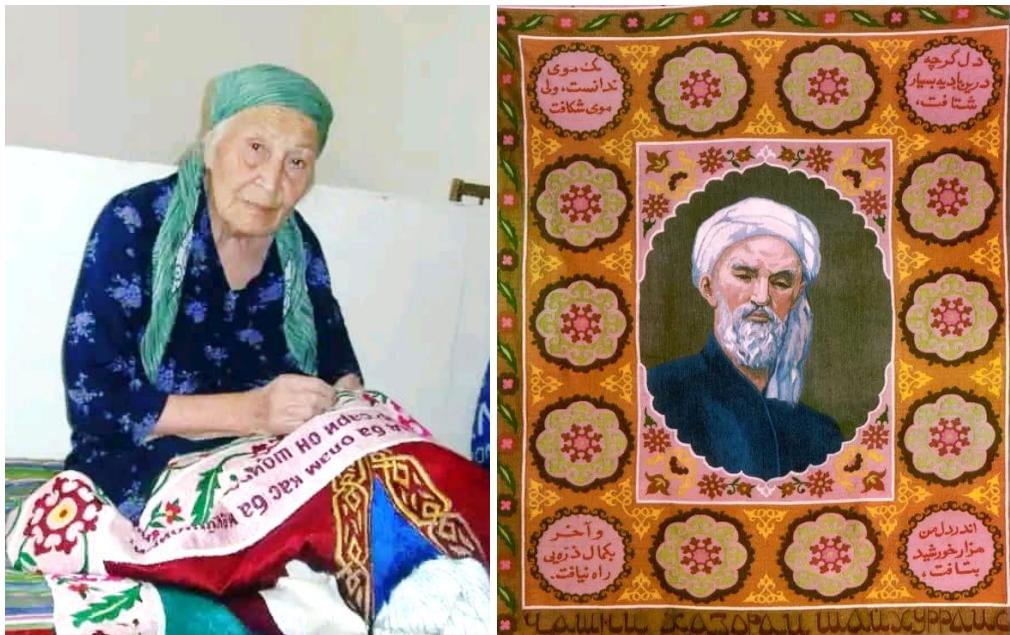
Женщины занимались производством текстильных изделий, ковров, керамики, вышивки и других народных промыслов, которые не только удовлетворяли потребности местного населения, но и продавались на рынках городов и экспорттировались в другие регионы. Их участие в развитии народных промыслов в сельских районах способствовало повышению уровня занятости, созданию дополнительных источников дохода и сокращению миграции населения в города. Это было особенно значимо в контексте тех времен, когда сельское хозяйство играло важную роль в экономике Таджикистана.

Необходимо вспомнить изделия золотистые *зардузи* тюбетейки, камзолы, халаты мастерицы Ахоровой Бахшиды из Душанбе, джурабы Заирова Мохон из Бадахшана [14, 28].

Мастерицы имели возможность не только быть исполнителями, но и становиться активными участниками всего процесса развития народных промыслов. Развитие народных промыслов способствовало созданию новых рабочих мест для женщин и повышению их социального статуса. Женщины стали получать возможность заработка и финансовой независимости, а также проявлять свои таланты и креативность в процессе производства [4,13]. Это имело положительное влияние на их самооценку и общественное признание. Кроме того, развитие народных промыслов способствовало сохранению традиционных ремесленных технологий и культурного наследия Таджикистана. Женщины передавали свои навыки и знания из поколения в поколение, сохранив уникальные традиции и мастерство.

В 70-80-е годы XX века мастерицы *чевар*, *хунарманд* не только активно участвовали в производстве народных промыслов, но и играли роль в организации и распространении произведенных ими изделий. Они были вовлечены в маркетинг и продвижение продукции на рынке, участвовали в ярмарках, выставках и специализированных событиях. Благодаря их усилиям, изделия народных промыслов Таджикистана стали более доступными для широкой аудитории, как внутри страны, так и за ее пределами. Женщины также играли важную роль в передаче навыков и знаний молодому поколению [1,34]. Они были культурными наставниками, обучали своих дочерей и других женщин ремесленным техникам и традициям. Это помогло сохранить и продолжить уникальное мастерство и культурное наследие Таджикистана на протяжении поколений.

Одним из заметных достижений женщин в развитии народных промыслов в этот период было создание коллективных производственных объединений и кооперативов. Женщины объединялись, чтобы совместно работать, обмениваться опытом и ресурсами, а также повышать свою экономическую самостоятельность. Это позволило им укрепить свои позиции на рынке и получить доступ к новым возможностям и поддержке со стороны государства.

**Зульфия БАХРИДДИНОВА Вышивка Зульфии Бахриддиновой,
За вышиванием фотографии посвященная 1000-летию
Абу Абдуллы Рудаки [7,121]. Шейх Саадий Шерози.**

Ремесленницы вместе разрабатывали планы деятельности, обменивались опытом и ресурсами, а также принимали участие в принятии важных решений. Такие объединения предоставляли им дополнительную поддержку и возможность укрепить свое экономическое положение. Вместе с этим существовала практика надомного труда.

Следует отметить, что роль женщин в развитии народных промыслов не ограничивалась только их экономическим вкладом. Они также играли важную социальную роль, способствуя укреплению семейных ценностей, передаче культурных традиций и созданию сообщества, объединенного общими интересами и целями. Многие изделия, созданные женщинами того времени, стали национальными сокровищами и предметами гордости Таджикистана. Они олицетворяют богатство и красоту национальной культуры и продолжают быть востребованными как внутри страны, так и за ее пределами.

Важную роль в развитии ремесел сыграла Народный художник Таджикистана Бахритдина Зульфия из Худжанда. Она одна из первых стала вышивать сузани,

декоративные панно с портретными изображениями. Вышивальщица организовала собственную школу, где по традиционной системе *устод-шогирд* обучала молодых девушек особой технике вышивки. Зульфия Бахриддинова, одна из самых известных мастериц рукоделия в Худжанде, прославившаяся в мире, эта искусная таджикская рукодельница выразила все свои чувства, печали, мечты и мнения о природе и роли рукоделия, несмотря на все это она умела создавать очень замечательные картины в своих удивительно богатых картинах и декорациях о человеческой жизни. Основу таджикского декора составляют живые фигуры, в основном людей и животных: журавль, птичья лапа, ворона, воробей и др. [7, 34].

Развитие народных промыслов способствовало привлечению туристов и популяризации культурного наследия Таджикистана на международном уровне. Активное участие мастериц в экономическом развитии страны содействовало увеличению дохода семей, укреплению общественных связей, созданию новых рабочих мест, увеличению доходов и улучшению качества жизни в регионах. Женщины также активно участвовали в организации местных ярмарок, выставок и фестивалей, где продукция народных промыслов демонстрировалась и продавалась. Это позволяло не только расширить рынок сбыта, но и привлечь внимание культурных и туристических организаций, что способствовало привлечению инвестиций и развитию этой отрасли [3,14].

Важно отметить, что эти достижения были возможны благодаря совместным усилиям женщин и поддержке государственных и общественных организаций. Государство внедряло программы поддержки, предоставляло финансирование и создавало условия для развития народных промыслов, а также обеспечивало доступ к образованию и профессиональной подготовке.

Таким образом, в период с 70-х по 80-е годы XX века женщины Таджикистана сыграли важную роль в развитии народных промыслов. Их активное участие в различных аспектах народных промыслов, включая производство, организацию, распространение и сохранение культурного наследия, сделало их неотъемлемой частью этой сферы [13,45].

Женщины-ремесленницы в то время сталкивались с рядом вызовов и ограничений, связанных с социальными нормами и гендерными ролями, а также доступом к ресурсам и возможностям развития. Тогда все еще существовали определенные социальные и культурные ограничения для женщин. Они сталкивались с дополнительными трудностями, такими как балансирование между семейной жизнью и работой, ограниченный доступ к образованию и возможностям карьерного роста. Достаточно вспомнить, что среди членов союза художников Таджикистана больше было мужчин- ремесленников, чем мастериц [6].

Несмотря на эти сложности, ремесленницы смогли преодолеть препятствия и внести значительный вклад в развитие народных промыслов. Это свидетельствует об их решимости, настойчивости и таланте.

Сегодня женщины продолжают играть важную роль в развитии народных промыслов Таджикистана. Они активно участвуют в создании уникальных изделий, используя традиционные техники и материалы, а также применяя современные инновации. Женщины-ремесленницы организуются в кооперативы, объединения и

ассоциации, где они совместно разрабатывают новые дизайны, улучшают качество продукции и привлекают новые рынки сбыта.

Государство и общественные организации продолжают поддерживать женщин-ремесленниц, предоставляя финансирование, обучение и консультации. Это позволяет им развивать свое мастерство, повышать уровень квалификации и расширять свои возможности в сфере народных промыслов. Уникальность и оригинальность ремесленных изделий привлекают внимание и вызывают интерес как коллекционеров, так и людей, ценящих уникальность и ручную работу. Кроме того, существуют программы и проекты, которые способствуют развитию навыков и знаний женщин в области народных промыслов. Организации и образовательные учреждения предлагают тренинги, мастер-классы и курсы по ремеслам, что помогает укрепить профессиональные навыки и повысить качество продукции.

Следует отметить, что женщины-ремесленницы сталкиваются с рядом вызовов и препятствий, таких как ограниченный доступ к финансированию, организационным ресурсам и рынкам сбыта. Поэтому поддержка правительства, местных органов власти и международных организаций является важной составляющей успешного развития народных промыслов и эмансипации женщин в этой сфере. Промыслов имеет не только экономическое и культурное значение, но и социальное значение. Однако, несмотря на достигнутые успехи, еще остается много работы для улучшения условий работы и развития женщин-ремесленниц. Необходимо обеспечить им доступ к образованию, профессиональному обучению и финансовым ресурсам, чтобы они могли расширить свои навыки и возможности, а также улучшить маркетинговые и предпринимательские навыки. Также важно проводить информационные кампании и мероприятия, направленные на популяризацию народных промыслов и повышение осведомленности о роли женщин в этой сфере. Это поможет создать больше возможностей для продвижения продукции и привлечения новых рынков сбыта.

Прежде всего, важно создать благоприятную и поддерживающую среду для женщин-ремесленниц, предоставляя им доступ к финансированию, кредитам и грантам, которые помогут им расширить и модернизировать свое производство. Это также включает обеспечение доступа к современным технологиям, обучению и консультациям по управлению бизнесом, маркетингу и продвижению продукции. Другим важным аспектом является создание сетей и платформ для обмена опытом и знаниями между женщинами-ремесленницами, а также сотрудничества с дизайнерами, брендами и международными партнерами. Это поможет им расширить свои рынки сбыта и привлечь новых клиентов.

Совместные проекты и колаборации также способствуют инновациям и созданию новых продуктов, которые будут привлекательны для современного рынка. Более широкая государственная поддержка и регулятивные меры также необходимы для защиты прав и интересов женщин-ремесленниц. Это может включать создание специальных правовых и финансовых механизмов, которые обеспечат им защиту от недобросовестной конкуренции, поддержку в области патентов и авторских прав, а также доступ к социальным программам и услугам.

Важно также повышать осведомленность и признание общественности о важности и ценности народных промыслов и вкладе женщин в эту сферу. Это может

быть достигнуто через организацию выставок, ярмарок и культурных мероприятий, а также путем включения народных промыслов в туристические маршруты и программы.

Роль женщин Таджикистана в развитии народных промыслов имеет огромное значение для сохранения культурного наследия и развития экономики страны. Свой важный вклад в развитие народной культуры таджиков внесли женщины - ремесленницы, которые трудились в 70-80-е гг. XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Мирзоева Дж. Традиционные промыслы Таджикистана. -Душанбе: «Дониш», 1990. (Mirzoeva, Dzh. Traditsionnye promysly Tadzhikistana. Dushanbe: «Donish», 1990). -56 с.
- 2.Исмаилов Р. Традиционные народные промыслы Таджикистана. -Душанбе: Таджикгосиздат, 1985. (Ismailov R. Traditsionnye narodnye promysly Tadzhikistana. Dushanbe: Tajikgosizdat, 1985). -130 с.
3. Содиков А. Мастера женщин Таджикистана. -Душанбе: «Ирфон», 1988. (Sodikov, A. Mastera zhegshin' Tadzhikistana. Dushanbe: «Irfon», 1988). -90 с.
- 4.Абдуллоева Г. Керамика Таджикистана. -Душанбе: Таджикгосиздат, 1983. (Abdulloeva, G. Keramika. -70 с.
5. Народное искусство Таджикистана. (Традиционные ремесла и промыслы)/ Рук. проекта Р.М. Масов, редактор Лариса Додхудоева Составители: Рахим Масов, Нелли Юнусова, Лариса Додхудоева. –Душанбе, 2011. – 317 с.
6. Додхудоева Л.Н. Семейные династии ремесленников Таджикистана в контексте модернизации и сохранения традиционных ценностей//«Антропология семьи: исторические социально - экономические и биологические аспекты исследований»: материалы Международной конференции, (Минск, 26-30 июня 2017 г.). – Минск, 2018. -56 с.
7. Хуршеди Содиқ. Сехри сӯзаниҳои Зулфия. -Хучанд, 1990. – 210 с.
- 8.Сухарева О.А. Ходжентская сузанӣ //Этнография Таджикистана, -Душанбе. 1985. - 29с
9. Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана//История и этнография народов Средней Азии (сборник статей). -Душанбе: Дониш, 1981. -129 с.
10. Гулдӯзии тоҷикӣ. Дар зери таҳрири Н. Нурҷонов. – М.: Искусство, 1979. – 120 с.
11. Муҳаммадова Р. Сехри сӯзану ришта//Нилуфар. №11. 07.03. 2002.
13. Ҳижняк Ю.Н. Нақшу нигори тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 66 с
- 14.Винокурова М.П. Ткани из замка на горе Муг//Известия АН Тадж. ССР. -1957. -№14. -С.27-32.

САҲМИ ЗАНОНИ ҲУНАРМАНДИ ТОҶИКИСТОН ДАР РУШДИ ҲУНАРҲОИ МАРДУМӢ ДАР СОЛҲОИ 70-80 -УМИ АСРИ XX

Яке аз комёбихои барҷастаи занон дар инкишофи ҳунарҳои мардумӣ дар ин давра ташкил ёфтани иттиҳодияҳои истеҳсолии колективӣ ва кооперативӣ мебошад. Занҳо барои якҷоя кор кардан, мубодилаи таҷриба ва заҳираҳо, баланд бардоштани вазъи иқтисодию иҷтимоии худ гирди ҳам меомаданд. Ин ба онҳо имкон медод, ки мавқеи худро дар бозор таҳқим бахшида, ба имконоти нав ва дастирии давлат дастрасӣ пайдо кунанд. Ҳунармандон якҷоя кор карда, нақшаҳои ҷорабинӣ тартиб дода, таҷриба ва заҳираҳоро мубодила мекарданд ва дар қабули қарорҳои муҳим низ иштирок менамуданд. Чунин иттиҳодияҳо ба онҳо мадади иловагӣ дода, барои беҳбуд бахшидан ба вазъи иқтисодии худ имконият медод. Дар баробари ин амалияи ко-ри хонагӣ ҷорӣ гардид.

Дар солҳои 70-80-уми асри XX ҷеварони ҳунарманд на танҳо дар истеҳсоли ҳунарҳои мардумӣ фаъолона иштирок доштанд, балки дар ташкил ва паҳн намудани маҳсулоти якдигар низ саҳм гузоштаанд. Онҳо ба маркетинг ва пешбурди маҳсулот дар бозор машғул буданд, дар яр-

маркаҳо, намоишгоҳҳо ва чорабиниҳои маҳсус фаъолона ширкат варзида, инчунин нақши мухимми иҷтимоӣ бозида, дар таҳқими арзишҳои оилавӣ, гиромидошти анъанаҳои фарҳангӣ ва эҷодии чомеа, ки бо манфиатҳо ва ҳадафҳои умумӣ муттаҳид шудаанд, саҳми намоёни худро гузоштанд. Маҳсулоти зиёди эҷодкардаи занони он замон ҳоло ҳамчун сарвати миллӣ ва боиси ифтиҳори Тоҷикистон гаштааст. Онҳо сарвату зебоии фарҳангӣ миллиро боз ҳам инъикос намуда, дар доҳил ва ҳориҷи кишвар муштариёну талабгорони сершумори маҳсулоти худро доранд.

Калидвожаҳо: инкишиофи ҳунарҳои мардумӣ, нақши занони ҳунарманӣ, ҳифзи мероси фарҳангӣ, рушиди иқтисоди кишвар, сӯзаниҳо, нақшу нигор, маҳсулот, дастӣ.

ВКЛАД ЖЕНЩИН - РЕМЕСЛЕННИЦ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО - КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАДЖИКИСТАНА В 70-80-Е ГГ. ХХ ВЕКА

Одним из заметных достижений женщин в развитии народных промыслов в этот период было создание коллективных производственных объединений и кооперативов. Женщины объединялись, чтобы совместно работать, обмениваться опытом и ресурсами, а также повышать свою экономическую самостоятельность. Это позволило им укрепить свои позиции на рынке и получить доступ к новым возможностям и поддержке со стороны государства. Ремесленницы вместе разрабатывали планы деятельности, а также принимали участие в принятии важных решений. Такие объединения предоставляли им дополнительную поддержку и возможность укрепить свое экономическое положение. Вместе с этим существовала практика надомного труда.

В 70-80-е годы XX века мастерицы чевар, хунарзан не только активно участвовали в производстве народных промыслов, но и играли роль в организации и распространении произведенных ими изделий. Они были вовлечены в маркетинг и продвижение продукции на рынке, участвовали в ярмарках, выставках и специализированных событиях. Они также играли важную социальную роль, способствуя укреплению семейных ценностей, передаче культурных традиций и созданию сообщества, объединенного общими интересами и целями. Многие изделия, созданные женщиными того времени, стали национальными сокровищами и предметами гордости Таджикистана. Они олицетворяют богатство и красоту национальной культуры и продолжают быть востребованными как внутри страны, так и за ее пределами.

Ключевые слова: развитие народных промыслов, роль женщин-ремесленниц, охрана культурного наследия, развитие экономики страны, рукоделие, вышивка, изделия, ручная работа.

THE CONTRIBUTION OF WOMEN - CRAFTSWORKERS IN THE ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN IN THE 70-80S XX CENTURY

Women artisans made a significant contribution to the development of Tajik folk culture during the 70s and 80s of the 20th century. One notable achievement during this period was the establishment of collective production associations and cooperatives. Women came together to collaborate, share experiences and resources, and enhance their economic self-sufficiency. This collective effort strengthened their market positions and provided access to new opportunities and state support.

The artisans collaborated to develop action plans, exchange experiences and resources, and actively participated in decision-making processes. These associations offered additional support, empowering women to reinforce their economic standing. Additionally, the practice of home work was prevalent during this time.

In the 70s and 80s, craftswomen, known as chevar and hunarzan, not only actively engaged in the production of folk crafts but also played crucial roles in organizing and distributing their products. They participated in marketing, promoted products in markets, attended fairs, exhibitions, and specialized events. Beyond their economic contributions, they played vital social roles by strengthening fami-

ly values, transmitting cultural traditions, and fostering a community united by common interests and goals.

Many of the products created by women during this era have become national treasures and a source of pride for Tajikistan. These creations embody the richness and beauty of the national culture and continue to be in demand both within the country and abroad.

Key words: development of folk crafts, the role of women artisans, protection of cultural heritage, development of the country's economy, handicrafts, embroidery, products, handicrafts.

Маълумот дар бораи муаллиф: Хошимова Шафоат Файзуллоевна - номзади илмҳои таърих, дотсент, мудири кафедраи методикаи таълими таърих ва ҳуқуки Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б.Faфуров (Тоҷикистон, Хуҷанд). Телефон: (+992) 92-990-14-45. E-mail: shafoat2603@mail.ru.

Сведения об авторе: Хошимова Шафоат Файзулевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания истории и права Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (Таджикистан, г. Худжанд). Тел: (+992) 929-90-14-45. E-mail: shafoat2603@mail.ru.

Information about author: Hoshimova Shafoat Fayzuloevna - candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of teaching methods of history and law of Khujand State University named after Academician B. Ghafurov (Tajikistan, Khujand). Tel: (+992) 929-90-14-45. E-mail: shafoat2603@mail.ru

УДК 821.511.113.09 (5-15):398 (575.22)

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОМАНЕ САДРИДИНА АЙНИ «РАБЫ»

БАЯЗИТОВА Р.Р.,

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Этнографы, наряду с различными этнографическими источниками, для получения сведений об изучаемых предметах исследования обращаются и к художественным произведениям. Так, некоторые теоретические аспекты этнолитературоведения, важность использования литературных текстов в научных изысканиях отмечались в работах Б.Х. Диванкулиевой [6], Н.Ю. Желтовой [7], С.Я. Козлова [9], М.Г. Рабиновича [10], Е.И. Филипповой [14].

Подчеркивая информативное значение произведений литературы применительно к этнографии, С.Я. Козлов пишет следующее: «Признаюсь, что я давно уже, читая художественную литературу, стал подходить ко многим произведениям (далеко не ко всем, разумеется) не только как «просто читатель», но и как этнограф, отмечая мысленно («про себя»), какие этнографические проблемы так или иначе поднимаются в данном произведении, как они трактуются автором и (или) его героями, какие страницы, «куски» текста могли бы стать интересной, полезной иллюстрацией для той или иной идеи» [9, 152].

Е.И. Филиппова уточняет предметное поле художественной литературы в качестве этнографического источника: «Много материала может дать художественная литература при рассмотрении таких проблем, как стереотипы поведения, ценностные ориентации, убеждения, этническое самосознание, а также брачно-семейные отношения и другие аспекты соционормативной культуры» [14, 27].

Н.Ю. Желтова отмечает необходимость выработки новых подходов в изучении художественных текстов как источника знаний о народах: «Этнолитературоведение должно сосредоточиться на разработке новых путей анализа художественного произведения, выявляющих способы функционирования национального образа мира и образа жизни, менталитета и характера, национальных духовно-этических, бытийных констант как неотъемлемых свойств его эстетической системы» [7, 881].

Все же необходимо отметить, что в этнографических исследованиях нельзя полностью полагаться на литературные произведения в качестве источника, так как у каждого писателя свое видение реального мира, свой ракурс и стиль его описания, свои нравственно-эстетические ценности, идеалы. В то же время нельзя забывать и о том, что авторы произведений формируются в определенной этнической среде, вбирая и впитывая в себя всю совокупную информацию о родном народе и соседних этносах.

В данной статье проведен этнолитературоведческий анализ романа С. Айни «Рабы» (1934), с целью изучения некоторых особенностей традиционной культуры народов Центральной Азии. Известно, что творческая деятельность ученого, основоположника советской таджикской литературы вызывает восхищение у многих: «Выдающаяся роль Садриддина Айни в мировой литературе и культуре была отмечена на Всемирном форуме писателей Азии и Африки в Каире в 1962 году, когда в числе четырех крупнейших писателей и мыслителей Востока, признанных классиками современной литературы, было официально зафиксировано и его имя» [2,7].

Признанному общественному деятелю, ученому, автору трудов по истории и литературе, писателю Садриддину Айни в первом таджикском романе «Рабы» удалось передать национальные особенности семейной и общественной жизни, богатые сведения о материальной и духовной культуре, хозяйственной деятельности таджиков, туркмен, узбеков, казахов и других народов. Автор наглядно изложил ужасы рабовладения, этапы становления советской власти, перестройки общества на новый лад. Высоко оценивая это произведение и труд его создателя, М. Турсунзаде писал: «...в этом романе Айни рисует целую галерею положительных образов, прослеживая исторически закономерно складывающиеся отношения и судьбы отдельных людей и различных классов общества на протяжении более чем ста лет» [11, 10].

Это не случайно, а закономерно, так как Садриддин Айни (1878–1954) был свидетелем и общался со знатоками описываемых им архаических явлений и событий прошлого. Так, о бытовании в начале прошлого века некоторых архаических представлений исследователь демонологии и шаманизма О.А. Сухарева писала: «В тот период реликты весьма архаической идеологии играли еще заметную роль в народной среде: их изживание шло медленнее по сравнению с официальным исламом. Вспоминается беседа, проведенная в 1927 г. с учащимися уратюбинских курсов переподготовки учителей, где автору приходилось вести занятия. В большой

группе людей, съехавшихся из разных районов Таджикистана, не нашлось ни одного, кто не разделял бы этого суеверия. Многие учителя мне заявили, что верно, Аллаха нет, но духов видели они сами или их близкие; что они знают людей, постоянно общающихся с потусторонним миром» [12, 10].

В романе С. Айни «Рабы» можно почерпнуть ценный материал о жилище, об одежде, о пище, различных бытовых предметах и явлениях, об обычаях и обрядах таджиков и других народов Центральной Азии в целом. Садриддин Айни очень хорошо знал психологию, промыслы и ремесла разных этносов и достоверно описал их в своем произведении. Например, для поиска сбежавших рабов автор обращается к казахскому следопыту [11, 87–89, 195].

Так, наблюдательность и умение казахов легко ориентироваться в пространстве были известны многим народам. Эта особенность, например, подмечена башкирским исследователем Г. Таганом. Согласно его данным, киргизские (казахские) пастухи в пасмурную ночь ориентировались по направлению ветра, по запаху земли, травы [13, 44-45]. Далее, в романе повествуется о приезде татарского купца: «За столом, в меховой татарской шубе, с шапкой на голове, в серых войлочных сапогах, сидел татарский купец» [11, 97].

Значение торговли в жизни татар подчеркивается во многих исследованиях. Например, Н.И. Воробьев писал: «Вообще инвентарь вспашки не отличается высокими качествами, причем надо отметить, что подобное явление не есть результат последних лет, ибо и раньше образцово поставленных хозяйств у татар было очень мало, т.к. татарские кулаки отличались от русских тем, что у них главным источником богатства была торговля, а не большая запашка земель» [5, 101]. В своем произведении автор также посредством песни прекрасной Калмак-оим раскрывает особенности кочевой жизни и питания калмыков:

«Жила я свободно
На просторе степей, –
Пила молоко
И густой кумыс» [11, 66].

Рассказывая о трагических событиях, случившихся с членами семьи Хасана из-за набега туркмен, С. Айни параллельно поведал о трудностях передвижения в пустыне и способах их преодоления. Например, чтобы утолить голод и жажду верховых лошадей, путники через каждые три-четыре часа закапывали в песок барабан курдюк: «Кони начали бить песок копытами. Один из молодых туркменов сошел с коня. Он вытащил из мешка лопату с короткой ручкой и принялся разгребать песок. Он вырыл глубокую яму под бугорком и вытащил из-под земли большой белый комок, облепленный песком. Отбросив лопату, юноша вынул из ножен свой нож и нарезал, словно дыню, белые ломти. Другой юноша раздал лошадям эти ломти. Каждый конь, проглотив этот ломоть, сразу успокаивался, точно напился воды и отдохнул» [11, 36].

Роман С. Айни изобилует яркими портретными характеристиками, которые позволяют читателю наглядно представить внешний вид, одежду разных народов и сословий. Семейно-бытовые ситуации, встречающиеся в тексте, раскрывают этнические особенности поведения в типичных ситуациях взаимодействия. Например, представляется интерес обращение супруги к мужу:

«Садык, погоняя перед собой осла, тащил упиравшуюся тощую корову. Жена встретила его в воротах.

– Отец! Вы тоже вышли из колхоза?» [11, 313, 333].

Как известно, у многих народов в прошлом бытовал запрет на произнесение мужских имен. Н.А. Кисляков рассмотрел следующие примеры, характерные для народов Средней Азии и Казахстана. Таджики употребляли термин «мардак» (мужик, мужичок) и «занак» (женщина, баба), а после рождения ребенка супруги обращались друг к другу со словами «отец или мать такого-то», «его отец». У киргизов муж называл жену «хозяйкой», жена мужа – «богатый», «тот», «хозяин очага», иногда по его отличительному признаку – «хромой». У каракалпаков этот запрет был традиционным. Уйгуры также не называли друг друга по имени, пользовались словами «он», «она», «отец детей», «мать детей» и т.п. У туркмен муж дает жене кличку «стряпуха», «домашние» или просто употребляет окрик «эй!», жена же называет мужа «сумасшедший», «сам», «отец такого-то», не принято было говорить «мой муж», а следовало – «мой человек, спутник» [8, 172–173].

Б.Х. Бгажноков писал, что запрет на произнесение личных имен достаточно освещен в научной литературе и об этом в разное время писали Г. Спенсер, Э. Тэйлор, Л. Леви-Брюль, Д. Фрэзер, Д.К. Зеленин и др. [4, 119]. В романе также широко представлены такие запреты как «хлеб резать грешно», «не принято говорить о своей жене при посторонних мужчинах» и т. п. [11, 166, 170].

Будучи тонким знатоком народной культуры, С. Айни достоверно описал тонкости речевого этикета. Например, в следующем эпизоде манера общения героев тонко передает древние обычаи и традиции народа: «Старуха подошла к одному из приехавших и, не соблюдая туркменского обычая длинных приветствий, спросила...» или «Сардар поклонился старцу, все еще стоявшему на молитвенном коврике.

– Как жизнь ваша, сардар? – сказал ему старик.
– Как ваша жизнь, халифа-ага? – ответил сардар.
– Ты пересек пустыню, ты встречался там с пророками, с Хызром и Ильясом, ты и начни!
– Вы добный раб божий, денно и нощно молитесь вы за нас, вы старше нас, вы, прошу вас, вы и начните. Как течет жизнь ваша?

После того как обе стороны выразили этими словами свое уважение друг к другу, старик спросил:

– Благодарение богу! Жив?

Сардар отвечал:

– Слава богу!
– Здоров?
– Слава богу!

Старик расспросил о скоте, об имуществе, о пище, об обители, о доме, о племени и о роде, о взрослых и о детях, и на все вопросы ответил сардар:

– Слава богу!

И когда стариковы вопросы были исчерпаны, в том же порядке сардар спросил старца и получил такие же ответы» [11, 21, 22]. Данный эпизод ярко иллюстрирует высокий статус путника, старшего по возрасту. Вопросы, задаваемые старшим по возрасту, показывают иерархию ценностей туркменского народа.

Наблюдается также то, что герои произведения в разговорах между собой часто прибегают к пословицам и поговоркам: «Река мутится в своих истоках», «На охотника

и зверь бежит», «И рубин у нас, и друг при нас», «Одежда, скроенная по совету друга, не будет коротка», «Кто добро творит, того бог хранит», «Гость старше отца» [11, 232, 237, 238, 302].

В романе показана особая роль пожилых людей. Они поучают молодежь, рассказывают поучительные истории, притчи. Речь пожилых наполнена иносказаниями, например: «хвост осла в суме», «голова коровы в корчаге» [11, 176]. Многовековой опыт народов по ведению хозяйства закреплен в приметах и поверьях: «Раннее тепло добра не сулит», «Если зима сухая, летом все посевы сгорят», «Летних дождей бойся больше, чем змей» [11, 285].

Мастерство писателя также прослеживается в эпизоде покупки раба. Приниженное положение невольников автор художественно раскрыл описанием древнего обычая купли-продажи: «Акрам-бай взял каменный бруск, обвалил его в муке и покатал этот бруск по голове мальчика. Таков древний обычай. При покупке скота, встретив купленную лошадь, корову или осла, хозяйка обваливала камешек в муке и проводила им по голове животного. Считалось, что голова его становится каменной и никогда не погибнет.

– Абдуррахим-бай, пусть голова раба будет крепка, как камень! С вас магарыч! – сказал Акрам-бай. И получил от Абдуррахима-бая семь медных пулов, считающихся жертвой святому Бахауддину» [11, 79].

В данном эпизоде этнографическую ценность представляют магические действия и слова, направленные на сохранение целостности скота или имитативная магия. Автором романа достоверно описаны суеверные представления туркмен: «Видно, хозяева боялись сглаза и, чтобы отвратить его, по обычаяу, принесли жертву и положили жертвенные черепа и цветы над входом» [11, 20].

Подобные обычай наблюдались у многих народов. У башкир, например, также по сегодняшний день сохранились специальные магические действия, обереги для сохранения благополучия. Например, для того чтобы домашняя скотина плодилась, во дворе на столб вешали шейную кость животного. По поверьям, эта кость притягивает плодовитость, благополучие [15, 217–218].

В своем романе С. Айни продемонстрировал прекрасные знания обычаем и обрядов народов Центральной Азии. Например, писателем подробно описывается прием гостей в Махалле, организованный Абдуррахим-баем: подготовка места проведения торжества, ассортимент блюд и последовательность их подачи, рассаживание гостей согласно статусу, например: «Правители вошли в дом, заняли места на толстых бархатных одеялах. Вошли и другие гости и разместились, долго уступая друг другу места, в соответствии с их чином и положением. Купцы сели по степени своего богатства, а гости помельче расположились во дворе под полотнищем» [11, 93].

В этом эпизоде обнаруживаются параллели с башкирской культурой. Раньше у башкир для женщин и мужчин «столы» накрывались отдельно. При рассаживании гостей учитывали их возраст, социальное положение и родственные отношения, а при равном положении обращали внимание на проделанный путь. Места обычно указывал хозяин дома. Но иногда между гостем и хозяином возникал следующий разговор: «Ладно, я здесь сяду, пусть туда сядет такой-то!» И только после настойчивых уговоров гость занимал указанное место. Это было связано с боязнью занять не соответствующее собственному статусу место, так как хозяин из-за вежливости мог его предложить престижное, а гость должен соотнести свой статус с предложенным местом и принять решение, иначе окружающие могут его осмеять, осудить [3, 101].

В произведении детально описываются ассортимент подаваемых блюд и гостевой этикет. Так, гостям Абдурахим-бая предложили следующие угощения: плов, конскую колбасу, жареную курицу, начиненную рисом и кишмишом, ягненка, зажаренного на огне без масла, жидкую халву, нишаллу, варенье, конфеты, сухую халву, сладости. Угощение, распределение блюд происходило следующим образом: «Развернули скатерти, перед четырьмя правителями тумена на особых блюдах поставили сдобные лепешечки и огромные десятифунтовые хлебы. Перед купцами положили на блюдах по пять лепешек, а хлебы пятифунтовые. А во дворе подали лепешки и по два двух с половиной фунтовых хлеба» [11, 93].

Представленное вниманию читателей подробное описание трапезы А.К. Абдурахимов, исследователь художественной детали романа «Рабы», объясняет таким образом: «...дополняясь и развиваясь, мельчайшие штрихи свадебных ритуалов, вплоть до этикета приема и проводов высоких гостей, их размещения по расположению и иерархии и формах их обслуживания создают зримый фон обобщенному описанию образа жизни этой категории людей, ярко показывают контрасты действительности» [1, 14].

На мой взгляд, тонкий знаток культуры народов, талантливый писатель Садриддин Айни в произведении «Рабы» очень реалистично отразил взаимоотношения людей, различающихся по национальной и социальной принадлежности, гендерным особенностям и возрасту, исходя из своих собственных наблюдений. Он показал образец удивительной эрудиции и широчайшей образованности, будучи автором работ разных научных направлений и художественного творчества: «Его исследования, посвященные Рудаки, Абу Али ибн Сине, Фирдоуси, Саади, Бедилю, Навои, и сегодня остаются образцами замечательного научного анализа. На работы Айни о национальной музыке и знаменитых музыкантах прошлых дней, на исследования по истории древнейших архитектурных памятников Самарканда и по сей день ссылаются все специалисты» [11, 12].

Таким образом, роман С. Айни «Рабы», содержащий описание традиционно-бытовой культуры народов Центральной Азии, по сегодняшний день способствуют познанию их обычаяев и традиций. «С. Айни удалось воссоздать художественно емкие, исторически достоверные картины далекого и близкого исторического прошлого таджикского народа и соседствующих с ним в Средней Азии народов» [1, 13].

Герои произведения находятся в постоянном движении – это духовное развитие, рост сознания, передвижения во времени и в пространстве, которые делают сюжет романа динамичным и быстро развивающимся. Анализ произведения показал, что этнографический материал позволил автору достоверно передать дух описываемой эпохи, этнические особенности поведения отдельных этносов и показать контраст между разными слоями общества. Главная заслуга Садриддина Айни, на мой взгляд, заключается также в том, что наряду с созданием художественного шедевра, ему удалось запечатлеть самобытные черты традиционной культуры многих народов Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абдурахимов А.К. Художественная деталь в романе Садриддина Айни «Рабы»: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.03. – Душанбе, 1997. – 21 с.
- 2.Айни К.С. Вехи творческой биографии Садриддина Айни//Книга жизни Садриддина Айни /Под общ. ред. президента Академии наук Таджикской ССР М.С. Асимова. – Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 7–34.
- 3.Баязитова Р.Р. Традиционный семейный этикет башкир. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. -176 с.
- 4.Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. -Нальчик. 1978. -160 с.

5.Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). – Казань, 1930. – 464 с.

6.Диванкулиева Б.Х. Литературные произведения в этнологическом аспекте (на примере преподавания спецкурса) // Высшая школа России и достижение национальных целей развития страны. Материалы XIV Международной учебно-методической конференции//Под ред. А.Ю. Александрова, Е.Л. Николаева. – Чебоксары, 2022. – С. 349–354.

7.Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект)// Вестник Тамбовского государственного технического университета. -2004. -Т.10. -№ 3. - С. 875-883.

8.Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. –Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 240 с.

9.Козлов С. Этнолитературоведение – это интересно и перспективно//Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2. – С. 152–165.

10.Рабинович М.Г. Город и поэт (к этнографическому источниковедению). Советская этнография. – 1985. – № 1. – С. 116–129.

11.Садриддин Айни. Рабы. Перевод с таджикского. – М.: «Художественная литература», 1975. – 414 с.

12.Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков// Домусульманскиеведения и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 5-93.

13.Таган Галимжан. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах/Пер. с венг. Йожефа Тормы. – Уфа: Гилем, 2005. – 160 с.

14.Филиппова Е.И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города //Советская этнография. – 1986. – №4. – С. 26–36.

15.Хисамитдинова Ф.Г. Мишологический словарь башкирского языка. -М.: Наука, 2010. 452 с.

ИНЬИКОСИ ФАРҲАНГИ АНЪНАВИИ ХАЛҚҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ ДАР РОМАНИ САДРИДДИНИ АЙНӢ «ҒУЛОМОН»

Дар мақола бо мақсади муайян намудани маводи этнографӣ оид ба инъикоси фарҳангӣ анънавии баъзе халқҳои Осиёи Миёна дар романи «Ғуломон»-и Садриддин Айнӣ таҳлили этнologӣ сурат гирифтааст. Дар чараёни кор усулҳои муқоисавии таъ-риҳӣ, ретроспективӣ ва типологияи таҳқиқот истифода шудаанд.

Таҳқиқот нишон дод, ки ба ходими намоёни чамъиятӣ, олим, муаллифи асарҳои безаволи таърихию адабӣ, нависанда Садриддин Айнӣ зимни иншои нахустин романи тоҷикиӣ - «Ғуломон» мӯяссар шудааст, ки доир ба хусусиятҳои миллии ҳаёти оиласӣ ва иҷтимоӣ маълумоти зиёдеро дар бораи фарҳангӣ моддию маънавӣ халқҳои Осиёи Миёна баён намояд.

Романи «Ғуломон»-и С. Айнӣ, ки тасвири фарҳангӣ суннатии рӯзмарраи халқҳои Осиёи Миёнаро дар бар мегирад, то имрӯз дар шинохти расму ойинҳои онҳо саҳм гузоштааст. Таҳлили муқоисавии асар нишон дод, ки маводи этнографӣ ба муаллиф имкон дод, ки рӯҳияи давраи тасвиршаванда, хусусиятҳои этникии рафтори гурӯҳҳои этникии алоҳида ва тазоди табақаҳои муҳталифи чамъиятро ба таври эътиомдбахш нишон дидад.

Хизмати асосии Садриддин Айнӣ аз нигоҳи муаллифи мавод дар он аст, ки ў дар баробари эҷоди шоҳасари бадӣ, тавонистааст, ки хусусиятҳои аслии фарҳангӣ суннатии бисёре аз мардуми Осиёи Миёнаро инъикос намояд.

Калидвожаҳо: фарҳангӣ суннатӣ, С. Айнӣ, романи «Ғуломон», этнологияшиносӣ, Осиёи Марказӣ.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОМАНЕ САДРИДДИНА АЙНИ «РАБЫ»

В статье был проведен этнолитературоведческий анализ романа С. Айни «Рабы» с целью выявления этнографического материала по некоторым народам Центральной Азии. В процессе работы применялись сравнительно-исторический, ретроспективный, типологический методы исследования.

В ходе исследования выявлено, что известному общественному деятелю, ученному, автору трудов по истории и литературе, писателю Садриддину Айни в первом таджикском романе

«Рабы» удалось передать национальные особенности семейной и общественной жизни, богатые сведения о материальной и духовной культуре, хозяйственной деятельности таджиков, туркмен, узбеков, казахов и других народов.

Роман С. Айни «Рабы», содержащий описание традиционно-бытовой культуры народов Центральной Азии, по сегодняшний день способствуют познанию их обычаев и традиций. Анализ произведения показал, что этнографический материал позволил автору достоверно передать дух описываемой эпохи, этнические особенности поведения отдельных этносов и показать контраст между разными слоями общества.

Главная заслуга Садриддина Айни, на мой взгляд, заключается также в том, что наряду с созданием художественного шедевра, ему удалось отражать самобытные черты традиционной культуры многих народов Центральной Азии.

Ключевые слова: традиционная культура, С. Айни, роман «Рабы», этнолитературоведение, Центральная Азия.

REFLECTION OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN SADRIDDINA AINI'S NOVEL «SLAVES»

The article carried out an ethnoliterary analysis of S. Aini's novel «Slaves» in order to explore ethnographic material on some peoples of Central Asia. The research methods used in the process of work were comparative-historical, retrospective, typological.

The study revealed that the famous public figure, scientist, author of works on history and literature, writer Sadriddin Aini in the first Tajik novel «Slaves» managed to convey the national characteristics of family and social life, rich information about the material and spiritual culture, economic activities of Tajiks, Turkmen, Uzbeks, Kazakhs and other peoples.

S. Aini's novel «Slaves», containing a description of the traditional and domestic culture of the peoples of Central Asia, to this day contribute to the knowledge of their customs and traditions. Analysis of the work showed that ethnographic material allowed the author to reliably convey the spirit of the era being described, convey the ethnic characteristics of the described ethnic groups and show the contrast between different layers of society.

The main merit of Sadriddin Aini, in my opinion, also lies in the fact that, along with the creation of an artistic masterpiece, he managed to capture the original features of the traditional culture of many peoples of Central Asia.

Key words: traditional culture, S. Aini, novel «Slaves», ethnoliterary studies, Central Asia.

Маълумот дар бораи муаллиф: Баязитова Розалия Рафкатовна – номзади илмҳои таърих, дотсент, ходими калони илмии шуъбаи этнологияи Институти таърих, забон ва адабиёти Маркази федералии тадқиқотии Академияи илмҳои Русия дар Уфа (хиёбони Октябр, 71, ш. 450054, Уфа, Федератсияи Россия). Почтаи электронӣ: rosali8@mail.ru

Information about the author: Rozalia Rafkatovna Bayazitova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Ethnology at the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, 450054 Ufa, Russian Federation). E-mail: rosali8@mail.ru

УДК 903.223

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СЛОЖНОГО ЛУКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

ХАРИТОНОВ Р.М.,

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Лук и стрелы долгое время оставались основным средством поражения цели на расстоянии у большинства народов мира. Особую роль в военном деле и быту этот вид ручного метательного оружия играл у населения Сибири и Центральной Азии. Одним из народов, сохранивших богатую самобытную культуру стрельбы и изготовления сложных луков, являются буряты. Анализ собраний государственных музеев России показал, что для Байкальского региона (традиционной территории проживания бурят) характерно наличие значительной источниковой базы (более 70 целиком сохранившихся сложных луков XIX-XX вв. «центральноазиатского типа»), тогда как для остальной части Сибири предметов не более 30 экз., со значительной частью импорта (без учета изделий северных народов таежной и тундревой зон). Изучение целых предметов населения Байкальского региона открывает новые перспективы и позволяет лучше понять процессы эволюции и конструирования сложных луков сибирских и центральноазиатских народов. Между тем, для их изучения необходим комплексный анализ источников, в том числе письменных и изобразительных, поскольку для наиболее точной интерпретации предметов необходимо понимание контекста их бытования и применения. Слепое проецирование данных, полученных в ходе изучения предметного комплекса на более ранние аналоги из археологических памятников, требует учета назначения предметов.

Кроме того, в контексте выявленной источниковой базы видится необходимым обозначить причины, обусловившие ее формирования для данного региона. Детальный анализ всех свидетельств и особенностей отдельных направлений применения может стать основой для самостоятельного исследования. В данной работе представляется необходимым обобщенно охарактеризовать основные направления и этапы применения сложного лука у бурят для обоснования формирования источниковой базы и условий сохранения культуры стрельбы и изготовления сложных луков. Таким образом, целью исследования является общая характеристика основных направлений применения сложного лука у бурятского народа.

Основные данные о применении луков и стрел содержатся в опубликованных работах специалистов по истории и этнографии бурят. Для их изучения применимы методы историографического анализа, базирующиеся на принципе историзма.

Большинство исследователей отмечали, что лук и стрелы были обязательной частью бурятского комплекса вооружения, а также, что буряты, как и другие коренные народы Сибири, были превосходными лучниками. При этом большая часть специалистов ограничивалась только упоминанием лука и стрел среди прочего распространенного оружия [3, 267; 9, 57; 15, 149].

М. Татаринов писал: «братьские и тунгусы, как иркутские, так и забайкальские на лошадях наездники и луком владеют весьма искусно, а особливо на всем конском скаку попадают в воткнутую в землю стрелу. Так пробежав сажен десять, может исправиться в другую мету и весьма часто стреляют, пешие в мету бьют сажен по двадцати и по пятнадцати, а на перестрел, то есть в высоту выбрасывают стрелу сажен посту и более» [14, 26-27]. Схожий сюжет встречается у Г.Ф. Миллера [10, 309].

Стрелять из лука начинали с самого детства. По данным Н. Витсена, бурятских мальчиков с ранних лет приучали к седлу, а в «12–13-летнем возрасте верхом на коне учат увертываться от стрел» [15, 158]. Согласно «Прошлой истории хоринских и агинских бурят» Т. Тобоева, «все мужское население в возрасте старше 13–14 лет изготавливает луки и устраивали начиная с малого возраста упражнения по стрельбе в цель и по стрельбе с коня» [4, 17]. По данным С.П. Доржиевой, стрельба из лука являлась важной составляющей воспитания и социализации детей, основанной на системе педагогических мер, названной «девять наук настоящего мужчины», включающей овладение стрельбой из «рогового лука» [7, 143].

Кроме мужчин из лука также стреляют и бурятские женщины. М.Н. Хангалов писал, что женщины были «хорошими стрелками из лука и хорошими наездницами» [16, 109] и играли немаловажную роль в облавных охотах и военных походах [16, 61].

Боевое применение

Согласно данным Ю.С. Худякова, Л.А. Боброва и А.Ю. Борисенко, саадачный комплекс был основным средством поражения противника на расстоянии у бурятских воинов [3, 245-272]. Основу их отрядов XVII в. составляли конные панцирники, вооруженные саадаками, копьями и саблями, одетыми в пластинчато-нашивные или стеганные «бумажники» и боевые наголовья [3, 267].

Основным способом ведения боя является перестрелка из луков, в которой принимали участие как легковооруженные воины, так и панцирники. Предпочтительным тактическим приемом в XVII в. была тактика «трех напусков», однако значительное внимание уделялось именно «лучному» этапу, в связи с чем бурятские «куяшники» воспринимались русскими служилыми людьми, в первую очередь, как лучники, а не как копейщики и сабельщики [3, 269-271].

Такие тактические приемы представляются достаточно архаичными и во многом связаны со схемами, реализуемыми халхаскими военачальниками этого периода. В целом, военное искусство бурят XVII в. следует считать наследующим традиции военного дела центральноазиатских воинов, развивающегося в течение более двух тысячелетий и обеспечившего господство воинов-кочевников на значительной части территории Евразии.

Важно отметить многообразие боевых наконечников стрел, применяемых бурятскими воинами. По данным Ю.С. Худякова, изучавшим стрелы бурят по археологическим материалам, они оснащались железными плоскими черешковыми, по форме пера ассиметрично ромбическими, «томарами», секторными и боеголовковыми, а также черешковыми, трапециевидными в сечении наконечниками из кости с удлиненно-треугольным пером [17, 84-85].

О большем многообразии свидетельствуют данные специалистов этнографов. По мнению Г.Ф. Миллера, у сибирских народов существуют узкие заострённые стрелы, которые он считал боевыми, а также присутствуют «копейчатые стрелы» [10, 299-300]. М.Н. Хангалов описал четыре вида наконечников стрел: «плоские и продолговатые», «трехгранные», *бахарган* (тяжелые трехлопастные наконечники с отверстиями в лопастях, свистели в воздухе) и *зэбэ-хума* (конусообразные) [16, 171]. Ц.Ж. Жамцарано описывал пять видов наконечников бурятских стрел: *шубгэ зэбэ* (шиловидное острие), *илтанаан зэбэ*, *гурбалжсан шубгэ* (трехгранное шило), *балтанга* и *саран зэбэ* (полумесяц или широкая чаша), Г.-Д. Нацов выделял четыре вида: *сабшуур* (зубило), *шубгэ* (шило), *гурбалжа шубгэ* (трехгранное шило), *саран* (полумесяц или широкая чаша), [8, 59-60; 11, 16–25; 12, 33]. Важные пояснения об описанных типах представил В.А. Михайлов [11, 17].

Обозначенный комплекс наконечников, с преобладанием плоских и граненных, является стандартным для кочевого мира Центральной Азии, начиная с эпохи развитого Средневековья [17, 85]. Изделия зачастую дополнялись костяными или роговыми свистунками.

Принято считать, что с периода позднего Средневековья начинается вытеснение лука и стрел огнестрельным оружием. По мнению большинства исследователей, оно попадает в Байкальский регион вместе с русскими землепроходцами в XVII в., однако его широкое распространение у бурят начинается гораздо позднее. Связанно это с запретом продажи огнестрельного оружия местному населению, который действовал до сер. XVIII в. [8, 52; 10, 295]. Около 1760-х гг. из России в небольшом количестве поступили в продажу винтовки, порох и свинец» [4, 83], начинается законное распространение огнестрельного оружия у населения. Несмотря на это, лук и стрелы продолжали широко использоваться бурятами.

В южных районах Забайкалья лук и стрелы дольше всего используется в качестве боевого оружия, тогда как в Прибайкалье сохраняется как промысловое и со стязательное орудие. Это связано с существованием забайкальских казачьих полков, осуществлявших защиту границы. Впервые привлечение местного населения для этих целей начинается в нач. XVIII в. В сер. XVIII в. были образованы четыре бурятских казачьих полка.

А.П. Васильев приводит данные на 1842 г. о численности огнестрельного оружия у русских казаков (приблизительно в два раза больше их количества), тогда как «бурятские казаки вооружены были только луками и стрелами» [5, 15-16]. Таким образом, в это время лук и стрелы оставались на вооружении бурятских конных казаков, огнестрельного оружия у них было сравнительно меньше, оснащали им себя казаки сами, за свой счет.

В 1851 г. был утвержден проект образования Забайкальского казачьего войска, состоящего из шести отделов, трех пеших и трех конных (один из которых был бурятским). Вероятнее всего, именно с этого времени лук и стрелы повсеместно выходят из обихода воинов, уступая место огнестрельному оружию.

Важно отметить, что сложные луки селенгинских бурят представлены особым локальным вариантом и отличаются от прочих стабильным набором накладок. Приведенные данные позволяют обосновать это длительным использованием его как боевого оружия у забайкальских казаков.

Промысловая деятельность

Охота, по мнению специалистов, являлась важным подспорьем в хозяйстве у бурятского населения. У бурят существовало два вида охоты: коллективная облавная (*аба*) и индивидуальная (*агнуури*) [8, 27]. В контексте применения сложного лука и стрел рассматривается только активная форма.

Облавная охота является важным феноменом бурятской культуры. Кроме, собственно, промысловой функции, в таких мероприятиях специалистами выявлены элементы мужских союзов, инициационный комплекс, оттачивание и применение боевых навыков и тренировки военных маневров [8, 106-110], а также глубокое символическое значение [8, 112-114]. Во многом это связано с тем, что воинское воспитание проводилось в ходе промысловой деятельности.

В бурятских облавных охотах отмечалось значительное количество участников, которое доходило до нескольких сотен и даже тысяч человек [10, 314; 16, 18, 109]. Облавная охота была развита на всей этнической территории проживания бурят и проводилась как в степной, так и в лесостепной и таежной зонах [8, 33; 16, 61].

Во второй половине XIX – нач. XX вв. наиболее распространенным способом организации пушного промысла являлся артельный, объединяющий в себе особенности коллективных и индивидуальных форм [8, 42-45].

Огнестрельное оружие произвело переворот в охотниччьем производстве [8, 52]. В «Истории происхождения одиннадцати хоринских родов», после поступления в продажу в 1760-х гг. винтовок, пороха и свинца «некоторые говорили, что они привыкли к ним, и, начиная с этого времени стали добывать охотой лесных и степных зверей» [4, 83]. Однако говорить о полном вытеснении лука и стрел огнестрельным оружием не приходится. Скорей всего, ружья применялись преимущественно при индивидуальном промысле, тогда как удобные для конной активной охоты лук и стрелы использовались в ходе коллективных облав. Это подтверждается данными исследователей. По свидетельствам С.Г. Жамбаловой, в XIX – нач. XX вв. лук продолжал применяться охотниками «однако в большей степени при облавных охотах» [8, 52-53]. М.Н. Хангаловым отмечаются у современных ему балаганских бурят, живущих на р. Унге и р. Заларе, облавы с луком и стрелами, однако не для добычи дичи, а для истребления волков [16, 29]. Такие облавы не являлись обязательными и были гораздо меньше по количеству участников [16, 29]. Безусловно, к этому времени непосредственной связи облавных охот с отработкой военных маневров и тренировки боевых навыков воинов уже не наблюдается. Облавные охоты остались как сравнительно эффективное средство борьбы с хищниками и добычей дичи, а также представляются как своего рода дань традициям предков.

Необходимо отметить наличие специализированных охотничьих стрел, описываемых исследователями. Наряду с «универсальными» наконечниками выделяются «широкие копейчатые ромбовидные» [10, 302], «с деревянной или костяной шишкой на конце» и «легкие с узким железным наконечником» [8, 58]. В.А. Михайлов особо выделял *бухюу* [11, 20]. Такой наконечник представлял собой «цилиндр со сквозным круглым отверстием по центральной продольной оси, куда вставлялся круглый шип на утолщенной головке древка стрелы» [11, 20].

Между тем, при многообразии наконечников стрел и даже при существовании их дифференциации по назначению, специалистами не отмечена дифференциация в луках. Это позволяет считать, что все изделия были универсальными и могли использоваться как для боевых, так и для охотничьих целей.

Состязательная деятельность

Стрельба из лука является важной составляющей состязательной культуры кочевых народов, в частности бурят. Такого рода деятельность имела глубокий социальный и ритуальный контекст. В культуре бурят стрельба из лука представлена как самостоятельными состязаниями, так и выступает в комплексе со скачками и традиционной борьбой и связана с традиционными праздниками «Трех игр мужей» («Эрын гурбан наадан»), которые сейчас чаще всего именуются «Сурхарбан» (пер. стрельба по сурам).

Г.Ф. Миллер, описывая «игры и упражнения» разных сибирских народов писал, что «обычными упражнениями и развлечениями», в том числе и у «брацких» были борьба и «гонки на лошадях» во время которых они «также часто стреляют из луков в поставленную цель, проезжая мимо нее, и все они в этом особенно искусны» [10, 341].

М.Н. Хангалов считал, что состязание по стрельбе из лука «представляет собою остаток седой старины» и что «такие упражнения в стрельбе процветали во время племенной «зэгэтэ-аба» [16, 84]. Также он видел непосредственную связь между популярным бурятским праздником «Сурхарбан» и облавными охотами бурят [16, 230]. По его мнению, после перехода бурят к оседлости отпала потребность в проведении крупных облавных охот, «а взамен ей был установлен праздник стрельбы» [16, 231]. Сами буряты объясняют происхождение «праздника стрельбы» по-разному. Некоторые считают его «лишь одним из многочисленных свадебных обрядов», другие отсчитывают его от «времени прекращения междуусобных войн» – все разногласия стали решаться посредством таких мероприятий [16, 230].

На настоящий момент зафиксировано множество фактов проведения состязаний по стрельбе из лука у бурят, которые имеют свою уникальную специфику. Тем не менее, большая часть из них представляет собой варианты наиболее популярных разновидностей таких состязаний, которые связаны с отдельными локальными традициями, в которых могли значительно отличаться основные правила и количество участников.

Специалисты описывали стрельбу в *хур* – тонкую палку, обмотанную кожаными ремнями [16, 229], *бай* – три кола высотой около человеческого роста, между которыми помещали пластины дерна, которые стягивали веревкой [13, 29] и разнообразные другие мишени, такие как *тунка*, *булэн тохом*, *нур жолоо урто*, *борсун* и т.д.

Наиболее популярным состязанием, практикующимся у бурят до настоящего времени, является стрельба по сурам. Материалы, из которых они изготавливались, могли быть разными, однако суть от этого не менялась [13, 37]. Это были небольшие круглые или цилиндрические мишени, изготовленные из кожаных ремней или шерсти, обшитой кожей или тканью. Чаще всего сурсы выставлялись в один ряд. Расстояние для стрельбы зависело от локальных особенностей состязания и могло различаться в зависимости от возраста и пола стрелков.

Исходя из вышесказанного, применение сложного лука в состязательной деятельности является наиболее продолжительным. Боевое применение можно ограничить окончанием военных конфликтов и широким распространением огнестрельного оружия в Прибайкалье и оформлением Забайкальского казачьего войска в середине XIX в. в Забайкалье. Применение в промысловой деятельности связано с длительным сохранением традиции облавных охот и ограничено началом XX в. Использование в состязательной деятельности продолжается по сей день.

Данные тенденции обусловили изменения в технике стрельбы, а также в характеристиках сложных луков и стрел местного производства. Лучникам более не нужно было беспокоиться об убойных показателях, необходимых для поражения противника, тем более защищенного броней, или для нанесения максимального урона крупному животному. Необходимо было совершить прицельный выстрел на фиксированную дистанцию в 40-60 м и попасть в установленную мишень или выбить ее на определенное расстояние. Стрелы для состязаний делались сравнительно легче боевых и охотничьих и оснащались деревянными бочковидными наконечниками с прямой поражающей площадкой, которую могли дополнительно оклеивать кожей. Для запуска такой стрелы на отмеченное расстояние не нужно было изготавливать мощный лук с длинными жесткими рычагами (концевыми зонами жесткости), который, по совместительству, не был приспособлен для легких стрел. Это обусловило создание новых конструкций, специализированных на спортивной стрельбе. Более ранние универсальные конструкции отступили на второй план и постепенно исчезли из обихода.

Господство спортивной стрельбы обусловило изменение техники выстрела. Считается, что у большинства кочевых азиатских народов была распространена техника, при которой тетива натягивалась большим пальцем, при этом боковая поверхность указательного пальца прижимала стрелу. Такой способ хвата принято называть «монгольским» [1, 130–132; 2, 35]. Для защиты большого пальца использовались различные лучные кольца. Тетива натягивалась до груди или до уха. Данная техника была наиболее удобна для стрельбы с коня, поскольку хват обеспечивал надежную фиксацию стрелы. При стрельбе таким способом, особенно на скаку, выстрел производился фактически без прицеливания, поскольку не было возможности зафиксировать оружие на длительное время в статичном положении. Точность стрельбы зависела от опыта и интуиции лучника. Именно поэтому обучение стрельбе начиналось с раннего возраста.

То, что бурятские лучники использовали именно такой способ натягивания тетивы, подтверждают имеющиеся материалы. По свидетельствам М.Н. Хангалова буряты определяли состязание по стрельбе из лука выражением эрхэн шанга туршиаха (испытание силы большого пальца) [16, 227]. С.Г. Жамбалова, описывая технику стрельбы, отмечала, что «буряты натягивали лук сильно, правая рука, в которой зажаты тетива и конец стрелы, отходит назад так, что тетива оказывается за ухом, а левая вытянута на всю длину, и наконечник стрелы подходит к самому луку» [8, 60]. Способ хвата тетивы она отождествляет с фигурирующим в литературе «монгольским», а также упоминает у бурят наличие лучных колец из полой кости (*яhan эрхэ*) или из толстой кожи [8, 60].

В течение XX в., когда лук и стрелы используются главным образом как спортивный инвентарь, техника стрельбы значительно изменяется. Поскольку все основные состязания проходят среди пеших лучников, становится возможным длительная фиксация в одном положении для прицеливания. С развитием стрельбы из лука, как олимпийского вида спорта, в бурятскую традиционную стрельбу проникают элементы олимпийской техники. Тетиву начинают натягивать тремя пальцами (указательным, средним и безымянным), или так называемым «средиземноморским» хватом, до подбородка. Прицеливание происходит за счет фиксации тянувшей руки в одном положении (прижатой снизу к подбородку) и выравнивании по одной линии тетивы и стрелы.

На настоящий момент практически все бурятские лучники используют такую технику при стрельбе из традиционного лука. Для спортивных целей она более приспособлена, поскольку точность выстрела в большей степени определяется мастерством прицеливания, а не интуицией стрелка.

Таким образом, исходя из приведенного материала, именно применение сложного лука в состязательной деятельности в отрыве от боевого и промыслового применения обеспечило наибольшие изменения в культуре стрельбы и конструкции изделий.

Сложный лук в ритуальной деятельности

Лук и стрелы кроме утилитарного назначения имели и символическое, «областили знаковостью» [8, 116]. Это обеспечило их место в народном творчестве и ритуальной деятельности. Существует разнообразная специализированная литература, рассматривающей символы лука и стрелы в контексте мифологем, архетипов и их сакрального значения. Между тем, видится необходимым обозначить некоторые особенности применения в ритуальной деятельности у бурят без погружения в интерпретацию выявленных символов и их значения.

Лук и стрелы могли использоваться в ритуальной деятельности вместе, в контексте стрельбы или раздельно. Если говорить обобщенно, то исследование лука и стрелы в традиционной культуре чаще всего происходит в рамках семейной и аграрной обрядности [6, 91].

Лук и стрелы в составе саадачного комплекса вместе со стрелохранилищем (*хэһэнэг*) являются обязательной частью приданного бурятской невесты [16; 24, 61, 74, 128, 158, 177, 208]. По мнению М.Н. Хангалова, такой комплекс включает «все необходимое при облавах, а также и для того, чтобы иметь право голоса в делах и получать пай из общего раздела» [16, 158]. Стрела использовалась в бурятском свадебном обряде и без лука: «стрела заменяет собой жениха и втыкается в столб, поддерживающий жилище», интерпретация и семантическое значение ее использования неоднозначно (фаллическая символика и мужское начало; символ-атрибут, воплощающий свойства заменяемого стрелой персонажа, образа; функция оберега и пр.) [6, 87-89].

Стрела сопоставлялась с душой человека, причем, по мнению М.Н. Хангалова и Н.Н. Агапитова, именно с мужской [8, 117]. Стрелы использовались на молебнах перед и после проведения облавных охот [8, 116].

Во время проведения обряда «сагали барьха», присутствующие вырывают траву и затыкают ее за пояс, что символизирует надевание лука и стрел [16, 150, 171].

По мнению М.Н. Хангалова, «такой обычай сохранился от прежней зэгэтэ-аба» [16,150] и, вероятнее всего, связан с самой подготовкой к охоте.

Лук, как личное оружие охотника и воина, мог понадобиться в загробном мире. Именно поэтому он использовался в качестве одного из элементов погребального инвентаря [8, 117; 16, 25, 184, 185, 318, 322]. Перед сожжением лук и стрелы, а также прочие вещи могли ритуально ломать [16, 185]. В погребения шаманов (на погребальный костер), вместе с луком клали восемь стрел, по мнению М.Н. Хангалова для того, «чтобы он мог избавить от смерти восемь хороших людей, по мнению кудинцев, тем, что вместо обреченного на смерть человека шаман в удовлетворение гнева заянов будет ломать стрелу; балаганские буряты думают, что этими стрелами шаман будет поражать угрожающих людям злых духов» [16, 318]. С.Г. Жамбалова упоминала девять стрел, восемь из которых предназначены для спасения жизней, девятая стрела, по утверждению кудинских бурят, «возвращается в род в качестве шаманского корня (*утха*)» [8, 117], таким образом стрела ассоциировалась с магической силой шамана, передающейся внутри рода.

Модели лука, стрел и других предметов вооружения наряду с животными используются в одеянии шаманов. По мнению М.Н. Хангалова, наличие на шаманских плащах «оргой» украшений в виде оружия, в частности лука и стрел, объясняется тем, что «галиша, как власть духовная и светская, имел все оружия, которые были в его время в употреблении» [16, 152]. Между тем, миниатюрные подвески в виде лука и стрелы, наряду с другими предметами вооружения, выполняли функции защиты шамана от злых духов, оберегали острыми «поражающими» элементами.

Лук и стрелы достаточно широко применялись в гадательных практиках [6, 97–107]. М.Н. Хангалов отмечал, что «гадание при помощи лука производят двумя способами: то по характеру звука, издаваемого с большей или меньшей силой натягиваемой тетивой, причем лук приближают к самому уху, или же глядят вдоль тетивы на огонь» [16, 297]. Кроме того, стрельба из лука использовалась для решения спорных вопросов: забайкальские буряты правым среди спорщиков считали человека, первым попавшим в берцовую кость, установленную на расстоянии 25 луков. У прибайкальских староста или судья пускает стрелу над шапкой виновного, которую предварительно кладут в середине стойбища, взывая при этом к *тенгери-бурхану*. Если стрела попадает в шапку, значит обвиняемый виноват [8, 116]. По мнению М.Н. Хангалова, бурятский сурхарбан является своего рода общественным судом [8, 116]. В данных действиях между состязательной и судебной деятельностью просматривается связь с точки зрения стрельбы, как возможности получения небесной и судьбоносной удачи, подтверждения посредством стрельбы и попадания в цель. Таким образом «правильный» выстрел совершался стрелком, поддерживаемым духами.

Эти и иные обрядовые действия напрямую связаны с представлениями бурят о сакральном значении лука и стрел, и стрельбы из них.

Таким образом, лук и стрела являются отражением женского и мужского начал соответственно, что нашло проявление в семейной и промысловой обрядности. Стреле придавались различные свойства, исходя из ее качеств и назначения, тогда как лук мог выступать как сопутствующий элемент. В представлении сибирских

народов лук и стрелы являлись основным оружием не только простых людей, но и духов и шаманов, что обусловило их употребление в шаманской атрибутике и различных оберегах. Посредством выстрела решались споры, гадали и ворожили. Все это обеспечило наличие значительного комплекса различных обрядовых действий, связанных с использованием лука и стрелы. Это свидетельствует о значительном месте образа лука и стрелы в мировоззрении и ритуальной практике бурят.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном месте лука и стрел в комплексе вооружения местного населения XVII–XVIII вв. С конца XVII в. начинается постепенное распространение огнестрельного оружия, к середине XVIII в. отменяются запреты на его применение местным населением, роль лука и стрел в военном деле постепенно снижается. Наиболее продолжительным применение лука и стрел в качестве средства поражения противника наблюдается в южных районах Забайкалья, где они использовались бурятскими казаками в ходе охраны границ. Прекращение их широкого применения в качестве боевого оружия приходится на середину XIX в., что связано с образованием Забайкальского казачьего войска и началом его оснащения наряду с иными воинскими формированиями.

В промысловой деятельности сложный лук применялся вплоть до нач. XX в. Это связано с традицией распространения конных коллективных облавных охот у бурят, для которых лук и стрелы были наиболее предпочтительны. В состязательной деятельности сложный лук применяется до настоящего времени, поскольку стрельба является одной из основных дисциплин традиционной бурятской культуры.

Роль лука и стрел в жизни населения обусловила его место в ритуальной деятельности. Широкое их применение в разнообразных культовых процедурах, связанных со свадебной, погребальной, воинской, гадательной и прочей обрядностью неоднократно зафиксировано специалистами.

Все это подтверждает, что сложный лук являлся важной составляющей бурятской культуры и быта. Именно его длительное сохранение в обиходе бурятских воинов и промысловиков обусловило сохранение универсальной конструкции вплоть до нач. XX в. и формирование значительной источниковой базы. Использование лука и стрел в состязательной деятельности обосновано от иных направлений применения стало причиной изменения конструкции и техники стрельбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматов К.Т. О способе натягивания тетивы лука у средневековых кочевников Азии// Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2016. – Т.15, №7. Археология и этнография. – С. 129-139.
2. Анучин Д.Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. С 73 рисунками в тексте. Оттиск из Трудов V, Тифлисского археологического съезда//М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1887. – 75 с.
3. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюрksких и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время//Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. – 288 с.
4. Бурятские летописи//Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук, 1995. – 198 с.

5. Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Приложение к II тому//Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. – 89 с.
6. Дмитриев С.В. О культурном статусе лука и стрел в традиционной культуре народов Востока//Страны и народы Востока. – 2010 – Вып. XXXIII. – С. 86–107.
7. Доржиева С.П. Стрельба из лука как социокультурный феномен бурятской культуры//Феноменология традиционности и современности. Серия: Культуры. Традиции. Цивилизации. Выпуск 1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – С. 141–148.
8. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят//Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 175 с.
9. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых в XVIII в./Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1968. – С. 248.
10. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов//Перевод с немецкого А.Х. Элерт//М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
11. Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят//Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ Сибирь, 1993. – 73 с.
12. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят//Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – Ч. I. – 156 с.
13. Санданов Б.Д. Эрын гурбан наадан: три игры мужей//Улан-Удэ: Изд-во «Соел», 1993. – 160 с.
14. Татаринов М. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым// Улан-Удэ: Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры, 1958. – 78 с.
15. Хамарханов А.З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария»//Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 143–161.
16. Ханголов М.Н. Собрание сочинений в 3-х т./Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – Т. 1. – 508 с.
17. Худяков Ю.С. Лук и стрелы бурят в эпоху позднего средневековья // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. Часть 1//Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – С. 78-88.

САМТХОИ АСОСИИ ИСТИФОДАИ КАМОНИ МУРАККАБ ДАР ФАРХАНГИ АНЬАНАВИИ БУРЯТХО

Дар мақола самтхои асосии истифодаи камони мураккаб дар фарҳанги анъанавии бурятҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Он дар фарҳанги ҳарбӣ, саноатӣ, рақобатӣ, инчунин дар фаъолиятҳои маросимӣ низ ба таври васеъ истифода мегардид. Таҳлили асанҳои доир ба ин мавзуъ нашршуда нишон доданд, ки тиru камон соли 1851 дар вақти таъсис ёфтани Артиши қазоқҳои Забайкале ҳамчун аслиҳаи ҷангӣ истифода бурда мешудааст ва маҳсусан дар ноҳияҳои наздисарҳадӣ онҳо хело ҳам маъмул будаанд.

Дар фаъолияти моҳидорӣ низ истифодаи онҳо аз сабаби мувоғиқ буданашон барои тирпарронӣ аз асп ва ҳатто ҳангоми шикори дастаҷамъона ба қайд гирифта шуда аст. Дар ибтидои асри XX фарҳанги рақобатии тиru камон низ бештар истифода бурда мешуд ва ҳоло ҳам он мавриди истифода қарор дорад.

Дар ҷорабинҳои маросимӣ аз тиru камон дар рафти баргузории тӯйҳо, маросими дағнӣ, фолбинӣ, ташаббускорӣ ва дигар ҷорабинҳои анъанавӣ низ ба таври васеъ истифода бурда мешуд. Ҳамаи ин боиси то имрӯз мавҷудияти фарҳанги ғаниву аслии тирандозӣ ва соҳтани камонҳои мураккаб ва ташаккули заминai назарраси сарчашмаҳо гардид, ки омӯзиши муфассали маҷмуи мавзуиро имконпазир месозад.

Калидвожаҳо: камони мураккаб, тирҳо, бурятҳо, минтақаи Байкал, силоҳ, шикор, мусобиқаҳо.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СЛОЖНОГО ЛУКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

В статье рассматриваются основные направления применения сложных луков в культуре бурят. Их широко применяли в военном деле, промысловой и состязательной культуре, а также ритуальной деятельности. Проведенный анализ опубликованных работ по теме показал, что как боевое оружие лук и стрелы использовались до образования Забайкальского казачьего войска 1851 г., особенно были распространены в приграничных районах.

В промысловой деятельности их использование обусловлено приспособленностью для стрельбы с коня и фиксируется в ходе коллективных облавных охот даже в начале XX в. В состязательной культуре лук и стрелы используются до настоящего времени.

В ритуальной деятельности лук и стрела широко применялись в свадебных, погребальных, гадательных, инициационных и прочих обрядовых действиях. Все это обусловило существования до настоящего времени богатой самобытной культуры стрельбы и изготовления сложных луков, а также формирование значительной источниковской базы, делающей возможным детальное изучение предметного комплекса.

Ключевые слова: сложный лук, стрелы, буряты, Байкальский регион, оружие, охота, состязания.

MAIN DIRECTIONS OF APPLICATION OF COMPOSITE BOW IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

The article explores the various applications of composite bows in Buryat culture, emphasizing their widespread use in military affairs, hunting, competitive activities, and ritual practices. A review of published works on the subject reveals that bows and arrows served as military weapons even before the establishment of the Transbaikal Cossack Army in 1851, particularly in border regions.

In hunting, the use of composite bows was attributed to their suitability for shooting from horseback, a practice documented during collective round-ups as late as the early 20th century. The tradition of using bows and arrows in competitive culture persists to this day.

Ritual activities also prominently feature the bow and arrow in various ceremonies such as weddings, funerals, fortune-telling, initiation rituals, and other ceremonial actions. This extensive use has contributed to the preservation of a rich and original culture of archery and the craftsmanship involved in creating complex bows. Furthermore, it has resulted in the formation of a significant source base that facilitates a detailed and comprehensive study of this complex and culturally significant subject.

Key words: composite bow, arrows, Buryats, Baikal region, weapons, hunting, competitions.

Маълумот дар борай муаллиф: Харитонов Роман Михайлович - мухандис-муҳаққиқи Институти бостоншиносӣ ва бостоншиносии Академияи илмҳои Русия. E-mail: tengeri_ashina@list.ru

Сведения об авторе: Роман Михайлович Харитонов - инженер-исследователь Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. E-mail: tengeri_ashina@list.ru.

Information about the author: Roman Mikhailovich Kharitonov is a research engineer at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Novosibirsk, Russia. E-mail: tengeri_ashina@list.ru.

УДК 573.6:94 (575.22)

АНТРОПОЛОГИЯ СОКИНОНИ ВАРОРҮД ДАР ИБТИДОИ АСРҲОИ МИЁНА¹

НАВРУЗБЕКОВ М. Н.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Антрапология илм дар бораи пайдоиш, инкишоф, қонуниятҳои дигаргуншавии соҳти бадани одам ва ташаккули нажодҳо мебошад. Хушбахтона то имрӯз ба пажӯҳишгарони ин соҳа муяссар гардидааст, ки антропологияи бахши ҷуғрофии Варорӯди ибтиди асрҳои миёнаро низ мавриди таҳқиқ қарор дода, хулосаҳои ҳудро вобаста ба ҳусусияти нажодӣ ва ғурӯҳи оилаи нажодии ин минтақа пешкаши хонандагон намоянд.

Ногуфта намонад, ки дар тӯли таърих дар бошандагони Варорӯд таҳаввулоти зиёди антропологӣ мушоҳида гардидааст, ки чанде аз онҳо мавриди таҳқиқи пажӯҳишгарон қарор гирифтаанд. Дар мақолаи мазкур таҳқиқи чанде аз вижагиҳои антропологии бошандагони Варорӯди ибтиди асрҳои миёна дар такя ба пажӯҳиши муҳаққиқони ин соҳа анҷом дода шудааст. Маълумот дар бораи ҳусусияти антропологии сокинони аҳди қадимро метавон тарики сарчашмаҳои ҳаттӣ дастрас намуд, аммо дар баъзе ҳолатҳо манбаҳои ҳаттӣ наметавонанд тамоми баҳшҳои ин мавзуро бозгӯйӣ намоянд аз ин ҷиҳат мадракҳои антропологӣ муҳимтарин манбаъ дар таҳқиқи масоили таъриҳӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ҳисобида мешаванд. Дар баъзе мавриҷҳо маводи антропологӣ маълумоти дар сарчашмаҳои ҳаттӣ мавҷудбударо пурра намуда, дар омӯзиши равандҳои этникӣ сарчашмаи муҳим ба ҳисоб меравад.

Инчунин дар таҳқиқоти мазкур маводи палеоантропологии ибтиди асрҳои миёна, ки аз қаламрави имрӯзай Осиёи Марказӣ дар натиҷаи ҳафриёти бостоншиносӣ ба даст омадаанд, таҳлилу баррасӣ гардидаанд. Маводи мазкур санагузорӣ шуда, аз ҷониби мутахассисони соҳаи антропология мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд. Пажӯҳиши маводи мазкур барои омӯзиши таърихиҳои ҳалқи тоҷик аз ҷумла масъалаи этногенези бошандагони асримиёнагии Варорӯд, аҳаммияти бузург дорад.

Ибтиди асрҳои миёна марҳалаи муҳимми ташаккули ҳалқиятҳои Варорӯд ба ҳисоб меравад. Яке аз муҳимтарин вижагиҳои ташаккули таърихии манотиқи мазкур, ин барҳӯрди маданияти мардумони кӯчӣ ва зироаткорони бумӣ мебошад. Кӯчиёни ҷорҷорӣ ва бумиёни кишоварз бо ҳам алоқаи зичи иқтисодӣ доштанд [16, 148-151]. Равобити мазкур боиси он гардид, ки дар ташаккули равандҳои этногенетикӣ таҳаввулот ба вучуд биёд.

Чи тавре, ки маълум аст ибтиди асрҳои миёна дар ҳаёти сиёсии Варорӯд дигаргунҳои куллӣ ба вучуд омаданд. Дар ин давра империяи бузурги Қӯшониён

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи Таърихи ҳалқи тоҷик (асри III-аввали асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.

сукут кард ва иқтисод кохиш ёфта буд, аммо аз миёнаи асри V м. дар натиҷаи рушди муносибатҳои феодалӣ дар Варорӯд боз шаҳрои нав пайдо гардидаанд. Дар ин давра дар Варорӯд вилоятҳои Суғд, Тахористон, Хоразм, Фарғона, Устурушан, Марғиён, Чоч ва гайра вучуд доштанд. Таҳқиқоти антропологӣ нишон дод, ки дар ин давра барои сокинони бумии ин вилоятҳо хусусияти антропологии нажодӣ аврупӣ хос буд. Дар ин бора маводи краниологии (косахонаҳои сар) аз ёдгориҳои ҳудуди Суғд, Хоразм, Тахористон ва Марғиён ба даст омада, дарак медиҳанд [Ҳамон ҷо, 148-155].

Чи тавре, ки маълум аст дар ибтидои асрҳои миёна дар Тахористон ҳалқиятҳои нав бо номи қидориён, ҳайтолиён ва хиёниён ба арсаи сиёсӣ ворид шуданд. Дар масъалаи пайдоиши онҳо байни муҳаққиқон андешаҳо якранг нестанд. Аз ҷумла, ба андешаи С.П. Толстов хиёниён аввал дар резишгоҳи рӯди Ому ва Сир маскун буданд ва ба ҳайати иттиҳоди этникии сакой-массагетӣ ва ҳуннҳо дохил мешуданд [14,213].

Бояд ёдовар намуд, ки масъалаи пайдоиши хиёниён ҳанӯз ҳалли ҳудро наёфта-аст ва чанд назарияи бо ҳам муҳолиф дар байни пажӯҳишгарон вучуд доранд. Аз ҷумла, имрӯз байни олимон назарияе, ки мансубияти хиёниёнро бо ҳуннҳо инкор мекунад ва онҳоро ба қабилаҳои эронитабори Осиёи Марказӣ нисбат медиҳад, бештар пазируфта шудааст. Инчунин бояд қайд намуд, ки то имрӯз маводи краниологии роҷеъ ба хиёниён ҳеле кам ҳастанд ва танҳо чанде аз ғӯристонҳо таҳминан ба онҳо нисбат дода шуданд.

Пайдоиши мансубияти этникии ҳайтолиён яке аз масъалаҳои мубоҳисавӣ дар таърихи Осиёи Марказӣ ба ҳисоб рафта, онҳо дар этногенези бошандагони Осиёи Марказӣ нақши муҳим бозидаанд. Муҳаққиқон аз қабили А.М. Манделштам, С.П. Толстов, В.М. Массон, Ф. Алтхейм ва дигарон ҳайтолиёнро ақвоми кӯчии ҷорводор медонанд, ки ба Помир аз шимол ё аз шимолу шарқӣ омадаанд. Муҳаққиқи чопонӣ К. Енокӣ ва муаррихи рус Л.Н. Гумилёв макони пайдоиши ҳайтолиёнро Помиру Ҳиндкуш мешуморанд [21,232-235]. Ба ақидаи Л.Н. Гумилёв баромади ақвоми ҳайтолӣ ва ватани нахустини онҳо ин водии Яфтали Бадаҳшон мебошад ва баъд онҳо дигар ҳудудҳои ҳамҷаворро низ ба тобеъияти ҳуд даровардаанд. Ин ақидаро бештари муҳаққиқон низ ҷониборӣ намудаанд. Академик Бобоҷон Ғафуров мена-висад, ки ин ғурӯҳҳои этникӣ дар заминаи чанде аз қабоили шарқӣ эронӣ ташаккул ёфтаанд [3, 258].

Бояд гуфт, ки маводи краниологии давраи ҳайтолиён нисбатан кам ҳастанд, аммо новобаста аз ин муҳаққиқон чанде аз ғӯрҳои ба ҳайтолиён мансуббуударо мавриди омӯзиш қарор додаанд. Аз ҷумла, А.Н. Бернштам дар мавзеи Қюқалдаи ағбаи Талдики Қирғизистон ғӯристонеро пайдо намуд, ки ба ҳайтолиён нисбат до-рад. Маводи краниологии ғӯристони мазкурро (7 косахонаи мардона ва 4 занона) антрополог В.В. Гинзбург омӯхта, дар онҳо омезиши аломатҳои ҳам нажодӣ авру-пой ва ҳам муғулиро сабт қардааст. Маводи қабристони Қюқалда оғози раванди омезиши сокинони бумии Осиёи Миёнаро бо қабилаҳои кӯчии турк дар миёнаи ҳазорсолаи I-уми милодӣ нишон медиҳанд [4,252]. Антрополог Т.А. Трофимова бошад тасвири аксҳои шоҳони ҳайтолиро дар асоси сиккаҳо ва маводи краниологии таҳқиқ намуда, сабит соҳт, ки барои ҳайтолиён шакли дигаргункунии сунъӣ хос будааст [15,179-189].

Соли 2012 бо роҳбарии Т.Г. Филимонова дар гӯристони Шаҳидони мавзеи Сари Хосори Балҷувон ҳафриёт гузаронида шуда, бо тахмин он ба замони Ҳайтолиён нисбат дода шуд. Маводи краниологии (1 косахонаи мардона ва 4 косахонаи занона) ин гӯристонро муҳаққиқон Н.А. Дубова ва В.В. Куфтерин таҳқиқ карда, маълум намуданд, ки дар дағншудагон омезиши најоди муғулӣ ва шаклдигаркунии сунъӣ дар косахонаи сар дида намешавад [11, 20-27]. Ба ғайр аз ин муҳаққиқон Ш.Р. Пидаев ва С.И. Мустафоқулов низ гӯристони Тирмизи Кӯҳнаро ба замони Ҳайтолиён нисбат додаанд. Т.Қ. Хочайов косахонаи сари дағншудагони гӯристони Тирмизи Кӯҳнаро чунин тавсиф намудааст: «Барои косахонаҳои сари ин гӯристон шакли-дигаргункунии гирдшакл хос мебошад. Косахонаҳои сари аз ин гӯристон ёфт шуда мезокранӣ¹ (сари мутавассит) буда, рӯйи борику баланд ва бинии нисбатан барҷаста доранд». Косахонаҳои сар ба намуди најоди аврупоии шарқи-баҳри миё-назаминӣ² мансуб буда, омезиши ками муғулӣ доранд [17,52]. Инчунин аз ҷониби Т.Қ. Хочайов симои косахонаи сари мардонаи замони ҳайтолӣ барқарор гардида, ки он аз ҷиҳати шакли антропологӣ ба бошандагони минтақаи ҷанубии Осиёи Марказӣ шабоҳат дорад [19,69].

Дар сарчашмаҳои ҳаттӣ дар бораи сукунати хиёниён дар давраи ибтидои асрҳои миёна дар Варорӯд ёдоварӣ шудааст, аммо дар бораи антропологияи онҳо маълумот хеле кам аст. Дар бораи маҳали сукунати ин қабила ақидаҳо якранг нестанд. Тибқи назари баъзе муҳаққиқон онҳо дар Балх маскун будаанд. Инчунин муҳаққиқи И. Маркварт макони зисти онҳоро дар минтақаи баҳри Каспий, С.П. Толстов мавзеи Кирдори Хоразм ва С.К. Кабанов дар Нахшаби поёноби Кашқадарё медонанд. Дар бораи симои зоҳирӣ кидориён дар сарчашмаҳои ҳаттӣ маълумоти хеле кам боқӣ мондааст. Муаррихи сурӣ Иешту Стилит хиёниёнро ба ҳуннҳо шабоҳат медиҳад ва қайд мекунад, ки хиёниён аслан ҳуннҳо мебошанд. Муаррихи румӣ Аммиан Марселлин навиштааст, ки симои хионитҳоро бисёр зебо ва симои ҳуннҳоро нисбатан зиштрӯй тасвир намудааст. Муҳаққики мазкур инчунин роҷеъ ба ҷанд одати дағни хиёниён маълумот додааст. Мавсуф қайд намудааст, ки хиёниён мурдаҳои худро месӯzonиданд. Ба ғайр аз ин тибқи таҳмини ӯ ҳуннҳо ва хиёниён гурӯҳҳои муҳталифи этникӣ мебошанд [1]. Одати сӯзондани часадро С.П. Толстов дар шаҳраки Кангалқалъа ва Куняузи соҳили чапи рӯди Хоразм низ мушоҳида намудааст. Дар такя ба ин С.П. Толстов пешниҳод менамояд, ки ватани аслии хиёниён соҳилҳои баҳри Арал буда, онҳо аз ҷиҳати антропологӣ ба туркменҳо бештар шабоҳат доранд [14,363].

Мансубияти хиёниён ба қабилаҳои эронитабори Осиёи Марказӣ ва тафовути онҳо аз ҳуннҳоро маълумоти бостоншиносӣ низ тасдиқ мекунанд. Дар бисёр ёдгориҳои Осиёи Миёна, аз ҷумла, дар одати дағнкуни осори сӯзонидани часадҳо ба

¹ Мезокефалия, мезокрания (ион. μέσος - миёна) нишондихандай косахонаи сар ба 76-80, 9% баробар мебошад ва косахонаи сари мутавассит ва паҳнро тавсиф мекунад.

² Нажоди баҳримиёназаминӣ яке аз шоҳаҳои ҷанубии најоди қалони аврупоӣ буда, аз ҷониби ҷомеашиносӣ фаронсавӣ Ҷ.Лапужӣ дар охири асри XIX мӯайян карда шудааст. Барои најоди мазкур мӯй, ҷашм ва пӯсти сиёҳ, ҷехраи борик, бинни рост ё барҷаста, қомати миёна ва косахонаи сари мезо-долихокрани (сари мутавассит ва борик) хос мебошад. Дар таркиби најоди баҳримиёназаминӣ олимон якчанд навъи маҳаллиро ҷудо мекунанд. Дар замони асри биринҷӣ аз соҳилҳои Баҳри Миёназамин то сарҳади Фарғони Чин паҳн гардида буд. Аз замонҳои қадим дар нохияҳои ҷанубии Осиёи Марказӣ, ҳусусан дар байни вилоятҳои кишоварзӣ байни сокинони бүмӣ бартарият дошт.

қайд гирифта шудааст. Маводҳои краниологӣ дар қўргонҳо ва гўристонҳои Калкансои ноҳияи Навой, гўристони назди шаҳри Қаршии вилояти Қашқадарё, Кангақалъя ва Куняз дар Хоразми Ўзбекистон ба хиёниён нисбат дода шуданд. Маводи краниологии ёдгориҳои зикршуда ба асрҳои III - VI милодӣ мансуб мебошанд. Маводи краниологии гўристони Калкансои аз ҷониби Т.Қ. Ҳочайов ва маводи краниологии гўристони назди шаҳри Қарширо бошад В.Я. Зезенкова таҳқиқ намуда, чунин натиҷагирий намудаанд: «Ҳамаи косахонаҳои сар (ба гайр аз байзе ҳолатҳо) нишонаҳои шаклидигаргункунии гирдшакл дошта, мисли косахонаҳои сари ҳайтолиён зебо буда, ба оилаи нажоди шарқӣ-баҳримиёназамий мансубанд ва дар онҳо омезиши аломати нажоди муғулӣ кам ё тамоман дида намешавад. Чунин шакли антропологӣ барои косахонаҳои сари дағншудагони Куняз ва Кангақалъя низ хос мебошад, аммо дар онҳо омезиши аломати нажоди муғулӣ дида мешавад» [19,71].

Роҷеъ ба пайдоиши тоифаи кӯчии кидориён андешаҳои гуногун вучуд доранд. Масалан, тибқи маълумоти яке аз манобеъ кидориён аз Олтой ба Суғд дар асри IV кӯчида омадаанд ва дар симои зоҳирӣ онҳо хусусияти аломати аврупой ва муғулӣ доштанд [20,171]. Мутаассифона, маводи палеоантропологӣ роҷеъ ба антропологияи кидориён то ҳанӯз дастраси олимон нашудааст ва аз ин сабаб мансубияти нажодии онҳоро муайян намудан хеле душвор мебошад.

Дар нимаи дуюми асри VI давлати Ҳайтолиён суқут кард ва Варорӯд тобеи ҳоқонии гарбии турк шуд. Маводи антропологӣ роҷеъ ба давраи аввали маскуншавии ин қабилаҳо хеле каманд. Тибқи маводи палеоантропологӣ омадани аввалин қабилаҳои туркзабон ба Осиёи Миёна барвақтар аз асри VII санагузорӣ шудааст. Дар такя ба маводи краниологӣ муҳаққиқон роҷеъ ба мавҷудияти аломатҳои нажоди аврупой ва ё дараҷаи гуногуни аломати нажоди муғулӣ доштани туркхоро қайд намудаанд. Пажӯҳиши маводи антропологӣ собит менамояд, ки аввалин қабилаҳои турке, ки ба Варорӯд омадаанд, аз ҷиҳати шакли антропологӣ гуногунтаркиб буданд.

Маводи краниологии Забайкали мансуби ҳазораи I-ум аз ҷониби антрополог Г.Ф. Дебес таҳқиқ шуда, нишон дод, ки туркҳо, қиёфаи нажоди муғулӣ бе омезиши аврупой доштанд [5,199]. Вале туркҳое, ки ба Варорӯд ворид шуданд аллакай омезиши аврупой доштанд. Мувофиқи ақидаи Н.А. Дубова қабилаҳои туркӣ ҳангоми аз Забайкал ба воситаи Қазоқистон гузаштан ба даштҳои Аврупои Шарқӣ ва ҷануби Осиёи Марказӣ бо аҳолии маҳаллӣ дар аксар мавридҳо бо аҳолии дорои қиёфаи аврупоидошта омезиш ёфта, то омадан ба Осиёи Миёна аллакай омезиши муғулӣ-аврупой доштанд. Таҳқиқи соматологии (чисми зинда) аҳолии мусоири Тоҷикистони Шимолӣ дар солҳои 70-уми асри XX аз ҷониби Н.А. Дубова чунин натиҷагирий гардидааст: «таҳқиқоти солҳои 70-уми асри XX дар ноҳияи Уротеппа нишон дод, ки қабилаҳои турк (он вақт ҳамон номи худро нигоҳ доштанд) бо фарқият аз тоҷикони ҳамсояшон амалан омехтаи нажоди муғулӣ надоранд, бо вучуди ин тоҷикон низ дар садсолаи гузашта бо микдори кам омехтаи нажоди муғулиро аз худ карда буданд» [6,184].

Ёдгории Байтудашт мансуб ба асрҳои VII-VIII милодӣ, воқеъ дар ноҳияи Панҷ аз рӯйи хулосаи бостоншиносон ба давраи омадани туркҳо ба Тахористон рост

меояд. Дар байни косахонаи сари гурӯҳи мардана антрополог Т.П. Кияткина ду намуди антрополигро тавсиф мекунад: якум, долихокранӣ¹ (сари дароз) бо чехраи борик, косахонаи чашми паст ва бинии барҷаста ва дуюм брахиқранӣ² (сари мутавассит ва ё паҳн) бо косахонаи чашми баланд ва бинии аксаран баромада. Кияткина Т.П. дигар косахонаҳои сари марданаро якхела тавсиф кардан номумкин мешуморад, зоро дар онҳо аломатҳое вучуд доранд, ки имкон намедиҳанд, ба ин ё он намуди антропологӣ нисбат дода шаванд. Инчунин Т.П. Кияткина дар байни косахонаҳои сари занона низ якчанд намуди антрополигро чудо менамояд, ки аз ҳамдигар фарқ доранд. Яке аз косахонаҳои сар қиёғаи аврупой дошта, аз рӯйи хусусияти морфологии худ ба нажоди баҳримиёназамий алоқаманд аст. Чанд косахонаҳои сари дигар дорои чунин хусусиятҳо: чехраи баланд ва паҳн хос барои нажодӣ Осиёи Марказии³ муғулиро доранд. Гайр аз ин, байзе косахонаҳои сари аз гӯристони Байтудашт дар худ хусусиятҳои антропологии барои нажоди Мовароуннаҳриро (Помиру Фарғонагӣ бо истилоҳи антрополог Ярҳо)⁴ инъикос мекунанд. Тибқи таҳқиқоти антропологии Т.П. Кияткина дар гӯристони Байтудашт гурӯҳҳои гуногуни омехта дучор мешаванд. Ба андешаи Т.П. Кияткина антропологияи гурӯҳи туркизабони Байтудашт ба гурӯҳи нажодии қарлуқҳои имрӯзai Тоҷикистони Ҷанубӣ шабоҳат доранд [9,119-134], [10].

Бояд қайд намуд, ки қарлуқҳо аввалин қабилаҳои турканд, ки дар асри VII ба Варорӯд омадаанд. Антропологи рус А.И. Нечвалод аз рӯйи косахонаҳои сар, симои яке аз косахонаҳои сари зани аз Байтудашт пайдонамударо барқарор намуд ва онро аз рӯйи хусусияти морфологӣ бо косахонаҳои сари туркҳои Тиёншон (асрҳои VI- VIII милодӣ) ва Қазоқистон (асрҳои VIII-X милодӣ) шабоҳат медиҳад [12,56]. Аз маълумоти ироагардида бармеояд, ки раванди омезиши сокинони бүмӣ бо қабилаҳои турк хеле суст буда, дар вилоятҳо ҷудогонаи Варорӯд гуногун мегузашт ва бештар он дар маводи краниологии қӯчиёни вилояти Ҷоч зоҳир мегардад. Дар минтаҳои кишоварзӣ омезиши сокинони бүмӣ бо қабилаҳои турк камтар ва ё тамоман зоҳир нашуда, сокинон ба мисли пештара қиёғаи аврупоии худро нигоҳ мешоштанд.

Пажӯҳишгарон дар такя ба таҳқиқи маводи краниологии Варорӯд ибтидои асрҳои миёна чанд намуди антрополигро чудо менамоянд, ки минтаҳои гуногуни паҳншавӣ доранд. Яке аз онҳо намуди ҷануби Сибирии нажоди муғулӣ, ки он дар таркиби сокинони шимолу шарқии Варорӯд (водиҳои Ҳафтрӯд, Ҷуй ва Талас) паҳн гардида буд. Дар ҷанубу шарқӣ бошад, намояндаи нажоди аврупой бо омештанд.

¹ Долихоcefалия, долихокрания (юнонӣ. δολιχός - дароз) шакли сарест, ки таносуби паҳнони сар нисбати дарозии он ба 75,9% ё камтар баробар аст. Ҷенкуни нишондихандоҳои косахонаи сар бо усуљҳои соҳаи антропологияи физикий краниометрия ва кефалометрия амали мегарданд.

² Брахицефалия, брахиқрания (юнонӣ. brachús - кӯтоҳ ва кефалát - сар) таносуби дарозӣ ва бари сар, ки барапон ба 80,9% баробар аст.

³ Нажоди Осиёи Марказӣ дар ҳайати нажоди қалони муғулӣ буда, барояшон хусусиятҳои зерин: мӯйи дурушти сиёҳ, ҷашмони тира ва танг, риши хеле занӣ, бинии каме барҷаста, баландии бинӣ аксаран барҷаста, , чехраи баланду паҳн, ҷумҷумаи паст ва паҳн хос мебошанд.

⁴ Нажоди Мовароуннаҳри ё Помиру Фарғонагӣ ба ҳайати нажоди қалони аврупой дохил шуда, барояшон чунин хусусиятҳо: қомати аз миёна болотар, мӯй ва ҷашмони сиёҳ, пусти сиёҳ, сари мутавассит (брахиcefалия), бинии борик, риши ва афзоиши мӯйҳои бадани қавӣ хос аст. Мағфуми нажоди аввалин Мовароуннаҳриро антрополог Л.В.Ошанин пешниҳод кард ва антрополог Ярҳо онро Помиру Фарғонагӣ номид. Дар Осиёи Марказӣ ба нажоди мазкур тоҷикон (асосан тоҷикони қӯҳистон) ва ўзбекҳо дохил мешаванд ва бо доштани дараҷаи хусусияти омезиши муғулӣ аз ҳамдигар фарқ мекунанд. Оид ба пайдоиши ин нажод назарияҳои муҳталиф вучуд доранд.

зишӣ ками муғулӣ (шаҳраки Ақбешим) бартарият дошт. Бо маълумоти Т.Қ. Хочай-ов инчунин намояндагони нажоди ҷануби Сибирӣ дар вилоятҳои ғарбӣ, аз қабили Тошканд (Қуғайтеппа ва Тоқатеппа), Марғиён (Гяурқалъа), Устурушани ғарбӣ (Чиззах), Хоразм ва мулки Кирдор (Тоққалъа, Миздоҳкон) низ афзалият доштанд, ки дар таркибашон ҳам аломатҳои аврупой ва ҳам муғулӣ ба назар мерасид. Намуди тозаи нажоди аврупой дар вилоятҳои марказии Варорӯд, дар байни сокинони водиҳои Зарафшону Қашқадарё, як қисми Хоразм ва Туркманистони Ҷанубӣ паҳн гардида буд. Дорандагони ин қиёфаи антропологӣ асосан дар замони биринҷӣ дар водии Зарафшон, Туркманистони Ҷанубӣ ва мулкҳои болооби Ому сукунат мекард. Инчунин намуди дигари аврупой, ки мавқеи миёнаро байни нажодҳои Баҳримиёна-заминиӣ ва Мовароуннаҳрӣ ишғол менамояд дар ҳайати сокинони Туркманистони Ҷанубӣ, Хоразм ва ноҳияҳои шарқии водии Зарафшон бартарият дошт. Барои ин намуди антропологӣ хусусияти зерин хос мебошад: косахонаҳои сари мезобрахикраннӣ (сари мутавассит ва паҳн), чехраи баланд, борик-миёна хос аст. Лекин хусусиятҳои он дар таркиби бошандагони ибтидои асрҳои миёнаи Варорӯди Марказӣ назар ба воҳаи Хоразм бештар ба назар мерасад [18,6-13]. Нажоди Мовароуннаҳрӣ ё Помири Фарғонагӣ яке аз зергурӯҳи шарқии нажоди аврупой буда, ба он асосан тоҷикони муосир мансуб мебошанд. Роҷеъ ба пайдоиши он байни пажӯҳишгарон ақидаҳои гуногун вучуд дошта, ин масъалаи ҳанӯз дар илми антропология мубоҳисавӣ боқӣ мондааст. Н.А. Дубова ҳангоми омӯзиши соматологии сокинони муосири Тоҷикистон дар ҳайати нажоди Мовароуннаҳрӣ ду шакли антропологиро ҷудо намуда, онҳоро сугдӣ ва боҳтарӣ номгузорӣ кардааст [7,34-45]. Ин намудҳои нажоди Мовароуннаҳрӣ (шимолӣ, марказӣ ва ҷанубӣ тибқи таснифоти Пестрјаков) ё Помири Фарғонагӣ дар ибтидои асрҳои миёна дар водиҳои Фарғонаву Зарафшон, болооби рӯди Ому, воҳаҳои Хоразм, Туркманистон ва Ӯзбекистони Ҷанубӣ аллакай мавҷуд буданд [18,10].

Дар асоси таҳлили адабиёти антропологӣ метавон гуфт, ки ба сокинони буимии Варорӯд ба мисли пештара (замони биринҷӣ, оҳан ва антиқӣ) дар ибтидои асрҳои миёна низ аломати антропологии аврупой хос буд. Дар муқоиса бо замони антиқӣ сокинони ибтидои асрҳои миёна аз ҷиҳати антропологӣ яктаркиба ва бештар дорои қиёфаи аврупой мегардад. Дар давраи антиқӣ сокинони шаҳрӣ хусусияти антропологии омада, асосан қабилаҳо кӯҷӣ, ки бо худ оmezishti муғулӣ ва тафиири шакли сунъии косахонаи сар ба Варорӯд оварда буданд, аз худ менамояд, вале аҳолии дехот шакли пештараи аврупоиро нигоҳ медорад. Дар ибтидои асрҳои миёна бошад сокинони шаҳрӣ боз ҳам бештар дорои қиёфаи аврупоиро мегирад. Аз ибтидо то оҳири асрҳои миёна кӯчиён бештар дар дехаҳо маскун мешаванд ва аломати муғулӣ дар аҳолии дехаҳо нисбат ба шаҳрҳо зиёдтар мегардад. Тибқи маълумоти мавҷудбудаи антропологӣ се марҳалаи воридшавии аломати муғулӣ ба Варорӯд-Мовароуннаҳр маълум аст: марҳала якум - аз миёнаи ҳазорсолаи I то милод то асрҳои II-III милодӣ; марҳалаи дуюм - асрҳои IX-XII милодӣ ва марҳалаи сеюм - асрҳои XV-XVI милодӣ [16,154-155].

Дар марҳалаи якум оmezishti нажоди муғулӣ бо теъоди каме фақат дар вилоятҳои чудогонаи Варорӯд ба вучуд меояд. Дар ибтидои асрҳои миёна бошад раванди оmezishti аломатҳои нажоди муғулӣ бо нажоди аврупой дар Варорӯд хеле кам ба назар мерасад, аммо дар марҳалаи дуюм ва сеюм раванди оmezishti ало-

матҳои нажодҳои аврупой ва муғулӣ дар Мовароуннаҳр зиёд мегардад. Дар ибтидои асрҳои миёна нажоди Мовароуннаҳрӣ (Помири Фарғонагӣ) аллакай байни сокинони Варорӯд паҳн гардида буд. Тоҷикони мусосир низ ба нажоди Мовароуннаҳрӣ мансуб буда, хусусиятҳои он асосан дар шакли тоза дар қиёфаи тоҷикони кӯҳистон хеле равшан зоҳир мегардад.

Ҳамин тавр, маълумоти антропологии сокинони ибтидои асрмиёнаи Варорӯд бо маълумоти маъхазҳои ҳаттӣ мувоғиқ буда, шояд дар оянда бо ба даст омадани маводи нави краниологӣ ва ташхиси онҳо бо усулҳои мусосир антропологӣ боз ҷанде аз масоили мубоҳисавии пайдоиши бошандагони Варорӯд ҳаллу фасл ёбад. Инчунин бояд хотиррасон намуд, ки дар асоси таҳлили бештари маводи антропологӣ, ки дар натиҷаи ковишҳои бостоншиносӣ аз гӯристонҳои бошандагони Варорӯди ибтидои асрҳои миёна ба даст омадаанд метавон гуфт, ки барои тамоми ақвоми буҷумии ин минтақа ҳанӯз қабл аз милод хусусияти нажоди аврупой ҳос буд ва танҳо бо омадани ҷанде аз ақвоми кӯҷии турк дар баҳше аз вилоятҳои Варорӯд омезиши нажоди муғулӣ мушоҳида мешавад. Таҳлил ва ташхиси маводи антропологӣ бори дигар собит соҳт, ки нахустин бошандагони сарзамини Осиёи Миёна ин мардумони аврупосимо: аҷдодони ориёиҳо-тоҷикон буда, намояндагони нажоди муғулӣ хеле дер ба ин сарзамин ворид гардидаанд.

АДАБИЁТ

- 1.Аммиан Марцеллин. Римская история//Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского. (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб.: Алетейя. 1994. -558 с.
- 2.Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших, в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950. -334 с.
- 3.Б.Г Гафуров. Таджики. Т. 1. Душанбе, Ирфон, 1989. -384с.
- 4.Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. -371 с.
- 5.Дебец Г.Ф. Палеоантропология ССР. ТИЭ.ТIV. -Москва, 1949. -394 с.
- 6.Дубова Н.А. Распределение антропометрических признаков в Северном Таджикистане// Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. - М., 1976. -С.184
- 7.Дубова Н.А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. -С.34-45.
- 8.Дубова Н.А. Антропологический состав таджиков Северного Таджикистана: Автореф. дис... канд. биол. наук. М., 1979. -20 с.
- 9.Кияткина Т.П. О тюрках в древнем Тохаристане (Материалы из могильника Байтудашт)// Материалы к антропологии уральской расы: Сб. ст. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. -С. 119-134.
- 10.Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, Дониш, 1976. -190 с.
- 11.Куфтерин В.В., Дубова Н.А. Краниология «эфталитов» по материалам из могильника Шахидона (Южный таджикистан // Вестник антропологии. -Москва, 2017. -№2 (38). -С.20-27.
- 12.Нечвалод А.А. Тюрки из Байтудашта /Лицом к лицу, альбом скульптурных и графических антропологических реконструкций. -Москва: Старый сад, 2015. -106 с.
- 13.Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М. - Л.: Наука, 1947. – 214 с.
- 14.Толстов С.П. Кесь А. Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», М. - Изд. АН СССР, 1960 г. - 363 с.
- 15.Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности//История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 179-189.
- 16.Ходжайов Т.К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии//Этнографическое обозрение. №2, М., 2000. -С.149-155.

- 17.Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автографат докторской диссертации. Москва, 1981. -52 с.
- 18.Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антрапологические исследования). Ташкент, Фан, 1987. -207 с.
- 19.Ходжайов Т.К., Абдулаев К. Население Кушанской Бактрии (антрапологические, письменные источники и изобразительное искусство // LAP Lambert Academic Publishing, 2011. -146 с.
- 20.Ancient History of Central Asia: Yuezhi origin Royal Peoples: Kushana, Huna, Gurjar and Khazar Kingdoms, Adesh Katariya, 2007, P. 171.
- 21.Enoki K. The origin of the White Huns of Hepthalites // East and West. New series. Vol. 6, № 3. Roma, 1955. pp. 232-235.

АНТРОПОЛОГИЯ СОКИНОНИ ВАРОРҮД ДАР ОФОЗИ АСРҲОИ МИЁНА

Мақола дар асоси маълумоти мавҷудбудаи антрапологӣ хусусияти антрапологии сокинони бумӣ ва омадагони минтақаи таъриҳӣ-ҷуғрофии Варорӯди асримиёнагӣ тавсиф шудааст. Маълум шуд, ки маълумоти антрапологӣ дар омӯзиши равандҳои этникӣ ва симои зоҳирӣ аҳолии асримиёнагии Варорӯд муҳимтарин манбаъ ба ҳисоб мераванд ва баррасии онҳо хеле мубрам мебошад. Ҳангоми таҳлили мавод муайян карда шуд, ки сокинони ибтидои асримиёнагии Варорӯд дори аломатҳои аврупой буда, раванди омехташавӣ бо омадагон ба хусусияти морфологии сокинони бумии минтақаи таъсири на он қадар зиёд расонд. Файр аз ин, дар асоси таҳлили манбаҳои антрапологӣ нишон дода шуд, ки ҳайати сокинони Варорӯди асримиёнагӣ аз ҷиҳати антрапологӣ нисбат ба замони бостон яктаркиба буд.

Калидвоожаҳо: маълумоти антрапологӣ, ибтидои асрҳои миёна, сокинон, хиёниён, кидориён, ҳайтолиён, равандҳои этникӣ, омехташавӣ, хусусиятҳои антрапологӣ, мансубияти најсадӣ

АНТРОПОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВАРОРУДА

В данной статье освещаются антрапологические особенности раннесредневекового населения историко-географического региона Вароруд. На основе имеющихся антрапологических данных акцентируется важность этого источника для изучения этнических процессов и облика населения Вароруда в средние века, подчеркивая актуальность обзора этих материалов.

В ходе анализа было выявлено, что раннесредневековое население Вароруда в основном обладало европейскими чертами, и процесс смешения с пришельцами оказал небольшое влияние на морфологические особенности регионального населения. Более того, на основе антрапологических источников продемонстрировано, что антрапологический состав средневекового населения Вароруда был схож с составом античного времени, обеспечивая единообразие в этом аспекте.

Ключевые слова: антрапологические данные, раннесредневековая, население, хианиты, кидариты, эфталиты, этнические процессы, смешение, антрапологические особенности, расовая принадлежность.

ANTHROPOLOGY EARLY MEDIEVAL POPULATION OF VARORUD

This article focuses on the anthropological features of the early medieval population residing in the historical and geographical region of Varorud. It underscores the significance of anthropological data as a valuable source for studying ethnic processes and understanding the characteristics of the Varorud population during the Middle Ages. The importance of reviewing these materials is emphasized.

The analysis of available anthropological data indicates that the early medieval population of Varorud predominantly exhibited European features, and the influence of intermixing with other groups had minimal impact on the morphological traits of the regional population. Furthermore, based on anthropological sources, the article demonstrates that the anthropological composition of the medieval

population in Varorud resembled that of ancient times, suggesting continuity and uniformity in this aspect.

Key words: Anthropological data, beginning of the Middle Ages, population, Khiyanites, Kidarites, Hepthalites, ethnic processes, mixing, anthropological features, racial identity.

Сведения об авторе: Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович – научный сотрудник отдела этнологии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025, Республики Таджикистан, г.Душанбе, пр.Рудаки, 33. Тел: (+992) 93-840-45-40. E-mail: n-masnav83@mail.ru

About the author: Navrzbekov Masnav Niyzmamadovich – research fellow at the Department of Ethnology and Historical Anthropology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. Tel: (+992) 93-840-45-40. E-mail: n-masnav83@mail.ru

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
УДК 7.031.5 (575.22) :39

СИМВОЛ РУКИ НА ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА И СОГДА¹

КАЛАНДАРОВА О.И.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Одним из древнейших антропоморфных образов в ювелирном искусстве Бактрии-Тохаристана и Согда является изображение *руки*.

Символ руки был популярен на ювелирных украшениях в таджикских материалах. Так, на поселении Ак-тепа в помещении 10 (середина IV-V вв.) в Шахриузском районе была обнаружена костяная булавка женской причёски (рис.1.1) [21, 141]. На навершие которой передана раскрытая кисть руки. Ладонь плоская, выпуклая в нижней части, тыльная сторона выпуклая. Навершие отделено от стержня манжеткой и желобком. Аналогичное изображение раскрытой кисти руки открыто на бронзовых перстнях Булгарского городища XIVв. [20, с.29].

Среди инвентаря, сопровождавшего погребенных в склепах Курката (IVв.), была обнаружена серия оригинальных подвесок-амулетов из египетского фаянса, бронзы, кости и коралла. Подвески, несмотря на отдельные различия в деталях, однотипны и все они представляют собой схематичное изображение руки с отверстием для подвешивания (рис.1.2-6) [18, 149].

По мнению А.К. Мирбабаева аналогичные подвески входили в погребальный инвентарь женских захоронений, это подтверждает их связь с женским культом плодородия [18, 150]. Аналогичные подвески наблюдаются в европейской части России в Причерноморье [2, 69].

Интерес к функции руки, как основного средства производства и созидательной силы, возник у наших предков не сразу [17, 19]. Очевидно, население Бактрии-Тохаристана и Согда понимали, что рука является не только орудием труда, но и его прямым продуктом. В конце II тыс. до н.э. в период начала сложения «Авесты», наши предки уже придавали большое значение силе руки, что зафиксировано в источнике. Так, в «Видевдате» говорится:

¹ Статья написана в рамках проекта «Археология Таджикистана» (от каменного века до позднего средневековья), государственный регистрационный номер РБ0121ТJ1212.

«Бездостна же земля, что долго
Невозделанной лежала
[Предназначенная] для возделывания земледельцем...,
Кто эту землю обрабатывает, о Спитама-Заратуштра,
Левой рукой и правой,
Правой рукой и левой
Приплод приобретает...
Так земля сказала: «О муж!
Меня ты обрабатываешь
Левой рукой и правой.
Правой рукой и левой.
Воистину насыщу
Воистину буду приносить...»
(«Видевдат» 3. 24-27)

Из приведенного отрывка следует, какое значение имела тогда рука в процессе возделывания земли.

Из «Авесты» известно, что граница между владениями арийцев и туранцев была установлена после того, как богатырь Эрехш (среднеперс., перс.итадж. Ораш). «Стрелок из арьев лучший», выпустил стрелу из лука с горы Арьяхшута в восточную сторону. Стрела долетела до горы Хванавант («Яшт» 8. 37), отождествляемой с горой Кугитанг (юго-западная часть Гиссарского хребта) [29, 59]. Так была установлена граница по реке Амударья. «Шахнаме» продолжает авестийскую традицию об определении границы между арийцами и туранцами [27, 316]. Почему именно Эрехшу доверили стрелять из лука? Это объясняется тем, что во время натягивания тетивы лука требовалась богатырская сила и мастерство рук, какими он обладал.

Следует отметить, что в «Авесте» сохранилось описание богини воды и плодородия – Ардвисуры-Анахиты, где говорится о ее «воистину прекрасных руках, которые мощнее, чем конские бедра» («Яшт» 5.7), что доказывает принадлежность руки к культу плодородия [17, 23].

Символ руки у таджиков возник из самой природы. Так таджикские поговорки гласят: «Руки творца – созиатель всех земных благ», «Рука сама по себе - золотой браслет» [25, 45]. Это подтверждает о том, что древние представления о культе руки сохранились у таджиков до настоящего времени.

Среди населения Бактрии-Тохаристана и Согда культ руки был связан не только с плодородием, но имел и другие значения [18, 124].

В данном контексте чрезвычайно интересными оказались амулеты-подвески из египетского фаянса в виде «кукиша» из могильника Туп-хона (I-III вв.) (рис.2.7-8) [17, 156].

Особый интерес вызывает фрагмент пластинки от перстня из городища Тепаишах (II-III вв.) [18, 134], на которой представлена протянутая рука в рукаве с обшлагом, держащая венок из цветов. От руки вверх и вниз отходят по три штриха (рис.2.9). Подобный мотив руки встречается на памятнике из Беркут-кала [20, 104], где выявлено несколько каменных подвесок, представляющих собой схематичное изображение ладони на треугольном хальцедоне. На подвесках отмечены пять согну-

тых пальцев, расположенных в ряд. Ладонь, рельефно не выделена совсем, а лишь обозначена штрихами и линиями. Бытование таких подвесок наблюдается и в более поздние периоды – средние века. Подвески, схематично изображающие сжатую в кулак руку, имеются в Кават-кале (XIII в.) [3, 135].

Рука выражала знак династической верности. Табари в рассказах о первых сасанидских царях пишет: «Когда доносчики поставили в известность Шапура I (241-272 гг.) о намерении его сына Хормузда Арташира занять престол отца, Хормузд якобы в знак верности короне отца отрубил себе руку ниже локтя, упаковав её сопроводительным письмом, и отослал из Хорасана ко двору отца». Таким образом, он снял с себя все подозрения. Далее Табари пишет, что «...по обычаям Сасанидских царей, человеку с физическим изъяном не разрешалось занимать царский трон... Вскоре Хормузд всё же не пренебрёг престолом отца, и после смерти Шапура I [5, 49].

Бытует еще одно значение руки: в далёком прошлом она исполняла роль счётного механизма. При таком счёте каждый палец проявлял особую единицу, в виде чего древние торговцы пользовались умножением, даже имея дело с крупными цифрами [17, 134]. А.А. Бобринский отмечал: «...число пять в древности было связано с числом дней недели, а рука с пятью пальцами была эмблемой солнечных божеств» [9, 32].

У населения Бактрии-Тохаристана и Согда отмечалось еще одно представление о назначении руки. Так, в своих верованиях наши предки связывали левую руку с мужским полом, солнцем и с левой стороной, а правую рук с женским полом, луной и правой стороной соответственно [29, 170, 30, 67].

В «Бундахишне» воспроизведена древнеиранская мифология о сотворениях Ахура-Мазды. В источнике говорится, о том, как были сотворены все живые существа на земле, в том числе и человек. «Это были первородный бык, которого называли Первородный Скот или просто Скот (некое двуполое создание), и первородный человек (Гайомарт) мужского рода. Скот был создан Ахура-Маздой «в Эранвеже, в центре земного мира, на правом берегу благой реки Дайтия и был тот скот белым и смелым, как луна» («Бундахишин» 1.1-18). Далее говорится в источнике: «Когда Скот умер, упал он на правую руку. Затем всё, что было светлое и чистое в семени Скота было передано сфере луны. Это семя было очищено в свете луны. Ахура-Мазда одновременно со Скотом сотворил и Гайомарт. Это случилось тоже в Эранвеже, но на левом берегу р. Дайтии и сиял он как солнце. Вслед за скотом умер Гайомарт и упал он на левую руку. Гайомарт, умирая, испустил семя. Оно было очищено вращением света солнца. Потом через 40 лет из этого семени произошли первые люди на земле» («Бундахишин» 1.1-28). Из изложенного источника следует, что данные оппозиции систематизируются в две противостоящие группы: в одну включаются луна и понятие «правый», в другую – солнце и понятие «левый» [25, 67].

Заметим, что в древности встречалось еще одно назначение руки. Символ руки считался охранным знаком от болезней и злых духов. Существовали действия, которые совершались правой и левой рукой. Правая рука была чистой и доставляла счастье, удачу, благополучие, а левая рука приносила несчастье во всех её проявлениях [12, 169].

Символика руки, как созидающая и дарящая благо силы, занимает важное место в поверьях таджиков. Этнографические исследования показали, что отголоски этих представлений сложились в свадебных обрядах таджиков. Так, в Каратаге перед тем, как невесте войти в дом жениха, её правую руку трижды погружали в мешок с мукой или в сосуд с маслом [4, 145]. Смысл ритуала прост: пусть невеста доставит в дом мир и достаток. Эту же цель преследовали и таджики долины Хуф в Горно-Бадахшанской автономной области, веря в магическую силу руки во время церемонии «открывания лица невесты» [4, 149].

Можно привести ещё один пример, когда во время праздника Навруз женщина опускала в муку ладонь правой руки и наносила её отпечаток с четырёх сторон на глиняный столб (такистан). Этот столб по поверьям олицетворял бога-творца Муртазо-Али, обращение к которому приносило благодать дому и успех в хозяйственных делах в новом году [29, 92].

На наш взгляд, этот обряд имеет доисламские традиции, так как отпечаток наносился с четырех сторон, что, согласно зороастрийской традиции, означает четыре стороны света, которые олицетворялись четырьмя стихиями (огонь, воздух, земля, вода). Зороастрийцами в обрядовой традиции (свадьба, рождение ребенка и т.д.) широко используется мука [18, 15].

Пережиточные явления культа руки сохранились также в Согдийской области. Во время ритуала обрезания мать мальчика, сидя в другой комнате, держит мизинец правой руки в чашке с мукой. Этим самым она как бы облегчает боль сыну, а мука как символ света – удаляет злых духов [33, 48]. Здесь также прослеживается влияние доисламских традиций.

Среди обычаем таджиков Каратегина, связанных со смертью, существовал обряд сохранения для дома «благодати руки». Если умирала старшая из женщин в доме или глава семьи, то ладонь умершего тёрли о кусочек соли или теста, который затем сохраняли [27, 234].

Итак, анализ ювелирных украшений позволил нам прийти к заключению, что в зороастризме символика руки приобрела ранг культа, и соответственно возникли обряды и поверья, связанные с символом руки, которые широко практиковались населением Бактрии-Тохаристана и Согда.

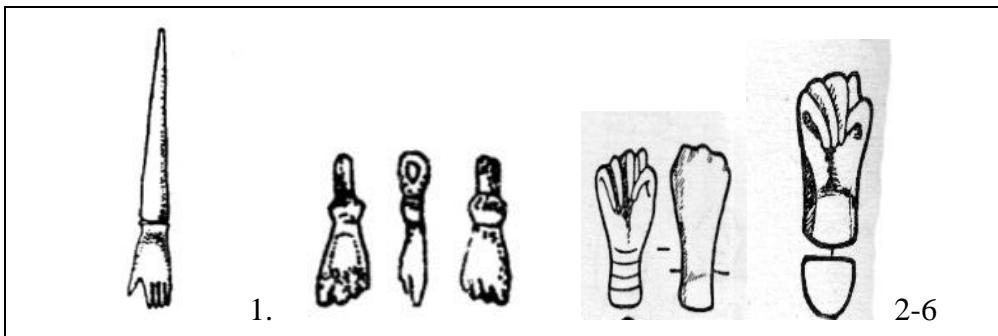
ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. – СПб: «Журнал Нева», «Летний Сад», 1998. – 480 с.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья /Е.М. Алексеева//САИ. Вып. Г 1 – 12/2. – М.: Наука, 1978. – 123 с.
3. Ахорров И., Усманова З. Бусы из Кувы //Труды ТашГУ. – 1963. – Вып. 200. – С. 135.
4. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). – Сталинабад: 1953. – С. 145.
5. Ат-Табари. История пророков и царей. – Ташкент: Фан, 1987. – 432 с.
6. Батиева Е.Ф. Антропология погребения из кургана 10 Кобяковского могильника и мифоритуальная роль руки у сарматов//Тезисы докл. VII Донской археолог. конф: Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (Ростов-на-Дону, 22-26 ноября 1998 г.). – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 45-53.
7. Байбурин А.К. У истоков этикета: Этнографические очерки. Монография. – Л.: Наука, 1990. – С.65.
8. Бессонова С.С. Религиозные представления скіфов/ С.С. Бессонова. – Киев: Наукова думка, 1983. –137 с.
9. Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым за-

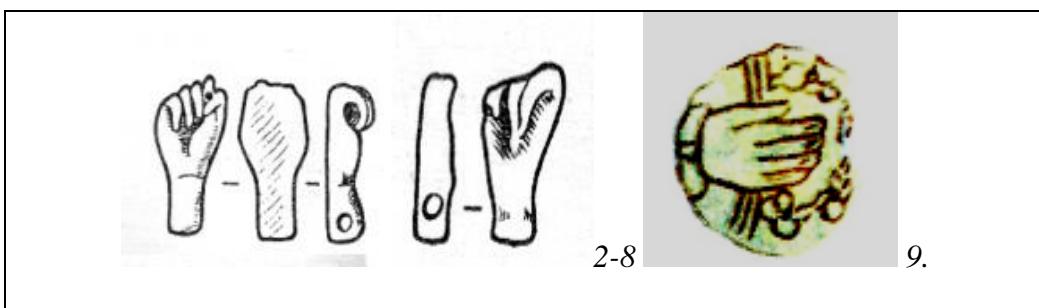
- меткам: публицистика. – М.: Т-воскоропеч. А.А. Левенсон, 1908. – С. 34.
10. Брыкина Г.А. Карабулак. Монография/Г. Брыкина. – М.: Наука, 1974. – 67 с.
11. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
12. Дзиговский А.Н., А.С. Островерхой Культ руки у сарматов/А.Н. Дзиговский, А.Н. Островерхой// Краткие сообщения Одесского археологического общества. – Одесса, 2008. – С.167-172.
13. Древности Таджикистана. Каталог выставки /Отв. ред. Е.В. Зеймаль. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.
14. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Монография. Пер. с француз. А.З. Алмазовой. – М.: Наука, 1980. – С.56.
15. Зороастрейские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. – 352 с.
16. Избранные гимны из Видевдата. Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И.М. Стеблин-Каменского. – М.: Дружба народов, 1993. – 234 с.
17. Каландарова О.И. Семантика сюжетов на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и Согда: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.06. / О.И. Каландарова. – Душанбе, 2021 – С.19.
18. Каландарова О.И. Семантика сюжетов на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. канд. истор. наук: 07.00.06. / О.И. Каландарова. – Душанбе, 2020 – 241с.
19. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии: Погребальный обряд. Монография / Б.А. Литвинский, А.В. Седов. – М.: Наука, 1983. – 234 с.
20. Мирбабаев А. Антропоморфные амулеты из Куркатских могильников/А.К. Мирбабаев// ИзвестияАН РТ. –1993. – Вып. 2. – С. 145-167.
21. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригитского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса) / Е.Е. Неразик – М.: Наука, 1966. – С.104.
22. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XVвв/ М.Д. Полубояринова – 1993. – М. Наука: – 123 с.
23. Седов А.В. Работы Шаартузского отряда в 1976 году //АРТ. – 1981. – Вып. XVI (1976 г.). – С.141.
24. Сказание о нартах. Осетинский эпос. Пер. с осетин. Ю. Либединского. Предисл. В.И. Абаева. Словарь и comment. Б.А. Калоева. – М.: Советская Россия, 1978. – 512 с.
25. Сефербеков Р.И. Мифологические образы солнца и луны в верованиях народов Дагестана/ Р.И. Сефербеков // Вестник Института ИАЭ. – 2007. – №4. – С.67. С.64-103.
26. Твеладзе Э.В. Могильник кушанского времени Ялантуш-тепа // СА. – № 2. – С. 164-176.
27. Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1966. – Вып. 1. – 380 с.
28. Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования / С.П. Толстов – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 352 с.
29. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. Монография / С.А. Токарев, – М.: Наука, 1964. – 400 с.
30. Толстов Н.И. О природе бинарных противопоставлений типа правый-левый, мужской - женский. / Н.И. Толстов //Языки культуры и проблемы переводимости. – М. Наука: 1987, – С.169-183.
31. Толстов Н.И. К семантике правой и левой стороны в связи с другими символическими элементами. / Н.И. Толстой, С.М. Толстова// Материалы всесоюзного симп. по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во ТГПИ, 1974. – Вып.1 (5). – С. 43. С.42-45.
32. Тураева М.М. Астрологические представления и календарные обряды в традиционной культуре таджиков/ М.М. Тураева //Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусства. – 2017. – №4(27), – С.93-102.
33. Фирдауси А. Шахнаме. Т. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. подг. Ц.Б. Бану, А. Лахути, А.А. Стариков. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 316.
34. Хамиджанова М. Туи-хатма обрезания у таджиков Верхнего Зеравшана//История и этнография

народов Средней Азии – М.: Наука, 1981. – С. 45-56.

35. Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: – 2017. – 234 с.
36. Хужаназаров М.М. Памятники Узбекистана / М.М. Хужаназаров // Памятники наскального искусства Центральной Азии: Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 109-115.
37. Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции / С.С. Черников // КСИИМК – 1959. – Вып. 64. – С. 43-60.

*Рис.1.1. Поселение Актыпа (середина IV-V вв.), 2. 2-6.
Склепы Курката (V-VII вв.).*

*Рис.2 .7-8 Могильник Туйхона (I-III вв.), 4. 9.
Городище Тепаишах (II-III вв.).*

СИМВОЛ РУКИ НА ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА И СОГДА

Данная статья посвящена исследованию датировки и семантики изображения руки на ювелирных украшениях на территории Бактрии-Тохаристана и Согда. Символ руки широко представлен в ювелирном искусстве этих регионов и стал объектом внимания исследователей. В рамках статьи рассматривается символика руки как выражение творческой и благосклонной энергии, занимающей важное место в верованиях таджиков.

Исследование выявляет основные типы украшений, на которых присутствует изображение символа руки. Разнообразие предметов украшений позволяет классифицировать их в несколько групп, включая головные, нагрудные и ручные украшения. Материалы, использованные для создания украшений, включают египетский фаянс, бронзу, кость и коралл.

Особое внимание уделяется хронологии использования украшений с символикой руки, и отмечается их распространение в кушанский период. Исследование призвано расширить наше понимание не только эволюции ювелирного искусства в указанных регионах, но и роли символа руки в мировоззрении и культуре таджиков.

Ключевые слова: ювелирные украшения, Бактрия-Тохаристан, Согд, символ руки, археологические памятники, зороастризм, «Авеста», «Бундахишн», Ардвисура-Анахита, кушанский период.

НАМОДИ ДАСТ ДАР ЧАВОҲИРОТИ БОХТАР-ТАХОРИСТОН ВА СУҒД

Мақола ба қидмат ва маъношиносии даст дар чавоҳироти аҷоди мо ихтисос ёфтааст. Намоди даст нукуши роич дар хунари чавоҳирсозии сокинони Бохтар-Тахористон ва Суғд мебошад. Намодгарони даст ба унвони неруи ҳаллоқ ва ҳайрбахш дар боварҳои тоҷикон ҷойгоҳи муҳимме дорад. Анвои аслии чавоҳироте, ки рӯйи онҳо тасвире аз намоди даст вучуд дошт, шиносӣ шудааст. Бо таваҷҷӯҳ ба танавуи зиёди чавоҳирот, метавон онҳоро ба гурӯҳҳои зер тақсим кард: сар, сина ва даст. Ашё аз фаянси мисрӣ, биринҷ, устухон ва марҷон соҳта шудаанд. Аз назари замонӣ ба вучуди чавоҳирот бо намоди даст дар давраи Кӯшонӣ ишора шудааст.

Калидвоҷсаҳо: чавоҳирот, Боҳтар - Тахористон, Сугд, намоди даст, ёдгориҳои бостоншиносӣ, зардушистия, Авесто, Бундаҳишн, Ардвисура-Аноҳито, давраи Кӯшонӣ.

SYMBOL HAND ON JEWELRY OF BACTRIA- TOCHARISTAN AND SOGD

This article delves into the investigation of the dating and semantics of the hand symbol depicted on jewelry within the Bactria-Tokharistan and Sogd regions. The hand symbol holds a prominent place in the jewelry art of these areas and has garnered attention from researchers. The article specifically explores the symbolism of the hand as an expression of creative and benevolent energy, representing a significant element in Tajik beliefs.

The study identifies and discusses the main types of jewelry featuring the hand symbol, categorizing them into groups such as head, breast, and hand jewelry. Various materials, including Egyptian faience, bronze, bone, and coral, were utilized in crafting these diverse jewelry items.

Significant emphasis is placed on the chronology of the usage of jewelry adorned with hand symbols, with a notable prevalence during the Kushan period. The intention of the study is not only to enhance our comprehension of the evolution of jewelry art in these regions but also to shed light on the role of the hand symbol in the worldview and culture of the Tajiks.

Key words: jewelry, Bactria-Tokharistan, Sogd, hand, symbol, archaeological sites, Zoroastrianism, «Avesta», «Bundakhishn», Ardvisura-Anahita, Kushan period.

Сведения об авторе: Каландарова Олия Искандаровна – к.и.н. старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша. Тел.: +(992)934629421, E-mail: lola-kalandar @ bk.ru

Information about the author: Kalandarova Oliya Iskandarovna – candidate of historical Denish Institute of history, archeology and ethnography. Dushanbe Rudaki street 33. Tel. +(992)934629421, E-mail: lola-kalandar @ bk.ru

115 - УМИН СОЛГАРДИ ТАВАЛЛУДИ АКАДЕМИК Б. ГАФУРОВ

115 - ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА

115 - TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN B. GAFUROV

◆ УДК 94 (575.22):929

БОБОЧОН ГАФУРОВ – МУАРРИХ ВА ХОВАРШИНОСИ МАЪРУФ

КЕНЧАЕВ М.Ч., АФСАХОВА Н. С.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ

5 декабри соли равон дар толори Кохи Ваҳдати шаҳри Душанбе бо иштироки Асосгузори сулху ваҳдати миллӣ - Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ифтихори 115-умин солгарди зодрӯзи академики маъруф Бобоҷон Гафуров Симпозиуми байналмилали таҳти унвони «Бобоҷон Гафуров - бузургтарин мӯҳаққик ва муарриғари таърихи ҳалқи тоҷик» баргузор гардид. Чунки Бобоҷон Гафуров пас аз устод Садриддин Айнӣ ба таҳқиқи мукаммали таъриху тамаддуни тоҷикон иқдом намудааст.

«Таъриҳ кам олим ва сиёсатмадореро медонад, ки ба андозаи Бобоҷон Гафуров чуръат ва матонат дошта бошад». Академик Бонгард - Левин Григорий Максимович.

Зимни суханронии пурмуҳтавои худ Роҳбари давлат, Ҷаноби Олӣ мухтарам Эмомалӣ Раҳмон аз ҷумла, ҷунин қайд карданд: «Бобоҷон Гафуров дар марҳалаи нави рушди илму фарҳанги тоҷик риштаи тоҷикшиносиро густариш баҳшид, ки аввалин падидаи дурахшони он эҷоди асари бунёдии «Таърихи мухтасари ҳалқи

точик» мебошад. Ин асар бори аввал соли 1947 дар шаҳри Душанбе ба забони тоҷикӣ нашр гардид. Арзиши баланди илмии китоби мазкур ҳамчун дастоварди илми таърихшиносии тоҷик дар он ифода меёбад, ки се маротиба – солҳои 1949, 1952 ва 1955 ба забони русӣ дар Москва ба нашр расидааст.

Ҳадафи асосии Бобоҷон Ғафуров аз нашри ин китоб ва асарҳои минбаъда ба ҳаҷониён сабит намудани ин ҳақиқати илмӣ буд, ки тоҷикон яке аз қадимтарин миллатҳои дунё маҳсуб ёфта, дар раванди рушди тамаддуни башарӣ нақши басо арзишманди таъриҳӣ бозидаанд. Лозим ба тазаккур аст, ки маҳз баъди нашри ин шоҳасар Бобоҷон Ғафуров аз тарафи мутахассисони соҳа ҳамчун асосгузори илми таърихи тоҷикон эътироф гардидаанд.

Баъди чопи асари зикршуда, устод Бобоҷон Ғафуров таҳқиқоти бунёдиро доир ба таърихи миллати тоҷик идома дода, соли 1972 дар Москва асари безаволи худ «Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна»-ро, ки воқеан шиносномаи миллати тоҷик мебошад, ба чоп расониданд. Ин шоҳасари мондагор, ки самарои заҳмати сисолаи олим аст, аз ҷумлаи таҳқиқоти бунёдӣ ва фарогирандаи таърихи ҳалқи тоҷик ва дигар ҳалқҳои Осиёи Марказӣ ба шумор меравад.

«Тоҷикон» асарест, ки таърихи миллати тоҷикро аз замонҳои қадимтарин то ибтидои асри XX-ум дар бар мегирад ва дар заминай маводи зиёди бостоншиносӣ, осори фаровони ҳаттии таърихиву адабӣ ва таҳқиқоти олимони маъруфи Шарқу Ғарб ба таври ҳеле муфассал таълиф шудааст. Дар ин асар ҷараёни ташаккулёбии миллати тоҷик, рушди фарҳангӣ миллӣ ва ҳамзамон лаҳзаҳои фоҷиабори ҳаёти мардуми мо ва қаҳрамониҳои таърихии фарзандони ҷоннисори он возеху равшан ва бо истифода аз сарчашмаҳои мӯътамади таъриҳӣ баён гардидаанд.

Аҳаммияти ин асар имрӯз, яъне дар шароити вусъати рӯзафзун пайдо кардани паҳлӯҳои манғии раванди ҷаҳонишавӣ барои ҳудшиносиву ҳудогоҳии миллии мардум, ҳусусан, наврасону ҷавонон ва тавсеаи тафаккури таърихии онҳо торафт меафзояд. «Тоҷикон» ҳоло китоби рӯйимизии ҳар як фарди соҳибмаърифат ва болангу номуси миллати тоҷик мебошад» иброз доштанд, Президенти мамлакат» [1].

Интиҳои соли равон, аниқаш 5 декабр ба зодрӯзи алломаи Машириқзамин, олими маъруфи сатҳи ҷаҳонӣ, ҳодими намоёни сиёсиву давлатӣ, муаррихи шинохта ва муаллифи асари безаволи «Тоҷикон», академик Бобоҷон Ғафуров расо 115 сол пур шуд. Мақоми ин шаҳсияти барҷастаи миллати тоҷик дар таҳқиқи сарнавишти таърихии ҳалқи тоҷик ва густаришу таблиғи андешаи миллӣ хело ҳам бориз аст.

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ҳангоми суханронии худ ва зимни мулоқот бо намояндагони ҷавонон рӯзи 23 майи соли 1997 аз ҷумла, ҷунин гуфта буданд: «Бояд донем, ки устодон Садриддин Айнӣ ва Бобоҷон Ғафуров барин фарзандони сарсупурдаи миллатамон барои зинда кардани таъриху фарҳангӣ ҳалқи тоҷик ба чӣ азобҳо, тухматҳо ва мушкилоти дигар рӯ ба рӯ нашуда

буданд. Вале онҳо аз ҳеч чиз наҳаросиданд, зеро нангү номуси ватандориашон аз манфиатҳои шахсӣ ва маҳаллӣ хело болотар буд».

Ҳангоми пардабардорӣ аз рӯйи нимпайкараи Бобоҷон Ғафуров дар шаҳри бostonии Ҳуҷанд, моҳи сентябрி соли 1996 Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон омилҳои бузургии шаҳсияти Бобоҷон Ғафуровро ба тариқи зайл иброз намуда буданд: «Дар мақомоти олии давлатии Тоҷикистон ва Иттиҳоди Шуравӣ солҳои тӯлонӣ кор кардааст. Бист сол раиси калонтарин Маркази илмии шарқшиносии Иттиҳоди Шуравӣ дар Ҷаҳонӣ буд. Ӯ обрӯйи ҷаҳонӣ дошт, вале аз тамоми ҷоизаҳо, нишонҳо ва ифтихороти дигари илмӣ барояш мукофоти бузургтарин ин сарбаландии кишвару Ватан ва тоҷику тоҷикистониён буд.

Бобоҷон Ғафуров пас аз Садриддин Айнӣ ягона шаҳсе буд, ки қувваи эҷодии даҳҳо шаҳсиятҳои сиёсӣ ва фарҳангиро сарвару раҳнамо шуда, барои баҳои давлати мо, забону фарҳангии бostonии мо ва ҳамзамон шуҳрати ҷаҳонӣ пайдо кардани ин илму фарҳанг хидматҳои бебаҳо кардааст.

...Бигзор фаъолият ва васиятҳои ватандӯстонаи устод Бобоҷон Ғафуров барои пайванди шикастанашавандай миллати тоҷик ва сокинони Тоҷикистон ҳамчун раҳнамои мо бошад» [2].

Ҳамин тариқ, номи ин абармарди миллат дар саҳифаҳои дураҳшони таърихи зиндагӣ бо ҳарфҳои заррин нақшбандӣ шудааст.

Соли 1953 ғуруби Иосиф Виссарионович Сталин ва тулӯи Никита Сергеевич Хрушёв буд. Бобоҷон Ғафуров эҳсос мекунад, ки кадрҳои сталиниро кафш дар пеши пой аст. Ҳарчанд Ғафуров кайҳо ҷомадони ҳудро баста буд, вале ҳанӯз боло нисбати ӯ ҳомӯҷӣ ихтиёри мекард.

«Вақте ки академик Бобоҷон Ғафуровро директори Институти ховаршиносии АИ СССР таъин карданд, - мегӯяд, - Охун Исмоилов, аз ман ҳоҳиш намуд, ки китобхонаашро ба се қисм ҷудо кунам. Рӯйи яке «Фирдавсӣ», дигаре «Комитети Марказӣ», сеюмӣ «Москва» нависам. Ҷашмам ба дусияе афтод, ки рӯяш «Тоҷикон» сабт ёфта буд». Зеро Бобоҷон Ғафуров меҳост таърихи воқеии мардуми тоҷикро нависад. Аммо масъулияти роҳбари ҷумҳурӣ будан имкон намедод. Анҷумани XX Ҳизби Коммунисти Иттифоқи Советӣ ин имкониятро фароҳам овард.

Дар Анҷумани XX Ҳизби Коммунисти Иттифоқи Советӣ Раиси Совети Вазирони СССР Микоян дар маърӯзааш Институти ховаршиносии СССР-ро мавриди танқиди саҳт қарор медиҳад. Ӯ таъкид мекунад, ки Шарқи бедоргашта институтро ҳуфта дарёфт. Масъалаи бастан ё тағйири куллии самти фаъолияти институт дар миён буд. Ҳама зери таъсири ин гуфтор буданд, ки Ғафуров ба музокира баромад. Ӯ олимона вазъи институтро таҳлил ва роҳҳои пешбуруди онро пешниҳод намуд.

Баъдтар сармуҳаррири мачаллаи «Оғонёк» Сафронов дар бораи Бобоҷон Ғафуров менависад: «Домони фароҳи дониш, воридият дар масъалаҳои адабиёт, ҷуръат имкон медоданд, ки Бобоҷон Ғафуров ба масъалаҳои муҳталиф даст занад. Барома-

ди ӯ дар съезди XX муҳаққиқи шарқшинос ва адабиётшиносро мемонд, ки як чунбише дар толор ба амал овард». Шояд ҳамон соат дар сари Н.С. Хрушёв фикри сарвари ин институт таъйин кардани доктори илми таърих Бобоҷон Ғафуров ба миён омада буд ва он ба ҳадафи Бобоҷон Ғафуров дар навиштани таърихи мукаммали ҳалқи тоҷик мувоғиқат мекард [3].

Соли 1956 ӯ директори институт таъйин шуд. Институт дар системаи Академияи илмҳо мавқеъ надошт. Ҳамагӣ 110 нафар корманд ва 8 шуъба дошт, ки масруфи таҳқиқоти сирф академикӣ буданд. Вазъият тарзे буд, ки дар съезди XX партия баён ёфт: Доираи назар, қобилияти ташкилотчигӣ ба Бобоҷон Ғафуров имкон дод самти таҳқиқот, соҳтори институтро тағиیر дихад, робитаро бо муасисаҳои илмӣ ва донишкадаҳои мамлакатҳои хориҷӣ барқарор созад.

Муҳимтар аз ҳама, ӯ мубориз буд. Ҳарчанд муносибати ӯ бо президенти АИ СССР Келдиш мураккаб буд, маъсалаҳои ҷиддиро наздаш мегузошт ва ҳамзамон ба ҳаллаш шарафёб мешуд.

Академик Евгений Примаков, ки солҳои зиёд муовини Бобоҷон Ғафуров буд, зимни суҳбат бо рӯзноманигор Шарифи Ҳамдампур чунин гуфтааст: «Бобоҷон Ғафуров тавонист на танҳо қувваи марказ, балки қувваи ҷумҳуриҳои иттифоқиро низ истифода барад. Таҳқиқоти ӯ дар се самт сурат мегиранд: омӯҳтани таърих ва вазъи ҷунбишҳои миллӣ - озодиҳоҳии ҳалқҳои Шарқ, назария ва амалияи сиёсати миллӣ, масоили таъриху фарҳанги ҳалқҳои Шарқ дар замони бостон ва асри миёна.

Дар нахустин Конгресси ховаршиносии ҷумҳуриҳои иттифоқӣ дастаҳои ҳунарии этнографӣ фиристоданд, ки барномаҳои конгресро рангин намуд. Конгресси мазкур дар таърихи илми ховаршиносӣ абадан боқӣ монд». Дар ин конгресс Ҳофизи ҳалқии Тоҷикистон Ҳикмат Ризо низ даъват шуда буд.

Бобоҷон Ғафуров қобилияти беҳамтои ташкилотчигӣ зоҳир намуд. Вусъати назар, қобилияти баланди корӣ, идроқи сиёсӣ, фаҳми маҳсусияти инқишифи илм ҷиҳатҳои фарқкунандай устод Бобоҷон Ғафуров буданд. Таҳти роҳбарии хирадмандонаи Бобоҷон Ғафуров Институти ҳалқҳои Осиё ба бузургтарин маркази илми ховаршиносӣ дар Иттифоқи Советӣ ва арсаи байналхалқӣ табдил ёфт.

Соли 1973 дар Париж, дар Университети Сорбон Конгресси XXIX байналхалқии ховаршиносон доир гашт. Дар он таҳти сарварии академики маъруф Бобоҷон Ғафуров беш аз 40 нафар олимон аз Иттифоқи Советӣ иштирок доштанд. «Дар толорҳои институт садоҳо ба гӯш мерасиданд, ки вакilonи Франсия бо ҳамкасbonи ғарбии худ меҳоҳанд шарқшиносиро ҳамчун илми мустақил барҳам диханд ва вазифаҳои онро ба илмҳои мустақили дигар: таърих, иқтисод, адабиёт ва ғайра диханд.

Албатта, муҳолифони ин назар низ буданд. Вакilonи СССР низ зид буданд. Дар яке аз ҷаласаҳои хотимавии Конгресс дар Университети Сорбон баргузор гар-

дида, ки дар он беш аз 500 нафар вакилон иштирок доштанд, баҳси шадиде атрофи ин мавзуъ сурат гирифт» [4].

Бобоҷон Ғафуров дар байни олимон ва ҳодимони ҷамъиятии бисёр мамлакатҳои Шарқ, ҳусусан, Ҳиндустон, Покистон, Эрон, Афғонистон, мамолики араб соҳиби обрӯю эътибори қалон буданд. Ҳодимони машҳури илм ва адабиёт бо олим муносибати дӯстона ва доимӣ зоҳир мекарданд. Месазад, ки номҳои шоири машҳури Покистон Файз Аҳмади Файз, олими номӣ ва ҳодими намоёни ҷамъиятии Ҳиндустон Нурулҳасан, файласуфи машҳури Ҳинд Шаши Бушан, муаррихи фарангӣ Гиршман, муарриҳи ҳоваршиноси амрикӣ Ричард Фрайро ба забон орем. Зоро ҳар яки онҳо нисбат ба академик Бобоҷон Ғафуров эҳтироми бузург доштанд ва устодро ҳамчун олими барҷаста мешинохтанд. Профессори машҳури Донишгоҳи Ҳорварди Амрико, ҷаноби Ричард Фрай дар симои устод Бобоҷон Ғафуров шахсияти бузургро қашф кардааст. Вай ба саволи мухбири рӯзномаи «Тоҷикистони Советӣ» (ҳоло «Ҷумҳурият») Мақсади Ҳусейн «Ба Шумо қадом хислатҳои Бобоҷон Ғафуров писанд буданд? Чунин посух додааст:

-Забони модариашро ба таври аъло дониста, миллаташро дӯст медошт. Бо «Тоҷикон» тоҷиконро шуҳратмандтар гардонид. Марде буд зариф, шӯҳ, инсони хоксор. Борҳо мегуфт, ки ҳар як миллати кӯчак бо забону фарҳангаш бузург шуда метавонад ва ҳалқе, ки лафзи модариашро фаромӯш мекунад, ба мисли мурда аст. Ғафуров ҳамеша ҳоҳони пешрафти миллати хеш буд» [5].

Бояд қайд кард, ки аллома Бобоҷон Ғафуров бо таълифи китobi «Тоҷикон» ҳайкали бузург ва таърихи миллати тоҷикро бунёд ниҳод, ки имрӯзу фардо мояни ифтихори тамоми ҳамватанону ҳаммиллатони мо ҳоҳад гардид. Пешвои муazzами миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон дар ин ҳусус басо ҳам воло гуфтаанд: «Воқеан яке аз дастовардҳои пурарзиши Бобоҷон Ғафуров, ки ўро абадан дар радифи алломаҳои бузурги миллат чой дод, шоҳасари безаволи ў «Тоҷикон» мебошад, ки соли 1972 дар шаҳри Москва ба табъ расид» [6].

Бобоҷон Ғафуров дар давоми зиндагии пурбаракати хеш осори фарҳангиву таърихии зиёдеро ба ёдгор гузошт. Теъдоди онҳо наздик ба 400 адад мебошад. Дар миёни ин осори гаронмоя шоҳасарҳои безаволеро аз қабили «Таърихи муҳтасари ҳалқи тоҷик», «Тоҷикон», «Давраи кӯшониён ва тамаддуни ҷаҳонӣ», «Ал-Форобӣ дар таърихи тамаддун», «Искандари Мақдунӣ ва Шарқ» ва даҳҳо китобҳои дигарро бо камоли ифтихор метавон ном бурд.

Олими бузург барои таълифи асари «Тоҷикон» зиёда аз 30-соли умри худро сарф кардааст. Дар он таърихи пайдоиш, рушду такомул ва талошу пайкорҳои алайҳи тӯдаи истисмор ва таҷовузкор бурдаи ҳалқи тоҷикро дар рафоқату муттағиқӣ ва равобити қавии он ба ҳалқҳои Осиёи Марказӣ: ўзбекҳо, туркмансаро, кирғизҳо ва қазоқҳо равшану амиқ нишон додааст. Дар баробари ин, тараққиёти таърихи ҳалқи тоҷик, кувваҳои маънавию моддие, ки асрҳои аср миёни ҳалқ та-

шаккул ёфтаанд, аз чиҳати илмӣ ҳамаҷониба ва бар асоси далелу санадҳои асосно-
ки таърихӣ таҳлил карда шудаанд.

Таҳқиқи сарнавишти таърихии ҳалқи тоҷик, ки дар заминаи таълифи китоби «Тоҷикон» ба анҷом расидааст, ҷиҳати маърифати таърихи на танҳо мардуми тоҷик, балки ҳалқҳои ҳамсояҳои минтақаи Осиёи Марказӣ ва гурӯҳи муайянӣ аҳолии Машриқзамин низ мусоидат ҳоҳад намуд. Албатт, аз ин нуқтаи назар низ китоби мазкур дорои аҳаммияти барҷастаи илмӣ - таҳқиқотӣ ва бунёдӣ мебошад.

Баъд аз вафоти Бобоҷон Ғафуров якчанд асару мақолаҳои нотамоми ин донишманди соҳибном аз ҷоп баромаданд. Дар байни онҳо китоби бо ҳаммуаллифии муаррихи юнонӣ Д.И. Сибукидис навиштаи Бобоҷон Ғафуров «Искандари Мақдунӣ ва Шарқ» ҷойи намоёнро ишғол мекунад, ки онро соли 1980 нашриёти «Наука»-и Ҷаҳонӣ ва Ҷеновати Ҷаҳонӣ дар Ҷаҳонӣ ҷадид, ки аз арзиш ва аҳаммияти корномаҳои илмии академик Бобоҷон Ғафуров дароӣ медиҳад [7].

Сарвари давлат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зимни арҷузории хидматҳои беназири алломаи миллат, ҳусусан таълифи китоби нодирӣ «Тоҷикон»-ро аз ҷониби академик Бобоҷон Ғафуровро бо хидматҳои ҳаким Абулқосими Фирдавсӣ баробар қардаву аз он ҷумла ҷунин нигоштаанд: «Агар Абулқосим Фирдавсӣ гузаштаҳои пурифтиҳори ватанашро дар «Шоҳнома»-и безаволи ҳуд пешӣ назари наслҳои нау ба нави инсонҳо ба ҷилва оварда бошад, айнан ҳамин корро устод Бобоҷон Ғафуров дар китоби безаволи ҳуд «Тоҷикон» бо далелу санадҳои илмӣ анҷом додааст» [8].

Лозим ба зикр аст, ки бинобар ин Пешвои муazzами миллат маҳз дар рӯзи баргузории ҷаҳонӣ 115-солагии аллома Бобоҷон Ғафуров ба Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дастур фармуданд, ки ба хотири оғоҳии ҳарчи бештари мардум аз таъриху фарҳанг ва тамаддуни аҷдодони хеш «Шоҳнома»-и безаволи Абулқосими Фирдавсӣ низ ҷоп ва ба тамоми хонадони мардуми кишварамон ҳамчун асари «Тоҷикон»-и Бобоҷон Ғафуров ройгон тақдим карда шавад.

Ин таъқид ва арҷузаштани Роҳбари давлат аз он шаҳодат медиҳад, ки хидмат ва корномаҳои академик Бобоҷон Ғафуров дар айёми ҳуд ба манзalati пайкорҳои шахсиятҳои барҷастаи таърихи қӯҳани мо баробар дониста шавад. Зоро ин баҳои баланди таърихӣ ба мақоми академик Бобоҷон Ғафуров пеш аз ҳама дар иртибот ба китоби бебаҳои «Тоҷикон» дода шудааст, ки ба ифодаи шоири шаҳири тоҷик Бозор Собир ифода намоем:

Токдони хонаи мо ҷойи дастурхони мо,
Токдони ҷаҳми мо ҷойи китоби «Тоҷикон».

Хулласи қалом, бо дарки ҳақиқати ин арчи маънавии китоби рӯйимизии ҳар кадоми мо «Тоҷикон» метавонем ба ин назар бираесем, ки воқеан хидмати бузурги

аллома Бобоҷон Ғафуров дар муаррифии миллати барӯманди тоҷик дар сатҳи ҷаҳонӣ ба тимсоли Абулқосими Фирдавсӣ басо ҳам беназира ҳамзамон мондагор аст.

Яке аз омилҳои дигари муассири китоби номбурда дар он аст, ки дар самти ҷаҳоншиносии мардуми тоҷик ва ҳамзамон ҳудшиносиву ҳудогоҳии миллӣ, баррасии муҳити адабии ҳар давр ва ҷойгоҳи шеъру адабиёти тоҷик дар густариши вазъи сиёсиву тақвияти аркони давлатдорӣ маҳсуб мегардад, ки ин амр ба хидматҳои академики маъруф, аллома Бобоҷон Ғафуров дар шиносонидани қудратҳои зеҳнӣ ва ақлонии мардуми тоҷик ба ҷаҳониён ишороти равшан мекунад [9].

Бобоҷон Ғафуров аз зумраи он олимони таърихшинос мебошанд, ки анъанаҳои устоди бузурги хеш Садриддин Айнӣ ва тоҷикшиносони асил В.В. Бартолд, М.С. Андреев, А.А. Семёновро давом дода, дар омӯхтани таърихи ҳалқи тоҷик ҳиссаи ниҳоят қалон гузоштанд ва асарҳои устод таҳқиқоти беҳтарин оид ба таърихи Тоҷикистон, инчунин дар омӯзиши ҳалқҳои Осиёи Миёна ва таърихи Машриқзамин мебошанд [10,75].

Б. Ғафуров он шахсонеро, ки мероси ниёғони моро қадр мекарданду ба ҳифзи он ҳисса мегузоштанд, эҳтиром мекард. Дар ҷилди якуми «Тоҷикон» муаллиф бо як ҳисси ифтиҳор номи собиқ ҳодими барӯманди ҳизбӣ Абдуҳамид Пӯлодиро зикр кардааст. 18-уми октябрی соли 1933 дар рӯзномаи «Барои маданияти сотсиалистӣ» аз номи муҳаққиқони онвақтаи рус мақолаи «Барои қашф ва азҳуд кардани мепросҳои таъриҳӣ» чоп шуд, ки дар он аз ҷумла навишта шуда буд: «Ташабbusi шаҳсии Пӯлодӣ дар райони Заҳматобод барои дигарон мисол шуда метавонад. Ба воситаи шавӯз ва ҷиддияти рафиқ Пӯлодӣ дастхати таърихии асри VI-VII, ки ба забони суғдӣ навишта шуда буд, ҳифз карда шуд. Ин як ҳӯҷҷати бисёр камёбу нодир аст, ки аҳаммияти умуниҷаҳониро дорад.

Аҳли дехаи Хайробод (имрӯза ҳудуди ноҳияи Айнӣ) аз давраҳои қадим ҷойро медонистаанд, ки онро «Қалъаи Муғ» мегуфтанд. Инак, аз ҳамин мавзеъ баҳори соли 1932 Ҷўралӣ ном подабоне як сабад ва дар доҳили он як қоғази абрешимӣ ёфт, ки ба қадом як ҳарфи аҷоиби ғалатӣ ким-ҷиҳо навишта шуда буд.

Ин ҳабар ба гӯши котиби Комитети партиявии райони Заҳматобод Абдулҳамид Пӯлодӣ расид, ки ба таъриху маданияти қадим майлу рағбати зиёде дошт. Вай ба як дидан пай бурд, ки варагӣ варагӣ одӣ не ва онро фавран ба шаҳри Сталиnobod ғиристод.

Хатро аз он ҷо ба шаҳри Ленинград ба эроншиноси советӣ А.А. Фрейман ғиристоданд. Вай муқаррар қард, ки ҳат ба забони суғдӣ ва бо ҳуруфоти сүғдӣ навишта шудааст. Бозёфти подабон қашфиёти бузурги илмӣ гардид. Осори катибаи сүғдиён хеле пеш ҳам маълум буд, аммо аз ҳуди сарзамини Суғд акнун ёфт шуд. Оре, ҳати сүғдӣ аз ҳуди Суғд баромад - аз ин ҳабар дили қадом олим ба таппиш намеомад?

А. Пўлодӣ, - менависад Б. Гафуров,- дар чунин шароит тобистони соли 1933 ба кофтуков сар кард. Албатта, - гуфтан даркор, ки вай археолог набуд ва эҳтимол, дар ин кор саҳву ғалат ҳам карда бошад, vale ҳарчи ҳам набошад бо ғайрату чидду ҷаҳди вай қоил шудан даркор».

Дар давоми ин ҷустуҷӯҳо хуми қалон, сабадча, пораҳои ҷарми сурх, ҳар гуна тангаҳо, навиштаоти сүғдиву арабиву хитоиву туркӣ ва дигар боқимондаҳои та-маддуни антиқа дарёфт шуданд, ки аз тарафи аҳли илми советиву ҳориҷӣ баҳои баланд гирифтанд ва дар ҷодаи таҳқиқи таърихи миллатамон нақши қалоне бозиданд. Донишмандони шинохтаи Иттиҳоди Шуравӣ Б. Гафуров, И.Ю. Крачковский, А.А. Фрейман, В.А. Лившитс, М.Н. Боголюбов, О.И. Смирнова ва дигарон аз ин ҳуҷҷатҳо фаровон истифода бурда, дар ҷараёни таҳқиқи масъалаҳои таърихи та-маддуни Ҳоварзамин аз онҳо санад оварда, номи Абдулҳамид Пўлодиро ҳам бо як ҷаҳон эҳтиром ва сипосгузорӣ ба забон гирифтаанд.

Академик Бобоҷон Гафуров дар китоби худ «Тоҷикон» ба бозёфтҳои «Қалъаи Муғ» такя карда, ба ҳулосае меояд, ки боғандагӣ дар сарзамини Суғд ба дараҷаи баланд расида буд. Аз даруни сабадча ёфт шудани ҷигити пахта далели он аст, ки пахта ҳанӯз дар асрҳои якуми пеш аз мелод, яъне 2 ҳазор сол пештар ба қишвари мо гузашта, дар ҳуди ҳамон замонҳо қишиғи он ба ҳадди оҳирини худ - шимолтарин мавзеъҳои ин сарзамин расида будааст. Бинобар он бозёфти сүғдӣ таърихи қуҳани моро боз ҳам нуран алонур кард. Ин ҳизмати қишваршиносӣ номӣ зиндаёд А. Пўлодӣ дар таърихи ҳалқи мо ҳамеша қадр карда мешавад. Ин марди боғарҳанг ба пирии худ нигоҳ накарда, соли 1986 ҳамроҳи адабиётшинос Асрор Раҳмонов (ҳоло шодравон) мунтаҳаботи ашъори шоири анҷуманоро ва ширинадои тоҷик Нақибхон Туғраги Аҳорориро таҳти унвони «Гиёҳи меҳр» ба табъ расонд, ки онро нашриёти «Ирфон» аз ҷон ба ҷон баровард.

Пеш аз ҳама бозёфти сүғдӣ дар бораи ҳусусияти маданияти моддии сүғдиён бори аввал маълумоти муфассал дод ва қашфиёти ҳуҷҷатҳои ҳаттӣ, ки бозёфти беамсоли даврон ҳисоб мешуд, дарак медод, ки бâъди қушодани рамзи он роҷеъ ба таъриҳ ва маданияти маънавӣ материалҳои гаронбаҳо ба даст ҳоҳад омад.

Ҳанӯз моҳи феврали соли 1934 дар шаҳри Ленинград, (ҳоло Санкт-Петербург) дар рафти баргузории маҷлиси Академияи илмҳо, ки (ба экспедицияи «Қалъаи Муғ» баҳшида шуда буд натиҷаи он, аз ҷумла, аввалин қӯшиши қушодани рамзи дастнависҳои сүғдӣ ва ҳондани ҳуҷҷатҳои арабӣ арз карда шуд. Олимӣ бузург И.Ю. Крачковский хеле дуруст гуфтааст: «Ин тантана буд, тантанаи экспедиция буд, ки илмро бо маълумоти бесобиқа ғанӣ кард, назари ҳама дониши моро ба зинай баландтаре баровард» [11, 62-64].

Ҳамаи ин таваҷҷуҳи олимонро ба ҳавзаи болооби Зарафшон ҷалб намуд. Он вакъто дар Тоҷикистон муассисаҳои бостоншиносӣ вучуд надоштанд. Vale, таҳқиқи илмии Панҷакент ва болооби водии Зарафшон фақат бâъди 10 сол, яъне

баъди анчоми Чанги Бузурги Ватанӣ бо ташаббуси таърихнигори халқ, котиби якуми КМ ПК (б) Тоҷикистон Бобоҷон Ғафуров оғоз гардид.

Соли 1946 Ҳукумати Тоҷикистон барои ташкили экспедитсияи археологии сӯғду тоҷик маблағ чудо кард. Моҳи июни соли 1946 ҳайати бостоншиносон таҳтироҳбарии аъзо - корреспонденти АФ СССР А.Ю. Якубовский ба шаҳри Сталинобод омаданд. Дар сӯҳбат бо Бобоҷон Ғафуров мақсади корҳои ояндаро пурра муайян намуданд, ки аз ҷумла гузаронидани ҳафриёт дар баъзе мавзеъҳои ҷумҳурӣ буд.

Баҳри иҷрои ин мақсади наҷиб аввалин сарвари экспедитсияи қалони илмии археологии тоҷик А.Ю. Якубовский вазифаи се отряди археологиро муайян намуд. Аз рӯйи ин нақша бояд отряди якум болооби Зарафшон - ёдгориҳои таъриху маданияти ноҳияҳои Қӯҳистони Маҷтоҳ, Заҳматобод (Айни ҳозира) ва шаҳри бостонии Панҷакентро меомӯҳт, ки ба он А.Ю. Якубовский сардорӣ мекард, отряди дуюм ва сеюм бояд ёдгориҳои водиҳои Ҳисору Ваҳшро меомӯҳт. Ин кори пурмашаққат, вале бошарафро А.Ю. Якубовский то вопасин дами худ (соли 1953) адо намуд. Баъди вай ба ҳафриёт М.М. Ҷақонов роҳбар таъйин шуд (соли вафоташ соли 1954), аз соли 1954 роҳбари ҳафриёт Александр Маркович Беленицкий мебошад. Дар ҳамаи ин ҷустуҷӯҳои бостоншиносон устод Бобоҷон Ғафуров аз рафти он ҳабардор шуда меистод ва ёрии худро дареф намедошт, аз комёбидҳои экспедитсия ҳамеша ҳуҷнуд мешуд.

1-уми октябри соли 1949 нашрияҳои марказӣ ва ҷумҳурияйӣ аз ҳусуси натиҷаи кори тобистонаи экспедитсияи археологии тоҷику сӯғди Академияи илмҳои СССР ва Эрмитажи давлатӣ ҷунин ҳабар чоп карда буданд: «Сардори экспедитсия А.Ю. Якубовский дар мусоҳиба ба муҳбири ТАСС аз ҷумла ҷунин нақл кард: -Имсол мо корҳои кофтуковро, ки дар шаҳри қадими Панҷакент сар шуда буд, давом додем. Ин шаҳрро ҳанӯз дар асри VIII арабҳо ҳароб карда буданд. Дар ин шаҳр сӯғдихо - аҷдодони тоҷикони ҳозира зиндагӣ мекарданд. Порсол дар натиҷаи кофтукови ду ибодатхонаи асрҳои VII-VIII навиштаҷоти зебое дар деворҳои ин бино ёфта шуданд... Санъати наққошии Панҷакенти қадим услуби махсусе дошта, хеле ачиб аст. Вай аз ҷиҳати реалистӣ аз санъати наққошии асрҳои миёна баландтар меистод.

Бобоҷон Ғафуров ин ҳабарро аз рӯзнома ҳонда, он рӯзҳо бо ифтихормандӣ гуфтаанд - «Ин беҳтарин тухфа ба ҷашни 20 - солагии республикаи мост, ки имсол қайд мекунем».

Боре Бобоҷон Ғафуров ба Панҷакент меоянд ва дар як вақт хостаанд, ки бо рафти кори экспедитсияи археологии тоҷику сӯғд шинос шаванд. Дар рафти сӯҳбат бо роҳбари экспедитсия А.Ю. Якубовский фаҳмиданд, ки дар тӯли 2-3 сол муваффақиятҳои қалон ба даст оварда шудаанд ва ин бозёфтҳо саҳифаҳои таърихи рангини моро боз ҳам шукуҳтар мекунад. Бобоҷон Ғафуров ба роҳбари экспедитсия рӯ оварда, нисбати муваффақиятҳои ба даст овардаи онҳо арзи миннатдорӣ баён намуданд. Баъд бо бостоншиносони ҷавони тоҷик Абдуҳамид Ҷалилов ва Нуъмонҷон

Неъматов шинос шуда, аз онҳо ҳоҳиши кардаанд, ки аз археологи номй А.Ю. Якубовский нозукиҳои ин қасби пуритихорро азҳуд намоянд. Бобочон Faфуров дар охир ба роҳбари экспедитсия баҳри омода кардани қадрҳои маҳаллӣ арзи миннатдорӣ баён карданд.

А.Ю. Якубовский ҳам нағз медонист, ки Тоҷикистон аз ҷиҳати ёдгориҳои боғстонӣ қишвари хеле бой аст ва барои васеъ ба роҳ мондани омӯзиши ин ёдгориҳо барои чумхурӣ қадрҳои маҳаллии бостоншиносон заруранд. Аз ин ҷост, ки маҳз дар тарбияи нахустбостоншиносони тоҷик Нӯъмон Неъматов ва Абдуҳамид Ҷалилов ҳиссаи қалон гузоштанд. Ҳарду сипас рисолаи докториро яке дар мавзуи таърихи Суғду дигаре таърихи Истаравшан дифоъ карданд ва дар ин кори ҳайр маслиҳатчии асосии аллома Бобочон Faфуров буданд. Бесабаб нест, ки академики маъруф Нӯъмон Неъматов яке аз рисолаҳои машҳури худ «Давлати Сомониён»-ро маҳз ба хотираи академик Бобочон Faфуров баҳшидааст.

Бобочон Faфуров дар давраи котиби якуми КМ ПК Тоҷикистон будан аз ибтидои фаъолияти худ ҳис карданд, ки чумхурӣ муҳточи корҳои зиёди соҳаи илму фарҳанг аст. Бинобар он тавассути мавсуф ғурӯҳи олимон аз шаҳрҳои Москва, Тошканд, Ленинград ва дигар ҷойҳо даъват карда шуданд. Бо ҳидояти номбурда ҷунин олимони номй ба монанди М.С. Андреев, А.А. Семёнов, Б.А. Литвинский, З. Ш. Раҷабов, С.А. Раҷабов, С. Умаров, Е.А. Давидович ва дигар олимону ҳодимони фарҳанг ба ҷумҳурии мо омада, дар пешрафти ҳаёти фарҳангӣ ҳиссаи қалони худро гузоштанд.

Академики Академияи илмҳои Республикаи Советии Сотсиалистии Тоҷикистон, доктори илмҳои таъриҳ, профессор Литвинский Борис Анатолевич ҳам бо ҳидояти аллома Бобочон Faфуров ҳаёти илмии худро бо ҷумҳурии мо саҳт пайваст. Дар ин ҳусус ҳуди олимии шинохта Б.А. Литвинский аз он ҷумла ҷунин ёдварӣ меқунад:

- Солҳои чилум, замоне, ки Бобочон Faфуров, котиби КМ ПК Тоҷикистон буд, ман дар Тошканд аспирант будам. Дар ҳусуси ўустодонамон А.А. Семёнов ва профессор М.Е. Массон бо самимият гап мезаданд. Ҳамон солҳо қитоби «Таърихи муҳтасари ҳалқи тоҷик» аз ҷоп баромад. Муаллифи он бо таъриҳшиносони зиёд, аз ҷумла бо А.А. Семёнов мукотиба дошт.

Дар шаҳри Душанбе соли 1951 бо ташабbusи Бобочон Faфуров Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис ёфт. А.А. Семёнов барои роҳбарӣ ба Институти таъриҳ, бостоншиносӣ ва мардумшиносии АИ РСС Тоҷикистон даъват гардид. Ҳангоми сұхбат ў ба ман нақл кард, ки дар Душанбе барои аҳли қалам шароити мусоид мавҷуд аст.

Чанде аз рафтани А.А. Семёнов нагузашта, Б. Faфуров тавассути телефон бо ман гап гад ва арз кард, ки қаблан меҳоҳад бо ман ҳамсұхбат шавад. Сұхбати аввалинам бо Б. Faфуров ҷандон тӯл накашид. Вале донистам, ки ў на танҳо таъриҳ, балки археологияро низ амиқ мефаҳмад. Ўро марди фидоии илм, худсӯзу худафрӯз, худгузару худшинос дарёфтам. Ман тирамоҳи соли 1952 бо ҳамсарам Елена Абрамовна (Е. А. Давидович ҳоло доктори илмҳои таъриҳ) ба Душанбе кӯч бастем.

Муддати аввал ҷойи зист надоштем, чанде дар хонаи истироҳатии Бобоҷон Ғафуров зиндагӣ кардем.

Рӯзи дуюми ба Душанбе омадан ба ман ҳабар доданд, ки Бобоҷон Ғафуров меҳоҳад ёдгориҳои таърихиро ҳудаш ба мо нишон дихад. Устод Бобоҷон Ғафуров, А.А. Семёнов, Елена Абрамовна ва ман нахуст Шодмонқалъаро дидем. Б. Ғафуров саҳт мелангид, зоҳирان поящ бо шиддат дард мекард. То ҷашмаи домани қалъа омаду дигар тавони қадам задан накард. Ба мо дар қадом бахши қалъа чӣ буданашро муфассал шарҳ дод. Вакте ки ба қалъа боло шудем, донистам, ки Бобоҷон Ғафуров на як бору ду бор инҷо омадааст. Аз он солҳо ва баъд Тоҷикистон хонаи дуюми ман шуд. Б. Ғафуров бошад, соябони сари мо олимон гаштанд [11, 62 - 67].

Яке аз шаҳсиятҳои бузург, донишманди нотакрор, сиёсатмадори барҷаста, муаррихи варзида, ховаршиноси бузурги Машриқзамин, фарзанди фарзонаи миллати тоҷик, академик Бобоҷон Ғафуров мебошад. Ин абармарди миллат аз зумраи он ашҳоси донишманди илму фарҳанги тоҷикон аст, ки бо хизматҳои волою шоёни ҳуд нақши некашро дар таърихи на танҳо ҳалқи бузурги тоҷик, балки дигар ҳалқи-ятаҳо низ гузаштааст.

Бехуда нест, ки ховаршиноси бузурги амрикӣ Ричард Фрай дар ҳаққи ў чунин суханони саршор аз меҳру ихлосро иброз доштааст: «Одамон меоянду мераванд ва баъзеҳоро пас аз як сол фаромӯш мекунанд, аммо одамеро ба мисли академик Бобоҷон Ғафуров ҳеч аз хотир намебароранд. Ў умре ба ҳалқ хизмат карда, ҳамеша дар ғами мардум зиндагиву эҷод намуд».

Академик Бобоҷон Ғафуров ба душвориҳои зиёд нигоҳ накарда, ба омӯзиши ҳамаҷонибаи таърихи ҳалқи ҳуд ҷиддан камари ҳиммат мебандад. Бояд гуфт, ки донишманди тоҷик Бобоҷон Ғафуров яке аз аввалин шаҳсиятҳое мебошад, ки барои муаррифии миллати тоҷик умри пурбаракати ҳудро сарф карда, ба омӯҳтани таърихи ҳалқи мутамаддини тоҷик шуруъ намуд. Ҷасорату мардонагӣ ва ватанпрастӣ ба ў имконият медиҳад, ки дар ин ҷодаи пешгирифтааш муваффақ шавад ва бузургии ҳалқи тоҷикро дар назди ҷумҳуриҳои гуногунмиллати собиқ Иттиҳоди Шуравӣ нишон дихад.

Солҳои Ҷангӣ Бузурги Ватанӣ бо ҳамроҳии олимӣ намоёни рус Н.Н. Проноров китоби машҳури ҳудро таҳти унвони «Ҳалқи тоҷик дар мубориза барои озодӣ ва истиқлолияти Ватан» ба хотири рӯҳбаланд гардидани иштирокчиёни ҷанг бар муқобили фашистон менависад. Соли 1947 асари дигари ҳуд: «Таърихи муҳтасари ҳалқи тоҷик»-ро навишта, пешкаши дӯстдорону ҳаводорони таърихи ҳалқи тоҷик менамояд ва ин китоб обрӯву эътибори ўро дар байни олимону донишмандони на танҳо Тоҷикистон, балки ҷаҳон низ афзун мегардонад.

Бобоҷон Ғафуров соли 1956 директори Пажуҳишгоҳи ховаршиносии Академияи илмҳои ИҶШС таъин мегардад ва дар муддати кӯтоҳ онро ба маркази бузургтарини ховаршиносӣ табдил медиҳад.

Чунончӣ ховаршиноси олмонӣ Манфред Лоренс бо самимият дар ҳусуси ин ҷеҳраи тобони миллат мегӯяд: «Ман дар табиат қаҳраборо дидам, ки қаҳро ба ҳуд мекашад, оҳанраборо дидам, ки оҳанро ба ҳуд мекашад, вале то ҳол одамраборо надида будам, ки ба атрофи ҳуд одамро ҷалб қунад.

Хушнудам, ба ман мушарраф гардидааст, ки дар шахси Бобочон Faфуров одамраборо дидаем, ки тамоми ховаршиносони чаҳонро, қатъи назар аз рӯйи чаҳонбиишон дар атрофи худ муттаҳид кардааст».

Академики маъруфи тоҷик Бобочон Faфуров асари мукаммали худро доир ба таърихи ҳалқи тоҷик бо номи «Тоҷикон» соли 1972 дар шаҳри Москва бо забони русӣ нашр намуд ва ба ин васила барои миллати худ қаҳрамонии бемисл анҷом дод.

Бехуда нест, ки нависандай маъруфи қирғиз Чингиз Айматов чунин суханони ибратангезро дар ҳаққи олим баён доштааст: «Бобочон Faфуров бузургтарин ҷеҳра дар олами илм буда, бо ҷустуҷӯйи домандор, бо ғурури баланди худшиносӣ ва та-лошу орзухо тавонист миллати соҳибфарҳангу соҳибтамаддуни хеш - тоҷиконро дар саҳфаҳои таърихи ҷаҳониён муаррифӣ созад.

Дар солҳои фаъолияти ў навиштани китobi «Тоҷикон», бешак қаҳрамонист. Ман гумон мекунам, ки на ба ҳама муҳаққиқ таълифи чунин шоҳасар насиб мегардад». Дарвоҷеъ, эҷоди чунин асар, ки бештар ба як ҳалқ баҳшида шудааст, дар замони Иттиҳоди Шуравӣ часорату далерӣ ва мардонагиро талаб менамояд».

Пешвои муаззами миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон басо ҳам бамаврид таъкид кардаанд: «Бобочон Faфуров иқдоми ватандӯстонаи Садриддин Айниро идома дода, баробари фаъолияти хирадмандонаи давлатдорӣ таърихи қадимаи миллаташро ба шакли як асари ҷомеъ аз замонҳои қадимтарин то рӯзҳои мо навишта, пойдевори истиқлолияти ва худшиносии тоҷиконро ҷовидона соҳт».

Дар ҳақиқат, олими забардасти тоҷик барои таълифи ин асар, ки саргузашти тоҷиконро аз умқи таърих то Инқилоби Октябри соли 1917 дар бар мегирад, қарib 2000 сарчашмаи илмиро мавриди таҳқиқу баррасӣ қарор додааст.

Академики шинохтаи рус Б. Литвинский дар ситоиши бузургии ин асар мена-висад, ки «китоби «Тоҷикон» дар миёни баҳри азими консепсия ва назариёти гуно-гун ҳамчун ҷазираи зебои илм ва таърихнигории ҳақиқӣ арзи ҳастӣ намуд. Бинобар ин, метавон ўро бешубҳа, сипаҳсолори арсаи илм номид» [12,3].

Таърихи илму адаб шаҳодат медиҳад, ки шаҳсони соҳибистеъдод метавонанд дар як вақт дар баҳшҳои гуногуни илм ба таҳқиқ пардозанд. Б. Faфуров аз зумраи он шаҳсони заковатманде буд, ки дар баробари таърихшиноси барҷаста, инҷунин донандай беҳамтои адабиёти классикӣ ва муосири ҳалқи хеш буд. Ў бо як муҳабба-ти оташин ба «Шоҳнома»-и безаволи Абулқосим Фирдавсӣ рӯ меовард. Мехри ўро ба ин асар аз хурдӣ модари шеърдӯсту адабиётдӯсташ Розия Озод бедор намудааст.

Барои Бобочон Faфуров минбаъд ин асар аз он ҷиҳат азиз ва муътабар буд, ки он дар рӯҳи баланди ватандӯстӣ навишта шудааст. Бинобар он ў меҳост, ки ин китоби безаволи Абулқосим Фирдавсӣ дастраси хонандагони сершумори ҳалқаш гардад. Нисбати ҳазорсолагии зодрӯзи шоири тавонoi mo Абулқосим Фирдавсӣ бо ташабbusi шарқшиноси ҷавон Александр Николаевич Болдирев маҷмӯai «Шоҳно-ма» (достонҳои мунтажаб) тартиб дода шуд. Ин китоб соли 1936 ба нашр омода буд, аммо бо сабабҳои номаълум ҷопи он таъхир меёфт. Ҳурсандиовар аст, ки бо қарори Бюрои КМ ҲҚ (б) Тоҷикистон бригадаи маҳсусе бо сардории Бобочон Faфуров моҳи октябри соли 1938 ба шаҳри Ленинград, ки китобҳои тоҷикӣ он ҷо ҷопи мегашт, фиристода шуд. Сипас «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавсӣ охири соли

1938 таҳти назари Е.Э. Бертелс бо ҳуруфоти лотинӣ баромад, ки дар он саҳми Бобоҷон Ғафуров бениҳоят қалон буд [10,134].

Бемуҳобот метавон қайд намуд, ки хидматҳои мондагори алломаи Бобоҷон Ғафуров дар назди ҳалқи тоҷик басо бузург аст. Аз ин рӯ, ин хидматҳои олими маъруф аз ҷониби роҳбарияти олии мамлакат ба таври пайваста қадр карда мешавад. Зоро шаҳсияти Бобоҷон Ғафуров яке аз он шаҳсутунҳоест, ки бинои маънавиёт, бинои ҳастии фарҳанги миллатро барои Тоҷикистони навин нигаҳ дошт.

Аз нигоҳи Пешвои муаззами миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон алломаи замон Бобоҷон Ғафуров аз шаҳсиятҳои миллатсоз буда, дар раҳоии миллат аз вартай нестӣ нақши басо ҳам боризу мондагори худро гузаштааст. Бобоҷон Ғафуров бо олимону адібон ҳамеша дар иртиботи доимӣ қарор доштанд ва ҳамзамон инкишофи илми Тоҷикистонро пайваста дастгирӣ, назорат ва раҳнамоӣ мекарданд.

Лозим ба тазаккур аст, ки яке аз хизматҳои мондагору шоистаи таҳсиини академики маъруф, инсони дарёдил ва алломаи замон, устод Бобоҷон Ғафуров ин пеш аз ҳама таълифи асарҳои безаволи «Таърихи мухтасари ҳалқи тоҷик» ва инчунин «Тоҷикон» алайҳи онҳое, ки ҳастии миллати тоҷикро инкор мекарданд, мебошад.

Хулласи қалом, ба ифодаи Президенти мамлакат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон дар асари бунёдии худ «Чехраҳои мондагор»: «Нашри ин асар дар ҳамон давра аз часорату матонат ва ватанпарварии Бобоҷон Ғафуров шаҳодат медод. Асари мазкур шуълае буд, ки ба саҳифаҳои торику фаромӯшгаштаи таърихи миллати тоҷик равшани андохт».

АДАБИЁТ

1. Аз суҳанронии Эмомалӣ Раҳмон баҳшида ба муносабати 115-солагии зодрӯзи Бобоҷон Ғафуров. Манбаъ: <http://www.president.tj/node/32063>. Сомонаи расмии Президенти Чумхурии Тоҷикистон.
2. Раҳмонов Эмомалӣ. Тоҷикистон: даҳ соли истиқлолият, ваҳдати миллӣ ва бунёдкорӣ. -Душанбе: Ирфон, 2001. -Ч.2. - С. 52-53.
3. Шариф Ҳамдампур. Суҳбати Сталин бо Ғафуров [Матн]: (Москва, Кремл, 23 января соли 1948, соати 23: 35) / Ҳамдампур Ш.//Тоҷикистон. - 2018. - 14 ноябр.
4. Ҳамдампур Ш. Ғафуров ба Сталин рӯй меорад [Матн]/Ҳамдампур Ш.//Тоҷикистон. - 2018. - 7 ноябр.
5. Фрай Р. Эҳтироми таъриҳ – эҳтироми ниёғон //Тоҷикистони Советӣ. -1990. -1 январ.
6. Эмомалӣ Раҳмон. Чехраҳои мондагор. - Душанбе: ЭР-граф, 2016. -С.337.
7. Усмонҷон Ғаффоров, Аюбҷон Усмонов. – Нобига (Дар бораи ҳаёт ва фаъолияти академик Бобоҷон Ғафуров). -Хучанд: СИ Файзибоев М.М. «Меъроҷ», 2017. С-58-59. -140 с.
8. Эмомалӣ Раҳмон. Чехраҳои мондагор. - Душанбе: ЭР-граф, 2016. -С.337.
9. Ғаффоров У., Усмонов А. – Нобига (Дар бораи ҳаёт ва фаъолияти академик Бобоҷон Ғафуров). -Хучанд: «Меъроҷ», 2017. С-31. -140 с.
10. Усмонҷон Ғаффоров. Алломаи замон. Хучанд, «Варорӯд», 1998, -С.75. - 374 с.
11. У. Ғаффоров. Равшангарӣ таъриҳ. Душанбе: «Ирфон», 1989, -С.62-67. - 208 с.
12. Бахтиёр Мунавваров, Муҳаммад Саидзода. «Чумхурият», № 108 (24719), 23 майи соли 2023, - саҳ.3.
13. Усмонҷон Ғаффоров. Алломаи замон. Хучанд, «Варорӯд», 1998, -С.134. - 374 с.
14. Нишиони умр. Муҳаррири масъул Ибод Файзулоев. Душанбе: «Шарқи озод». 1996. - 60 с.

БОБОҶОН ҒАФУРОВ – МУАРИХ ВА ҲОВАРШИНОСИ МАЪРУФ

Академик Бобоҷон Ғафуров аз зумраи он олимони таъриҳшинос мебошанд, ки анъанаҳои устоди бузурги хеш Садриддин Айнӣ ва тоҷикшиносони асил В.В. Бартолд, М.С. Андреев, А.А. Семёновро давом дода, дар самти омӯҳтани

таърихи халқи точик ҳиссаи ниҳоят калон гузаштаанд ва асарҳои мавсуф таҳқиқоти бехтарин оид ба таърихи Тоҷикистон, инчунин дар омӯзиши халқҳои Осиёи Миёна ва таърихи мардуми Машриқзамин мебошанд.

Бобоҷон Гафуров ба душвориҳои зиёд нигоҳ накарда ба омӯзиши ҳамаҷонибаи таърихи халқи худ ҷиддан камари ҳиммат бастааст, ки ин амалкард дар натиҷа ба як қатор дастовардҳои бузургу беназир ва ба манфиати миллати барӯманди точик мубаддал гардидаанд.

Лозим ба тазаккур аст, ки донишманди мумтози халқи точик, нобига ва фарзанди фарзонаи миллат, академики сатҳи ҷаҳонӣ, устод Бобоҷон Гафуров яке аз аввалин шаҳсиятҳои мебошанд, ки барои муаррифии миллати точик умри пурбаракати худро сарф карда, ба омӯхтани таърихи халқи мутамаддини точик шуруъ намудаанд. Ҷасорату мардонагӣ ва ватанпарастӣ ба мавсуф имконият фароҳам оварданд, ки дар ҷодаи пешгирифтани худ муваффақ шавад ва бузургии халқи тоҷикро дар назди чумхуриҳои гуногунмиллати сабиқ Иттиҳоди Шуравӣ ба таври басо ҳам шоиставу боиста нишон диҳад ва ҳамзамон исбот намояд, ки тоҷикон аз табори бузургоне маҳсуб меёбанд, ки дорои таърихи пурғоноват ва соҳибтамаддуни олам мебошанд.

Қалидвожаҳо: академик, Бобоҷон Гафуров, муаррих, олим, аллома, ҳоваршинос, нависанда, таърихнигор, тоҷикон, Иттиҳоди Шуравӣ, халқи тоҷик, омӯзиши таъриҳ, Осиёи Миёна, таҳқиқот, миллат, давлат.

БОБОДЖОН ГАФУРОВ – ИСТОРИК И ИЗВЕСТНЫЙ ВОСТОКОВЕД

Академик Бободжон Гафуров заслуживает внимания в качестве выдающегося ученого-историка, продолжающего традиции своего знаменитого учителя Садриддина Айни, а также выдающихся историков, таких как В.В. Бартольд, М.С. Андреев и А.А. Семенов. В своей научной деятельности он внес значительный вклад в изучение истории таджикского народа, а его труды являются выдающимися исследованиями по истории Таджикистана, а также по народам Средней Азии и истории народов Ближнего Востока.

Несмотря на многочисленные трудности, Бободжон Гафуров посвятил себя всестороннему изучению истории своего народа, что привело к созданию значительных и уникальных трудов, внесших вклад в благосостояние таджикского народа.

Следует подчеркнуть, что академик Бободжон Гафуров, выдающийся ученик таджикского народа и мирового уровня, был одним из первых, кто посвятил свою жизнь и изучению истории цивилизованного таджикского общества. Его мужество и патриотизм позволили ему добиться успехов на выбранном пути и достойно представить величие таджикского народа перед многонациональными республиками бывшего Советского Союза. В своей деятельности он доказал, что таджики обладают богатой историей и внесли свой вклад в мировую цивилизацию.

Ключевые слова: *академик, Бободжон Гафуров, историк, ученый, журналист, писатель, таджики, Советский Союз, таджикский народ, изучение истории, Средняя Азия, исследование, нация, государство.*

BOBOJON GAFUROV – HISTORIAN AND FAMOUS ORIENTALIST

Academician Bobojon Gafurov stands out as a remarkable scholar-historian, carrying forward the legacy of his renowned teacher Sadriddin Aini and other eminent Tajik historians such as V.V. Bartold, M.S. Andreev, and A.A. Semyonov. In the realm of academic pursuits, Gafurov has made a substantial contribution to the study of Tajik history, leaving behind outstanding works that delve into the history of Tajikistan, the peoples of Central Asia, and the history of the Middle East.

Despite encountering numerous challenges, Bobojon Gafurov dedicated himself to the comprehensive exploration of the history of his people. This commitment resulted in the creation of significant and unique works that have greatly contributed to the enrichment of Tajik historical knowledge.

It is crucial to underscore that Academician Bobojon Gafurov, a distinguished scholar of the Tajik people and the world, was among the pioneers who devoted their lives to representing the Tajik nation and studying the history of civilized Tajik society. His courage and patriotism enabled him to excel in his chosen path and effectively showcase the greatness of the Tajik people to the multinational republics of the former Soviet Union. Through his endeavors, he demonstrated that Tajiks possess a rich history and have made substantial contributions to world civilization.

Key words: *academician, Bobojon Gafurov, historian, scholar, journalist, writer, Tajiks, Soviet Union, Tajik people, study of history, Central Asia, research, nation, state.*

Сведения об авторах: Кенджаев Мухбир Джурабоевич - главный специалист отдела издательства и печати Национальной академии наук Таджикистана, соискатель отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша НАНТ. Телефон: (+ 992) 93-440-28-86. E-mail: mukhbirjon.kendzhaev@mail.ru

Афсахова Нодира Саидахмадовна - соискатель Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Телефон: 553-25-80-08.

Information about the authors: **Kendzhaev Mukhbir Juraboevich** - Chief Specialist of the Publishing Department of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Candidate of the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Ahmadi Donish NIAT. Phone: (+992) 93-440-28-86. E-mail: mukhbirjon.kendzhaev@mail.ru

Afsakhova Nodira Saidakhmadovna - applicant of the Institute of History, Archeology and Ethnology named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: 55-325-80-08.

ЁДАШ ЧОВИДОНА ДАР ДИЛИ МОСТ – ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ В НАШИХ
СЕРДЦАХ – ETERNAL MEMORY IN OUR HEARTS

ПАМЯТИ НИКИТЫ ВИКТОРОВИЧА СЕМЕНОВА

Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша, Отдел Востока Эрмитажа и коллектив Пенджикентской археологической экспедиции с прискорбием сообщает, что 13 ноября 2023 г. на 51-м году жизни после тяжелой болезни скончался археолог и искусствовед, научный сотрудник Отдела Востока Эрмитажа, заместитель начальника Пенджикентской археологической экспедиции Никита Викторович Семенов.

Никита Викторович родился 22 июня 1973 г. в семье Виктора Анатольевича Семенова (1945 – 2020) в Ломоносове. Его отец, как и дядя, Владимир Анатольевич Семенов – археологи, и с ранних лет Н.

В. Семенов, очень рано потерявший мать, проводил каждое лето в экспедиции. Это были работы отца в Коми АССР, дяди в Туве, раскопки на Северо-Западе России.

Свои школьные годы Никита Викторович провел в Ломоносове, учился на историческом факультете в Сыктывкаре, а затем поступил на кафедру искусствоведения Академии художеств в Санкт-Петербурге, которую окончил в 2002 году. Сразу же он поступил на работу в Государственный Эрмитаж, где продолжал служить до последних дней. Сначала он работал в отделе материально - технического снабжения, потом в хозяйственной части в бригаде такелажников, или «Обозе» - они занимались тяжелой и ответственной работой по транспортировке и монтажу художественных произведений музея, а в 2003 году поступил в Отдел Востока Эрмитажа – сначала как лаборант Сектора Дальнего Востока, а потом как научный сотрудник Отдела Средней Азии. Темой научной работы Н.В. Семенова было искусство коптского Египта, позднее к ней прибавилась археология Согдианы, настенные росписи Уструшаны.

Никита Викторович впервые приехал в Среднюю Азию, в Таджикистан в 2006 г., в составе совместной Пенджикентской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории археологии и этнографии имени А. Дониша. Это был тяжелый год: во время раскопок скоропостижно скончался Борис Ильич Маршак, выдающийся специалист по доисламской Средней Азии, неизменный начальник экспедиции. Но, несмотря на это, Никита Викторович «прикипел» к среднеазиатской, в первую очередь, пенджикентской археологии, и все последующие годы продолжал ездить в экспедицию, где вскоре стал заместителем начальника работ с российской стороны.

В Пенджикенте в течение последнего десятилетия Никита Викторович руководил раскопом в западной части памятника: сначала до исследовал дворец VI века на Кайнаре с его замечательными настенными росписями – тюльпанами и маками, потом передвинулся к югу и изучал вторую линию фортификации цитадели горо-

дища. Крепостная стена оказалась удивительно мощной и многослойной: перепад высот раскопа составлял более 20 м, а длина разреза – более 30, выделяется 6 периодов перестроек. Никита Викторович выявил последовательность застройки участка, дошел в некоторых участках до материка, показал, что стена была возведена в V веке н.э. (как и шахристан Пенджикента), а во время Деваштича (начало VIII в.) она претерпела существенную перестройку. Наверху внутри стен была обнаружена весьма архаичная настенная роспись – два донатора по сторонам арки.

Еще более яркие материалы дали его раскопки Цитадели I городища Хисорак в Горной Матче. Благодаря им можем с полным основанием понимать южную часть холма как дворец правителя раннесредневекового Мадрушката. Монументальная архитектура, декор из фигурных кирпичей, настенные росписи в трех помещениях, резные деревянные панели, штуковый декор, масса единичных находок из органики и металла, единственная монета с пола на всем памятнике – вот немногое из того, что было раскрыто на Цитадели I в результате десяти лет раскопок Н.В. Семёнова.

Никита Викторович также работал как археолог на городище Карон в Дарвазе под руководством Ю.Я. Якубова, на других среднеазиатских памятниках – Пайкенде, Красной Речке.

В Государственном Эрмитаже Никита Викторович хранил коллекцию росписей из Шахристана, согдийские бронзовые изделия. Он опубликовал ряд статей по археологии и искусству Согда и сопредельных стран, был соредактором и соавтором выпусков материалов Пенджикентской экспедиции за последние 15 лет. Он продолжал активно работать и над коптской тематикой, подготовил диссертацию по пластике христианского Египта.

Никиту Викторовича помним, как очень доброго, открытого человека, надежного, настоящего друга, до конца жизни сохранявшего детскую эмпатию и простое (в хорошем смысле) отношение к жизни и окружающим. Его шутки, анекдоты, рассказы всегда были центром неформального общения Пенджикентской экспедиции, у него получалось как-то по-семейному сплотить коллектив. Прибывая в Пенджикент и других районах Таджикистана, как искусствовед и археолог он с уважением относился к местной традиции и культуре. Он был истинным альтруистом, и за заботой о семье, друзьях, родных, своей собаке – постоянно забывал о себе. Это невнимание к своему состоянию и стало, наверное, основной причиной столь ранней кончины.

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша и коллектив Пенджикентской археологической экспедиции выражает искренние соболезнования и сочувствие родным, близким, коллегам Никите Викторовича Семёнова. Это невосполнимая утрата для российской и таджикской археологической науки.

**Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша,
отдел Востока Государственного Эрмитажа,
Коллектив Пенджикентской археологической экспедиции.**

БА ТАВАЧЧУХИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияни илмӣ - назариявии Институти таъриҳ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Доғиши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таъриҳро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривактии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики ҳориҷии наздику дур, аз рӯйи соҳаҳои зери-ни илм: таъриҳшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмиллалӣ ва сиёсати ҳориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкории байналхалқӣ дар соҳаҳои таъриҳшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам соҳтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯйҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таъриҳшиносӣ;

– ҷустуҷӯйи доғишиҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию таҳқиқотии олимони институт, инчунин олимони доғишиҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҶОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририи маҷалла маҷолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмии қаблан дар нашрияҳои чопио электронӣ нашрнашударо барои баррасию чоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷао дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарию амалиро оид ба соҳаҳои доғишиҳои таъриҳшиносӣ дар бар гиранд;

– қарор дар бораи нашр ё радди чоп дар асоси муҳиммият, навоварӣ ва аҳаммияти илмии маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

– муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳехии иттилооти илмии пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотеро, ки маҷола, тавзеҳ ва тақризҳоро дар бар мегиранд, ба зимма доранд;

– ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонаи *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

– ҳамаи маҷола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахасисони пешбари соҳаҳои даҳлдори илм ба тақризи доҳилӣ ирсол мегарданд;

– маҷолаҳои ба тақризи доҳилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: [https://istorik.tarena.tj/ru](https://istorik.tarena.tj/) зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

– агар дар тақриз оид ба ислоҳу тақмили маҷола тавсияҳои пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному наасаби ў) барои тақмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

– муаллиф маводи тақмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро

якчоя бо чавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;

– ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмии он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоию техникӣ ва услубиро мусахҳех бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

– нусхай барои тақмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид соҳтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва чопӣ бояд ба идора баргардонида шавад;

– мақолаҳо, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи мачалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияни асоснок ирсол мекунад;

– тибқи дарҳости шурӯҳои коршиносии КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи мачалла ба онҳо тақризҳоро пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО
(ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ
«МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ
ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар мачалла мақола, тақриз ва тавзехҳои илмӣ тибқи ихтиносҳои илмии 5.6.1. Таърихи доҳилий; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъъазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таъриҳӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилаӣ ва сиёсати хориҷӣ; 5.6.8. Ҳучҷатшиносӣ, ҳучҷатгузорӣ, бойгонишиносӣ (фарҳангшиносӣ), ки қаблан дар ҳеч чой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи мачалла ҳатман бояд ҳучҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

– матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиби ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли чопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

– тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шуъбаи кадрҳои ҷойи кори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;

– маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳо);

– шакли чопии ҳучҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таъриҳ, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

– шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии istorik.tarena.tj@yandex.ru ирсол намоед. Тел: (+992 37) 221-37-42; суроғаи сомонаи мачалла: <https://istorik.tarena.tj/ru>

ТИБҚИ ТАЛАБОТИ КОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ЧУМҲУРИИ ТОЧИКИСТОН МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузашта мешавад);
- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузашта мешавад);
- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- унвони илмӣ, дараҷаи илмии муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯй), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- аспирантон, унвончӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунанд;
- зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;
- e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;
- номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои калон, хуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);
- фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ хуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни муҳтасари кор ва хулюсаҳои асосие, ки навоварии илмии корро дар бар мегирад;
- калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; хуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам чудо карда мешаванд);
- мақола ҳатман бояд номгӯйи адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби хуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;
- иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобики рӯйхатти сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхай ниҳоӣ маҳсуб шуда, бояд пурра аз назарти таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орӣ (тоза) бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи мачалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Маъсулияти салоҳият, боэътиимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон voguzor карда мешавад.

Идораи мачалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

- Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;
- Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;
- Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;
- Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.
- авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.
- все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят проверку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положи-

тельного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и техники; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: *istorik.tarena.tj@yandex.ru* Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соисследатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присыпаемый рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

ИНДЕКСИ ОБУНА: 77771

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назарияӣ

Муассис: Институти таъриҳ, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳрири метавонад ба нӯқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳҳо муаллифон масъуланд. Истиносӣ ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мусаххех: **Манзура ҲАСАНОВА**

Котиби масъул: **Абдулмавлон ОДИНАЗОДА**

Муҳаррири техникӣ: **Муҳбирҷон КЕНҶАЕВ**

Саҳифабанд ва ороишгар: **Тӯраҳӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Ба матбаа 25.12.2023 сол таҳвил шуд. Ба ҷопаш 28.12.2023 имзо шуд.

Андозаи 70x100^{1/8}. Когази оғсетӣ. Чопи оғсетӣ. Ҷузъи чопӣ 11.

Адади нашр 100 нусха. Супориши №

Дар нашриёти ҶДММ «Ганчи хирад» ба табъ расидааст.

734025, шаҳри Душанбе, Боғандагӣ 5/1. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ҲАСАНОВА**

Ответственный секретарь: **Абдулмавлон ОДИНАЗОДА**

Технический редактор: **Муҳбирҷон КЕНҶАЕВ**

Дизайн и верстка: **Тураҳӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Сдано в типографию 25.12. 2023 г. Подписано в печать 28.12. 2023 г.

Формат 70x100^{1/8}. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.

Тираж 100 экземпляр. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Ганчи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Боғандагӣ 5/1. Тел: 227-71-01